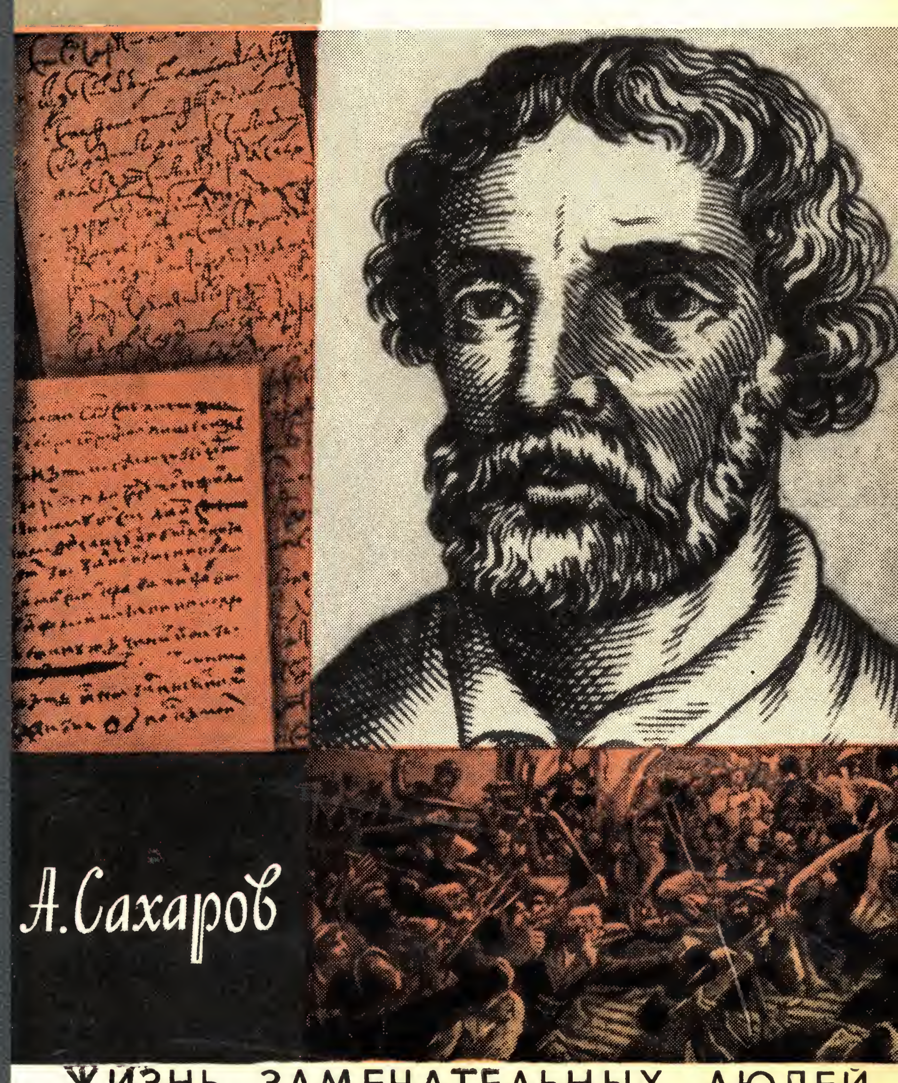
СТЕПАН РАЗИН

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 1
(522)

МОСКВА
1973

А. Сахаров

СТЕПАН РАЗИН

(ХРОНИКА XVII ВЕКА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

9(С) 13
С22

$\frac{7-2}{357-72}$

Wahre Abbildung STEPHAN RAZINS Haupt Rebellens in Moskovien
Welcher seinen gehenckten Bruder zu rächen, mit zusammrottirung etlicher Hauffen Erstlich einen Rauber gespielt, folgends durch aufrichtung einer Armee Zum Feld Obersten erwachsen, Die reiche Handel Statt Astracan samt vielen andern Ortern eingenommen, Die Armaden des grossen Zaars etliche mahl auf dem Felde geschlagen, durch an sich ziehung vieler furnehmen Misvergnugten, Ihn selbsten in solche Gefahr gesetzt, daß ihm die Krone wackelt; Und also diesen Potentaten der vorhin nach fremden Kronen so blütig gestrebt, seiner eigenen verunsichert hat.

I

Тихий Дон

1. КАЗНЬ

Ранним утром 4 июня 1671 года по дороге из Серпухова на Москву продвигалось необычное шествие. Несколько десятков вооруженных ружьями и саблями конных казаков сопровождали простую крестьянскую телегу, в которой на устланных рогожей досках сидели два человека. Оба были закованы в тяжелые ручные и ножные кандалы, шеи схвачены рогатками. Стоило одному из них сделать движение, повернуться, как охрана сразу же начинала суету: начальник отряда, грузный пожилой казак, понукал своего коня, подъезжал вплотную к телеге и в который уже раз наказывал казакам не спускать с узников глаз.

Проходил час за часом. Солнце припекало все сильнее, но шествие двигалось хоть и неторопливо, но безостановочно. Около полудня впереди в далекой дымке стали проглядываться купола московских церквей.

За несколько верст до города навстречу стали кучками выходить люди. Сначала их было немного, а потом народ повалил гуще. Люди стояли вдоль дороги плотными рядами, теснились, всматривались в лица узников. Слышались возгласы: «Да который Стенька-то? В кафтане, што ли?»

Узники угрюмо оглядывались по сторонам, вслушивались в отрывочные фразы, молчали.

Они были примерно одного возраста и одного роста, в их облике просматривалось что-то неуловимо близкое,

и все же они резко отличались друг от друга. Один из них был одет в роскошный шелковый кафтан, под кафтаном виднелась рубаха тонкого, дорогого полотна, ноги обуты в сапоги красного сафьяна. Это был человек лет сорока, широкий в плечах, с могучей шеей, гордо посаженной головой. Его темные негустые волосы, постриженные по казачьему обычаю в кружок, свободно падали на высокий лоб. Небольшая курчавая борода и густые усы обрамляли бледное рябоватое неподвижное лицо, обыкновенное русское крестьянское лицо, каких десятки в каждой деревне, если бы не глаза: разные, они смотрели, казалось, каждый по-своему. Взгляд левого — спокойный, твердый, уверенный, открытый; правый — со злым прищуром, с ядом, издевкой. И все же был этот взгляд единым, и обращался он к людям страстный, горячий, пристальный, и угрожал он, и молил, и требовал. И не ответить на этот взгляд было невозможно. Люди, как завороженные, тянулись к нему, а потом, отведя глаза, стояли потупившись... Одних этот взгляд пугал, вызывал смятение, других притягивал, завлекал чем-то необъяснимым. И долго еще после того, как пыль от тележных колес рассеивалась и оседала на дороге, московские жители крестились, говорили шепотом: «А Стенька-то как зыркает, мороз по коже...»

Другой узник был одет попроще, но тоже в одежду не дешевую. Все в нем было вроде бы измельчено, размыто — посветлее были волосы, помягче бородка, пожиже усы, и во взгляде не было такой страсти, такой муки.

Версты за три до Земляного города конных ждали. На дороге четырехугольником были выстроены две тысячи стрельцов, вооруженных бердышами. В центре четырехугольника стояла запряженная тройкой лошадей повозка с установленной на ней виселицей — двумя столбами, перехваченными вверху перекладиной.

— Ну приехали, атаман, выходи, — обратился начальник казацкого отряда к узнику в шелковом кафтане. — Погуляй теперь на другой телеге, батюшка Степан Тимофеевич.

— Благодарствую, отец, — ответил неторопливо тот. — Что-то больно разговорчивый ты стал, Корнило.

— Ну ты! — прикрикнул Корнило. — Говори, да не заговаривайся! — И замахнулся плетью.

Узник спокойно выдержал гневный взгляд всадника и проговорил:

— Одно не могу понять, Корнило, как я с тобой на Дону не покончил. С тебя и начинать-то надо было, крестный ты мой батя.

Корнило было вскинулся, но замялся и отъехал в сторону. А народ валил, шумел: «Вон он, Стенька-то, в кафтане, с глазищами, а этот Фролка, братан его...»

Отряд въехал в четырехугольник, образованный стрельцами.

Узников стащили с телеги и повели к новой повозке. Их руки свешивались под тяжестью кандалов, ноги еле-еле переступали, отягощенные железами. Тяжелые цепи волочились по дороге, взметая облачка пыли.

— Эх, брат, это ты виной всем нашим бедам, — проговорил тихо тот, кого величали Фролкой.

— Не дури, Фрол, — отвечал другой. — Никакой беды еще нет. Вот увидишь, примут нас с почестями, как бояр да воевод, выйдут навстречу посмотреть на нас. — И он насмешливо повел глазами по сторонам.

Но слова эти не взбодрили второго узника. Он шел, опустив голову, не поднимая глаз от земли, и шептал изредка: «Эх, брат, брат...»

Около повозки их ждал кузнец. Стрельцы схватили старшего с двух сторон и разом, по-привычному заломили ему руки за спину. Кузнец ловкими проворными движениями сбил кандалы с рук. Узника втащили на повозку и поставили под виселицей. Один из стрельцов сорвал с его плеч дорогой кафтан, стянул сапоги, одним рывком разодрал до пояса дорогую рубаху. Кто-то бросил на повозку лохмотья, и узник не торопясь надел их. Кузнец так же споровисто, быстро приковал его руки к столбам виселицы; на голову накинули петлю из тонкой железной цепи и привязали конец цепи к верхней перекладине. По обеим сторонам встали два стрельца.

Скованного по рукам и ногам Фрола привязали длинной тонкой цепью к телеге. Начальник стрелецкого отряда махнул рукой, и телега с виселицей, окруженная стрельцами, медленно двинулась к городским воротам.

Так в полдень 4 июня 1671 года Степан Разин и его брат Фрол въехали в Москву.

Едва повозка вкатилась в городские ворота, как в окрестных церквах ударили в колокола. Разина везут! Разина везут! Тревожно и радостно плыл над городом

гул московского набата. Стенька Разин, бунтовщик, вор * и богоотступник, враг царя, отечества и святой православной церкви, должен теперь принять кару за все его злодейства и прегрешения. Народ стремглав бежал с соседних улиц, люди заполняли окна домов, висели гроздьями на высоких крылечках.

Из домов степенно и чинно выходили разодетые в богатое платье бояре, дворяне, дьяки. Сзади, одетые попроще, теснились купцы, подьячие. Многие грозили вслед повозке: «Вор! Злодей! Убийца! Ирод! Антихрист!» А колокольный звон плыл и плыл над городом. Боярская Москва торжествовала победу над своим страшным врагом. Стенька Разин, за которым еще полгода назад шли в огонь и в воду тысячи восставших крестьян, казаков, холопов, работных людей, посадской голи перекатной; Стенька Разин, который похвалялся дойти до Москвы и сжечь у государя все дела, истребить бояр и воевод, теперь стоял распятый под виселицей с цепью на шее. Колокольный звон радостно и тревожно звал людей московских на небывалое торжество. Словно и не было этих пяти долгих лет, когда при каждом известии с юга замирало сердце у тихого тучного царя Алексея Михайловича и ближние бояре в тот день боялись попадаться ему на глаза. Теперь все это позади. Вот он, народный батюшка, отец родной, позванивает кандалами, крутит шеей в железном ожерелье. Победа! Победа! Теперь и окрестные страны могут вздохнуть поспокойней. Из далекой Англии дражайший брат король Карлус Втòрый прислал грамоту с поздравлением. Прибыл и гонец от кызылбашей **; его величество друг вечный и брат шах Сулейман радовался окончанию злого Стенькиного дела. В свейском городе Риге и французском стольном городе Париже куранты печатные возвестили о славной победе царя всея Руси. Из Польши и Великого княжества Литовского пришли торговые люди и сказали, что паны радные коруны польской и Великого княжества Литовского благословляют победу князей Долгорукого, Юрия и Данилы Борятинских. Отныне в безопасности стоит их панская воля.

---

* Ворами в XV—XVIII веках правительственные документы называли всех противников существовавших тогда порядков: бунтующих крестьян, беглых людей, антигосударственных заговорщиков, людей, выступавших против официальной церкви, и т. п.

** Персов.

— Будь ты проклят, нечестивец!

— Окаянный! Изверг рода человеческого! Хулитель веры Христовой!

Под этим потоком брани Фрол, бредущий за телегой, лишь съеживался, а Степан, напротив, стоял, гордо подняв голову, и поглядывал по сторонам пристально и грозно.

Шествие остановилось около Земского приказа. Здесь уже все было готово для допроса. Внизу в подвале горел огонь, а в нем лежали раскаленные щипцы, прутья железные. Рядом палач налаживал веревку для дыбы.

Степана допрашивали первого.

— Ну, расскажи, злодей, как начал ты свое воровство, когда появился у тебя умысел поднять твою воровскую руку на царя-батюшку, на честной православный народ? — начал ласково спрашивать земский дьяк.

Разин молчал.

— А ну-ка кнута ему для начала.

Палач сорвал с плеч Разина лохмотья, оголил спину, деловито осмотрел ее. Потом сделал знак своим помощникам. Те бросились к узнику, связали ему руки и подняли на ремне за руки вверх. Тут же палач обвил ремнем ноги Степана и налег на конец ремня, вытягивая и вытягивая тело в струну. Вывернулись вверх руки, вытянулись над головой. Послышался хруст. Но Разин и стона не издал.

— Бей! — крикнул дьяк, и на обнаженную спину посыпались удары толстого кожаного кнута.

После первых же ударов спина Степана вздулась, посинела, кожа начала лопаться, как от порезов ножа.

— Говори, злодей, кто сподвигнул тебя на воровство, кто помогал, кто был в сообщниках.

— А вы у брата моего Ивана спросите, — только и сказал Разин и замолчал.

— Повешен твой брат, злодей, не богохульствуй, говори все, как было воистину.

Свистел кнут, брызгала кровь на земляной пол подвала. Уже полсотни ударов отвалил палач, а Разин все еще молчал.

— На огонь его, — приказал дьяк.

Степана отвязали, облили холодной водой, чтобы немного ожил, потом повалили связанного на землю, продели между рук и ног бревно и потащили к полыхающей жаровне. Четверо дюжих молодцов подняли

бревно и поднесли висящее тело к огню. В душном подвале запахло паленым мясом. Зарыдал, забился в углу Фрол.

— Ой, брат, брат, расскажи ты им все, покайся!

— Молчи, — проскрипел Степан.

— Прутьями его, — молвил дьяк.

Палач схватил щипцами раскаленный железный прут и начал им водить по избитому, обожженному телу, но Разин по-прежнему молчал. Сидящие по лавкам бояре государевы подивились на такое злобное упорство, пошептались, подозвали к себе дьяка. Тут же Степана оттащили в сторону и принялись за Фрола. И едва раскаленный прут прикоснулся к его обнаженной спине, как Фрол закорчился, закричал, заплакал.

Степан поднял голову:

— Экая ты баба, Фрол. Вспомни, как жили мы с тобой. А теперь надо и несчастья перенесть. Что, разве больно? — И он вызывающе улыбнулся в сторону бояр.

Те снова пошептались, и палач поднял Разина с пола. Ему обрили макушку и начали лить на оголенное место воду капля за каплей. Против этой пытки не могли устоять злодеи самые закоренелые и упорные, в изумление входили *, молили о пощаде. Степан Разин вытерпел и эту муку и не произнес ни единого слова. Только когда его уже полумертвого бросили на пол, он поднял голову и, еле шевеля запекшимися от крови губами, сказал брату:

— Слыхал я, что в попы ученых людей ставят, а мы, брат, с тобой простаки, а и нас постригли.

— Бей его! Бей сукина сына! — завизжал в яростном бессилии земский дьяк. Палач и его подручные бросились к Степану и начали, дико вскрикивая, топтать его сапожищами, бить железными прутьями.

— Ох, хватит, хватит, убьете вы его, хватит, — чуть не рыдал дьяк, — а нужен он нам, нужен еще...

Бездыханного Степана снова окатили водой и, едва он очнулся, потащили к выходу.

Наутро его снова привели в подвал Земского приказа.

— Ну, скажешь, злодей, как замышлял злодейства свои? — спросил дьяк.

Разин молчал.

---

* Сходили с ума.

— На дыбу его!

Около полудня допрос вдруг прекратили. В подвал пожаловал сам великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, и многих государств и земель восточных и западных и северных отчич, и дедич, и наследник, и обладатель. Осторожный, тихий, тучный, он вошел в подвал, сел, впился глазами в Разина.

— Великий государь перед тобой, покайся, злодей, принеси свои вины.

Разин поднял голову, пристально посмотрел на царя, но продолжал молчать.

Царь сделал знак рукой, мигом подскочил окольничий, вынул из шкатулки свиток, развернул его.

— Приказал тебя великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович спрашивать: писал ли ты, злодей, письма Никону, лишенному священным собором сана своего патриаршего, слал ли гонцов своих в Ферапонтов Белозерский монастырь?

— Письма писал и гонцов слал, но не ответил нам святой отец.

Разин прикрыл глаза.

Царь снова махнул рукой в сторону окольничего. Тот заторопился, вчитываясь в статьи царского допроса:

— Посылал ли ты гонцов своих тайком в Москву с грамотами к боярам Черкасским и давали ли тебе ответ те бояре?

— Ничего про бояр Черкасских не знаю.

— Кто был с твоими злодейскими прелестными письмами на Ижоре и в Корелах, у свейской границы и не было ли у тебя, злодея, ссылки письмами со свеями?

Разин молчал.

Медленно и хмуро поднялся Алексей Михайлович, вслед за царем двинулись бояре. Земский дьяк дал знак палачу продолжать пытку. Через некоторое время окольничий вернулся.

— Царский приказ, дьяк: что хочешь делай, а злодей должен заговорить, царь приказал принести ему вины...

А по Москве ползли небывалые слухи, будто Стенька заколдован — ни огонь его не берет, ни дыба, ни железо. Смеется Стенька над боярами, потешается. В те дни некий Акинфей Горяинов отправил своему другу в Вологду письмо: «Бояре ныне беспрестанно за тем сидят.

С двора съеждяют на первом часу дни, а разъезждяются часу в тринадцатом дни *. По два дни пытали. На Красной площади изготовлены ямы и колы вострены».

Всю ночь с 5 на 6 июня Разин пролежал в мрачном, сыром подземелье. Близ окованных железом дубовых дверей, около маленького зарешеченного оконца всю ночь дежурил наряд стрельцов. Стрелецкий сотник по нескольку раз за ночь проверял посты, спрашивал: «Как там злодей?»

— Поет что-то, — испуганно отвечали стрельцы.

Рассказывали потом стрельцы, будто пел Степан такую песню:

Схороните меня, братцы, между трех дорог:
Меж Московской, Астраханской, славной Киевской.
В головах моих поставьте животворный крест,
Во ногах мне положите саблю вострую.
Кто пройдет или проедет — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли, моей вострой, испужается.

Наступило 6 июня. С раннего утра к Лобному месту потянулись сотни людей. Вся Москва уже знала, что ныне будет казнен Стенька Разин. Из жалких лачуг в подмосковных слободах повылезли работные, тянулись к Красной площади тяглые посадские люди. Пришло в движение и купеческое Замоскворечье. Из каменных домов Белого города выходили большие московские люди — вершители судеб государственных. С английского и немецкого подворья прибыли иноземные гости, стрельцы расчищали дорогу чужеземным послам, посланникам и гонцам. Три ряда отборных рейтар окружили со всех сторон Лобное место. За этот кордон пропускали лишь иноземцев да самых больших людей. Чернь и простонародье стрелецкие заставы останавливали уже вдалеке от площади: несколько стрелецких полков заняли основные улицы города, площади. Посадские плевали в стрельцов подсолнуховой шелухой, кричали: «Чтой-то мы уже стали вязнями ** у себя дома!» Стрельцы отмалчивались, оттирали бердышами тех, кто понахальнее.

Степана и Фрола Разиных вывели из подвала и под усиленной стрелецкой стражей доставили к месту казни. Без шапки, в лохмотьях, истерзанный, Степан стоял пе-

* С 6 часов утра до 6 часов вечера.
** Узниками.

ред глазами тысяч людей в самом центре государства Российского, которое он еще недавно обещал очистить от всех лихоимцев и кровопийц, от всех врагов и изменников государевых. Теперь же бояре, дворяне, дьяки, купцы, духовные спесиво поглядывали на своего врага.

На край помоста вышел дьяк и, подняв к глазам свиток, начал медленно читать сказку *, которую надлежало выслушать Разину перед казнью:

— «Вор и богоотступник и изменник донской казак Степка Разин! В прошлом во 175-м году (1667 г.), забыв страх божий и великого государя и великого князя Алексея Михайловича крестное целование и ево государскую милость ему, великому государю, изменил, и собрався, пошел з Дону для воровства на Волгу. И на Волге многие пакости починил...» — Дьяк перевел дух и строго посмотрел на Разина.

Степан безучастно слушал дьяка и внимательно вглядывался в доски помоста.

А народ все прибывал. Неизвестно, какими путями через стрелецкие заставы тянулись посадские по Никольской улице, взбирались на холм с берега Москвы-реки, пробирались вдоль Неглинки. Рейтары с трудом сдерживали натиск толпы. Кое-где уже потеснили дворян и купцов. Те молча отходили в сторону, не ввязывались в разговоры и перебранки.

А дьяк все перечислял разинские злодейства на Волге, Яике, в Персии.

Около помоста послышались крики:

— Клятвопреступник!

— Изверг лютый!

Дьяк снова внушительно взглянул на Разина, развернул далее свиток и продолжал громко выкрикивать:

— «А во 178-м году (1670 г.) ты ж вор Стенька с товарыщи, забыв и страх божий, отступя от святые соборные и апостольские церкви, будучи на Дону, и говорил про спасителя нашего Иисуса Христа всякие хульные слова и на Дону церквей божих ставить и никакова пения петь не велел, и священников з Дону збил, и велел венчатца около вербы».

— Каков злодей! — зашумели духовные. — На самого спасителя нашего руку поднял, антихрист.

Посадский люд молчал.

---

* Приговор.

Вдруг откуда-то из-под ног вынырнул юродивый горбун из Козицкой патриаршей слободы, слабоумный Миша, завертелся волчком, запричитал:

— Ах, спаситель наш, ты спаси-ка нас, ах, спаситель наш...

Кинулись к нему стрельцы, поволокли в сторону, чтобы не рушил благочинного обряда. А над площадью гремел голос дьяка:

— «Да ты ж, вор, забыв великого государя милостивую пощаду как тебе и товарыщем твоим вместо смерти живот дан и изменил ему, великому государю, и всему Московскому государству, пошел на Волгу для сваего воровства. И старых донских казаков, самых добрых людей, перегрбил и многих побил до смерти и в воду посажал... — Читал дьяк про Царицын и Черный Яр, Астрахань и Саратов, и все страшнее и ужаснее виделись дела Стенькины собравшимся на площади людям:

— И в той своей дьявольской надежде вы, воры и крестопреступники Стенька и Фролка, со единомышленники своими похотели святую церковь обругать, не ведая милости великого бога и заступления пречистыя богородицы... И в том своем воровстве были со 175-го году по нынешний по 179 год апреля по 14 число (1667—1671 гг.), и невинную кровь християнскую проливали, не щадя и самых младенцев».

Дьяк поднял вверх руку и погрозил в воздухе пальцем. Ближние обыватели испуганно закрестились. И вдруг откуда-то донесся голос:

— Извет все это! Неправдою правду попрать хочете!

Стрельцы бросились на голос, но не добрались, заколыхались в густом людском море. Дьяк опустил руку и, уже торопясь, окончил приговор:

— «А ныне по должности и великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу службою и радением войска Донского атамана Корнея Яковлева и всево войска и сами вы паиманы и привезены к великому государю к Москве, в роспросе и с пыток в том своем воровстве винились».

В первый раз за все время чтения сказки Разин шевельнулся, поднял голову, исподлобья посмотрел на дьяка. Тот совсем заторопился:

— «И за такие ваши злые и мерские перед господом богом дела и к великому государю царю и великому кня-

зю Алексею Михайловичу за измену и ко всему Московскому государству за разоренье по указу великого государя бояре приговорили казнить злою смертию — четвертовать».

Дьяк аккуратно свернул свиток, перевязал его шелковым шнурком и дал знак палачу начать дело. Палач подошел к Разину и тронул за плечо. Степан отвел его руку, перекрестился на веселые купола храма Покрова, поклонился собравшейся толпе на все четыре стороны по русскому обычаю, проговорил:

— Простите... Простите, православные... — Исповеди перед смертью Разину, как бунтовщику, преданному анафеме, не полагалось. Он лег на плаху, раскинул в стороны руки и ноги и приготовился к четвертованию. Замерла толпа, и вдруг слышно стало, как хрястнул топор по дереву, с надсадом прошел сквозь мясо и кость. Вздрогнули люди и снова замерли.

Сначала палач отсек Разину правую руку по локоть, затем левую ногу по колено. Но и в эти минуты Разин не проронил ни слова, не издал ни одного стона. Не выдержав вида казни брата, Фрол забился, закричал:

— Я знаю слово государево...

— Молчи, собака, — проговорил истекающий кровью Степан.

Это были его последние слова.

В толпе раздался плач. Кто-то крикнул:

— Батюшка, родимец!

Дьяк крикнул палачу:

— Кончай!

В нарушение порядка палач с размаху опустил свой топор на шею Разина, а потом уже мертвому поспешно отрубил правую ногу и левую руку. Затем туловище рассекли на части и воткнули их вместе с головой на деревянные спицы, расставленные вокруг места казни. Внутренности выбросили собакам.

Несколько дней Москва содрогалась от этой ужасной казни. Стрельцы днем и ночью прочищали город. По ночам окликивали каждого прохожего — что за человек, откуда, с чем идет. А уже на исходе второй недели по Москве поползли слухи, что то был вовсе и не Стенька, а простой казак. А Стенька чудесно спасся и обитает где-то в донских станицах, скрывается до поры до времени. Болтунов хватали и приводили к пытке, казнили торговой казнью — били на площади плетьми нещадно

в назидание остальным. Дважды в те дни горела Москва. А с юга приходили грозные вести — крестьянский бунт продолжался с неутихающей силой. Помещичьи крестьяне, казаки и разные вольные люди осаждали Шацк, воевали под Тамбовом. Федор Шелудяк грозил новым походом из Астрахани. Воеводы слали в Москву письма, били челом великому государю, просили помощи. Смутно было в столице...

Казнь Фрола Разина в ту пору была отложена. На очередном расспросе он поведал государево дело, сказал, что знает, где его брат закопал кувшин со своими прелестными письмами, разными грамотами. Фрол указал и место клада: «на острове реки Дону, на урочище, на Прорве, под вербою. А та верба крива посередке».

Шесть лет царские стрельцы искали кувшин с разинскими грамотами, но так и не нашли его. За эти годы Фрола не раз пытали и наконец казнили 26 мая 1676 года.

2. ВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ

Начало событий, происшедших в Москве в первые июньские дни 1671 года, восходило к далекому прошлому.

В начале 30-х годов XVII века в казачьей донской станице Зимовейской в семье зажиточного казака Тимофея Рази родился второй сын. Новорожденного нарекли Степаном. Крестил его бывалый казак и друг Тимофея Корнило Яковлев.

Доволен был казак Разя. Вырастет сын — будет еще один добрый воин, добытчик. Крепче, богаче станет дом Разиных. А дом этот и так был всем изобилен. В сундуках хранились дорогие восточные ткани с узорочьем, захваченные Разей во время лихих набегов на турецкие и кызылбашские пределы, кубки венгерской чеканки, вымененные у заезжих валашских гостей; по стенам в горнице развешано дорогое оружие — сабли, изукрашенные серебряной и золотой насечкой, ятаганы, пищали заморской работы; лавки укрыты червчатыми * коврами; в кувшине, зарытом в огороде, лежали московские рубли, голландские ефимки, немецкие рейхсталеры. Из каж-

* Багряными, ярко-малиновыми.

дого удачного похода Тимофей Разя привозил много всякого добра, которое доставалось ему на дуване. Кроме того, промышлял и торговлишкой Тимофей. В Воронеже торговал брат его родной — Иван Черток, а уж через брата налаживал торг и Разя. После каждого дувана снаряжал он подводу и отправлялся с турецким и крымским добром в Воронеж либо отъезжал в главный город всей реки Дона — Роздоры и там торговал с заезжими гостями. Но не только в походах да торговле проходила жизнь домовитого казака. Станицу окружали добрые рыболовные угодья, заливные луга. Когда начинался лов рыбы или косьба, Разины нанимали к себе на работу пришлых людей из южнорусских городков — посадских или беглых крестьян. Шли на работу по найму к домовитым казакам и голые люди из верховных городков — беглые холопы и крестьяне — помещичьи, боярские, монастырские.

Просторно и вольно было в те годы на Дону. Прочно держало казачество в своих руках все низовье Дона. Забылись распри с Москвой, бывшие при царе и великом князе Борисе Федоровиче Годунове.

Сильную опалу наложил тогда царь Борис на казачество. Поперек дороги встали ему казацкие вольности. Сколько раз просила казаков Москва и при царе Иване Васильевиче, и при сыне его Федоре Иоанновиче не чинить ссоры между Российским государством и турецким султаном — казаки не унимались. Шумно, с удалью обживали они реку Дон.

Сюда бежали люди самые отчаянные. С тех пор как судебник 1497 года ввел, а судебник Ивана IV Васильевича в 1550 году повторил, что «христианом отказыватися из волости, из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего», потянулись на юг, на вольные донские земли крестьяне, кто за кем был — кто за боярами, кто за детьми боярскими и помещиками, кто за монастырем. Сюда же шли и холопы — подальше от своих кабал, и всякий тяглый подневольный люд. В Ливонскую войну бежали от тяжелейших поборов посадские, уходили по осеннему бездорожью опухшие от голода, продрогшие на всю жизнь стрельцы из полков под Юрьевом, Иван-городом, Ругодивом *. А вдогонку

* Нарвой.

за беглецами отправлялись сыскные отряды, владельцы вотчин и поместий. Особенно с большим тщанием добивались крестьянской крепости помещики — верная опора государева. Где умом не понимали, там чутьем чуяли, что наступают для Руси новые времена и главное — не пронести мимо рта свой кус. В прошлое отходило сонное вотчинное бытье. Крестьяне с топором, сохой-косулей, косой осваивали новые земли; весь Замосковный край покрылся деревнями и починками, наливались соками старые села, в глухих лесных чащах ставились пу́стыни и монастырьки, быстро прибирали к своим рукам волостные крестьянские миры. Прорубались дороги в некогда непроезжих местах, быстро росли новые городки, наполненные неистовым и бойким гулом ремесленной работы, расцветали промыслы. А над всей этой занятной и полезной суетой возвышались великими торговыми и ремесленными столпами Москва, Тверь, Владимир, Ярославль, Новгород низовые земли *, Вологда и другие исконные русские города, обложенные со всех сторон тучными посадами, богатыми селами. Тянулись к ним отовсюду торговые караваны: и речные — насады, паузки, лодки, и по сухопутью — подводы, и зимним санным путем. Зачастили на русские рынки и иноземные гости. Раньше видели здесь персов, армян, хорезмских и бухарских купцов. Сейчас через Холмогоры, а потом через Архангельск стали приходить во все большие русские города английские и голландские гости, устраивать торговые дворы на пути к Москве.

Чего только не было на русских рынках! Подмосковный хлеб, соль с астраханских учугов, красная рыба с Варзуги, что раскинулась по берегу Белого моря, вина заморские — романея и ренское, бухарские шелка и всякое добро здешнее, русское, питья и ествы — видимо-невидимо. Все, что давала земля русская от щедрот своих, выносилось на продажу.

Теперь пошли новые порядки — у кого земель да крестьян побольше, у того и товару больше и денег. А у кого и было хоть несколько душ крестьянских, норовил выжать из них все, что мог. Помещиков подгонял и срок: владели землей, пока несли государеву службу, а минула служба, и земля переходила в другие служилые руки. И всякий стремился правдой-неправдой

---

* Нижний Новгород.

урвать себе лишний клочок земли, да не порожней, а населенной — с селами, деревнями, починками.

Быстро сокращалось число черных государевых волостей. Со всех сторон обступали их боярские, помещичьи, монастырские земли. Властной рукой раздавали великие князья московские и цари всея Руси земельные угодья своим слугам и в первую голову помещикам. По их челобитьям ввели и Юрьев день осенний, чтоб не бежали крестьяне невесть куда с помещиковых земель, а были бы крепки своим владельцам весь год. А хочешь уйти, плати пожилое, убери господский хлеб, выплати долги хозяину. Но при новых порядках и этих рогаток было мало. Осенью дружно снимались крестьяне с помещичьих земель, шли из откупа на богатые боярские и монастырские земли. Вносили вотчинники и монастырские старцы за помещичьих крестьян пожилое, переманивали их к себе, опутывали долгами и кабалами.

Наступали 80-е годы XVI века. Натуженно и тревожно жила Русь в последние годы царствования Грозного царя. Лихолетье Ливонской войны как медленная и застарелая болезнь разъедало крестьянские хозяйства. Над запустевшими русскими уездами еще стояла страшная тень опричнины. Розно брели уездные и волостные люди, подальше от сурового окрика государева, от податей, от нищеты; бросали своих помещиков — псов гладных, несытых, — уходили от них и в Юрьев день, и в иное время, бежали куда глаза глядят, а чаще на украйны государевы — на Дон, на Запороги. Все чаще били челом дворяне царю, просили унять людишек, сделать их крепкими владельцу и земле. Писали: без этого не стоять помещиковым хозяйствам.

В начале 80-х годов в ответ на дворянские челобитные, слезные просьбы верных слуг указал государь быть впредь заповедным летам, во время которых не могли крестьяне уходить от владельцев и в Юрьев день. Ползли по Московскому царству смутные слухи, говорили люди, что указ о заповедных летах издан по наущению ближнего государева боярина Бориса Федоровича Годунова. А потом что ни год пошли новые невзгоды для крестьян и холопов. Крепко забирал власть в руки честолюбивый боярин Борис Федорович — новый царь Федор смотрел полностью из его рук. Строил боярин сильное и крепкое дворянское государство. К 1592—

1593 годам была закончена перепись людишек, а в 1597 году вышел указ о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян и велено было «по суду и по сыску тех крестьян беглых з женами и з детьми и со всеми их животы возити их назад, где хто жил».

С каждым годом теперь прибывало людей на Дону. Селились по низовым городкам, выбирали себе атаманов, берегли с тщанием свои вольности и свободы, нападали на турецкие и крымские берега, чинили много всякого задору Московскому царству с окрестными государствами, нападали не раз и на русские уезды, на поместья и вотчины, сводили счеты со своими лютыми врагами. Грозили из Москвы, требовали переписать казаков «хто имянем атаман, и сколько с которым атаманом казаков», обещали присылать всем переписанным жалованье.

Казаки соглашались нести службу государеву, клялись оберегать южные границы от крымских набегов, брали и жалованье — деньгами, селитрой, свинцом, хлебом, но потом рушили свои обещания, жили самовольством, задирали без времени крымцев, не хотели слушать, как выговаривала им за это Москва, продолжали выходить они и в русские уезды, выбирались на Волгу. Береглись казаки — не давались ни угрозам, ни ласкам государевым. Жаловались турецкие и крымские послы на самоуправство казаков, выговаривали московским большим людям, что не хочет, видно, государь жить в миру с Турцией и Крымом. Отговаривались московские бояре и дьяки на посольских встречах с турками и крымцами тем, что на Дону живут воры, беглые люди без государева ведома.

Начали бить челом и воеводы южных уездов, просили унять воров с Дона.

Царь Борис, наконец, кончил с уговорами, наложил запрет на посылку жалованья, поставил кругом Дона заставы, чтобы мешали казакам к родимцам* своим в южные города приходить, продавать и покупать всякие товары. Приказал царь ловить беспощадно беглых на Дону, стал нарушать старинный порядок здешних мест — «с Дону выдачи нет». Но и Годунов не совладал с казаками, а лишь озлобил их. Не доставали руки московские до далекой реки Дона, да и боялись в Москве чи-

* Родственникам.

нить слишком большую тесноту казакам: плохо ли, хорошо, но стояли те заслоном против крымского хана в южных степях.

Казацкие обиды отлились Годунову в 1604 году. Дружно поддержали донцы царевича Дмитрия, помогли свалить ему ненавистного царя, а потом в безгосударное время, в Смуту, вошли казаки в большую силу. Их отряды подпирали поначалу ополчение Прокопия Ляпунова, крепко помогли и второму ополчению в борьбе против поляков в 1612 году. В Москве поговаривали, что казацкие голоса решили на соборе в 1613 году судьбу русского престола, дружно выступили казаки против боярских столпов — князей Голицына, Мстиславского и других, настояли на избрании четырнадцатилетнего Михаила Романова. Может, и не было этого, но пышно расцвели казацкие вольности в благословенное царствование Михаила Федоровича. Число казаков, сидящих на государевом жалованье, увеличилось, быстро росло количество казацких отрядов. На Дону гремела слава удачливых больших атаманов — Смаги Чертенского и Епихи Радилова, проглядывали зримые черты единого Войска Донского. А вскоре появилось и само войско всей реки. Подчинила столица Войска Донского окрестные казацкие городки. Собирали казаки в своих Роздорах, а позднее в Черкасске большой Войсковой круг, решали на нем наиважнейшие для казачьего войска дела: с кем из окрестных стран быть в миру, с кем воевать, а если и воевать, то когда лучше всего выступать походом и каким путем. Потом выбирали на кругу походного атамана, клялись ему животом и смертью, говорили: «Куда ты глазом кинешь, батько, туда мы и кинем свои головы». И шли походом и посуху и морем к турецким и крымским берегам, наведывались к ногаям и калмыкам, наводили страх на кызылбашские пределы, пошаливали и по русским уездам. Возвращались отяжелевшие, гнали табуны захваченных коней, тащили всякую рухлядь, опоясывались дорогим оружием. На кругу же и дуванили: делили взятые в набегах зипуны — прихваченное добро.

Бывало и по-другому. Вдруг поднимался из Крыма хан, шел походом по южнорусским шляхам. Дымилась коричневая, выжженная солнцем степь от копыт бессчетных татарских коней. Слезно молили тогда казаков московские гонцы ударить по крымцам. Думал думу Вой-

сковой круг, выносил свой приговор, и собирались донцы в поход.

На кругу приговаривали и о дележе царского жалованья — о деньгах, об огненном припасе — кому сколько положено. И всякими другими делами занимался Войсковой круг — выслушивал царские грамоты и отписки воевод из Воронежа, Коротояка и иных мест, выбирал станицы — казацкие посольства для сношений с Москвой, ведал постройкой новых городков и приемом в казаки всяких вольных и гулящих людей.

Стройно и чинно жили низовые казаки. Казацкая старши́на — бывалые атаманы, есаулы, писари, добрые прожиточные люди крепко держали в своих руках Войско Донское, исподволь, неторопливо направляли его жизнь, клали острастку на смутьянов и всякую голь перекатную, старались не ссориться с великим государем, дорожили царским жалованьем. И царь жаловал старшину с каждым годом выше прежнего. Из Москвы величали низовых казаков Великим войском. Каждый год шли подводы из русских городов на Дон с казной, хлебом, сукном, военными припасами. Даровал царь Михаил Федорович казакам и великую повольность — торговать свободно и беспошлинно в южных городах всяким товаром, каким ни пожелают.

В те годы перешел на Дон и Тимофей Разя. Вместе с другими казаками давал Тимофей клятву служить верно и праведно великому государю. И вместе с другими легко и бездумно нарушал ее, чинил поиск под Азовом, разорял крымские улусы, жег Карасу-базар, промышлял на Волге против русских купцов и воевод.

Все чаще из Москвы наказывали унять расходившуюся казацкую вольницу, патриарх Филарет грозил казакам церковным отлучением, если не покинут они своего бездумного воровства, не прекратят ссорить Российское государство с окрестными странами.

А казаки и смирялись и не смирялись. Спокойно и вольготно было жить за царем, но зато и руки у них были связаны. Самим чинить походов не моги, жди вестей с Севера. Особенно недовольны были приказами Москвы «голые» * люди. Селилась и шумела голь в основном по верховьям Дона, по Хопру, Медведице, Бузулуку, металась между донскими землями и южнорусскими уез-

---

* Голь, голые — беднота, бедные.

дами, ютилась в землянках, в тростниковых хижинах, обживала верховые городки. Что это были за люди, никому то не было ведомо. Безымянные и неизвестные, скрывались в верховьях городка беглые холопы, крестьяне, воровские люди, битые по площадям батогами, отсидевшие свое в колодках, сеченные монастырскими и боярскими приказчиками. Не пускали их домовитые казаки на низ, не делились ни жалованьем, ни угодьями — берегли свои льготы.

Но наступала пора, и брали домовитые «голых» людей в работу из найма либо снаряжали их, обували, одевали, давали оружие, ставили во главе своего атамана и отправляли погулять исполу вдоль морских берегов. Возвращалась голь приодетая, раздобревшая на набегах, отдавала половину добычи домовитым казакам и шла назад к своим землянкам и хижинам пропивать нажитое добро, шуметь и гулять до нового похода.

Но не всегда могли совладать домовитые казаки с голутвой. Порой ходили те в походы и по своему разуму. Только путь их был короток — до ближайших поместий и вотчин, до волжских русских торговых караванов. И тогда снова грозила Москва ослушникам, направляла воевод унять бунтовавшую голь, делала выговор атаманам в Черкасске.

Временами приноравливала Москва казаков к своим большим хитростям.

В 1630 году вдруг указал великий государь быть казакам в походе под Очаковом против польских людей в союзе с турками. Но напрасно прождал турецкий паша казацкое войско. Круг твердо стоял на своем: казаки-де турецкому Мурад-султану никогда не служивали и впредь служить не будут. А вскоре и сами казаки двинулись походом к турецким границам. Серчала Москва. Атамана Наума Васильева с семьюдесятью казаками, которые привезли отписку Войска Донского, взяли под стражу и разослали по городам. На Дон царь послал грамоту с великой опалой без милости и без пощады. Но и казаки не остались в долгу. Страшное дело приключилось в те дни в Монастырском городке — тогдашней столице Войска Донского. О нем в доме Разиных говорили с оглядкой. Весть принес в дом к Тимофею Разе бывалый казак и дорогой кум Корнило Яковлев; набросились казаки на царского воеводу Карамышева, посланного на Дон наводить порядок, растерзали в клочки. Глядел с лежанки

во все глаза на своего крестного маленький Стенька, слушал.

Смутно было в те дни в доме Разиных. Что ни день, то приходили невеселые вести. Царь отказал в своем жалованье, на торговые повольности наложил запрет. Спорили казаки.

— Покориться надо великому государю, — говорил дорогой кум Корнило.

Не соглашался с ним казак Разя:

— Что же ты хочешь, кум, совсем уж из чужих рук смотреть, не зазорно ли это доброму и вольному казаку?

Наконец сила одолела силу. Смирились казаки. И Корнило и Тимофей ушли вместе в поход по указу царя на ногайских татар. А в 1634—1636 годах ходили казаки вместе с русским войском под Смоленск на польских и литовских людей.

Долго не видел тогда Стенька отца. Назад казаки вернулись уставшие, израненные, в одном дранье. Потом отсиделись, отлежались по своим станицам и снова загуляли на прежней воле. Эти дни Стенька помнил уже совсем хорошо — в ту пору ему пошел восьмой год. Не раз брал его отец с собой по казацким городкам, возил и в Роздоры, и в Монастырский городок. Стенька помогал в торговлишке, караулил подводы, кормил коней, слушал, о чем говорят бывалые казаки. А казаки все чаще и чаще поговаривали о том, что пора уж снова припугнуть турок, а то больно осмелели те в последнее время, да и «зипунами» не плохо подразжиться — совсем обветшали на государевой службе.

Всю весну 1637 года шумел войсковой круг, а потом решил нанести удар по Азову — наимощнейшей турецкой крепости.

Черным камнем висел Азов на сердце у казаков. Отсюда турки и крымцы совершали бесчисленные набеги на донские городки и станицы, пушки Азовской крепости держали под прицелом Войско Донское, из-под Азова ходили татары и на южнорусские города, волокли оттуда скарб и пленных; десятки тысяч русских людей взметали пыль по южным шляхам, подгоняемые татарскими плетями, а потом здесь же, в Азове, продавали их на невольничьих базарах, увозили в Кафу, Стамбул, Алжир, продавали на рынках Сицилии и Египта. Теперь же пришла пора рассчитаться с турецкими и крымскими людьми за все обиды. «Пошли мы, холопи твои, переговоря

меж собой, под Азов, потому, государь, — писали казаки царю в своей отписке, — что они, азовские люди, на нас, холопей твоих, умышляли, крымскому царю писали для рати, чтобы нас, холопей твоих, с Дону перевесть, а Дон реку очистить».

Со всех станиц проводили казаков казацкие жены и ребятишки. Строгий наказ был дан по Войску Донскому — в поход звали всех, кто мог носить оружие, ослушников грозили отлучить от казачества, выслать вон с донских земель. К весне в низовые городки стали собираться казаки, вместе с ними сверху пришли всякие вольные, беглые и пришлые люди, подтягивались к Монастырскому городку и русские охочие люди — торговые, наемные, стрельцы, пушкари, крестьяне, бобыли из из разных городов и сел. Шумно и пестро вдруг стало на Дону. Сказал тогда слово к войску атаман Михаил Татаринов: «Пойдем мы, атаманы и казаки, под тот Азов среди дня, а не нощию украдом, своею славою великаю, не устыдим лица своего от бесстыдных бусурман».

В один из дней двинулось войско в поход. Ушли под Азов и Тимофей Разя с Корнилой Яковлевым. А мальчишки начали играть в казаков и турок — крепостных азовских сидельцев. Строили крепость из дерна и камней — это Азов — и брали ее, стреляли из самодельных луков и пищалей, крутили над головой пращами, начиненными комьями земли, освобождали христианских пленников. Старший брат Иван верховодил за атамана, Стенька был есаулом, а маленький Фролка сходил за русского пленника, которого братья освобождали вместе с другими ребятишками-несмышленышами от страшной турецкой неволи.

Из-под Азова тем временем доходили до казацких станиц добрые вести — со всех сторон окружили казаки Азов рвами и валами, били по стенам из пушечного боя, разбили на речке Кагальник посланный на помощь азовским сидельцам турецкий четырехтысячный отряд. А потом прорыли подкоп и взорвали крепостную стену. Ворвались донцы через пролом в город, взяли приступом башни, дворы турецких пашей, лавки, сбили замки с тюрем. Две тысячи русских пленников благословили своих освободителей. Всем им казаки дали волю и место в своем войске, поделились и добычей. Потянулись в те дни на Дон многие подводы с захваченным и подуваненным добром.

Изрядно почистили тогда казаки Азов, затем заделали пролом в стене, подновили укрепления, расставили по стенам пушки и объявили Азов столицей всего Войска Донского. Потянулись теперь со всех концов реки в Азов и русские торговые людишки, и гости из Кафы, Астрахани, с Кавказа, из Персии, пошла бойкая торговля всякими товарами и ясырем* бусурманским. Ликовал Дон, ликовала каждая станица, каждый двор, праздник был и в семье Разиных. Тимофей возил сыновей в новый стольный город, и те во все глаза смотрели на грозные азовские стены, слушали разноязыкую речь на улицах, дивились на разодетых в дорогие восточные шелка гордых казаков.

Пять лет сидели казаки в Азове. Поначалу Москва помогала Войску Донскому. В Азов привезли с Севера войсковой припас — до 100 пудов пороха ручного и пушечного, 150 пудов свинца. Великий государь пожаловал казакам свое государское знамя, а также святые иконы и церковные книги для новых азовских церквей. Не знали казаки, что в то же время направил Михаил Федорович султану Мураду IV свою грамоту, а в грамоте писал: «И вам бы, брату нашему, на нас досады и нелюбья не держать за то, что казаки посланника вашего убили и Азов взяли: они это сделали без нашего повеленья, самовольством, и мы за таких воров никак не стоим и ссоры за них никакой не хотим, хотя их, воров, всех в один час велите побить». А крымцы смелели. В 1638 году прибыл к Азову татарский посол и велел сдать город. Тогда казаки ответили: «Не токмо, что город дать вашему царю, и мы не дадим с городовой стены и одного камня снять вашему царю, нешто будут наши головы так же валятца станут полны рвы около города, как топеря ваши бусурманские головы ныне валяютца, тогды нешто вам город Азов будет».

С 1639 года над Азовом стали сгущаться тучи. Султан замирил Венецию, захватил Багдад. В побережные города — Керчь, Кафу, Тамань — паши турецкие слали боевые припасы, сюда же подходили отборные части янычаров, подтягивался турецкий флот. Казаки готовились к осаде, запасали порох, делали пули, чистили пушки, жгли кругом города, вдоль рек и речек траву, чтобы лишить корма татарских коней.

---

* Пленниками.

В январе 1641 года хан пришел под Азов, но крепость выстояла. А в апреле из южнорусских городов прибыло давно жданное государево жалованье — четыре тысячи четвертей муки ржаной, одна тысяча четвертей крупы овсяной, толокно, сухари и восемь тысяч рублей деньгами. Подтягивались к Азову и люди. Стрельцов Москва попридерживала, а вольным и охочим людям не препятствовала. Усиливался Азов. И только когда в июне 1641 года появился под городом посланный султаном Гусейн-паша с несметной ратью, с наимощнейшим флотом в 180 больших и 90 малых судов, казаки приуныли.

Прервали турки пути от Азова к казачьим городкам и станицам. Мужья остались в крепости, а жены и дети разбрелись по своим дворам. Тревога разлилась тогда по донским местам. Приуныли и ребятишки, приостановили свои игры. Иван уже порывался вместе с другими подростками уйти под Азов, но старшие не пустили.

Подрос и Стенька. Ему шел двенадцатый год. Москва, Азов, турецкий султан, крымцы — все это прочно запоминал маленький казак. Крепко запомнил Степан и казацкое мужество под Азовом. Каждый добрый казак с гордостью потом рассказывал, как ответили донцы на предложение Гусейна-паши о сдаче: «Знакомы уж вы нам! Ждали мы вас, гостей, под Азов город дни многия. Где только ваш Ибрагим турский царь ум свой дел? Или у него, царя, не стало за морем злата и сребра, что он прислал по нас, казаков, для кровавых казачьих зипунов. И то вам, туркам, самим давно ведомо, что с нас по сию пору никто наших зипунов даром не имывал с плеч наших. Не запустеет Дон головами нашими. А нас, казаков, от веку никто в осаде живых не имывал».

С болью сердечной передавали по станицам и слова, сказанные туркам в ответ на то, что бросила казаков Москва: «А нас на Руси не почитают и за пса смердящего. Отбегаем мы из того государства Московского из работы вечныя, из холопства невольного, от бояр и от дворян государевых. Кому об нас там потужить?»

Слушал маленький Стенька, как честили казаки московских бояр, воевод да лукавых дьяков, которым только нужно было, чтобы обороняли казаки государеву московскую украйну.

Турки обложили Азов со всех сторон, разбили из тяжелых пушек башни и стены, кинулись на приступ,

но казаки не отступили. Отсидевшись во время пушечной пальбы в заранее вырытых землянках и шанцах, они схватились врукопашную, отстояли крепость.

Сколько хитростей применили в те дни казаки! Они провели встречные подкопы и взорвали под землей турецкие мины, постоянными вылазками сбивали турецкие остроги, возведенные вокруг города, отбивали бесчисленные приступы турецких войск. И хотя окружен был город со всех сторон, умели-таки казаки с Дона пробираться к осажденным: подплывали к городу под водой, держа на поверхности лишь камышовые трубки, через которые и дышали. Оружие и одежду сохраняли при этом в кожаных непромокаемых мешках.

Несколько месяцев держались казаки, поражая своим мужеством и турок, и всех, кто ведал об этом неравном противоборстве. Казаки слезно просили государя взять крепость под свою высокую руку, но не готова была Москва к борьбе за выход к берегам южных морей, хотя и задыхалась Россия без балтийских и черноморских портов, в своем сухопутье.

В эти дни напрягало все силы Российское государство, старалось закончить большое дело, начатое еще при великом князе Иване III, — вернуть под свою руку исконные русские земли со Смоленском и Киевом. А взять Азов означало ненужную в те дни войну с Турцией. Прахом могли пойти плоды трудных, но победных походов в польской войне, изощренных и настойчивых усилий московских послов и посланников в Вене и Стокгольме, Стамбуле и Лондоне, в Венеции и Бранденбурге.

27 апреля 1642 года царь приказал казакам покинуть Азов. 28 мая царская грамота была зачитана на войсковом круге. Казаки взорвали остатки азовских укреплений и вернулись в свои городки.

Израненный и истомленный, вошел в свой дом Тимофей Разя. Вернулся и Корнило Яковлев, дорогой кум.

Долго после этого сидели казаки по своим дворам. Азовская осада отняла много сил. Но многому и научила она казаков.

Каждый азовский сиделец стал на Дону героем. Подрастающим казакам было с кого брать пример. Сыновья Тимофея, как и другие казацкие дети, мыслили поддержать славу своих отцов и дедов, добытую под Азовом.

3. МИР ПОСМОТРЕТЬ

В 1650 году умер старый казак Тимофей Разя. В последний путь провожали его и старые казаки, друзья и молодые сверстники Ивана и Степана. Подросли сыновья. Иван уже не раз ходил в походы и удивлял казаков своей не по годам рассудительностью, неторопливостью, основательностью. А двадцатилетний Стенька был горяч и пылок без меры. Нрав у Степана Разина складывался крутой, резкий и смелый. Уже в те годы отличался Стенька неуемной гордостью и большим озорством.

В первом же походе к турецким берегам показал он себя казаком смелым до крайности, но диким и необузданным. Удивлялись донцы, глядя на него в бою, — ни врагов, ни себя не щадил Степан. А по приходе в родные места часто уходил Степан погулять по верховым городкам, встречался там со всякими людьми. Пропадал иногда надолго. «Ох, темный будет казак Стенька, непонятный», — говорили про него домовитые. И вправду, отстал Степан от отцовских занятий, торговлишкой не промышлял, деньги не копил, не прятал, все хозяйство переложил на старшего брата, много ходил по донской земле, был и в Черкасске, бродил и по станицам. Но особенно любил верховые городки. Вольно ему там было и просторно. Не было рядом ни круга, ни грозного окрика войскового атамана. Многие уже знали Степана, смотрели на его жизнь кто с опаской, кто с одобрением.

Но, видно, тесно уже становилось Степану Разину на Дону, тянуло мир посмотреть. Велика, и пространна была Россия, и неведома для него. Осенью 1652 года Степан явился к войсковому атаману и подал ему челобитную. Просил Степан отпустить его из пределов Войска Донского на богомолье в далекий Соловецкий монастырь, что стоял на острове Белого моря. Писал Стенька, что обещались они еще с отцом, Тимофеем Разей, сходить к святым угодникам Савватию и Зосиме помолиться, принести свои грехи на суд святых отцов. Но по божьему изволенью не стало отца, и теперь он, Степан, должен исполнить отцову волю, помолиться за упокой души Тимофея Рази, поставить свечку перед святыми мощами.

Знал атаман, что Степан в вере нетверд, кое-кто даже стыдил его за богохульство, но отказать Разину не было причины, потому что просьба его была вполне обыденная: каждый год уходили казаки на богомолье,

выполняли взятые обеты, брели вместе с другими богомольцами по русским весям и градам, отбивали поклоны в прославленных своими чудесами монастырях — у святого Сергия, на Белоозере, у Савватия и Зосимы на Соловках, у Антония Сийского; постились в далеких лесных пустыньках, навещали святых старцев в лесных чащобах, ставили свечки в одиноких придорожных часовнях. Но подозревал атаман, что не молиться шел Степан Разин — больно уж дерзок, суетлив и любопытен он был для этого.

Через всю Россию, от верховьев Дона до Москвы и дальше по русским городам и селам, прошел Степан Разин, где пешком, где на подводах и санях. Ночевал в деревнях по избам, на съезжих дворах. По городам находились и свои люди, принимали богомольца.

Долгие месяцы провел Разин в странствии. Потом вернулся на Дон. Многое мог теперь порассказать он и станичникам, и казацкой старшине о жизни московской, о людских мыслях и делах. Говорил Стенька убежденно и горячо.

Он увидел московский мир и богатым и нищим, могучим и слабым, но прежде всего жестоким и неправедным. Быстро устраивалось и богатело Русское государство, уходили в прошлое разорения минувших лет. Отстраивались деревни, росли города, торговые пути крепче прежнего стягивали между собой уезды и волости. Быстро поднималась к силе и славе молодая помещичья поросль, сильно окрепшая при первых Романовых. Помещики требовали земель, крестьян, льгот, все чаще поднимали они руку на монастырские и боярские вотчины; поместное землевладение широко разливалось к югу и юго-востоку от Москвы. Помещичьи порядки утвердились в уездах Тамбовском, Шацком, Пензенском, Козловском, Симбирском и иных. Плодородная землица прочно переходила в руки помещиков, а вместе с землей и черные крестьяне *. Кое-где ненасытные помещичьи руки протянулись и к землям окрестных поволжских народов — мордвы, черемисов, чувашей, татар.

Яростно принимало крестьянство новые порядки. Бунтовало, устраивало скопы, запахивало помещичьи межи, сбивало рубежные знамена **. И тогда свистел

---

* Государственные крестьяне.
** Знаки.

кнут по крестьянским спинам, тянулись колодники на сыск в земские избы, чинилась быстрая и суровая воеводская расправа.

В Москву летели помещичьи челобитные на имя великого государя. Просили помещики дозволить им распоряжаться поместьями по своему изволению, дарить, закладывать, отказывать по наследству, продавать, давать на помин души. Просили помещики увеличить сроки крестьянского сыска. Все новые и новые повольности давал дворянам — верным слугам — великий государь. В 1637 году определил он сыск беглых в 9 лет, а в 1640 году набавил на этот срок еще год. В 1647 году срок сыска протянулся до 15 лет.

До Дона доходили смутные слухи о том, что в июне 1648 года был в Москве бунт и зашатался российский престол; что вышло в свет новое российское уложение царя Алексея Михайловича, принятое собором 1649 года. Теперь Степан Разин разведал обо всем доподлинно. Покрутился он по московским дворам и кабакам, побывал в подмосковных слободах и городках. О своем соловецком богомолье говорил Степан глухо, но наиподробнейшим образом поведал о большом бунте московской черни в июне 1648 года. Рассказал, как громили черные люди боярские и дьячьи дворы, как разорвали в клочья Назария Чистого и заставили самого великого государя ударить по рукам с ними, бунтовщиками. А Степан поведал еще о делах псковских и новгородских. Сильно бунтовали Псков и Новгород двумя годами позже. Сбили молодшие люди царских воевод, захватили города в свои руки. С большой натугой прекратил великий государь шатость в северных уездах. Дивились казаки, посмеивались над Стенькиными смелыми речами.

Принес Степан и статьи уложения, которые говорили о крестьянах и холопах. Читали казаки и снова дивились и негодовали. Теперь всех беглых крестьян дозволялось искать бессрочно.

Суров был суд о крестьянах — наказывал он волочить обратно беглых людишек со всеми их животами, с хлебом стоячим и молоченым. И записывать их накрепко в Поместном приказе, кто кому будет отдан. А которые крестьянские дети от отцов своих и от матерей учнут отпираться, уложение наказывало пытать тех без пощады до полного признания.

Получили дворяне и бояре большую власть и над

крестьянскими животами, над всем их имуществом. Начали всяких чинов люди отдельно продавать своих крестьян не только с землей, но и без земли, разлучать семьи — мужей от жен, детей от матерей и отцов. Не стеснялись покупщики и цену давать за человека — за всякую крестьянскую голову с животами клали по четыре рубля. Зато дворянам давало уложение всяческие вольности. Позволялось теперь помещикам отдавать свои поместья сыновьям по наследству, менять поместные земли, отдавать поместье за старостью дяди племяннику или от брата к брату, выделять часть поместья дочерям на прожиток и всякие другие льготы.

Ликовали дворяне и дети боярские: сближалось все более вотчинное и поместное землевладение. Но главная льгота для всех слуг государевых была в том, что разрешалось теперь и боярам, и дворянам, и детям боярским, и духовных чинов людям искать своих крестьян бессрочно и свозить их на старые места.

Теперь, забывая прежние распри, дружно выступали они за свои права, искали крестьян по всей России, подпирали со всех сторон трон, смотрели из рук государевых, служили царю верой и правдой за новые щедроты, за земли, за крестьян.

Говорил Степан о новых порядках на Руси, а сам поглядывал на казаков. Те, что были постарше, опасливо слушали его дерзкие и умные слова, а кто помоложе, погорячее, — внимали Стеньке без оглядки. Ничего в общем-то и не сказал Степан, не звал никуда, просто говорил, что видел, а сердце каждого вольного казака наливалось гневом. Победители Азова, заслон и надежда государства Российского на крымских рубежах, вольные гордые люди, не холопы и не слуги государевы, радетели за свободную и праведную жизнь узнавали от Степана, да и от других пришлых и беглых людей с Севера о страшных делах, которые творились на Москве.

Особенно негодовала верховая голь. Ропот стоял по лесным задонским деревянным и земляным городкам, где скрывались беглые. Весть о бессрочном сыске и о ретивости сыскных отрядов быстро катилась вдоль всего Дона. Грозила голь сбить стрелецких посыльщиков, расправиться с воеводами, если нарушат они старый порядок о невыдаче с Дона беглых. Домовитые казаки помалкивали. Им опасаться было нечего. Они сидели на жа-

лованье, служили государю если и не исправно во всем, то все же порядочно.

Степан после странствия вернулся в свою станицу. Но привычек старых не бросил. Ходил по Дону, приглядывался, искал товарищей. Отличился в который уже раз в налетах на крымские улусы.

Известным человеком становился Степан на Дону, хоть и был еще молод. Не исполнилось ему в то время и тридцати лет. Крепкая дружба с казаками завелась у Степана не только в своей станице и окрестных городках, но и в стольном казацком городе Черкасске. Там сидел среди старшины его крестный отец Корнило Яковлев, там были старые казаки, которые знали хорошо Тимофея Разю по прошлым походам, по азовскому сидению и всегда рады были его сыновьям. Крепко врастал Степан Тимофеевич в землю донскую.

В 1658 году отправлялась в Москву очередная донская станица. Долго обсуждали казаки на кругу, кому идти в Москву вместе со старым войсковым атаманом Наумом Васильевым. Выкрикнули тогда несколько казаков, дружков Степановых, послать и Стеньку со станицей, он на Москве-де бывал, порядки московские знает. И, хотя не по годам еще было Степану идти с казацким посольством, согласились казаки, вспомнили про доброго казака Тимофея, сказали хорошее слово и о самом Степане.

Отбыла станица в Москву в ноябре 1658 года, но не добрался сразу вместе с казаками Степан до стольного российского города, занемог в пути, отстал в Валуйках.

Двинулись на Москву Наум Васильев с товарищами на ямских подводах, а Степан залежал в городке, на дворе знакомого торгового человека. Потом обмогся и пришел в съезжую избу бить челом воеводе валуйскому Ивану Языкову о пропуске его, Стеньки, на Москву вслед за станицей.

Не сразу ответил воевода, поначалу покуражился, потом послал отписку в Москву великому государю. И писал воевода так: «Мне, холопу твоему, на Валуйке в съезжей избе подал челобитною тот донской казак Наумовой станицы Васильева Степан Разин, а в челобитной ево написано, чтоб ты, великий государь, пожаловал, велел ево с Валуйки отпустить к тебе, великому государю, к Москве. И по твоему великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича указу я, холоп

твой, тово донского казака Наумовой станицы Васильева Степана Разина на твоей великого государя па ямской подводе с Валуйки отпустил к тебе, великому государю, к Москве».

Запоздал Степан Разин в Москву, но ненадолго. Застал он свою станицу в Москве. Долгие переговоры вели казаки с московскими думными людьми: сообщили, что собирается ставить крымский хан каменные городки по устью Дона и Донца, что ногаи грозят подняться из своих кочевий, а калмыцкие тайши неспокойны. Просили атаман Наум Васильев с товарищи помочь ратными людьми, огненным боем, всякими припасами и деньгами.

Впервые пришел Степан в кремлевские палаты, смотрел из-за спины атамана на великих людей московских, на бояр — князя Ивана Алексеевича Воротынского, Никиту Ивановича Одоевского и иных больших людей. Видел также воеводу князя Юрия Алексеевича Долгорукого и стрелецкого голову Артамона Матвеева.

Говорил Долгорукий казакам, чтобы поменьше воровали на Дону, а побольше бы помышляли о государевой службе и ловили бы сами и унимали воров всяких и беглых, и еще говорил князь Юрий, чтобы готовились казаки к походу под литовские города и под Киев. Молчали казаки, не хотели спорить с первым воеводой московским — больно уж долго помнил зло боярин, но и в поход идти на север от родных мест не хотели. Крутился Наум Васильев, указывал на крымскую и ногайскую опасность. Так и не договорились ни о чем казаки. Правда, обещала Москва помочь жалованьем. А ратных людей не давала — нужны были те люди на литовских рубежах.

Перед обратной дорогой был казакам отпуск у великого государя. Принимал Алексей Михайлович станицу в Набережной палате. Встреча казакам была самая обыденная — не то что большим иноземным посольствам. Царь сидел на троне в русском саженном платье, со скипетром в руке и в царской шапке. Вокруг сидели бояре в скарлатном платье, за царским троном с каждой стороны стояли рынды с топориками серебряными. Близко к царю и к руке допустили только войскового атамана, остальным дозволили смотреть издалека. Царь был молод, но тучен и благолепен.

Явил Наума Васильева царю князь Черкасский.

Алексей Михайлович выслушал речь войскового атамана, спросил его о здоровье. То и был отпуск. «Поминков» (то есть подарков) казакам не было. Но казакам это было не в обиду: не великие они люди, не посольство императора или архидюка * какого-нибудь — простые люди, а то, что принял их великий государь, и то было в честь. Зато в Москве донской станице было вольготней, чем иноземным посольствам. Тем и поминки дорогие дарили, и за стол звали, и винами потчевали, но крепко содержали по дворам, не велели ни с какими сторонними московскими людьми разговаривать, ни в торг ходить. Казаки же разбредались по городу, искали друзей по дворам, кое-кто промышлял торговлишкой, покупали нужные припасы и рухлядишку себе на Дон.

Степан проведал своих знакомых, у кого уже бывал шесть лет назад, разузнал по просьбе войскового атамана разные вести о московских больших людях: как к казакам были бояре и воеводы — кто волил к ним, донцам, а кто нет. Встречался Степан и с торговыми людьми, и со всяким черным людом. Голь жадно слушала рассказы казака о вольной казачьей жизни, кляла воевод и дьяков — кровопивцев, подьячих — бума́жные души. Не раз слышал Стенька и такие слова: «Вы, казаки, за нас, черных людей, постойте, а мы за вас, казаков, постоим». Кое-кто собирался бежать на Дон, подальше от московских порядков.

Обратный путь станицы проходил по старорусским уездам, через села и деревни. Здесь почти и не было черных государевых земель. Все были за помещиками и вотчинниками. Стон стоял по русским весям. Что ни село, то сыскной отряд, что ни деревня, то суровый правеж. Крестьяне бежали целыми семьями на юг, в другие уезды, на украйны, на Дон, за Камень **, на Волгу — куда глаза глядят. В летний зной и в зимнюю стужу, в дождь и снег тащили стрельцы беглецов, поротых и истомленных, на старые места. Те смотрели страшными глазами вослед вольным казакам так, что сердце перевертывалось. Не раз хватался Степан за свою казацкую саблю, грозился изрубить стражников и сыщиков — этих врагов христианских, но утишал его Наум Васильев: «Эх, Стенька, Стенька, враз голову сломишь, ни себе, ни лю-

---

* Эрцгерцога

** За Уральские горы.

дям добра не будет». И снова была дорога, и сыщики, и колодники по всему пути.

По городам были те же заботы. Отсюда расходились все указы о сыске беглых. Воеводы, выполняя волю Москвы, посылали сыскные отряды по уездам, наказывали приставам не спускать беглецам ни в чем и не норовить никак. А у себя в городах злодействовали вовсю. Приезжал воевода в город как к себе в вотчину и начинал судить и рядить по-своему. Кормился как мог — вымогал взятки, правил непонятные налоги, мздоимствовал вместе с дьяками и подьячими в суде. Кормился по крестьянским селам, вымучивал у простых людишек деньги, пировал, пьянствовал во вся дни. А кто противился, на того насылал пристава, а уж тот драл за бороду, давал кнута, отправлял в работы. Одно имя воеводы или приказного человека вводило людей в трепет. Говорили люди: «Дело невелико, да воевода крут — свил мочальный кнут». К тому же, кроме воеводских злодейств, отягощали людей всяческие государевы поборы и налоги. Долгие войны вела Россия в XVII веке — и с Польско-Литовским государством, и со Швецией, и с Крымским ханством, и с ногаями, снаряжала отряды за Камень, в Сибирь, и далее до Великого океана. Медленно, но настойчиво возвращала себе исконные русские земли, отнятые в тяжелую годину татаро-монгольского ига поляками, литвой, шведами, немцами; пробивалась к берегам Балтики — к этому божьему пути, переходила от глухой обороны к наступлению против вековых врагов на южных рубежах — крымских татар, степных кочевников, за которыми стоял турецкий султан, нависший страшной опасностью с юга и захвативший все проходы в иноземные страны по теплым морям. Расправляла Россия крылья, мужала как великая держава. И за все платил русский крестьянин, тяглый посадский человек. Увеличились стрелецкие деньги, посадские и мелкие служилые люди платили пятую и десятую деньгу от своих небольших доходов. Тяжелы были и ямские деньги. А крестьяне сверх того отдавали еще и барана, и курицу, и яйца, и грибы, и ягоды. А для войска поставляли холсты, сукна, кожу. Питали крестьяне и своих господ, исправляли и всякое государево дело.

Видели казаки, видел Степан, что копилась в народе большая злоба и большая ненависть против воевод, бояр, помещиков, дьяков, подьячих — против всех, кто вводил

новые, неправедные порядки на Руси. К началу 60-х годов дошли крестьяне и холопы — все черные люди — до страшной и глубокой нужды.

А на подступах к Дону кишмя кишели беглые. Верховые городки, через которые возвращалась по весне Васильева станица, наливались голью перекатной, как реки в половодье полнились водой.

Едва вернулись посланцы Войска Донского домой, как узнали, что выходил хан из Крыма и не только с конницей, но и с работными людьми и поставили татары новый ханов городок на самом Дону, близ устья.

Собрался Войсковой круг. К этому времени Наума Васильева от должности отставили: некрепок телом, дряхл стал старый войсковой атаман. Выбрали нового — Корнилу Яковлева, доброго, бывалого, прожиточного казака. Умел Корнило и в бою себя показать, умел и за казаков постоять. Нетороплив, осторожен был новый войсковой атаман. С Москвой не ссорился, верховым беспокойным людям не потворствовал. Учил уму-разуму и Степана Разина: «Не дерзи, не задирайся с Москвой, и великий государь тебя не забудет. Казак ты уже известный, лихой, смышленый».

Слушал Степан, верил и не верил дорогому крестному, сомневался. Видел он, что и вправду сильно было государство Российское своими крепостями, ратями, воеводами и вроде не к чему было задираться против него. Еще видел Разин, что каждый город, каждая сторожевая крепость, села, деревни жили через силу, задыхались в тисках служб и тягот государевых, помещиковых, вотчинниковых. Трудно было молодому казаку перенесть глумление над людьми, ненавистны ему были длиннобородые бояре, кичливые воеводы, надменные стрелецкие начальники, приказной сутяжный люд.

Смотрел войсковой атаман на своего крестника, и смутно виделась ему будущая дорога Стенькина: то ли смирит он свой гордый нрав и станет верой и правдой служить государю — все равно плетью обуха не перешибешь, то ли даст он простор своему сердцу. И трудно будет тогда унять его. Пока же Корнило не торопясь, но твердо вводил Степана в казацкие дела.

В 1661 году, в начале весны, решили казаки сбить ханов городок. К марту месяцу прислал-таки царь помощь — подошли ратные люди во главе со стольником и воеводой Иваном Севостьяновичем Хитрово. И ходили

казаки вместе со стрельцами под городок. И приступали к нему накрепко с лестницами и даже были на стене, но городка не взяли. Попытались совершить казаки подкоп, но и это дело не удалось, потому что поставили крымцы свою крепостицу на низком месте, а с трех сторон городка стояла вода. Просил войсковой атаман великого государя, чтобы прислал большой пушечный и стенобитный наряд, а пока же казаки и ратные люди воеводы Хитрово от городка отступились.

В этом походе вместе с войсковым атаманом был и Степан Разин. Ходил Стенька на приступы, садился на коня, отбивался от крымских конных набегов. Потом вместе с Корнилой вернулся в Черкасск.

Не отпускал далеко войсковой атаман Степана, держал при себе: сейчас ему особенно нужны были смышленые люди.

В Черкасск пришли выходцы из Азова и посланцы от ногайских татар и принесли новые вести — собирается хан вместе с турецкими людьми идти на Дон и хочет еще в устье реки поставить свои городки. Поэтому, когда появился в Черкасске мурза Баатырк с товарищами — посланец калмыцких тайшей Дайчина и Манжика и всех едисанских мурз, то казаки с радостью приняли его. Приехал мурза говорить о мире между калмыками, а также едисанскими татарами и всем Войском Донским. Казаки долго не куражились и ничего не требовали. Договорились с мурзой о мире, ударили по рукам, взяли у мурзы двух аманатов — заложников, согласились отпустить калмыцких и татарских пленников, взятых ясырем в прошлые набеги, привели мурзу к шерти *, что не будут калмыки и татары впредь нападать на донские городки, а, напротив, станут они отныне служить великому государю московскому вместе с казаками и вместе с ними же промысел чинить над крымскими и ногайскими татарами.

Все это казаки затвердили с мурзой Баатырком на Войсковом кругу и тут же решили для мирного подкрепления и для подлинных вестей послать к калмыкам и татарам вместе с Баатырком казацких посланцев. Выбрали казаки по предложению войскового атамана посланцами своими Степана Разина и Федора Будана.

Казаки дружно согласились послать к тайшам Рази-

---

* Клятве.

на, так как знали, что хитер и изворотлив был Степан, хорошо знал повадки степняков: не раз ходил в набеги против калмыков и едисанских татар, знал наперечет тайшей и мурз. Кроме того, неизвестно как и когда, но научился Степан к этому времени говорить по-калмыцки и по-татарски, поэтому сам себе был и посланцем и толмачом. Говорили, что разумел он и по-польски и на иных языках.

В апреле Разин, Будан, мурза Баатырк и с ними отпущенный пленный калмык, знающий по-русски, двинулись в путь.

Побывал Степан Разин у Дайчина-тайши и сына его Мончака-тайши, потом пошел на стан к Манжику-тайше. Сюда же пришли и едисанские мурзы для переговоров.

Враждовали калмыки и татары с ногаями, просили у казаков помощи. Те обещали действовать с калмыками и татарами заодно и, со своей стороны, просили помочь в борьбе с крымцами и турками. Доканчанье *, скрепленное на Войсковом кругу в Черкасске, подкрепили еще раз в калмыцких землях, и казацкое посольство двинулось в обратный путь.

Впервые попал Степан Разин так глубоко в калмыцкие степи. И теперь смотрел с удивлением вокруг на незнакомые места. Чтобы не потеряться в калмыцкой глуши, посольство двигалось вдоль берега Волги. Здесь-то от встречных беглых людей узнал Разин о вышедших на Волгу и Яик казаках Парфене Иванове с товарищами.

Паршик Иванов — казацкий яицкий атаман — вышел на Волгу на двустах стругах, ловил там купеческие караваны, осаждал небольшие городки, потом ушел за зипунами к берегам Персии. Бежали к нему многие люди и из волжских городов, и донская голытьба, недавние крепостные крестьяне и холопы. Неслась слава Паршика по Волге, пока не сгинул он, а куда — неизвестно. Его славу поднял тут же новый яицкий атаман Иван Кондырев. Начал он снова казаковать по Волге с двумястами людьми. Быстро рос отряд Ивана. Слали воеводы волжских городов грамоты в Москву, слезно просили унять воров, прислать стрельцов на подмогу. Завидовал Стенька яицким атаманам. Это была стоящая вольная жизнь. Так и хотелось рвануться на волжский простор, порас-

---

* Договор.

трясти государевых людишек, пощекотать богатых гостей.

На Войсковом кругу в Черкасске Корнило Яковлев зачитал две грамоты государевы с приказом ловить и выдавать тех яицких воров и сыскать их где ни будет — либо на Волге и Яике, либо на Хвалынском * море. И на самом подходе к донским городкам встретил Разин знакомых казаков — Василия Никитина и Фрола Минаева с казаками. Послал их Войсковой круг искать яицких казаков и отговаривать их от воровства, чтобы принесли они свои вины великому государю и шли бы к нему на службу. С неохотой двинулись донцы на этот поиск. Говорили они Разину, что и сами бы пошли казаковать по Волге, потому что прочно запер султан своими крепостцами выход в Черное и Азовское моря и разжиться зипунами более негде. А с ногайских татар много ли возьмешь? Впервые встретился здесь Разин с Фролом. Понравился ему сотник.

25 октября из Посольского приказа войсковому атаману Яковлеву была прислана грамота: великий государь выказал казакам свое одобрение за то, что ходили они на приступы под крымскую крепость и за переговоры казацких посланцев Разина и Будана с калмыцкими тайшами. А через несколько дней после того, как грамота была зачитана на кругу, Разин подал войсковому атаману челобитную об отпуске его, Степана, на новое богомолье в Соловецкий монастырь. И снова отписал войсковой атаман в Посольский приказ о Степановом челобитье, и попросил от имени всего Войска Донского отпустить казаков — Степана Разина и Прокопия Кондратьева — помолиться соловецким чудотворцам.

Собирался Степан на богомолье против обыкновения медленно. И сборы эти были необычные. Войсковой дьяк изготовил ему речи о переговорах с калмыками, дали Степану и проезжую грамоту от Войскового круга и отпустили. В Черкасске говорили, что вовсе не на богомолье ушли Разин и Кондратьев, а послали их в Посольский приказ с тайным докладом о калмыцких делах.

Вернулся Степан быстро. В такие сроки никто до Соловков и обратно не доходил. Разин ни словом не обмолвился о богомолье. Но о Москве снова рассказывал много. В те дни в городе был мятеж большой. Из-за не-

---

* Каспийском.

хватки денег ввели государевы люди в обиход медную монету вместо серебряной. Быстро повысились цены, новые тяготы обрушились на простых людей, и забунтовала Москва. 25 июля 1662 года посадские начали, как и в 1648 году, громить дворы больших людей — бояр и дьяков. И хотя великий государь сурово наказал бунтовщиков, но деньги медные отменил. Залегли посадские по своим дворам, но не смирились.

— Бунтует вся земля русская, — говорил Разин, — куда ни придешь, все недовольны, и везде мы, казаки, — желанные люди.

А вскоре стало известно, что собирается Стенька в новое посольство и снова к калмыкам.

В начале февраля легкая казачья станица двинулась к калмыцким тайшам. Во главе станицы круг поставил старого казака Ивана Исакова и определил с ним Василия Гладкова, а вторым — Степана Разина. Также шли в составе станицы запорожские казаки Еремей Тимофеев с товарищами.

Дело у станицы к калмыкам было великой важности. Везли казаки к тайшам государеву грамоту и свои просьбы. Войсковой круг просил тайшей ударить по крымским улусам вместе с донскими и запорожскими казаками, перекрыть Муравский шлях, по которому обычаем ходит хан на русские земли, и двинуться в иные места, откуда, чают, может прийти хан. Везли также казацкие посланцы великие обещания тайшам — премногого государева жалованья и ласки.

28 февраля казачья станица пришла на подводах в Астрахань, и Иван Исаков подал в приказной избе астраханскому воеводе Григорию Черкасскому проезжую грамоту, наказную память, отдал и государеву грамоту к тайшам. В наказной памяти из Москвы Григорию строго наказывалось — немедля отпустить посольства с Астрахани, дать, не задержав, казакам в дорогу корм, подводы, а также подьячего для всякого письма, толмача доброго и смышленого и служилых людей, сколько будет пригоже. Однако ничего этого не потребовалось. Через торговых и всяких заезжих людей воевода Черкасский хорошо знал жизнь в калмыцких улусах. Вычитав царскую грамоту и наказную память, он тут же ответил казакам, что ныне отпустить их к калмыкам никак невозможно: и Дайчин-тайша и Мончак-тайша со всеми своими ратными людьми пошли на реку Яик воевать

с яицкими дальними калмыками. А Манжик-тайша изменил великому государю и нападает на его служилых людей на реке Терек и под Астраханью и всякое разорение чинит. Воевода сообщил также казакам, что калмыцкие тайши Дайчин и Мончак уже воевали крымские улусы и сейчас обещались прийти под Царицын, чтобы двинуться оттуда воевать вместе с казаками, а он, воевода, обнадеживает их государевым жалованьем и милостью.

Все, с чем ехала к калмыкам казацкая станица, уже сделал астраханский воевода, и теперь отпала нужда идти искать по степи калмыцких тайшей.

Казаки пробыли несколько дней в Астрахани. Степан Разин любил этот полурусский-полутатарский город. Любил за пестрый шумливый люд, за бойкую и богатую торговлю, за разноязыкую речь. Здесь уже прочно обосновались московские люди. Вся Астрахань знала братьев Калмыковых, на чьих соляных учугах работали сотни людей. Сами Калмыковы сидели в Москве, а здесь выжимали соки из работных людей их приказчики и гнали, гнали соль в насадах на Север, до Казани и дальше до Нижнего Новгорода, а оттуда поднимали подводами по разным русским городам. Знали в Астрахани и богатого гостя Василия Шорина. Каждый год, едва вскрывалась Волга, шоринские караваны, где под парусами, где бечевой тянулись по Волге: вверх — с рыбой, солью, виноградом, арбузами, разными восточными товарами, на низ — с хлебом, толокном, крупой, оружейным и пороховым запасом, казной. Сотни людей работали на Шорина за корм, за две-три деньги в день.

В Астрахань с каждым годом прибывало все больше беглых и всяких неизвестных людей. Они хоронились по соляным учугам, спасались среди бурлаков и грузчиков, селились по астраханским окраинам. Копилась там злоба на бояр, воевод, дьяков, богатых иноземцев, прижимистых гостей. Зато казаки здесь были своими людьми. Разин по обыкновению бродил по астраханским слободам, искал старых друзей, с которыми встречался еще во время своего первого посольства к калмыкам, слушал, как кляли слободские люди воеводские да боярские тяготы, как просились в казаки, за зипунами, за море погулять на воле, потешиться. Но Степан ничего не обещал им, лишь пил со слободчанами дешевое виноградное вино да велел ждать, а как выйдет срок, то будут и зипуны, будет и заморье.

Если что и было затаенное у него на уме, то помалкивал он: знал — воеводские сыщики с великим тщанием следят за казаками, у людей про их речи расспрашивают, а потом записывают и передают воеводе. Схватят немедля и затаскают по приказам, не посмотрят, что ты царский посланец.

К весне 1663 года наконец договорились донские и запорожские казаки вместе с калмыцкими тайшами выступить против хана.

К донскому урочищу Салу подошла небольшая калмыцкая рать во главе с Шогашай Мергенем и батыром Бакшием, а оттуда калмыки двинулись к урочищу Молочные Воды. Сюда же пришли донские и запорожские казаки — всего 500 человек. И в головщиках у донских казаков был Степан Разин, а у запорожцев — казак Сары Малжик.

Много сил потратил Степан на то, чтобы поднять на хана единые силы казаков и калмыков. И сам ездил к тайшам, напоминал и воеводе астраханскому поторопить калмыков, просил разрешения у Войскового круга ударить по крымским улусам. И теперь, когда все было готово, когда калмыки уже шли на Дон, дал наконец круг разрешение. Но для начала поднялось не все войско, потому что калмыки прислали немногих людей — всего пятьдесят человек, и зазорно было идти с ними всем казакам. Круг разрешил Разину собрать охочих казаков и всяких вольных людей.

Первым делом попытался Степан поднять на поход домовитых казаков, но те только усмехались: людей мало, калмыки плохие помощники, да и сам головщик молод еще. Много ли зипунов возьмешь на всем этом? Зато «голые» люди из низовых и верховых городков поднялись с радостью. Удалось повести за собой Степану и немногих домовитых казаков из молодых, которые искали военной славы и не прочь были поразжиться рухлядишкой, скотом и ясырем.

Поход по казацкому обычаю начался весной, в конце марта, когда очистилась река Дон и подсохли дороги. Сошедшись у Молочных Вод, казаки и калмыки ударили на Крымскую Перекопу. Быстр и яростен был этот удар. Уже здесь Степан Разин показал себя не только как казак, но и как атаман, решительный и дерзкий. Не успели крымские люди схватиться за оружие, а казаки и калмыки уже гуляли по всему улусу, с налета брали

крымские городки. И у той Перекопи взяли они две тысячи крымских лошадей, три тысячи коров, шестьсот баранов да ясыря — мужиков, женок, девок и ребят триста пятьдесят человек. Потом Степан Разин приказал отступить. Гнали казаки табуны лошадей и стада коров и баранов, тащили за собой крымских пленников. Двигались казаки назад к Молочным Водам.

Для охраны выделил Степан небольшой сторожевой отряд конных калмыков и казаков. И скоро те сообщили, что идет следом за казаками Сафар Казы-ага, а ведет за собой шестьсот человек татар. Степан Разин велел отогнать подалее лошадей и скот, увести по лощинам пленников, а сам повернул навстречу аге.

— Как учнем бой с крымскими людьми, — учил Разин своих казаков, — а вы кричите, что идут сейчас на помощь казакам еще полторы тысячи калмыцких людей, которые дожидали около Молочных Вод.

Так и сделали казаки. Ударили по войску Сафар Казы-аги и многих крымцев побили и поранили, а самого агу тоже ранили сильно, но не рассмотрели казаки, умер тот ага от ран или ушел. Тут начали казаки кричать, что идут к ним еще калмыки от урочища, и дрогнули татары, обратились вспять.

Казаки беглецов не преследовали. Вместе с калмыками пришли они к Молочным Водам и здесь же устроили дуван — разделили между собой животину и ясырь. А разделив, двинулись запорожские казаки на Запороги, калмыки ушли в степь, а донские казаки пошли к себе на реку Дон.

С большой славой вернулся Степан Разин в Черкасск. Хоть рухляди казаки принесли немного, но пригнали лошадей, коров, баранов. Зажиточные казаки продавали на торгу лишнюю животину, а другой скот гнали ко своим дворам. Голутвенные же спускали все, что взяли в походе, тут же, а потом несколько дней подряд звенели монетами, гуляли по кабакам Черкасска, пили за здоровье своего молодого и удачливого атамана Степана Тимофеевича, а, прожившись и перессорившись с домовитыми казаками, уходили в свои городки, дожидались нового похода.

...Шел 1665 год. Вот уже который месяц были русские рати в тяжелом походе против Польско-Литовского государства под Киевом. Вместе с русскими войсками стоял под Киевом и полк донских казаков, в котором,

как говорили, служили братья Разины. Сбылись слова ненавистника казаков князя Юрия Алексеевича Долгорукого: указал царь быть казакам в походе — конно, людно и оружно, и теперь в осеннюю стужу месили они грязь по литовским дорогам вместе с московскими стрельцами, мерзли на холодном, промозглом ветру, ели червивые сухари, недомогали, покрывались от холода и грязи язвами и струпьями. А князь Юрий, бывший в походе главным воеводой, посмеивался: пусть привыкают донцы к государевой службе — меньше дурить да бунтовать будут.

Роптали казаки, говорили, что не годится вольным донским людям быть в такой великой нужде, голоде и холоде и пусть укажет воевода — отпустит их по домам на Дон, а не то сами уйдут. Топал на них воевода ногами, одетыми в чистые сафьяновые сапожки, кричал, грозил дать батогов для острастки. Угрюмо смотрели на него казаки, молча расходились по своим куреням. Там уж они давали волю своим речам. Говорили, что князь Юрий немилостив к казакам, не выдает им обещанное государево жалованье, морит голодом, хотя и нет на то особой нужды.

— Хватит, послужили мы свое великому государю! — кричали казаки. — Теперь и по домам пора. Может, хан давно уже запустошил наши городки и станицы, увел в полон женок и ребятишек.

Рассказывали потом казаки, что больше всех кричали братья Разины. Стенька шумел, хватался за саблю, грозил зарубить московских воевод. Иван, бывший в головщиках, подавал голос спокойно, рассудительно.

— Казаки, — говорил он, — не дадим порушить наших вольностей. Так, как хочет князь Юрий, мы великому государю не служивали.

Потом Иван с товарищами ходил будто бы в шатер к воеводе, просил отпустить казаков до весны по домам. Говорил Долгорукому, что непривычны казаки воевать осенним и зимним временем. Сидят в эти дни казаки в тепле по своим куреням и дворам, а как реки вскроются, так они, казаки, снова готовы идти на службу, всячески норовить и правдой служить великому государю.

— Будете служить, когда вам скажут, — таков был ответ воеводы.

На другой день казацкий полк поднялся со своих мест и двинулся в донские пределы.

Князь Юрий быстро узнал о казацком бунте и тут же снарядил вдогонку за бунтовщиками отряд стрельцов. Голове же стрелецкому наказал, чтобы не брал казаков всех вместе, поостерегся, а как станут они расходиться по своим городкам и станицам, тут бы и хватал их и, главное, схватил бы зачинщиков Ивашку и Стеньку Разиных.

Голова строго выполнил наказ воеводы. Едва пришли казаки в донские земли и стали расходиться по своим родным местам, стрельцы похватали их. Взяли под стражу и братьев Разиных. Вместе с другими ослушниками привели их перед грозные воеводские очи.

Неистов и жестокосерд во гневе был князь Юрий. Суд его был грозен и короток: Ивашку Разина приказал казнить смертью на глазах у Стеньки, чтобы и младшему бунтовать было неповадно, остальных бить кнутом на правеже.

На следующее утро стрельцы построили виселицу, выгнали к ней связанных казаков и вытолкнули Ивана в казацкий круг.

— Ну говори теперь свои речи, — глумился воевода, — зови казаков обратно на Дон.

Молчал Иван, молчали и казаки, лишь неотрывно смотрели в ненавистное воеводское лицо. Отвел тогда глаза князь Юрий. Только и сказал: «Повесить!»

Схватили стрельцы Ивана, заломили руки за спину, поволокли. Оглянулся он, крикнул через стрельцов: «Не плачь, брат! Донскому войску поклонись, скажи — поминал, мол, Иван товарищей перед смертью! Вольность свою казацкую берегите!»

Стоял Стенька, смотрел, как качается на виселице под осенним ветром уже неживой любимый и единокровный брат его Иван, и слезы текли по Стенькиным щекам, мочили усы, бороду.

Никогда и никому не говорил он позднее обо всем этом. И не знали люди, правду рассказывали казаки или была то простая молва.

4. «А БУДЕ КАЗАКИ УЧИНЯТЦА НЕПОСЛУШНЫ...»

С 1665 года тихо и незаметно жил Степан Разин на Дону. Поначалу он пришел в свою станицу, но без старшего брата постылыми показались ему родные места.

Немного помешкав и осмотревшись, Степан вскоре перешел в Черкасск; туда же вслед за старшим братом перебрался и Фрол.

Не раз пытался в те месяцы войсковой атаман Корнило Яковлев втянуть Степана в большие донские дела — великая нужда была и в хороших головщиках для походов против крымских и ногайских татар, и в опытных посланцах к тем же калмыкам; нужны были также крепкие люди, чтобы держать в узде расходившуюся голутвенную вольницу. Городки в верховьях Дона уже не вмещали всю беглую голь. Голутвенные люди шумели по среднему течению реки, ставили свои острожки чуть не под самым Черкасском, все громче подавали их люди голос и в самой донской столице. Но пока, слава богу, все обходилось. Домовитые казаки, блюдя свои земли и льготы и слушаясь указов великого государя, сбивали вновь построенные крепостицы. Совсем недавно домовитые казаки напали на городок, что поставили неизвестные люди на реке Иловле. Напали и сожгли его дотла. А в Москву отписали, что наказали беглых воров, и крепостицу их дотла спалили, и самих воров с реки Иловли вовсе выбили. Благодарил великий государь домовитых казаков за верную службу и всячески жаловал.

— Эх, Степан, оставь свои думы, — говорил крестный отец Корнило Разину. — Принимайся за дело. Набирай людей. Ударишь по верховым городкам, переимешь беглых — на то почет и жалованье будет тебе от великого государя, а потом можно идти снова и в крымские улусы или податься на Тарку: давно уже не гуляла казацкая сабля по берегам Хвалынского моря.

Уговаривал, улещивал Корнило, обещал всякую помощь: и людьми и припасами. Но глух был Степан к уговорам крестного отца, безучастно и бездельно слушал он его речи, внимая лишь из уважения.

Тогда Корнило принимался за Фрола. Младший брат был посговорчивее, помягче, а тоже добрый, смышленый и смелый казак. Стали приглашать Фрола на совет старшины. Старые казаки, видя, что благоволит войсковой атаман к Фролу, принимали его на равных.

— Иди, иди к ним, — говорил Степан брату со злой усмешкой, — жалованьем наградят царским сверх всякой меры, и будешь ты у царя да у бояр зад лизать вместе с Корнилой. Веселая жизнь.

— Ну что ты, брат, взъелся на Корнилу? Он-то не виноват. Он за казаков стоит, бережет их вольности.

— Какие вольности? Для таких же, как он, христопродавцев? Они же вольных людей ни во что не ставят. Уговаривал меня Корнило сбить верховые городки, перенять беглых, отдать их боярам да воеводам по спискам.

Метался Фрол между войсковым атаманом и братом, не знал, кого и слушать: оба говорили правду, но догадывался Фрол, что у каждого из них правда-то была своя.

А Степан совсем стал отходить от своих прежних дел. Целыми днями сидел он на своем дворе, не ходил на круг, совсем перестал бывать у старых, добрых казаков.

— Ну, пускай его потешится, покуражится, — говорил Корнило. — Все равно к нам придет.

Невидимый узелок вражды затягивался между Степаном Разиным и войсковым атаманом.

Ранней весной 1666 года в Черкасск неизвестно откуда пришла весть, что собираются голутвенные люди идти к Москве просить великого государя принять их в службу и положить им жалованье. А во главе голутвенных, говорила весть, чают, будет атаман Васька Ус. Не обрадовала, хоть и потешила, эта весть домовитых. И вправду, смешно это было брать на государеву службу вчерашних беглых крестьян и холопов. Однако беду могли натворить голутвенные немалую.

Прежде всего Корнило Яковлев решил все разведать доподлинно. Тайным делом послал он людей в верховые городки, наказал дойти и до самого Васьки Уса.

Вернулись люди и донесли старшине и войсковому атаману, что собралось в верховых городках голи видимо-невидимо — все выходцы из сел и с посадов — крестьяне, холопы, ярыжки. Сидит-де голь без хлеба, холодает в землянках. А Васька Ус похваляется — если не пустят их домовитые казаки на низ к крымским и турецким берегам, то пойдут казаки на Москву просить милости у самого великого государя и службу ему станут служить. А «голые» люди кричат — ударим-де по уездам, возьмем зипуны у бояр и помещиков на Воронеже да на Туле.

Вести из верховых городков всерьез встревожили войсковую старшину. Василий Ус был известным атаманом. Ходил он не раз походами против разных окрест-

ных народов, служил великому государю на свейской границе под Псковом и Царевичев Дмитриевом городом, ходил вместе с русскими ратями против свеев в 1657 году. Воевода князь Юрий Алексеевич Долгорукий доносил тогда в Москву, что служат казак Васька Ус с товарищами исправно и дела разные военные делают истово. Правда, поозоровал Ус немного в свейском походе: наехали казаки на псковской дороге на людишек помещика Семена Стрешнева и тех людишек побили и пограбили. Но прошло то дело для казаков бесследно: нужны они были в боях со свеями.

Вернулся Василий Ус из свейского похода, покрутился немного в Черкасске и подался вскоре на верховые городки. С того времени не слышали про Василия ничего худого до тех самых пор, пока не собрался он вести голутвенных людей на службу к царю.

К весне появились в Черкасске гонцы от Уса. Они подговаривали в поход и старых казаков. Побывали посланцы Уса и на дворе у Степана Разина, но Степан равнодушно выслушал предложение Уса идти к нему в есаулы: не собирался Разин в тот год двигаться с места, да, кроме того, не с руки ему, уже бывшему в головщиках, идти в есаулы под такого же, как он, казака. Хотел Степан посмотреть, что у Василия Уса получится, как встретят в Москве его самовольный поход с «голыми» людьми на государеву службу и далеко ли Василий пройдет по русским уездам. Предупредил его и Корнило Яковлев — просил не дурить и к Васькиному воровству не приставать. Так и ответил Разин посланцам Усовым, сказал, что не готов он ныне к походу, да и войсковой атаман не пускает.

Корнило Яковлев пытался было вразумить и удержать верховых казаков, но те снялись с места неожиданно и ушли на Воронеж.

Уже 10 июня 1666 года писал из Воронежа тамошний воевода Василий Уваров в Москву на царское имя: «Выехали на Воронеж з Дону из донских, из верховых козачьих городков донские козаки отоман Василей Ус да есоул Иван Хороший, а с ними донских козаков конных и пеших 500 человек. А в роспросе, государь, он, Василей, да Иван передо мною, холопом твоим, сказали, что-де они идут на твою великого государя службу, где ты, великий государь, укажешь быти им на своей, великого государя службе».

Воевода принял казаков, позволил им послать станицу во главе с Усом в Москву бить челом государю, а остальным велел стоять под Воронежем и ждать вестей. Однако все повернулось не так, как указал воевода: не стали казаки ждать свою станицу, скрытно сняли курени и ушли на север, а уже в начале июля из Скопинского уезда пришли о казаках новые вести. Доносил скопинский воевода Андрей Мерчуков, что наезжают казаки на помещичьи деревни и творят всякое дурно, подговаривают крестьян идти с ними, казаками, на Москву проситься на государеву службу. А вскоре помещики Тульского уезда в великом расстройстве подали тульскому воеводе челобитную о бесчинствах казаков в уезде.

Бежали от великого страха тульские дворяне с женами и детьми за тульские крепостные стены, а вслед за ними подавались поближе к уездным городам помещики окрестных мест.

В это время Василий Ус с товарищами подал на Москве челобитье великому государю. Просили казаки принять их на службу, а писали так: «И войско, великий государь, стоячи на степе, помирают голодною смертью, а я, холоп твой Васька, с 13-ю человеки скитаемся меж двор на Москве. А как мы, холопи твои, подымалися на твою великого государя службу, и мы, холопи твои, одолжали великими долги для ради твоего государева подъема».

Писал Ус и не ведал о том, что делает его «войско». А казаки шли по Тульскому уезду, по помещиковым землям. Со всех окрестных вотчин и поместий бежали крестьяне к казакам где подговором, где сами. Множилось казачье войско. Доносили воеводские лазутчики, что «донских казаков будет с 1500 человек, а телег с ними со 150, а лошадей около их станов з 2000. А телеги-де поставлены в разных местах, а не обозом, — где чьи курени, в тех местах телеги и поставлены». А казаков среди них была самая малость: все больше крестьяне, которые назвали себя казаками.

Шли казаки по Тульскому уезду, а в соседних уездах — Козловском, Скопинском, Московском, Серпуховском, Лебедянском, Каширском, Шацком — было волнение великое. Слезно молили помещики унять казаков, вернуть всех пришедших к ним беглых крестьян и холопов. А по глухим ночным дорогам пробирались к Усу люди из деревень и посадов, множили казачье войско.

К июлю месяцу 1666 года отряд Уса вырос до трех тысяч человек. И если поначалу казаки вели речь лишь о царском жалованье, то теперь присоединившиеся к ним крестьяне все чаще посматривали в сторону помещичьих усадеб.

Шли из Москвы грозные наказы воеводам по городам унять казаков, образумить, вернуть на Дон, а беглых крестьян и холопов взять у казаков по старым крепостям. А будут те казаки учиняться непослушны, говорили царские наказы, и тех казаков приказано служилым людям имать и отдавать в городах воеводам и приказным людям и сажать их в тюрьму. Особенно строго указывал царь усилить борьбу с казаками тульскому воеводе Ивану Ивашкину. Велел он ему, воеводе, собрать с городов и из уезда дворян и детей боярских и идти им наспех к Туле и приготовить в достатке и зелье, и свинец, и порох. «А только по сему нашему, великого государя, указу того всего ты не учинишь,— говорила царская грамота тульскому воеводе, — и тебе за то от нас, великого государя, быть в великой опале и в жестоком наказанье и в вечном разоренье безо всякого милосердия».

Во главе войск, посланных под Тулу, и начальником над всеми тулянами царь поставил окольничего и воеводу князя Юрия Никитича Борятинского. Боевым воеводой был князь Борятинский, воевал с поляками и свеями и отличился на государевой службе. Теперь же поручили ему дело трудное и хитрое. Нельзя было и ссориться с казаками, но и унять их надлежало в короткие сроки, а главное, успокоить уездных людей, отбить беглых крестьян и казаков, вернуть их по крепостям помещикам, а рейтаров, драгун, стрельцов, ушедших из полков, наказать батогами и вновь разослать по полкам.

В грамоте, посланной Борятинскому, царь приказывал поначалу с казаками не задираться и даже похвалить их за приход на государеву службу, выдать им жалованье и хлебный запас, с чем бы доехать им до Дона. «И на Дон бы шли они, старые донские казаки, смирно, — наказывал великий государь, — а нигде б никому никакова дурна и грабежу не чинили, и иных беглецов к себе никого не принимали, и великого государя опалы на себя не наводили». Однако строго приказывал царь казакам всех беглецов выдать по росписям, а также отдать все награбленное по уездам добро. Хитрил царь, хитрил и Борятинский.

Хотели на Москве отколоть крестьян от казаков, а потом похватать поодиночке.

Поначалу ласков и обходителен был воевода Борятинский. В лагерь на реку Упу, где стояли казаки, послал он своих людей, и те приехали в лагерь и приглашали Василия Уса с товарищами — есаулами и старыми казаками прийти к воеводе для переговоров, обещал воевода казакам жалованье и хлебный запас.

Василий Ус с двумя казаками явился к воеводе. Вот тут-то и показал себя князь Борятинский. Бушевал он не хуже Юрия Алексеевича Долгорукого, бегал по шатру, кричал на казаков, ругал ворами, велел немедля переписать всех беглых и выдать их по спискам, а в конце ругани приказал взять атамана с товарищами под стражу и содержать настрожайше, как каких-нибудь калмыцких аманатов, до тех пор, пока казаки не выдадут беглецов. Срочно шли к князю Борятинскому служилые люди со всех сторон, перерезали все дороги по уезду, повсюду ловили беглых людей, нависла беда над казацким лагерем на Упе. Готовился князь Юрий сбить казаков, прогнать иных на Дон, а остальных вернуть помещикам. Но не успел воевода совершить задуманное дело: ночью бежал Василий Ус с товарищами из-под стражи, и, хотя послал воевода погоню, ушли казаки из воеводских рук.

Едва появился Василий Ус среди казаков и принес тревожные вести, как тут же сняли они свой табор и двинулись на юг.

Шли казаки днем и ночью спешно и бережно, кормили коней прямо из рук, а Юрий Борятинский поспешал следом, но не достал казаков. Достигли они своих донских городков, рассыпались по ним, попрятались по лесам и урочищам.

Сразу прибыло людей в верховых городках; привел с собой Ус из московского похода не одну тысячу человек, и хотя ушел он из русских уездов, но волнения великие там продолжались, бежали крестьяне окольными путями вслед за казаками, минуя воеводские заставы и сыскные отряды.

Князь Борятинский, следуя за казаками, подошел вплотную к границам Донского войска. Хватали стрельцы по городкам людей без разбора, отсылали для розыска и расправы. Князь Юрий прислал войсковому атаману грозный приказ царя выдать немедля с Дону

всех беглых, что хоронились и в верховых и в низовых городках, требовал воевода примерно наказать самого Василия Уса и его товарищей, чтобы впредь воровать и смущать людей было им неповадно, но в пределы Войска Донского Борятинский войти не осмелился. Да и из Москвы на то приказа не было: не хотели московские думные люди ссориться с Донским войском, еще нужны были донцы против Крыма и поляков, да и боялись в Москве нового выхода казаков в русские уезды: только-только миновала одна беда, и надо было беречься от новых напастей: крестьяне и холопы роптали, ждали нового казацкого выхода.

Получив государеву грамоту от Борятинского, казаки собрали Войсковой круг. Знал Корнило, что дело будет трудное: выдавать всех беглых было нельзя, иначе поднимется все голутвенное казачество. Жестоко наказывать Уса и некоторых старых казаков, принявших участие в московском походе, — значило обозлить домовитых, которые блюли свои донские вольности. Но и Москве отказывать и задираться было не с руки: войско Борятинского стояло у границ донской земли. Лишит великий государь жалованья и хлебного запаса, закажет торговать с Доном — плохое время настанет для казачества. Выдать новоприбылых беглых, наказать Уса большой пеней — так хотел порешить дело Корнило Яковлев.

За несколько дней до Войскового круга Корнило принялся подбирать себе крепких сторонников. Надлежало ему изловчиться — и честь казацкую соблюсти, и Москву улещить. Беседовал Корнило со старыми казаками, чей голос решал многие дела на кругу. Иные вздыхали, опасались гнева государева, говорили, что надо признать собственную дурость и выдать беглых крестьян, другие, погорячее, и слышать об этом не хотели. Однажды под вечер зашел Корнило на двор к Разиным. Степан поприветствовал крестного отца, но без тепла и участия, пригласил пройти в горницу, молча слушал хитроумные речи войскового атамана, хмурился, смотрел исподлобья. Ничего не сказал Степан Разин Корниле Яковлеву, а на Войсковом кругу обещал быть. Поговорил Корнило и с Фролом Разиным. Того сам зазвал к себе. Фрол был посговорчивее. Хотя и держал он обиду на московских воевод за казненного брата Ивана, однако понимал, что ссориться с Москвой вроде не с руки. Уговорил его Корнило.

Вызвали из верховых городков на круг Василия Уса с товарищами. Те приехали без страха, гордые и дерзкие. Шутка ли, побывали на Москве, вручили челобитье в Посольский приказ, подошли с войском чуть не к стенам Тулы, избегли воеводу Борятинского, привели с собой на Дон три тысячи беглых людей, попугали помещиков и вотчинников по уездам. А великий государь, блюдя их казацкую честь и вольности, еще обещал отпустить им все их вины и дать свое жалованье и хлебный запас на дорогу.

Так и отвечали Василий Ус с казаками на кругу.

Шумел Войсковой круг. Колыхалось на осеннем ветру войсковое знамя. Выходили с речами казаки один за другим. Все — сторонники Корнилы Яковлева. Говорили разумные, умеренные слова: новоприбылых беглых выдать, Уса наказать пеней, чтобы впредь самовольством, без войскового ведома на государеву службу не ходил. Но не согласны с этим были казаки с верховьев Дона. «Сегодня вы выдадите новоприбылых, — говорили казаки, — а назавтра Борятинский и Долгорукий начнут искать нас и возвращать помещикам».

Василий Ус открыто винил войсковую старшину в сговоре с Москвой.

Молчал, смотрел и слушал Степан Разин, не встревал в казацкие споры, а Фрол поначалу хотел поддержать войскового атамана, а потом сробел, спрятался.

Отступал Корнило медленно, шаг за шагом, и делал все так, будто он-то и блюдет в первую голову казацкую честь и вольности. О беглых уже не заикался, предложил лишь взыскать с Уса пеню и сочинить грамоту в Москву с известием о жестоком наказании Василия, а о каком — подробно не извещать. Казакам это понравилось. Посмеивались они на сметливость Корнилы Яковлева, радовались, что есть у них такой хитроумный атаман. А о беглых в грамоте речи не было.

Одобрили казаки грамоту, снарядили станицу в Москву во главе с атаманом Михаилом Самарениным, а шел в станице и младший Разин — Фрол.

В декабре 1666 года отбыла станица на Воронеж. Тихо стало в Черкасске. Домовитые казаки забились по своим углам до весны. Лишь в верховьях Дона по-прежнему было смутно и тревожно. Отряды Борятинского и Долгорукого обшаривали верховые городки, выхватывали беглых, отсылали их под крепкой стражей по городам

для сыска. Расспрашивали там беглых с пыткой и определяли им наказанье. Угрюмо и страшно встречали царских стрельцов голутвенные казаки, и едва уходили стрельцы, как ненависть выплескивалась им вслед. Коегде «голые» люди пытались отбить своих товарищей. Грозили голутвенные Черкасску, говорили, что, прежде чем расправиться с воеводами, надо извести изменное войсковое семя — атамана и старшину. Василий Ус ушел из Черкасска и скрывался невесть где. В Москву писали воеводы южных уездов, что неспокойно на Дону.

5. «СТЕНЬКИ РАЗИНА РАБОТНИЧКИ»

Ушла станица с повинной грамотой в Москву, скрылся на время Василий Ус, затихли по своим берлогам, укрылись от сыскных отрядов беглые люди вдоль реки Дона, вновь стал прибирать к своим рукам чуть пошатнувшуюся власть войсковой атаман.

Наступал январь 1667 года. Плотным кольцом обложили со всех сторон верховье Дона сыскные отряды, в январские студеные дни возникали они неожиданно перед казацкими крепостицами и городками, лютовали по Дону служилые люди полковника Матвея Кравкова. В Разрядном приказе на Москве подьячие умаялись записывать пыточные речи разных бунташных и беглых людей.

А на низовье ставились всю осень и зиму турецкие и крымские крепости: строил турецкий султан прочный заслон против казацкого воровства, а заодно слал посольства в Москву для подкрепления любви и дружбы. Но казацкая старшина не тужила: исправно шло на низ царское жалованье, а что беглых да «голых» в верховых городках хватали — так бог с ними, с непутными государевыми отступниками. В крымские улусы старшина и домовитые казаки более не рвались, обленились. Да и как не облениться: давно не ходили они походами, привыкли нанимать на такое дело голутвенных, а сами сидели в Черкасске, ждали своей доли дувана, считали и хоронили добро.

Но недолго стояла тишина в Черкасске. Верные люди донесли Корниле Яковлеву, что, не сказав ничего старшине, ушел невесть куда из Черкасска казак Стенька Разин, а, чают, подался он на верховые городки.

Некоторое время не было вестей от Разина, а потом он снова появился в Черкасске, но уже не прежний, безучастный и молчаливый, а злой и дерзкий. Привел с собой Стенька из верховых городков разных «голых» людей, и те люди шумели по Черкасску, похвалялись уйти за зипунами без ведома Войскового круга, а иные обещались вывести под корень помещичье и воеводское семя.

В Черкасск приходили вести, что вновь зашумели голутвенные и на верховьях. Собираются во многие круги, одни зовут идти за зипунами к турецким берегам, другие тянут на Волгу и Хвалынское море, третьи уговаривают двинуться на Яик или нанести удар по ногаям. Но пуще всего кричит голь, доносили Корниловы лазутчики, что надо-де идти выводить изменников бояр и воевод, помещиков и дьяков, посчитаться с Долгоруким да Борятинским, которые не любы казакам и всем вольным людям, взять зипуны не на море и не на Волге-реке, а по помещиковым усадьбам и верно служить тем службу великому государю Алексею Михайловичу.

И чем громче шумели голутвенные в верховых городках, тем меньше покоя становилось в самой столице Войска Донского. Объявились вдруг многие голутвенные люди и в Черкасске. Повылезали они из окружающих городков и станиц, пришли из своих развалюх, что лепились по окраинам Черкасска. Раньше здесь не было слышно их голоса, не встревали они в дела старшины, слушали, что говорят домовитые казаки, благодарили, если разрешали им сходить в поход. Теперь же стали меняться времена в Черкасске. Собиралась местная и пришлая голь на главной войсковой площади, буянила по кабакам, грозила старши́не чуть не в открытую, а в верховье Дона все прибывало и прибывало голутвенных людей. Вооруженные кто саблей, кто ружьем, а кто дубиной или рогатиной, они кричали, что не сегодня-завтра уйдут к турецким или персидским берегам, а вернутся и наведут настоящий порядок на Дону.

Шумела голь, и вместе с голью шумел Степан Разин. За несколько недель перед тем обошел он верховые городки, встретился со старыми друзьями. Шла молва, что виделся и говорил он опять с Василием Усом, а о чем — неизвестно. Вопили голутвенные против войсковой старшины, против бояр и воевод, а вместе с ними вопил и Разин. Поначалу «голые» люди не очень доверяли Кор-

нилову крестнику. Знали, что служил Разин посольскую службу царю, встречался с большими людьми в Посольском приказе, знали, что поддерживал его войсковой атаман всячески и благоволил к нему сверх меры. Но слыхали голутвенные, что будто повесил Долгорукий Степанова брата, наказал самого Разина, что давно уже не в чести Степан у войсковой старшины и порвал любовь и дружбу с войсковым атаманом.

Зато голутвенным льстило, что пришел к ним известный смелый и бывалый казак, удачливый головщик, который знал все ходы и выходы на Москве, и в Астрахани, на Царицыне и у калмыков.

Бродил Разин вместе с голутвенными по Черкасску, задирался, звал голутвенных в поход за зипунами в турецкие и крымские земли, грозил старшине, ежели закроет та для голутвенных низовье Дона и не выпустит их в поход.

Чисто и небогато одетый, но в дорогом отцовском оружии, с утра уже хвативший чарку, Степан говорил голутвенной ватаге на черкасской площади, что настало время самим решать все дела на Дону:

— Хватит, натерпелись мы власти атамановой да старшинской. Старшина норовит стакнуться с Москвой. Ей бы только жалованье государево да покой, а мы хочем служить свою службу великому государю, боронить его украйны, идти походом на бесерменские земли, добывать себе зипунов, а то обносились и запаршивели вовсе голутвенные казаки.

Слушали голутвенные люди речи Разина, хмелели еще больше от его слов, вопили, что готовы они идти со Степаном Тимофеевичем к турецким берегам, а заодно уж вот-вот расправятся с изменной старшиной.

Хмелел от своих речей и сам Степан. Хватит, отсиделся он на печке, теперь настала и его пора. Чем он хуже прежних казацких атаманов Наума Васильева, или Михайлы Самаренина, или самого войскового атамана многоопытного да трусливого Корнилы Яковлева? Хватит ему выжидать и присматривать из-за угла, спрашивать на каждый шаг изволения Войскового круга. Он сам себе и атаман и круг. Да разве можно теперь жить постарому, когда вся Русь, весь Дон раскололись надвое, когда вольных казаков травят и ловят как зверей, когда любой воевода может за здорово живешь повесить казацкого атамана?

Горька ему стала милость воеводская. Не мог забыть Разин крик и издевку князя Долгорукого. Смутно теплилась мысль при случае достать воеводу, свести с ним старые счеты.

А голытьбы в Черкасске все прибывало. Говорили, что собирал-де Разин в городе людей, желая захватить атаманство в свои руки, свернуть голову старшине.

Беспокоился Корнило Яковлев. Несколько раз приходил он к Степану с увещеваниями, но не стал с ним долго говорить Разин. Просил лишь дать проход его людям к турецким берегам, в остальном же стоял на своем, защищал голутвенный люд, издевался над домовитыми казаками — слугами великого государя. В ответ Корнило Яковлев собрал Войсковой круг, чтобы унять голутвенных, изрядно пригрозить им. Но те даже не откликнулись на призыв войскового атамана. Круг шел сам по себе, а голутвенные шумели поодаль, ругали войсковую старшину, задирались с домовитыми казаками. Дружки Разина горланили только-только сложенную песню про своего новоявленного атамана:

У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
Породился удал добрый молодец,
По имени Стенька Разин Тимофеевич,
В казацкий круг Степанушка не хаживал,
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак.
Он думал крепку думушку с голытьбою:
— Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на синее море гулять,
Разобьем, братцы, бусурманские корабли —
Возьмем мы казны сколько надобно!

Смехом, криками, дерзкими песнями нарушала голь разговор Войскового круга, расходились домовитые казаки по своим дворам, хоронили добро в подполах и огородах, с опаскою ждали, как повернутся дела далее.

Корнило Яковлев послал тайных гонцов в Воронеж с извещением к тамошнему воеводе, что новое недоброе дело начинается на Дону, бунтуют голутвенные люди и приготовляются к воровству, а к какому, пока неведомо, а он, Корнило, их на низ пускать не хочет, как и указывал великий государь.

Наступил день, и Степан Разин сам пришел к войсковому атаману.

— Отпусти, Корнило, пошарпать турецкие берега, казаки обнищали и обносились. Люди мои уже готовы, а собралось их для этого дела достаточно. Не дашь выхо-

да, сами уйдем, нельзя больше держать казаков в Черкасске, весна подходит, сам знаешь.

Но войсковой атаман не стал даже и слушать. Хотя и опасались домовитые казаки Стенькиных затей, но пока сила была на их стороне. В несколько часов могли собрать они хорошо вооруженное войско, заступить путь к морю. Корнило так и сказал:

— Пойдете силой — собьем вас и выдадим для розыску воеводам.

Пустить голутвенных людей гулять по Причерноморью — означало навлечь на себя великий гнев государя всея Руси. Турецкий султан, слава богу, вел себя смирно, заказывал и крымскому хану нападать на русские украйны, и ссорить Москву с Крымом было казакам не с руки.

Не стал спорить Разин, пришел к своим голутвенным, сказал им, что не пускает на низ старшина, а идти поперек сейчас нельзя: сила одолеет силу.

— Мы еще вернемся, братцы, посчитаемся с домовитыми, не дают нам турецкие берега шарпать, так мы пошарпаем их самих. А сейчас не пойти ли нам, братцы, за золотом и серебром к персидским берегам. Выйдем на Волгу, там уже гуляют наши люди, а оттуда перейдем либо на Яик, либо уйдем в Персию. Застав там казачьих нет, войсковому атаману нас не достать, а что люди великого государя... так мы ведь тоже его верные слуги, пусть и нас жалует. Вон Васька Ус на Тулу ходил да принес с собой хлебный царский запас. А мы чем хуже?

Громко смеялись казаки на слова своего атамана, хлопали друг друга по спинам от радости, глядя на хитрости Разина. Призвал Разин голутвенных казаков и всех, кто захочет, уйти с ним в верховые городки и там уж решать, куда идти походом.

На следующий день стали голутвенные казаки собираться к уходу. Собрали они свою жалкую рухлядишку, заперли обветшалые дома. Многие жили бобылями в чьих-нибудь дворах — тем и вовсе было легко, закрыл за собой ворота, и был таков.

Перед уходом из Черкасска еще раз говорил Степан со своим крестным отцом:

— Ну, смотри, Корнило, накликаешь ты на себя наш гнев, плохо тебе будет.

— Иди, иди, крестник, — угрюмо говорил Корнило. — Я уж из пуганых пуганый, ты меня не стращай, а до ви-

селицы, я скажу, догуляешься, если так гулять начинаешь.

В начале апреля 1667 года Степан Разин посадил свой небольшой отряд на четыре струга и отплыл из Черкасска вверх по Дону. А вскоре после ухода Разина полетела грамотка в Москву от войскового атамана. Теперь уже не воронежскому воеводе, а начальнику Посольского приказа доносил Корнило Яковлев, что ушел Стенька Разин из Черкасска на верховые городки и достать его там будет нельзя. Куда он пойдет оттуда, того Войсковой круг не знает, а похвалялись голутвенные люди выйти на Волгу, а оттуда — на Хвалынское море пошарпать персидские берега.

А в это время плыл небольшой разинский караван по реке Дону.

Разлился в ту пору Дон широко против обычного. Не плыли, а летели струги над серой водой, плавно, но быстро взмахивали гребцы веслами и дружно погружали их в мутноватую весеннюю воду. Торопился Разин наверх, уходило дорогое весеннее время.

Из станиц и городков выходили на берег казаки с женами и ребятишками, смотрели на проплывавший караван, дивились на людей, сидящих в стругах. А люди там были невесть какие: ни казаки, ни крестьяне, ни ярыжки — не поймешь. По одежде виделась самая что ни на есть голь: одеты в лохмотья, перепоясаны веревками, кафтанишки и армячишки в дырах, тело голое сверкает, вооружены чем бог послал. Зато веселье, смех, шутка были в стругах казацкие: шумели люди в стругах на всю реку Дон, задирали станичников, кричали им матерное. Весело было на реке Дону.

— Куда путь держите, робята? — спрашивали с берега.

— Погулять по Волге хотим, — отвечали со стругов, — айда с нами.

— С кем идете-то?

— С атаманом Степаном Тимофеевичем Разиным и с есаулами.

На эти слова иные на берегу отворачивались, плевали в сторону — скажи на милость, новый атаман у беспорточных выискался, брат бунтовщика и сам видимый бунтовщик Стенька. Другие бежали к себе на двор, собирали нехитрую рухлядишку, хватали саблю либо ружье, бежали к лодкам и отправлялись вдогонку за стругами Разина.

Днем разинцы шли походом, а к вечеру приставали к берегу, останавливались по станицам, и начиналась потеха. Голутвенные разбивали стан рядом с селением, а потом шли по дворам. Тех, кто победнее, не трогали, а домовитых, прожиточных казаков задирали изрядно.

Степан входил хозяином во двор, осматривал хозяйство, потом говорил своим «голым» людям: «Вишь разжились на казацком горе, зажирели на московских харчах. Говори, харя твоя поганая, сколько от Москвы жалованья получал, рассказывай, как изменничал, как снюхивался с московскими воеводами. Небось не одного доброго вольного казака Долгорукому да Борятинскому выдал? Отвечай же мне, казацкому атаману!»

Зол и хмур становился Степан в эти минуты, дрожал прожиточный казак как осиновый лист на ветру, притихали и сами голутвенные, смотря на гнев атамана.

— А ну-ка, робята, порастрясите добра молодца, чтобы ему впредь было неповадно воровать против казаков да изменничать.

Бросалась голытьба в богатые горницы, летели, вываливались оттуда на двор дорогие ткани, посуда, доброе оружие, ковры, разная рухлядишка. Тащили голутвенные все это в свой стан, делили там, принаряжались. Порой срывали они злобу на прожиточных казаках — драли их за бороду, таскали по двору — береги впредь казацкие вольности, с воеводами не снюхивайся, против своего брата-казака не кровопийствуй.

Шла молва по Дону впереди стругов, что грабит Стенька домовитых, бьет и дерет их, а голутвенных ласкает, берет в свое войско. Хоронились прожиточные казаки в погребах и банях, прятали на огородах свое добро, а голутвенные люди по станицам ждали прихода разинцев и, едва их струги показывались в виду станицы, бежали на берег, вопили за своих радетелей и защитников, собирались в путь.

Десятки новых казаков примкнули к Разину во время его короткого плавания по Дону.

Степан плыл на головном судне. Строго и прямо оглядывал он свой караван — четыре длинных, идущих голова в голову струга, а за ними десятки донских остроносых лодок, плоскодонных паузков, маленьких парусников.

С почтением смотрели голутвенные на своего атамана. Говорил Степан немного, но всегда к делу, решения

принимал твердо и быстро, учил казаков слушаться себя, в станицах судил по справедливости. А больше всего удивлял их Разин тем, как он возвышал и почитал простых людей, с какой злой и смелой насмешкой говорил о государевых воеводах и служилых людях, обо всех, кто наживался на народном горе. Одним это было все равно, а иные, натерпевшись и хватив лиха в государстве Московском, слушали Разина с великим вниманием.

На подходах к верховым городкам Разину пришло известие, что вдоль берега скоро и бережно идет из Черкасска вослед ему казацкий конный отряд, посланный Корнилой Яковлевым. Наказано черкасским низовым казакам задержать голутвенных, перенять их, вернуть на старые места, а Стеньку силой привести в Черкасск и унять от воровства. А вскоре показался и сам отряд. Покрутились казаки на берегу, посмотрели на разинские лодки, но преследовать не решились, а им со стругов и лодок улюлюкали, свистели, потешались над ними голутвенные люди.

— Доберемся мы до вас, — кричали с воды, — пошарпаем дворы ваши, посмотрим, что за зипуны у вас!

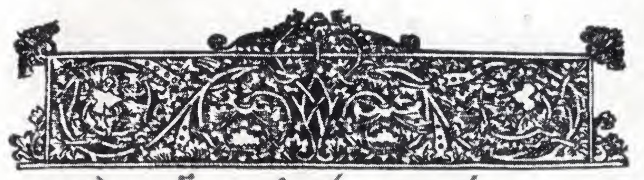
Погрозил Степан кулаком казачьему отряду, но приставать к берегу не велел, торопился наверх, да не догнать бы им было конных: как увидели они многие лодки и многих людей в них, так и повернули коней вспять. Прокричали лишь напоследок, что придет время и возьмет их, воров, силой войсковой атаман. Объявлял Корнило Яковлев открытую войну своему взбунтовавшемуся крестнику.

К середине апреля 1667 года разинские струги достигли верховых городков. Сошли казаки на берег, поставили около стругов и лодок крепкий караул и отправились в Паншин городок.

Любили здесь собираться голутвенные казаки. Стал этот городок как бы столицей голутвенного казачества. Да и городка-то вовсе не было: так, десятка два изб стояло полукружьем на холме, а вокруг землянки да шалаши, в которых спасались от холодов и дождей пришлые люди. Зато место было удобное. Отсюда ходу до Волги несколько дней, можно и пешим и конным, а можно и струги волоком перетащить. Укрывались в Паншине и беглые крестьяне, и холопы, и ярыжки с волжских судов, отсюда уходили легкие отряды погулять по Волге и Хвалынскому морю. Трудно было достать Паншин го-

Карта крестьянской войны под предводительством С. Разина.

Глава, ѳі, ѡ посадскихъ людехъ, а
в ней, м, статей.

Которыя слободы на москвѣ патриаршии, и ми- а
трополичи, и владычни, и монастырския, и
бояръ и ѡколничихъ и думныхъ и ближнихъ,
и всякихъ чиновъ людей. а в тѣхъ слобо
дахъ живутъ торговые и ремесленые люди и
всякими торговыми промыслы промышляютъ,
и лавками владѣютъ, а гдрвыхъ податей не
платятъ и служебъ неслужатъ, и тѣ всѣ
слободы совсѣми людми которые втѣхъ сло
бодахъ живутъ всѣхъ взяти за гдря втя
гло и вслужбы безлѣтно и бесповоротно
ѡпричь кабалныхъ людей. а кабалныхъ людей
порозспросу будетъ скажетъ, что ѡни ихъ вѣ
чные, ѿдавати тѣмъ людемъ, чьи ѡни, и
велѣть ихъ свесть насвои дворы. а которые
и кабалные люди, а ѡтцы ихъ, и родители
ихъ были посадския люди, или изъ гдрвыхъ
волостей, и тѣхъ имать впосады жить.

гна

Уложение 1649 г. Начало главы XIX «О посадских людях».

Вид на Кремль XVII в. С картины А. М. Васнецова.

Наказание на берегу Москвы-реки. Иностранный рисунок XVII в.

Внутренний вид курной избы. Макет. ▶

В Приказной избе. Рисунок К. В. Лебедева.

Донской казак.
Литография.

Донская казачка.
Литография.

Столбцы и книга Поместного приказа.

Боярин и боярыня. Рисунок XVII в.

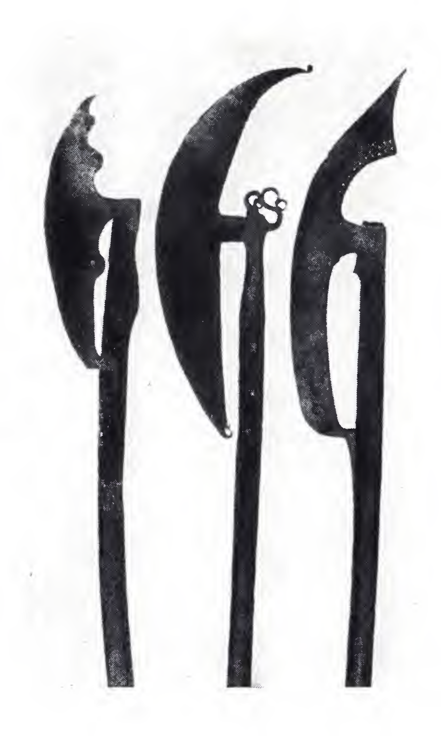
Астрахань. Гравюра XVII в.

Портрет С. Разина. Иностранная гравюра XVII в.

Бердыши.

Кремневое ружье XVII в.

Изображение стрельца. Рисунок XVII в.

Кистень, боевые топоры.

Вооружение рейтар. XVII в.

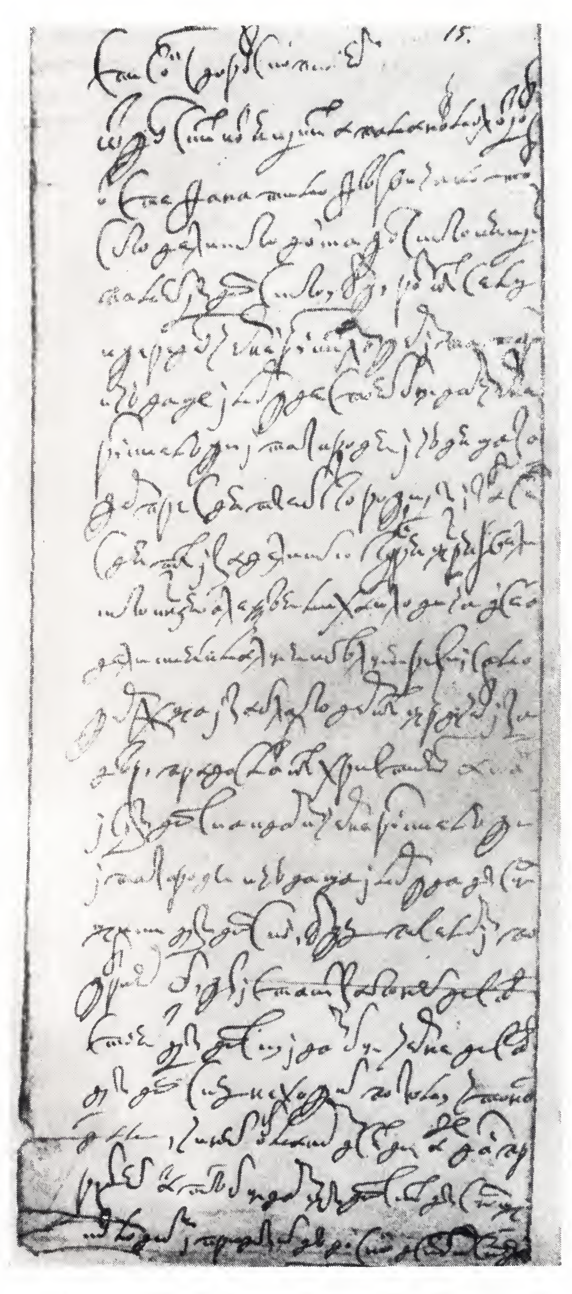

Астрахань во время пребывания там С. Разина. Гравюра XVII в.

В прошлом во ҂зрое г(о)ду в забы
тии страх(а) б(о)жии с великого г(осу)д(а)ря
ц(а)ря и великого кн(я)зя Алексея
Михайловича всеа великия и малыя
и белыя росии самодержца крестное
целование и его г(осу)д(а)рскую м(и)л(о)сть к себе
великому г(осу)д(а)рю изменили и собрався
пошли з Дону для воровства на
Волгу и на Волге многие пакости
починили и патриаршы и митрополи(чьи)
насады и иных многих промы
шленных людей на Волге и струги
на Волге и под Астраханью погро
мили и многих людей побили

... в ... из Астрахани и с ...
дру Томилко Семенов Беклемишева
отправили с стругами ...
... и на морех ...
... городу ... [illegible]

Отписка воронежского воеводы Б. Бухвостова в Москву о продвижении С. Разина вверх по Волге.

15.

Обращение С. Разина к народам Поволжья.

родок из Черкасска, и все же по указам царя доставали домовитые казаки до Паншина, жгли они городок дотла, засыпали землянки, разметывали шалаши, разгоняли голь в разные стороны, но проходило время, и вновь собирались здесь голутвенные люди, отстраивали избы, рыли землянки, шумели, уходили казаковать на Волгу и по русским уездам, и вновь закипала жизнь в Паншине.

С ранней весны 1667 года особенно шумно и беспокойно стало в Паншине и в соседнем, Качалинском, городках. Голутвенные бродили по городкам, похвалялись учинить вскоре веселое дело на Волге. Приходили в городки люди из Черкасска, шептались тайно, по углам, со здешними казаками и беглыми людьми. Отсюда уходили лазутчики в уездные русские города, а с какой целью, то было неведомо. Несколько казачьих отрядов вдруг снялось из городков и еще зимним временем вышло на Волгу. Тайные государевы лазутчики сбились с ног, шныряли и пронюхивали дела в верховых городках. Потом везли тайные гонцы грамоты в Царицын, Воронеж, в Москву, в Посольский приказ, с доносами на новый великий воровской умысел донских верховых казаков. А оттуда шли грозные наказы воеводам по городам.

В апреле астраханский воевода Иван Хилков получил грамоту из приказа Казанского дворца, а наказывалось в грамоте жить воеводе на Астрахани с великим береженьем потому, что «на Дону, в Паншине и в Качалинском городках збираются воровать на Волгу многие воровские казаки, а чаять-де, их будет с 2000 человек. И хотят, взяв под Царицыном струги и лотки в день за боем, итти для воровства».

Известия о сборе голутвенных казаков в Паншине и Качалинском городках и наказы о великом береженье против ведомых бунтовщиков рассылались и в другие русские города.

Научена была Москва походом Василия Уса, боялась повторения нового выхода казаков на южнорусские рубежи, смуты среди уездных людей и холопов. Указывал великий государь пресечь новое ожидаемое воровство если не силами Войскового круга, то опытом, сноровкой, воинским умением своих воевод.

Еще не слышен и не виден был Разин, еще не дошло его имя не то что до Москвы, но даже до Царицына или Астрахани, да и сам он еще был на пути к Паншину и

Качалинскому городкам, а тревога, вызванная его замыслами, бежала во все стороны от реки Дона. С замиранием сердечным говорили голутвенные о новом походе, а что, куда — никто не знал толком, только ожидали и надеялись все сверх всякой меры.

Беспокоились воеводы. Никто не знал, что затевают голутвенные казаки, но виделось, что не простое это будет дело и люди стоят за ним не простые.

А Разин ни словом, ни намеком не выдавал своих мыслей: только и делал, что слал людей всю зиму в верховые городки, будоражил их сладкими надеждами, подогревал ненависть к боярам, воеводам и домовитым казакам.

К весне дали себя знать казацкие отряды и лазутчики, ушедшие из верховых городков на Волгу и далее. Из Царицына сообщил в Москву, в приказ Казанского дворца, воевода Андрей Унковский, что напали воровские казаки на струг с икрою и на струг с животами * нижегородского посадского человека Степана Аникеева, и пограбили струги, и ушли на Дон в воровской Качалинский городок. «А чаять-де, — писал царицынский воевода, — что приходили те казаки для проведывания на Волге стругов и лоток». Предупреждал воевода, что идет слух о том, что будет у казаков великое воровское собранье, а стругов и лодок на Волге и по разным урочищам стоит много: зимой вмерзли; их-то и высматривали казаки и сосчитывали.

В апреле пришла новая весть из Астрахани: напали казаки числом в семьдесят человек на торговых людей, ехавших из Терского городка в Астрахань, а были казаки в двух стругах. Товары забрали, а в людей стреляли из ружей, но никого не убили и не ранили, а так, попугали.

Быстро вышли из Астрахани конные стрельцы со стрелецкими головами Василием Лопатиным и Семеном Яновым на поиск. Нашли стрельцы тех казаков на взморье и учинили им бой, побили многих и пометали в воду, а остальные ушли степью.

Все вести от посланных казацких отрядов стягивались к Паншину.

Еще лишь подходил Разин к верховьям Дона, а люди его верные уже обо всем проведывали — и на Царицыне, и на Волге, и на взморье. Где сколько стоит стругов, и

* Имуществом.

где стрелецкие заставы, и как стрельцы — горазды ли воевать с казаками.

Весть о приходе Степана Разина в Паншин городок быстро разнеслась по всему верховью Дона. И сразу пришло в движение голутвенное казачество. Отовсюду шли в Паншин люди, в кузницах ковали сабли и пики, дымили костры на берегах Дона — казаки заново конопатили и смолили лодки, запах смолы летел над городком, из урочищ и камышовых зарослей вытягивали запрятанные там челны, запасали порох, делали пули.

Степан с самого появления в Паншине не знал покоя. Он осматривал струги и лодки, указывал, как лучше снаряжать их в поход, посылал лазутчиков в сторону Царицына за верными вестями, ходил сам в Качалинский и иные городки. Скоро каждый уже знал Разина в лицо, многие люди говорили с ним, и для каждого у Степана находилось доброе слово, ободрение, шутка.

— Ну что, — говорил он крестьянину, смотревшему на атамана во все глаза, — замерз, сердешный? — И он клал руку ему на плечо, прикрытое рваной дерюжкой. — Плохо, видать, тебя хозяин одевал, коль тело сквозь одежу просвечивает. Ничего, скоро доберемся мы до твоего хозяина, научим его уважать вольных казаков, иди-ка ты, сердешный, к есаулу, он тебя определит.

Исхолодавшиеся и голодные люди, беглые и неприкаянные — вся голь верховая дивилась на атаманову ласку и простоту. Говорил Степан всем беглым и неприкаянным: «Вот выйдем на Волгу, и кончатся ваши мучения — сами себе хозяевами будете, а над вами только бог один, и ни воевод тебе, ни бояр, ни помещиков, ни казацкой старшины, бери зипунов сколько хочешь, владей всем. Живи, как вольный казак живет».

Вопили голутвенные за атамана Степана Тимофеевича, торопились на Волгу и за море.

Звал Разин за зипунами, обещал добычу богатую и обильную пищу, а разговор нет-нет да и свертывал на воевод царских да бояр, посматривал искоса, как встречают люди его слова.

А встречали хорошо. Мятежный и бунташный народ собирался в Паншине, головы отчаянные: приходили те, кто не хотел терпеть боле крепостной неволи, тягостных поборов, колодок. Таких плохим словом про боярина не испугаешь, скорее повеселишь сердце.

Шумели казачьи верховые городки. В открытую со-

бирал Разин свое войско. Теперь, когда людей, кто шел с ним, перевалило за две тысячи, не боялся и не таился он больше. Только торопил есаулов и сотников да говорил с пришлыми людьми, что приходили в казачий табор: кто, откуда — только смотри в глаза, говори атаману правду, — где был по дороге, что видел, что думают люди по селам и городам, много ли стрельцов встречал в пути и откуда ждать их теперь? Все интересовало Разина: какие воеводы по городам сидят, чаят ли их перемены в ближайшее время, доволен ли народ воеводами или, напротив, бунтует и грозится, что говорят по слободам и слободкам?

Быстро доходили вести из Паншина и Качалинского городка до Москвы, а как, то было казакам неизвестно. Да и не знали они, что скакали из столицы срочные государевы гонцы в южные города с тайными грамотами за пазухой. Наказывалось в грамотах держать и блюсти города с великим береженьем и казакам на Волге и на иных реках воровать не дать, и на море не пропустить, и обо всем проведать доподлинно, где стоят казаки, сколько их, и кто именем у них атаман и есаулы, и что замышляют они. Готовились воеводы, ссылались меж собою грамотами, опасались, собирали по городам служилых людей для промысла над ворами и мятежниками. Первым на свой страх начал действовать царицынский воевода Андрей Унковский...

Однажды утром, когда казацкий табор уже проснулся и начинал свои повседневные хлопоты, на берег Дона от Царицына вышли пять человек, которые сказались посланцами от воеводы Унковского. Главным среди них назвали казака Ивана Бакулина. Кричали царицынские люди в казацкий табор, что шли они трудным путем от Царицына и теперь хотят говорить с казацким атаманом.

Посланцы видели, как забегали казаки, как поднялась суета на маленьком островке. А вскоре на берег вышел важный и представительный казак с негустой бородой, в хорошем кафтане и при оружии, рядом с ним шло еще несколько человек.

— Ну, я атаман, Степан Тимофеевич Разин, а это мои есаулы и сотники! — крикнул казак. — Что надобно от меня воеводе Унковскому?

Со всех сторон окружала полая вода остров, на котором разбили казаки табор под Паншином, — ни пройти, ни проехать туда было нельзя. Покрутился на берегу

Иван Бакулин, попросился на остров, но отказал Разин: «Говори с берега, что за дело, а мы тут разберемся».

— Приказал тебе воевода уняться и вернуться обратно на Дон, а людей своих распустить.

Дружным смехом встретили казаки слова Бакулина. А тот продолжал:

— А не уйметесь вы, воевода приказал сбить ваш городок и людей ваших перенять.

Снова засмеялись казаки.

— А ну-ка взять их, робята! — приказал Разин.

Быстро полетели от островка легкие казацкие лодки, и не успели воеводские посланцы опомниться, как уже подскочили к ним казаки, отняли оружие и припасы, бросили в струги, притащили к атаману.

Разин подошел к Бакулину, осмотрел с ног до головы, да так, что съежился бывалый казак, а потом спокойно и достойно сказал:

— Поезжай-ка ты к своему воеводе да скажи ему, чтоб не посылал ко мне своих служилых людей, а не то я велю перебить их, а город ваш, Царицын, велю сжечь.

Загудели одобрительно казаки, пошла весть по острову, что дерзко и смело ответил Разин воеводскому посланцу.

— А сейчас, — закончил Степан, — чтоб не было вас боле здесь, не то худо с вами мои люди сделают, идите, пока мы добрые. — И засмеялся, повернулся спиной к Бакулину, пошел по своим делам, а за ним есаулы и сотники.

Посадили Бакулина в лодку, перевезли на другой берег и выставили из городка. А уже через несколько дней Бакулин докладывал царицынскому воеводе: «Стоит Стенька на высоких буграх, а кругом его полая вода: ни пройти, ни проехать, ни проведать, сколько их там есть, ни языка поймать никак не можно, а кажись, человек тысячу будет, а может быть, и поболее». А больше ничего толком сказать Бакулин не мог.

Беспокойным человеком и истовым воеводой показал себя Андрей Унковский. Через несколько дней он снова послал в стан к Разину своих людей. Пришли в Паншин городок священник одной из царицынских церквей вместе с монашком. Беспрепятственно прошли они до Паншина и там, молясь, много увидали и разведали, однако до Разина не дошли. Строже стали порядки в разинском таборе, в стан к атаману пропускали теперь

лишь по особому на то разрешению. Видели духовные люди с берега, как появлялся несколько раз Разин в своем городке: шел впереди, а чуть поодаль есаулы и сотники. Выслушивал людей Степан приветливо, но и с достоинством, и не всякий человек теперь мог, как говорили, дойти до атамана. Несколько верных казаков ходили за Степаном по пятам, оберегая от всякого лиха.

Пришли лазутчики назад в Царицын ни с чем. Видели лишь, как гнали по реке со всех концов струги, да чувствовалось по веселому гулу и суете в городке, что вот-вот двинется с места вся ватага. Узнали они со слухов, куда направляется Разин. Говорили люди, что собирается он идти на Волгу, а потом на Яик, а потом нанести удар по владениям тарковского шамхала Суркая, жившего по берегу Хвалынского моря.

Проходили дни, но Разин не торопился. Необычно начинал новый атаман свой поход. Кажется, чего легче: собралось людей две тысячи с лишком, струги под рукой, вода стоит высоко, и айда вперед гулять по Волге, да грабить торговых людей, татар да калмыков, досаждать воеводам, как это делали деды и прадеды. К этому и звали его друзья — не медлить, уйти из Паншина, пока не достали их там Войсковой круг и воеводские полки. Но Разин начал с другого: проявил большую осмотрительность, основательность и осторожность. Сначала сам погулял и по Дону, и по реке Иловле, побродил по верховым городкам, разослал кругом лазутчиков, а разбив свой табор близ Паншина городка, отгородился от мира, перенял на свой берег все струги и лодки, поставил вокруг стана крепкие караулы, приказал своим людям укреплять табор казацким обычаем, будто были уже казаки в походе где-нибудь среди своих врагов. Насыпали казаки вокруг стана земляной вал на своих буграх, обнесли его частоколом, выкопали землянки и расселились в них, поставили и несколько рубленых изб для атамана и своей старшины. А уже отсюда, с бугров под Паншином, послал Степан своих лазутчиков под Царицын — разведывать все доподлинно о государевых стрельцах, а главное: высмотреть и сосчитать по рекам и урочищам струги.

Позаботился Разин и о добром вооружении и снаряжении своих людей. Разинские гонцы вдруг появились в окрестных городках, дошли до Воронежа, приглашали

торговых и ремесленных людей приезжать в Паншин торговать кто чем мог. Всю весну тянулись торговые люди в верховые городки, везли с собой, как просили казаки, порох, свинец, ружья, сабли, а казаки давали взамен свою последнюю рухлядишку, спускали все по дешевой цене, надеялись взять новые зипуны в походе.

...Степан сидел перед своей избой на добытом невесть откуда красивом стульчике, рядом стояли есаулы.

— Откуда, кто таков? — строго и пристрастно спрашивал атаман — боялся лазутчиков воеводских. — Неволей какой или своей волей в казаки идешь, готов ли на подвиги ради вольности казацкой и славы, будешь ли верно служить своему атаману и блюсти казацкие обычаи?

И пока пришлый человек отвечал атаману, Разин буравил его своим взглядом, вглядывался в глаза, искал в лице правду. Потом оборачивался назад, говорил: «Дайте молодцу оружие, определите в сотню, верю, добрый будет казак». А бывало, мрачнел Разин, наливался злобой, косил глазами, вскакивал и хватал пришлого человека за ворот, драл рубаху до пупа:

— Да как ты смеешь врать мне, атаману? Крестьянин, говоришь? Помещичий страдалец? А ну покажи-ка руки, боярский прихвостень! — Швырял лазутчика одним взмахом кулака на землю, хватался в сердцах за саблю, отделанную драгоценными каменьями. Успокаивал его старшина, шептали что-то на ухо есаулы. Отходил он, отворачивался в сторону. Уползал прочь боярский человек под насмешливые возгласы казаков, выталкивали его к берегу, бросали в воду — плыви на тот берег в студеной апрельской воде, чтоб неповадно было впредь проникать злым умыслом в казацкий стан.

И за всей этой видимой суетой никто даже из ближайших к Разину людей не знал толком, чего же хочет атаман. Видели лишь, что злым словом поминает он бояр и воевод и прельщает тем сверх меры простых людей, понимали, что нужны струги Разину для выхода на Волгу и на море, а дальше гадали кто что мог. Умел Степан хранить свои мысли в тайне. Никому не доверял их, так как понимал, что кругом него кишмя кишат лазутчики, много темных людей проходит через Паншин и Качалинский городки, уйдут с ними верные вести к воеводам по городам, и тогда худо начнется казацкий поход, о котором хлопотал Разин вот уже несколько месяцев.

Больше всего страшился Степан, что обложат его воеводы в городках раньше времени, не дадут выйти на Волгу. Потому и говорил он даже близким своим людям, что хочет послужить великому государю, как казацкие атаманы и до него служивали. Хорошо помнил Степан, что такая «служба» позволила Василию Усу дойти до Тулы и уйти от государева наказанья, что Москве тоже было мало выгоды без дела задирать казаков. Лукавил Разин, выгадывал время.

Наконец все было готово к предстоящему походу.

Торжественно проводили верховые городки казаков в долгий путь. Весь народ вышел на берег. Качались на пышных водах весеннего Дона свежепросмоленные казачьи струги, пахло струганой древесиной, трепетало на переднем челне атаманово знамя. Казаки погрузили боевые припасы, еству и питье, разместились по судам, гребцы заняли свои места у уключин; на передний струг вошел по проложенным мосткам сам атаман, в другие струги вошли есаулы. Степан сел на лавку, махнул рукой, и струги стали медленно разворачиваться против течения реки, выходя на стремнину.

Первые часы плавания прошли благополучно. Едва казаки потеряли из виду городки, как тут же повернули к берегу, где было помельче и где струги шли легче. Так плыли до полудня. А к полудню на берегу появились первые стрелецкие заставы. Конные стрельцы скакали вдоль берега, кричали казакам, чтоб бросили воровать и возвращались к себе по станицам.

— Разбойники, — кричал стрелецкий голова, — уймитесь, не то быть вам в великой опале от государя!

— Не разбойники мы, — отвечали весело казаки со стругов, — а работнички нашего атамана Степана Тимофеевича Разина, и мы сами слуги великого государя. Он нас милует и жалует, а вы сгиньте, окаянные, не то не быть вам живу.

Но стрельцы не унимались. Подоспели еще конные, и теперь они грозили саблями и пищалями, если казаки не повернут назад.

Разин действовал быстро и решительно. Струги повернули к берегу, ткнулись носами в прибрежный песок; казаки выскочили, взобрались на берег и немедленно ударили по стрельцам, которые не ожидали такого натиска. Одних рубили саблями, других стреляли из пищалей. Бросились стрельцы врассыпную в степь, а казаки

кричали им вслед, чтобы не смели больше попадаться им на пути, не то всех убьют до смерти.

В следующие дни казаки сбили еще несколько небольших стрелецких застав и очистили себе путь на Царицын. Они вышли из стругов в самой излучине Дона, где он ближе всего подходит к Волге, вытащили лодки на берег, обсушили их, а потом поставили на катки и двинулись в сторону Царицына.

Вскоре вдали заблестела волжская вода. Разведчики, что дежурили в здешних местах уже давно, коротая время по балкам, в шалашах, у костров, донесли, что путь к реке чист. Как и ожидал Разин, вышли казаки выше Царицына. Там и спустили струги на воду. В заливах их ждали еще несколько десятков человек, которые успели набежать сюда на своих лодках из разных мест.

Совсем немного отдохнули казаки после донского перехода. Вскоре же повскакали на суда и двинулись вниз по Волге.

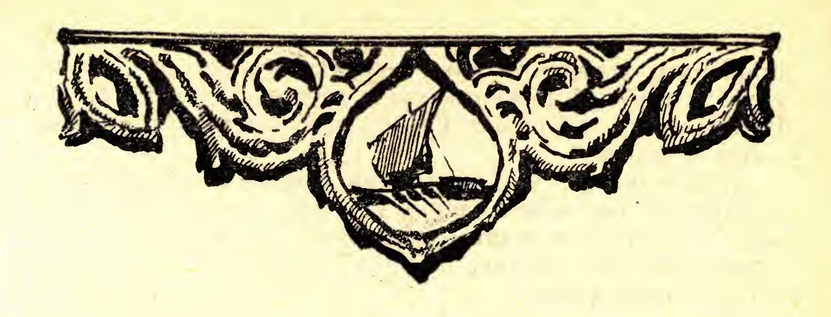

II

Удачливый атаман

6. «ИЗ-ЗА ОСТРОВА НА СТРЕЖЕНЬ...»

Наконец-то осуществилась давнишняя мечта Степана Разина — во главе большого казачьего войска он вышел на российские просторы.

В свои тридцать семь лет Степан многое уже постиг, многое умел. Умел он строить укрепленные казачьи станы на буграх, чтобы обезопаситься от внезапного вражеского нападения, знал разные казацкие хитрости, которые атаманы и старые казаки передавали из колена в колено, умел воевать внезапно и дерзко, не щадя ни себя, ни врага. Не надо ему было более ни московской чести, ни воеводских и атаманских посулов. Он понял, что не быть ему никогда таким хитроумным, как Корнило Яковлев, Наум Васильев и другие. Нет. Совсем другие мысли владели им все чаще и чаще. Ему казалось, что боль голодного, запоротого крепостного крестьянина, беглого затравленного холопа, нищего и придавленного посадского человека, горькая доля волжского бурлака и водолива, горемычного ярыжки — это и его собственная боль. Железным обручем схватило Российское царство простых людей и в своих пределах, и на огромных вольных украйных землях. Добирается до Дона, Яика и Запорогов. Кончается вольная и свободная жизнь. Это был страшный враг, враг жестокий и неумолимый, и бросаться на этого врага в одиночку, с дубинкой было немыслимо. Нужны были верные друзья, нужны были многие люди, как у Василия Уса, а может, даже и более. А какая ему, Разину, цена, если он, дожив почти до сорока лет,

так и не сумел оторвать казаков от суесловия казацкой старшины, встряхнуть их, вернуть казакам их былую славу и веру? И только выход в верховые городки дал и Василию Усу, и Степану Разину небывалую дотоле силу, славу и власть.

И вот теперь, все подготовив с великим тщанием и осторожностью, вывел Степан на Волгу две тысячи человек. 25 стругов и великое множество лодок не плыли, а летели вниз по течению, по желтоватой мутной волжской воде в сторону моря.

Никогда до этого не выходило в разбойный казачий поход столько народу, да и сам народ этот был необычным для казачьих походов. Немного среди них было старых домовитых казаков, а больше все люд новый, молодой, беглый, дерзкий — недавние помещичьи крестьяне, боярские холопы, разорившиеся посадские люди, ярыжные работники.

Разин сидел как обычно на переднем струге, на крытой ковром лавке. Рядом с ним сидел ближний есаул, дорогой друг Иван Черноярец. Степан знал его еще по Черкасску. Вместе они задумывали этот поход, говорили с людьми. Другие есаулы и сотники плыли в следующих стругах. Фрол Минаев, Якушка Гаврилов, Леско Черкашенин и иные. В ногах у Степана, на дне струга, стоял бочонок с ренским вином, купленным по дорогой цене еще в Паншине у воронежского торгового человека. Рядом на лавке лежали атамановы сабля и бунчук. За поясом у Степана торчал пистолет, тускло поблескивая рукояткой с дорогой серебряной насечкой. Круглая косматая шапка надвинута на самые атамановы брови, а из-под бровей взгляд — внимательный и строгий.

Несутся струги по Волге, вьются над ними чайки.

Мерно в пояс сгибаются перед Разиным гребцы. Совсем уже побурели от пота их рубахи, а атаман все помалкивает, не дает знака к остановке. Он внимательно всматривается в берега, будто отыскивая что-то; наконец, около полудня дает приказ — к берегу. Веселей заработали гребцы, быстрее полетели струги по воде, разбрасывая в стороны желтоватые волны. Еще несколько взмахов весел, и лодки уже уткнулись острыми носами в песчаный берег. Тут же казаки, скинув сапоги и задрав до колен штаны, влезли в воду, подтянули струги к берегу, перекинули мосточки с лодок на песок, помогли сойти атаману и есаулам.

Степан поднялся на крутой берег, осмотрелся вокруг и приказал разбить здесь первый казачий стан.

Еще только вышел Разин на Волгу, а молва о нем уже летела по всей реке. Больше прежнего обнадеживался простой люд, беспокоились воеводы, стрелецкие начальники.

Не удержав Разина на Дону, решили воеводы заступить казакам путь по Волге. 22 мая 1667 года астраханский воевода Иван Андреевич Хилков, блюдя службу, выслал навстречу казакам своих стрельцов. Водным путем пошли на Черный Яр для поиска над казаками в стругах стрелецкий голова Богдан Северов, а с ним четыре человека сотников, четыреста стрельцов, да солдатского строю иноземцы поручик Кашпар Икольт и прапорщик Вальтер Завалих и сто человек солдат. А сухим путем двинулся стрелецкий голова Василий Лопатин, а с ним три человека сотников, конные стрельцы триста человек, да триста человек юртовских татар с табунным головою. В Черный Яр была отправлена наказная память тамошнему приказному человеку Александру Жердинскому — придать немедля тридцать человек добрых стрельцов в стругах Северову и двадцать человек конных стрельцов Лопатину и чинить им поиск над казаками сообща, и если милосердный господь бог помощи им подаст, то тех воровских казаков велено было переимать или побить. Поскакал гонец и в Царицын к воеводе Унковскому с приказом дать в помощь своих стрельцов Северову и Лопатину, как те придут на Царицын, и обо всем в Астрахань, на низ, подлинно отписать.

А казаки тем временем укрепляли свой бугор. Разин решил устроить свой стан так, как это он уже сделал однажды в Паншине городке. Опасался атаман внезапного налета стрельцов, неподалеку бродили и лихие татарские и калмыцкие отряды, опасной жизнью жила степь, опасно было и на Волге. И хоть не привыкли казаки проводить время с лопатой в руках, но такое уж дело: раз атаман сказал — значит, надо.

Весь день трудились они на земляных работах. Вынули вокруг бугра землю и сделали насыпь, проделали в ней бойницы. К ночи казаки выставили по всему бугру и внизу на реке у стругов крепкие караулы и легли спать.

Свое первое утро на Волге разинские работники встретили хорошо. Крепок и устроен был их стан, с высокого

бугра Волга просматривалась вся как на ладони. Понимали казаки, что лучшего места для них и не найдешь, только недоумевали — зачем все это? Не лучше ли действовать так, как это делали их прежние атаманы, — брать добычу с налета, пошарпывая окрестные берега, ждать караваны, притаившись где-нибудь за речной косой или за стрелкой, и идти, да идти дальше, пока не начнут отвисать сумы от всякого добра и струги уже не поднимут все богатства.

Но Разин велел ждать. Атаман не торопился. Он и сам хорошо знал волжские порядки. Время сейчас было самое подходящее: не сегодня-завтра побегут вниз по реке весенние караваны с севера, повезут в насадах на Астрахань хлеб, военные припасы, казну для расплаты с ратными людьми и работниками на учугах и соляных промыслах; с бугра караваны можно увидеть не меньше как верст за пятнадцать-двадцать, не то что из-за речной косы.

День прошел в сладкой весенней дреме. Жарко грело солнце, на реке было тихо. Волга будто вымерла. Казаки слонялись бездельно по бугру, поглядывали на пустынную реку. Потом наступила прохладная майская ночь. А рано утром, едва встало солнце, с дальнего края бугра завопил молодой караульный:

— Степан Тимофеевич, батюшка, идут насады-то сверху под парусами, и стругов с ними не счесть, батюшка!

Выскочил Степан на край бугра — здесь была дорога каждая минута — посмотрел на реку. И точно: из-за дальней стрелки выплывали белые квадратики парусов, около них тонкими хворостинками чернели весельные струги. Атаман прикинул на глаз — верст восемь-десять. Это значит, что караван по спорой весенней воде через четверть часа пройдет мимо бугра. Степан сделал знак, и тут же по всему стану забегали казаки, закричали: «Поднимайся! К стругам, робята! Караван идет!»

Кубарем скатывались казаки с берега, заполняли лодки, прилаживали весла. Разин занял свое обычное место на головном струге.

Все ближе подходил караван к разинскому бугру. Можно уже было видеть личные знамена, которые трепетали над купеческими стругами. Над одним из насадов колыхалось знамя московского святейшего патриарха, над другим — реял вымпел великого государя.

Охрана каравана уже заметила стан на бугре и людей в стругах. Стрельцы суетились возле небольших медных пушечек, что стояли по бортам насадов, заряжали пищали, стрелецкие полусотники бегали по палубе, расставляли людей вдоль бортов. Струги помельче жались к хвосту каравана, уходили под укрытие пузатых, увесистых насадов.

Когда до головного судна оставалось саженей триста, Разин крикнул: «А ну вперед, робята! Пощекочем боярских людишек!» И тут же ударили весла по воде, закипела Волга, полетели казачьи струги наперерез каравану.

Весеннее течение в этом месте Волги сильное — так и сносит вниз, но Разин рассчитал точно: в самой середине реки переняли казаки караван. Хлопнул по реке пушечный выстрел, эхо отдалось вдоль берегов, шлепнулось ядро в воду, подняло фонтанчик брызг, а казачьи струги со всех сторон уже облепили насады. Вцепились казаки в высокие борта, стали перелезать на палубы.

Разин выпрыгнул на головное судно одним из первых. С саблей в руке бросился к стрельцам. Так страшен был Степан в своем неистовстве, что даже не сопротивлялись стрельцы. Побросали сабли и пищали на палубу. Да и что они могли поделать против двух тысяч отчаянных храбрецов.

— А ну поворачивай к берегу! — приказал Степан рулевому. Тот беспрекословно повиновался. Караван медленно развернулся и направился в сторону разинского бугра.

Здесь же, на берегу, Разин учинил свою первую расправу над купеческими, патриаршими и государевыми людьми.

Атаману вынесли креслице и поставили посреди палубы. Всех караванных людей собрали на головный насад и поставили перед атаманом. Были здесь боярские приказные люди, сопровождающие караван, купеческие приказчики, всякие служилые люди, стрельцы, ярыжки, кормчие, водоливы, гребцы, грузчики, бурлаки.

На одном из насадов казаки нашли колодников. Истомленные, изголодавшиеся, выходили они на белый свет в железах, с рогатками на шее. Везли стрельцы колодников на поселение в далекую Астрахань, чтобы не мутили в Москве честной народ, не воровали, а жили бы тихо и смирно на промыслах и учугах и работали бы исправно.

Встал Разин, подошел к колодникам, ласково заговорил с ними:

— За что вас, сердешные?

Загудели колодники, заговорили все сразу.

— Ну ладно, — махнул рукой Разин. — Освободите их, робята. Хочете мне служить? Хочете вольными казаками быть, посчитаться с вашими обидчиками?

— Хочем, батюшка! — закричали колодники. Полетели рогатки на землю, сбросили кузнецы железа с ног и рук людей. Запричитали колодники, бухнулись в ноги атаману. А Степан уже повернулся в сторону караванных работников.

— А вы с кем хочете идти? Неужто воеводам да боярам служить будете? Я вам всем даю волю, идите, куда кто пожелает. Силой вас не стану принуждать, а кто захочет идти со мной — будет вольным казаком и добрым другом. Я пришел бить только бояр, воевод да богатых купчин, а с вами, с бедными да простыми, готов, как брат, всем поделиться.

Смотрели ярыжки и стрельцы на атамана, смущали их его небывалые, диковинные речи. А потом бросились к нему, заголосили, начали славить за отеческую заботу.

— Примите их к себе, робята, — сказал Разин, — накормите досыта, чем бог послал, дайте им оружие, определите в сотни. Быть вам, братцы, отныне вольными казаками. А вы что смотрите? — И он грозно повернулся в сторону оробевших боярских и купеческих людей. — Что притихли? Хватит, попили крови народной! Ну, что делать с ними, братцы, — обратился он к работным людям и колодникам, — казнить или миловать? Как скажете, так и будет.

Те нестройно закричали:

— А чего там думать, тащи их, псов, на виселицу! Кинуть в воду, и делу конец, лизоблюды окаянные!

Совсем притихли приказные люди. И вдруг раздался голос: «Креста на вас нет, нечестивцы!» Вперед выступил монастырский старец, сопровождавший из Нижнего Новгорода патриарший насад.

— А ты кто такой? — повернулся к нему Степан. — Кто это, братцы? Пошто защищает он кровопивцев, врагов ваших? — Говорил Разин, а лицо его наливалось кровью, багровело. — А ну-ка тащите сюда святого отца!

Казаки схватили осевшего вдруг назад старца, подтащили к атаману. Подскочил к нему Степан, схватил

его за руку, рванул на себя, охнул старец, плетью повисла рука вдоль тела.

— Ах ты, собака! — зашелся яростью Степан. Ударом кулака он свалил монаха на землю, выхватил чекан, наотмашь хлестанул им по плечу старца, хрястнула кость, припадочно задергался на земле старец. — Бей их, робята! — пронзительно и дико закричал Разин.

Казаки бросились на попятившуюся толпу приказчиков и служилых людей. Одних тут же порубили саблями и сбросили в воду, других для потехи потащили к реке и там подталкивали, загоняли пиками в глубину. Приказчиков с насада богатого московского гостя Василия Шорина потащили к мачте. Знали и на Волге, и на Дону гостя Шорина. Крут и скуп был Василий Шорин. Не одного бедного человека разорил он. Кого давил ссудами, кого прижимал своей широкой торговлей. Приказчики Шорина рыскали по селам и градам, добывали гостю барыши, приносили людям слезы.

Казаки быстро приладили к мачтам петли, потащили к ним шоринских людей. Тащили и приговаривали: «Скоро и до гостя Василия доберемся, дай срок». Повесили приказчиков и принялись за стрелецкого полусотника, целовальников.

Разину тем временем поднесли чарку вина. Атаман выпил и, не ев с утра, быстро захмелел.

— Где спрятали деньги? — набросился он на целовальников. Те упали перед ним на колени.

— Нет у нас, батюшка, денег, не торговали мы нынче. Есть лишь путевая казна, возьми, не прогневайся.

— Не торговали? — распалялся Разин. — А что же вы, сукины дети, в Симбирске да в Казани делали? — Степан выпил еще чарку и совсем захмелел.

— А ну тащи огонь, робята, поджарим сучье племя. Не только нас огнем пытать. Мы тоже не лыком шиты.

Казаки притащили жаровни, стали класть огонь и раскаленные прутья на спины целовальникам. Те корчились, вопили, но о деньгах молчали.

— Зарубить их, — сказал Разин и повернулся к Кузьме Кереитову, который вез колодников. — А тебе мы почет воздадим. Ведь ты царский служилый человек. А ну-ка раздеть его, братцы!

Провожатого раздели и посадили на песок. В руки ему Разин дал ларец от государевой казны.

— Вот и сиди тут, охраняй казну, пока мы из Пер-

сии не вернемся, а тронешься с места, из-под земли достанем, изрубим в куски.

Мелкой дрожью трясся от страха Кузьма; прикрывал свою наготу ларцом. А казаки смеялись.

Потом здесь же, на берегу Волги, они устроили свой первый дуван. С насадов стащили в общую кучу все товары, сюда же бросили одежду с убитых людей, собрали всю захваченную на судах казну. Делили долго, истово, по справедливости и поровну, чтоб каждому досталось без убыли и прибыли.

На свои струги казаки перетащили с насадов легкие медные пушечки, ружья, огненный припас. Царские, патриаршие и купеческие знамена разорвали в клочья и бросили в воду, захваченные струги присоединили к своим, рассадили в них новоприбылых людей.

Вскоре атаман приказал свертывать стан.

Весело переговаривались казаки в стругах, поглядывали на своего атамана. И впрямь настоящий атаман Степан Тимофеевич.

А Разин сидел хмурый. Он знал за собой приливы этой неистовой дикой злобы, когда темнеет разум и появляется неутолимое желание все крушить и уничтожать.

Он вспоминал, как дергался на дощатой палубе обезумевший от боли старец, и ему было нехорошо. Тех повешенных и зарубленных было не жаль. Это были враги. Если бы стрельцы, паче чаяния, взяли верх, то тогда и его самого, и его друзей сейчас пытали бы огнем, а потом развесили бы на мачтах. А старца бить было не надо. Ну да бог с ним. Сколько еще ждет его впереди таких вот дел. На всех убитых и потопленных не наплачешься. Он снова вспоминал купеческих приказчиков, их угодливые, сытые лица, видел ненависть в глазах стрелецкого полусотника, и снова ярость охватывала его и застилала глаза. Только бы еще где-нибудь добраться до этих воеводских прихвостней, увидеть, как дрожат их руки, как лепечут они жалкие слова пощады под саблями и пиками его казаков.

Понимал Разин, что после ограбления каравана с государевым и патриаршим насадами милости ему ждать больше нельзя. Завтра об этом узнают в Царицыне, а через короткое время — в Москве. И тогда жди новых бед. В иные дни его и всех казаков уже ждало бы самое жестокое наказание. Такое неслыханное дело карали на Москве смертью. Но ныне до Москвы было далеко. Да и

что может с ним сделать великий государь, если две тысячи казаков идут за своим атаманом. Волга пустынна. Стрельцов здесь мало. Хилков и Унковский сидят за крепостными стенами. Другие городки, почитай, совсем открыты. Попробуй возьми его. А что будет потом... это дело еще далекое. Сейчас же сила на его, Разина, стороне. А больше думать пока не о чем.

В ночь на 25 мая разинские струги достигли Царицына. Казаки пригребли под самый город, выскочили из лодок и бросились с ходу на крепостные стены, обстреляли стрельцов из пушек и ружей.

...Вскочил воевода с мягкой перины, напялил впопыхах кафтан чуть не на голое тело, не умывшись, выбежал из хоромов.

На валу уже толпились стрельцы, бегал вдоль вала стрелецкий голова, давал приказы, а внизу, на берегу Волги, в кромешной безлунной черноте копошились люди, слышался плеск весел подходивших стругов. С реки тянуло порохом, но казаки больше не стреляли.

Вдруг с берега послышался голос: «Не стреляйте! К воеводе вашему Унковскому идет для переговоров посланный атамана нашего Степана Тимофеевича Разина войсковой есаул Иван Черноярец!» И тут же из темноты вынырнул человек, которого чуть поодаль сопровождали два казака.

Не торопясь и с достоинством говорил Иван Черноярец. Сказал он, что войско хочет взять на грабеж и поток струг ненавистного казакам и всем простым людям стольника Льва Плещеева, а также разорить до основания все животы шаховой области купчины, который зимовал на Царицыне и ныне все еще укрывается там. «Если не исполните волю войска нашего, — закончил Черноярец, — город твой, воевода, с боем возьмем, а тебя и всех людей перебьем».

Тут же ответил воевода Андрей Унковский, истовый слуга великого государя. В гневе затряс он жиденькой бороденкой, забрызгал слюной: «Скажи своему воровскому атаману, что забыли вы, казаки, страх божий и великую милость к вам государя и царя всея Руси благоверного Алексея Михайловича, воруете на Волге и нарушаете крестное целованье. Превеликая казнь и опала ждет вас за разоренье государева, патриаршего и купеческого насадов!»

Еще говорил воевода, а Иван Черноярец уже исчез,

и тут же казаки ударили по городу из небольших пушечек и пищалей и с криком пошли на вал. Стрельцы оробели, замешкались, и этой заминки казакам хватило, чтоб совсем было пробиться в крепость, но воевода Унковский забегал по стрелецким рядам, заорал на стрельцов, собрались те с духом, стали палить вниз, спихивать казаков с вала. Еще несколько раз за ночь ходили казаки на жестокие приступы, а с рассветом отступились, побросались в струги и поплыли к Сарпинскому острову, что стоял неподалеку от города. Воевода же заперся в крепости.

Наутро Разин собрал казаков на круг. Что делать дальше? Брать ли Царицын приступом или уйти от города ни с чем. Те, кто был помоложе, поотчаянней, вопили за приступ, но казаки постарше, поопытней не хотели спешить. Потом говорили есаулы и сам атаман. Отчаянных поумерили. Брать Царицын — значило начинать открытую войну с царем, вызвать на себя из Москвы большие воеводские рати. А к добру это не приведет. Придут воеводы, выбьют казаков из Царицына, заступят путь на Дон; куда тогда деваться с царицынскими зипунами? Бежать в степь, сгинуть там вовсе под ударами татар и калмыков? Снова послал атаман Черноярца к Унковскому.

В большом томлении вышел на стену старый воевода. Долго говорил Черноярец, грозил воеводе, называл его изменником государевым, выводил, что теснит и не любит он казаков и всех простых людей, насильничает над посадскими, норовит всячески приказным, купчинам, откупщикам мучить народ. А потом, выговорив все, передал решение Войскового круга отойти войску от города, не чинить кроворазлитья со стрельцами, только пусть выдаст воевода казакам наковальню и всякую кузнечную снасть для войсковых кузнечных дел.

Выслушал все Унковский, отдал тут же казакам все, что просили они, и, едва казацкие струги пропали за дальней косой, приказал отслужить в соборе благодарственный молебен, воздать славу господу, что не дал сгинуть от воров, защитил боговерных.

В тот же день воевода направил гонца в Москву в приказ Казанского дворца к князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, а в грамоте писал, что разграбили казаки насады на Волге, приступали с огненным боем к Царицыну. А потом ушли на низ.

31 мая в пятом часу дня с головного разинского струга увидели город Черный Яр. Не знали казаки, что поспешили сюда стрелецкие полки Северова и Лопатина, что пришла в движение вся Волга и ждут их здесь с великим вниманием.

— Не удалось с ходу взять Царицын, возьмем Черный Яр, — говорил Разин ближним людям. — Стрельцы не поднимут на нас руки. Мы им не враги.

Теперь Разин хозяйничал на реке как хотел. Если уж старый боевой воевода Унковский ничего не мог поделать с удачливым атаманом, то что ему Черный Яр.

Как пригребли казаки к городу, так сразу же и пошли на приступ. Но хорошо подготовились Александр Жердинский и стрелецкие головы Северов и Лопатин. Открылись городские ворота, и ратные люди, пешие и конные солдаты рейтарского строю и служилые татары пошли в бой. Извещал потом астраханский воевода окрестные города: «И они, воровские казаки, увидя государевых служилых людей, убоясь, побежали от города на низ Волгою рекою».

Увидел Разин стрелецкую силу и решимость стрелецких голов биться насмерть и не стал искушать судьбу. Когда надо, действовал атаман спокойно и мудро. Он дал приказ казакам отойти к стругам и не губить себя под огнем. Остановились на месте и стрельцы. Спокойно отплыл Разин от Черного Яра на Астрахань.

А в это время казаков медленно, но неуклонно обкладывали кругом низовые рати. Недаром всю весну списывались меж собою воеводы Царицына, Астрахани, Терского городка. С севера следом за казаками двигались Лопатин и Северов. В Астрахани со многими ратными людьми поджидал воевода Хилков. Не обычным разбойным походом шел казацкий атаман, а сеял вокруг себя ненависть черного люда к сильным людям, возбуждал всякую рознь.

После того, что произошло под Царицыном и Черным Яром, Разин опасался идти через Астрахань. Хилков — воевода суровый, и сил у него достаточно, поэтому лучше всего миновать город, обойти его по протокам, затеряться в камышовых зарослях; там и проскочить к морю.

Так Разин и сделал. Казацкие струги повернули с Волги в один из низовых протоков — Бузан. Но недаром Разин побаивался Хилкова. Многое предусмотрел опытный воевода. В самом начале казаков ждал сильный от-

ряд стрельцов во главе с воеводой Семеном Беклемешевым. Проток был перекрыт. Стрельцы в стругах стерегли казаков на воде. Другие с пушками и ружьями стояли в готовности на берегу. Путь был только один — пробиваться силой.

Казаки закричали со стругов, чтоб стрельцы не стреляли, что есть о чем поговорить. Беклемешев обрадовался такому началу дела; он не прочь был покончить с казаками миром: пусть себе идут обратно на Дон — и делу польза, и ему, воеводе, слава и почет.

Казаки высадились на берег, подтянули с воды струги, чтобы не отнесло течением, и только тут уже стремительно бросились на оторопевших стрельцов. Те дрогнули и побежали. Три стрелецких струга присоединились к казакам.

Воевода пытался отбиться от казаков и ускакать прочь, но разинцы окружили его, схватили и привели к атаману.

Степан был настроен благодушно: шутка ли, казаки одержали первую победу над государевыми людьми, рассеяли их, пленили воеводу. Кто из прежних атаманов мог похвалиться таким успехом? Он подошел к Беклемешеву, вынул свой чекан и с силой ударил воеводу по правой руке, перебив кость.

— Это чтоб тебе неповадно было поднимать снова саблю на казаков. — Потом он подмигнул друзьям: — Повесьте, братцы, воеводу на мачту, пусть посмотрит, чист ли путь на Астрахань.

Побледнел воевода, загоготали казаки, схватили его за кафтан, потащили к мачте, подвесили под мышки. И пока спускали они на воду челны, пока считали вновь прибылых людей и расспрашивали их, кто и откуда, висел Беклемешев, вперившись взором в камышовые заросли. Потом его отвязали и бросили на берег.

Через несколько дней ободранный, израненный Беклемешев прибежал в Астрахань к Хилкову; он рассказал астраханскому воеводе о своей беде, о том, как взяли его казаки хитростью и дерзостью и как его люди поддались дьявольскому обольщению воров и перешли на их сторону.

В тот же час отправил Хилков гонцов в разные места. Писал он на Яик, в Яицкий городок, стрелецкому голове Ивану Яцыну, чтобы был голова наготове и берег бы свой городок, потому что воровские казаки Стенька Разин со

товарищи прошли протоками мимо Астрахани и, чаять, будут в походе на море и на Яицкий городок.

Писал Хилков о том и в Терский городок воеводе Ивану Ржевскому.

Грозная память полетела также к стрелецкому голове Богдану Северову. Недоволен был Хилков, что не перенял голова казаков под Черным Яром. Было наказано отныне идти ему по протокам вместе с Ружинским, Лопатиным и Голочаловым, всячески радеть за государево дело, «не так бы, — грозил воевода, — как ты под Черным Яром своею дуростью своровал, с воровскими казаки государевым служилым людем бою не дал и за ними для поиску не ходил».

Получил тревожное известие и князь Юрий Алексеевич Долгорукий на Москве, в приказе Казанского дворца. Сидел князь Юрий в своей палате, читал грамоту из Астрахани и корил себя за то, что упустил казаков в 1665 году. Надо было всех их, крикунов и бунтовщиков, повесить заодин, а теперь вот ищи ветра в поле. Кряхтел князь, наливался гневом. Ах проклятое семя! Как теперь идти докладывать о таких грозных делах государю? Язык не поворачивается. Делает Стенька на Волге что хочет, и сколько еще бед может он принести.

Пока воеводы переписывались, слали грамоты в Москву, стягивали своих ратных людей к протокам, Степан Разин не медлил. Казаки быстро прошли по Бузану, не заплутались во многих речках и камышах. А потому не заплутались, что были с ними люди опытные — здешние рыбные ловцы и охотники. Встретили они казаков загодя, подсели к ним в струги, повели по чистому пути.

В пятый день июня казаки проплыли мимо Красноярского городка, отняли у здешних людей государевых ружья, всякие военные припасы, здесь же взяли с собой шесть человек вожей, которые знали многие пути по протокам. После этого Разин приказал плыть к морю.

7. К ДРУЗЬЯМ НА ЯИК

Велика Россия, на многие тысячи верст раскинулась она от западного польско-литовского порубежья до Камня и далее, до Великого океана, от южных, астраханских учугов и калмыцких степей до Колы, Варзуги и Мезени. И человек в России словно иголка в сене. А все же

укрыться негде. За каждым, даже последним, голутвой-забулдыгой, следило недремлющее око государево — воеводы, подьячие, стрелецкие головы, всякие мастера сыскного дела. Слухом и ведомством полнилась русская земля, собиралась молва о каждом из людишек, и каждый оказывался как на ладони. Куда укрыться, как сгинуть?

Велика Россия, на тысячи верст раскинулась она, и ни проехать, ни пройти по ней из одного конца в другой, и все же по всем окраинам, даже по самым глухим углам, шла молва о необычных Стенькиных делах. Из города в город на конях и стругах везли о том грамоты государевы гонцы. А вслед за гонцами, и обгоняя их невесть каким образом, летела по весям и градам весть о Стенькиных чудесах. Будто одним взмахом руки останавливает Стенька караваны насадов и от одного его голоса вспять бегут стрельцы, а люди каменеют от его грозного взгляда. Будто колдун и чародей он великий, а рядом с ним по вся дни сидит на лодке черный поп Феодосий, который заговаривает его от всяких напастей; ни пуля Стеньку не берет, ни сабля. И вовсе уж тихо, с большой оглядкой говорили люди, что заступается Стенька за простой народ, а богатин да купчин не жалует, а боярских людей как увидит, так тут же побивать велит.

Крестились простые люди по углам, вздыхали, иногда и плакали от умиления и радости: смилостивился всемогущий бог — вот и у них, «голых» и убогих, появился заступник и радетель. Ловили слухи про Стеньку, таили их про себя, передавали в верные руки.

Шла молва про великие Стенькины удачи по донским городкам. Ликовала голутва, похвалялись «голые» люди собраться многими силами и идти вдогонку за Разиным. И вот уже в Черкасске узнали, что казак Микишка Волоцкий, прибрав с собою сорок человек и больше, собирается выйти вслед за Стенькой на Волгу. А в Голубинском городке черкасский выходец Ивашка Мызников мыслит также уйти к Разину, и собрал он с собой человек же с сорок.

Шли эти вести из разных мест в Москву, а оттуда из Посольского приказа да из приказа Казанского дворца слали грозные грамоты великому Войску Донскому. Поминали про прежние грехи, наказывали послать немедля вслед за Разиным казаков из войска кого пригоже и уговаривать, чтобы Разин с товарищами от воровства отстали и людей великого государя, и торговых людей, и

иноземцев больше не грабили и не побивали, а со стрельцами, с калмыками и кумыцкими людьми раздоров не чинили и на себя государевой опалы не наводили.

Получал Корнила царские грамоты с укором, а сделать ничего не мог. Бурлил тихий Дон, из всех южных городов шли в Москву от воевод отписки, что множатся на Дону воровские люди на всякие злые дела и не может Войсковой круг остеречься от них или разрушить их сборы. Идут те люди десятками вслед за Разиным по Дону и по Волге, ищут его по протокам и во всяких других местах на Тереке и Яике, сбивают по дороге стрелецкие заставы, и нет на них никакой управы.

Пришла в движение вся голутва. Сидел смирно в Черкасске войсковой атаман, связанный по рукам и ногам окружающим бунташным людом, и мыслил лишь удержать в руках донскую столицу и не дать порушить Войсковой круг и вековую власть домовитого казачества. А что до указов царя — так не то теперь время, чтобы посылать отряды для переёму: что может сделать круг, если и царские воеводы не в силах совладать с забунтовавшими казаками?

А Разин шел мимо Астрахани на Яик... Еще в те дни, когда сидел он в Паншине городке и прибирал казаков в поход, пришел к нему тайно с Яика яицкий казак Федор Сукнин. Как узнали на Яике про Степанов предстоящий поход — неведомо, только пришел Сукнин в самый срок. С собой он принес письмо от яицких казаков; и писали с Яика люди Разину, чтобы шел он на Яик, не сомневался, брал бы под свою атаманову руку и город, и рыбные учуги, и соляные промыслы, что за богатыми торговыми людьми, и чтоб самих торговых людей разорил без остатка. «Сядем вместе в Яицком городке, — писали друзья с Яика, — а потом вместе же на море промышлять пойдем».

Сказал Разин о письме с Яика лишь самым верным людям и готовился к походу именно на Яик, а говорил больше все про Волгу да про Хвалынское море, прельщал кызылбашскими зипунами.

Но трудно было утаить тайну. То ли догадывались лазутчики о его мыслях, то ли кто из товарищей обмолвился где по пьяному делу — только уже с весны 1667 года появились в воеводских отписках вести про предстоящий Стенькин выход на Яик. Но точно никто ничего сказать не мог. Мутил Степан воду, туманил свои замыслы.

А когда вышел на Волгу и стал на своем первом бугре, и вовсе про Яик позабыли. Но Степан твердо обещал через Сукнина: ждите, буду. Через пустынные калмыцкие степи пробирались всю весну с Дону на Яик и обратно тайные гонцы, шли по берегу моря, через воеводские города Астрахань, Черный Яр и Царицын, слали единомышленники друг другу вести, уславливались о будущем походе. Договаривался Степан не с прожиточными яицкими казаками, не со старшиной — государевыми слугами, а с такой же голутвой, какую собирал у себя на Дону. Прочная веревочка связала яицких голутвенных с Разиным.

Поначалу казалось, что речь шла об обыденном деле — вместе ударить по кызылбашским пределам, но все чаще и чаще поминали яицкие голутвенные люди про богатые животы своих торговых и промышленных людей, извещали о торговых караванах, наказывали про государеву казну. Договаривались загодя, а куда кривая вывезет — это дело другое. Главное — действовать заодин. И теперь, погуляв всласть по Волге, проверив крепость царицынских и черноярских стен, Степан бежал на Яик. Крепкими оказались стены волжских городов, да и со стрельцами Лопатина и Северова ему связываться было еще невмочь. Две тысячи — небольшая сила против двух регулярных полуполков, усиленных рейтарами. Об Астрахани и думать было нечего; подальше, подальше от ее пушек и от воевод Хилкова и других. Воеводы боевые, стрельцов в городе много. А отступать, возвращаться нельзя — зипунов еще вовсе не взято, до Персии далеко, и не с руки поворачивать назад, когда его молодцы только-только узнали свою силу, потешились над торговыми людьми да стрелецкими начальниками, погрозили Царицыну. Теперь только к своим людям на Яик, отсидеться у них осень и зиму, прибрать побольше людей, притихнуть вдали от воеводских рук, а потом по весне ударить на кызылбашей.

Разин размышлял, вглядывался в лица своих товарищей. После победы над Беклемешевым казаки были веселы, шутили, часто вспоминали про растерянность стрелецкую, про страх воеводы Семена. А когда поминали своего атамана, то преданно и уважительно смотрели на него, Степана Тимофеевича. А Степан отвлекался от нелегких дум, кидал злую шутку про стрелецких начальников и бояр и зло же смеялся вместе с остальными.

Он шел, как обычно, на первом атаманском струге, бочонок с вином был задвинут глубоко под лавку — не до вина теперь было, заряженный пистолет лежал рядом, сабля здесь же под боком. Внимательно вглядывался атаман в пугающую тишину незнакомых берегов.

Астрахань миновали, славу богу, благополучно. Поп Феодосий собрался было отслужить на ходу молебен, но не дал ему Степан, посмеялся: «На бога надейся, святой отец, а сам не плошай, не молиться надо, а умом раскидывать, на-ка выпей». И Степан налил под общее одобрение казаков Феодосию полную чару вина. Выпил поп Феодосий, отложил крест в сторону и принялся славить батюшку Степана Тимофеевича. Тот не противился, внимательно слушал хмельные Феодосьевы речи, услаждался.

В устье реки Яик казаков ждал стрелецкий отряд. Стрелецкий начальник уже был извещен, что вступать в переговоры с восставшими казаками — дело лишнее. Стрельцы приготовились было к бою, но замешкались несколько. Казаки бросились на них с криком прямо со стругов, едва причалив к берегу. Стрельцы дрогнули и тут же побросали пищали на землю. Все свершилось накоротке. Разин сказал стрельцам речь, позвал с собой — кто захочет, а кто не пойдет с ним — волен идти своей дорогой. Забрав в струги примкнувших стрельцов, разинцы, не мешкая ни минуты и не тратя времени на расправу со стрелецкими начальниками, двинулись вверх по реке.

Через несколько дней пути вдали показались валы и стены Яицкого городка.

Невелик, но грозен был Яицкий городок, лучшая царская крепость в здешних местах. Мощные пушки стояли вдоль стен городка, стрельцов в городке стояло как в хорошем воеводском уездном городе. И стрельцы были не какие-нибудь завалящие — ремесленники да торгаши, а народ боевой, бывалый. Ходили они и против киргизов и ногаев, отбивались в городке от разных кочевых орд, строго блюли государеву украйну. Власть в городке прочно держала в своих руках казацкая старшина из домовитых. Многие яицкие казаки сидели на государевом жалованье и на жизнь не жаловались. У каждого служилого казака были и сабля, и ружье, и конь. Брать такой городок приступом — значило расшибить себе лоб. Да Разин и не собирался идти на приступ. Казаки разбили стан вдалеке, укрепили его, по обычаю, со всех сторон ва-

лом и частоколом. А с городских стен следила за ними казацкая старшина, стрелецкий голова Иван Яцын.

Получил Яцын, как и иные начальные люди, грамоты, в которых указано ему было остерегаться воровских казаков и крепкий против них заслон учинить. Обослался Яцын грамотами с терским воеводой и с Астраханью и стал ждать прихода воров. И вот они пожаловали. Мирно разложили свой стан под городком, сидят тихо, на приступ не идут. «Авось и обойдется, — тайно надеялся Яцын, — увидят воры пушки и многих воинских людей в городке и сами уйдут восвояси». Не знал Яцын, что не проходило ночи, когда бы из городка не бегали в стан к Разину и обратно люди. Задами да огородами, тайком через городские валы пробирались они к Разину, рассказывали о всех городских делах.

Ласково и внимательно принимал атаман яицких беглых людей, расспрашивал о житье-бытье, обнадеживал помощью, обещал скоро пошарпать в городке всех боярских людей и богатин, раздуванить их животы меж простыми, бедными и сирыми людьми. «Так и накажите всему простому народу — приду освободить и одарить их, только о них мыслю с утра до ночи. Пусть надеются на Степана Тимофеевича, а я уж на них понадеюсь». Шла молва по городским лачугам и глухим углам, волновалась здешняя голутва, ждала своего батюшку.

Через несколько дней Степан знал о городке все: и сколько там казаков и стрельцов, и как вооружены они, и как чаять — которые стрельцы будут биться с ним, а которые нет. Выходило, что хоть и страшен был с виду Яицкий городок, а защищать его некому. Стрельцы давно уже сидят без жалованья и злы на своих начальников, старшина не может понадеяться на простых непрожиточных казаков, весь голутвенный люд только и ждет знака, чтобы расправиться с местными богатеями, выместить на них все свои прошлые обиды и мучения. Вместе с яицкими людьми Степан и придумал план захвата городка.

...Однажды утром к запертым городским воротам подошла небольшая группа казаков во главе со Степаном Разиным. Иван Яцын уже был предупрежден своими дозорными и ждал казаков на крепостной стене.

— Что надобно вам? — спросил он казаков.

— Нам бы богу помолиться, — смиренно отвечал ему Степан.

— Пусти в храм божий, грешны мы, давно, как богу

не маливались, — заговорил стоявший рядом со Степаном поп Феодосий.

— Пусти, голова, мотаемся по степи, образ божий забыли, — просили казаки.

Голова посмотрел на казаков. Было их не больше сорока человек, стояли они без оружия, покорно склонив головы. А позади Яцына виделась не одна сотня вооруженных стрельцов и казаков. «Ну что они мне могут сделать, — думал Яцын, — а в храм не пущу — большой грех на душу возьму. А ну как бог поможет — и схвачу Стеньку с ворами, тогда от великого государя милость мне придет великая».

— Отворяй ворота богомольцам! — приказал он стражникам.

Те отодвинули могучие засовы, и огромные кованные железом ворота медленно распахнулись. Спокойно и чинно прошли казаки сквозь крепостные стены. А пройдя, вдруг вскинулись, выхватили из-под кафтанов кинжалы и бросились на стрельцов, которые охраняли ворота.

Казаки быстро овладели входом, и не успел Яцын вызвать стрелецкую подмогу, как из ближней к городу лощины выкатились сотни казаков, спрятавшихся там еще с ночи, и побежали на выручку своим товарищам.

Разин был в самой гуще боя. Он первым бросился на воротников, а потом отбивался от тех, кто оказался рядом с Яцыным. Разин видел, как по сигналу головы к воротам помчались стрельцы. Казаки стали с опаской оглядываться на своего атамана. Их товарищи еще не подоспели к воротам. Но Степан не выказал ни малейшего страха. Он смотрел вдаль, поверх подбегавших стрельцов. А там вдалеке, из ближних улиц и переулков, наискось через площадь бежали сотни людей с дубинами, кольем, косами. Голутва держала свое слово, пособляла казакам как могла.

Стрельцы услыхали страшный топот набегавшей сзади толпы и в нерешительности остановились.

— Ребятушки, бросай ружья! — кричали городские люди стрельцам. — Зачем по своим палить? Казаки нам, простым людям, братья!

Подоспела основная часть казацкого войска. Со свистом и гиканьем ворвались казаки в ворота и окружили своего атамана. Теперь стрельцы и здешние домовитые казаки оказались зажатыми с двух сторон — между своей шумливой, гудящей голутвой и наступающими казаками.

Кое-кто из стрельцов заколебался и бросил пищали оземь, и тут же следом за ними побросали ружья, сабли и другие стрельцы. Казаки бросились обнимать стрельцов. Подоспели и голутвенные люди. Они благодарили стрельцов за то, что те не учинили кроворазлитья простым людям. Скоро появились невесть откуда бочонки с вином, и чарка было уже заходила по кругу. А с разных концов городка набегали и стар и млад, выходили разряженные женки, подходили неторопливо старики, толклись вокруг ребятишки.

— Подождите, братцы, — обратился Степан к своим людям. — Дело еще не окончено. Рано пить да гулять. Что с головой делать будем, как решим с другими кровопийцами?

— Смерть голове! — закричал кто-то из голутвенных людей.

— Смерть ему! Смерть! — закричали и другие.

— Будь по-вашему, — отвечал Степан, хотя сам уже давно решил разделаться с Яцыным, верным слугой государевым. Такому попади в руки, вздернет на виселицу, глазом не моргнет.

Тут же черные людишки радостно и быстро вырыли около крепостной стены глубокую яму. Яцына подвели к яме и поставили лицом к стене. Один из стрельцов, перебежавший к Разину еще на Волге, взял в руки саблю и полоснул ею с размаху Яцына по шее. Степан спокойно посмотрел, как упала в яму яцынская голова, как рухнуло вниз безголовое тело. Потом он обернулся к казакам и городским людям и указал на других стрелецких начальников и стрельцов, которые обороняли ворота:

— Бей их, робята!

Сто семьдесят человек полегли тут же на месте. А потом разинцы вместе с голутвой разбежались по городу. Вытаскивали на потеху и расправу местных богатин, разыскивали по подполам и чуланам приказных и купецких людей, тащили в дуван пограбленные животы со всего городка.

Пленных стрельцов Разин, как всегда, обошел самолично. «Даю вам волю, братцы, — говорил он, — никого не насилую, хотите со мной казаковать — примем с радостью, а не хотите — ступайте себе». Стрельцы зашумели, начали кланяться атаману, проситься в казаки. Но не все. Нашлись и другие. Подошли к атаману, попросились отпустить их на Астрахань. Помрачнел Разин, но ни сло-

ва не сказал против, только и вымолвил: «Что ж, идите, как сказал — неволить не буду».

Стрельцы тут же ушли из городка в степь, а Степан не находил себе места, и мысли одолевали его самые разные. Закрадывался страх, что придут через несколько дней стрельцы в Астрахань и разнесут по всему государству весть о суровой расправе, какую он учинил над государевыми людьми в городке. Жди тогда беды и воеводского прихода. А куда податься? На Дон все пути перекрыты. В Персию поздно уж, не успеет вернуться до зимы. А зимой какой поход. Эх, зря выпустил стрельцов. Бередило и другое, хотя открыто никогда бы в этом не признался: не захотели стрельцы признать его атаманство, презрели его ласку и внимание. Мрачнел и злился Разин. А потом не утерпел: призвал есаулов, коротко приказал: «Воротите стрельцов, а не пойдут волей — рубите их». Отвернулся в сторону, зло поблескивая глазами.

Казацкий отряд догнал стрельцов на Раковой Косе. Вначале казаки приказали стрельцам повернуть назад, но те отказались, сказали, что идут они по атаманову слову. Тогда по знаку есаула бросились казаки с саблями на стрельцов. Рубили их, бросали в воду, топили на месте, чтоб ни один не дошел до Астрахани. Спохватились стрельцы, да поздно: лишь некоторые успели покаяться — решили вернуться, остальные полегли под казацкими саблями. Всех жителей городка собрали на соборной площади, и Разин говорил к ним речь: «Все вы свободны отныне. Нет у вас больше ни начальников, ни черных людей, нет богатых и нищих, все братья, все ровня меж собою!» Плакали сирые и убогие, тянулись едва прикрытые рубищами к своему избавителю, к Степану Тимофеевичу. Конец теперь налогам и мздоимству! Конец неправедному суду, конец корыстолюбивым купчинам и стрелецким начальникам — псам гладным!

Казаки ввели в городке свое казацкое управление — круг. Любой человек приходи на круг, говори что хочешь и не боись воеводской опалы да батогов. Все холопьи кабалы были сожжены, а холопы выпущены на волю, всех должников вызволили из долговой ямы и отпустили восвояси. Не по царским законам, не по уложению царя Алексея Михайловича судили теперь в Яицком городке, а по слову казачьего круга. Беглые люди впервые за долгие годы скитаний и мытарств свободно вышли на улицы городка.

А на другой день по городку побежали глашатаи с криком:

— Все на дуван! Все на дуван! Наказ атамана Степана Тимофеевича!

Тянулись люди снова на главную площадь городка, а туда казаки волокли уже всякую рухлядишку: платье из хоромов Яцына, дорогую посуду и ковры кызылбашские из палат разоренных гостей и государевых людей, каменья драгоценные, меха, где находили. Принесли и казну здешнюю государеву. Все добро было разложено по лавкам, и начался дуван.

Каждый казак, каждый житель городка получил свою долю. Кто шубку, кто порты, а кто ковер: делили и посуду, и съестное, и питье. Не обделили никого. Даже самый последний горемыка, кормившийся у церкви божьей, получил какое-нибудь добро. Голутва приоделась в дворянские и купеческие одежды, пила-ела на серебре. Как дети, радовались они, благословляли казаков, а те тоже ликовали, но и дивились немало сами. Вот ведь что придумал атаман. Вот тебе и поход за зипунами. Здесь уж не зипунами пахнет, когда целый город дуванят. Все перевернул вверх дном батюшка Степан Тимофеевич. Кто был нищ и убог — стал вровень с другими, а богатый да сильный теперь уподобился «голым» людям.

Степан сам руководил дуваном, чтобы все было по справедливости. И когда видел, какую радость приносит дуван людям, сам он светлел и отмякал. Подходил, шутил с одаренными людьми и видел, что не в вещице дело, не в рубахе или портах, а в том, что не забыли человека, выделили, уважили, поставили его вровень со всем миром. Оттого и благословляли его забытые да сирые, холопы и беглые, кабальные и опальные.

Но не забывал Степан и свое атаманское достоинство, принимал величанье батюшкой и спасителем, упивался своей силой и властью, свирепел, когда перечили ему.

Степан не заглядывал далеко вперед. Сегодня он сам на вольной воле, в кругу своих друзей и товарищей — с есаулами, сотниками и всем казацким кругом. Попробуй возьми его в степной глуши за крепкими стенами Яицкого городка, когда каждый простой здешний человек готов за него сложить свою голову. Хоть день да его. Вырвался сокол на волю, гнет жизнь по себе. А что будет завтра... Так до завтра еще дожить надо. Так и народ вокруг него упивался своей силой, хмелел от власти, не

заглядывал вперед, а если и заглядывал, то не очень-то опасался, хуже, чем было, все равно не будет.

Через несколько дней вдруг притащили к нему голутвенные двух оставшихся в городке боярских людей. Кричала голутва, что боярские люди со стрельцами в заговоре и хотят его, батюшку, извести. Степан сидел в это время в яцынских хоромах с есаулами за ествой и питьем. Помрачнел атаман, хмуро, волком, посмотрел на боярских людишек.

— А ну, говорите, с кем замышляли черное дело на вашего атамана и отца родного?

Боярские людишки бухнулись в ноги, закричали, запросили милости. Зыркнул на них Степан, будто огнем прожег:

— А ну-ка, дайте им прута раскаленного, чтобы побыстрей языки развязали.

Пир продолжался, а со двора скоро раздались вопли. С пытки огнем людишки признали заговор и назвали стрельцов-заговорщиков. Казаки бросились по дворам, что указали людишки, вытащили стрельцов. Их тоже жгли железом, а потом по приговору атамана, есаулов и всего Войскового круга казнили смертью за то, что подняли руку на простых людей и хотели вернуть старые порядки.

Просто это было, да и как иначе. Если ты идешь против государя и воевод, тебя порют и вешают. Если твоя сила и против тебя идут боярские люди, поворачивают обратно в воеводское да боярское ярмо, то ты бьешь, рубишь головы, сажаешь в воду, бросаешь с раската — по казацкому приговору, с народного одобренья.

Стрельцов схоронили. Пир в хоромах Яцына закончился далеко за полночь.

Приближалась осень 1667 года. Разин не торопился двигаться с места. Да и куда казаки могли податься в осеннюю непогодь, а позднее — в зимнюю стужу. Не умели они воевать под дождем да в метелях. Не их это было казацкое дело. Сколько раз уже рассыпались их военные замыслы при наступлении первых холодов.

Сейчас главное было отсидеться в городке до весны, перезимовать. Но отсидеться было трудно. Со всех сторон бежали к Разину люди, несли недобрые вести. В поволжские города прибыли стрелецкие подкрепления. В Астрахань был послан новый воевода князь Иван Семенович Прозоровский, а с ним боевой же воевода князь Семен

Иванович Львов. Недоволен был царь Хилковым, что пропустил тот казаков на Яик, не перенял в пути. Теперь на князя Прозоровского была большая надежда. Шло с князем в Астрахань четыре приказа московских стрельцов, да солдатского строя полковник с начальными людьми. Вез с собой Прозоровский пушки и гранаты и весь пушечный запас. А следом за ним подвигались из Симбирска и из иных городов, с Самары и Саратова, служилые пешие и конные люди.

Был объявлен приказ и по Астрахани. Наказывалось быть в приказной палате всем астраханским, ногайским, едисанским и юртовским мурзам и всем татарам, а также астраханским дворянам, детям боярским, головам стрелецким и всем стрельцам и солдатам. Все Поволжье и Астрахань поднимали против Степана Разина московские воеводы. Прочные заслоны поставили вокруг Дона и между Доном и Царицыном. Переняли стрельцы Никиту Волоцкого и иных атаманов и сотников, которые рвались к Разину на Волгу и Яик. Донесли Степану беглые с Дона казаки, что переимали и повязали в Черкасске в Войсковом кругу пятьдесят человек казаков, которые отстали от Разина и вернулись на свои курени. Перевязали и стали судить их по указу великого государя; только казнить их побоялись — а потому, что, если тех воровских донских казаков на Дону казнят, то, прослыша это, Степан Разин от воровства не отстанет. А придет на Дон и за своих товарищей поквитается. Снова хитрил Войсковой круг: и Москвы боялся, и Разина. На чьей стороне сила — туда и гнул, а сейчас что-то силу эту никак не видно. Куда повернется дело?

Ивана Семеновича Прозоровского, который был на пути в Астрахань, вскоре догнала грамота из приказа Казанского дворца: в Астрахани ратным людям не сидеть и вестей не ждать, а самим промысел над казаками чинить, ловить их в море, если пойдут к персидским берегам. И Ивану Ржевскому, воеводе, на Терек была об этом же направлена грамота.

Не терял времени даром и Разин. Не проходило недели, чтоб не шли из Яицкого городка верные люди в поволжские города на разведку, пробирались на Дон к тамошним друзьям-товарищам: помогли бы людьми, оружием, припасами.

И несмотря ни на какие воеводские заслоны, рвались казаки на Волгу и на Яик, шли в обход по степям, искали

разинских людей по буграм и камышовым зарослям, в протоках и на берегу моря. Вроде бы и тихо было на юге: на сотни верст тихо, в осенней дреме лежали степи, переставала жить шумливая летом Волга. И все же под этой тишиной и осенней неторопью шла суетливая жизнь, пробирались тайком туда-сюда люди, передвигались неторопко стрелецкие полки. А то вдруг раздавалась пальба в невесть каких тихих местах, и вылетали из прибрежных кустов или камышей в степь напоровшиеся на стрелецкую заставу казаки.

К осени 1667 года уже не один казацкий отряд ушел с Дона. Одни пробились на Яик, другие поджидали Разина в потайных местах. К зиме сбежали к Разину казацкие сотники Михайло Щеголев и Алексей Маховиков, подговоря с собой с Дону и с Воронежа многих ратных людей. Царь приказал сыскать их и прислать с приставами в Москву. Но куда там! Велика южная степь. Ищи казаков в зимнюю стужу и непогодь. К началу весны от реки Колитвы на Дон и далее на Волгу пробились еще триста человек голутвенных людей — а все были оружны и одежны, тащили за собой степью до десятка стругов. Степью же шел к Разину атаман Беспалый с казаками.

Из Яика Степан слал гонцов не только на Волгу и Дон, появились его люди и на Запорогах у гетмана Петра Дорошенко. Разинская станица пришла в Чигирин числом в десять человек. И просили казаки гетмана, чтобы помог он донцам, шел бы наскоро Муравским шляхом на украйны великого государя. Говорили казаки гетману, что самый раз ударить по южным городам: на Белгородской черте войска мало, и города оборонить некем, ратные люди белгородского полка распущены по домам, а стрелецкие приказы на Волге ловят их, донских казаков, и заставами стоят вдоль дорог.

Ласково принял Дорошенко Степановых послов, определил им хороший постой, а ответа не дал. Великое это было дело—открыто порвать с Москвой, колебался гетман.

В конце сентября Разин решил поразмяться: засиделись казаки в городке, занежились в тепле с яицкими женками. Ествы и питья сколько хочешь, ешь-пей не ленись. Не торопились казаки в поход. Хорошо живется, и ладно. Но эта жизнь вовсе не привлекала Степана: засидятся казаки — плохая будет с ними удача, не смогут воевать.

24 сентября Разин вывел свое войско в поход против едисанских улусных людей мурзы Али. Едисанские мурзы верно служили царю, охраняли подходы к Волге, часто нападали на казацкие верховые городки. На едисанские улусы крепко надеялись воеводы в борьбе против Разина.

Стоял мурза Али на протоке Смансаге — то разинские люди через взятых в полон татар доподлинно разведали. Одного из них взяли вожем, и повел он казаков на протоку.

Вдруг налетели конные казаки на улусных людей. Замелькали меж кибитками и шатрами, с гиком и свистом топтали конями выскакивавших наружу татар, рубили их саблями.

Погромили казаки улус, поймали в полон улусных людей, женок и детей, взяли богатые пожитки и невредимые вернулись в городок. И снова утеха и пир, снова дуван, снова кричали казаки и все черные люди славу своему атаману...

В марте 1668 года воеводы нанесли по Яицкому городку первый удар, но не своими силами. Не успели подтянуть стрелецкие полки по зимнему бездорожью — ворчали стрельцы, не хотели мерзнуть в буранной степи. Уговорили воеводы калмыков, пообещали им богатый полон и все казацкие пожитки и тем калмыков обнадежили.

Подошел к городку Дайчин-тайша с улусными людьми Мончака-тайши числом десять тысяч человек и встали под Яицким городком, а потом осадили его со всех сторон и пошли приступом. Пробили пролом в городской стене сажени в полторы, но встали казаки в проломе, отбили все калмыцкие приступы. Смотрел Разин со стены, как скакал неподалеку от стены его старый приятель Дайчин-тайша. Сколько раз сидел он с ним в шатре, говорил посольские речи, а потом угощался его столом. Уверял его, государева посла, Дайчин-тайша в любви и приятстве. Что ж, теперь другие времена; сумела Москва удержать за собой калмыцкие улусы, не позарился тайша на его, Степана, некрепкую славу, не верил, видно, Дайчин в казацкую силу. Эх, сейчас бы еще тысчонки две-три людей, показал бы он тайше настоящую казацкую удаль, заставил бы уважать казацкого атамана.

Сидели казаки в осаде, кружили калмыки вокруг городка, а потом снялись и ушли в степь, но не успели казаки вздохнуть свободно, вновь опасность нависла над городком: подходил от Астрахани воевода Яков Безобра-

зов со стрельцами, астраханскими мурзами и всеми татарами.

Безобразову был дан строгий наказ: промысел над городком чинить, но на приступы не ходить, послать на это дело калмыков. Так и сделал Безобразов. Встал под городком, занял к нему все подступы, перерезал все пути, повел переговоры с калмыками, чтобы вернулись и вновь приступили к городку.

А тем временем Безобразов подошел под самые стены и, свято соблюдая наказ — чинить промысел во всем, «опричь приступа», попытался уговорить Разина принести свои вины великому государю.

Степан гордо ответил посланцам воеводы: «Никаких вин за собой не знаю, а шли мы на Волгу и на Яик обычным казацким путем. Что пошарпали немного торговых людей, да освободили колодников, — так это свое награбленное у нас же взяли, и людей безвинно закованных освободили — какие же здесь вины». Не задирался Степан с воеводой, посланцев его отправил восвояси, не тронув.

Степан говорил правду, не лукавил. По-разному они с Москвой смотрели на мир. Что для Москвы страх божий, грех великий, бунт и воровство, то для него святое и праведное дело. Бедных не обидел, нищих не обобрал, в кабалы никого не понудил — где же здесь вины? Уверенно говорил Разин и потому, что держал он за собой одну из лучших местных крепостей, что тянулись к нему со всех сторон простые люди, хотя и сделал-то он для них немного. Так, попугал купчишек да стрелецких начальников.

Воевода стал настаивать на своем, слал новых гонцов, ругал казаков ворами бездельными, и Степан не выдержал. Сам бог свидетель — не хотел он драться с воеводой, чинить кроворазлитье государевым людям, хотел мирно отсидеться в городке, а потом уйти за море. Но раз уж такое дело...

Первым-наперво приказал он повесить двух воеводских посланцев, которые были к нему посланы для сговору, — стрелецких голов Семена Янова и Микифора Нелюбова.

До Янова Степан давно уже добирался, много был наслышан о нем. Еще весной 1667 года погромил Янов около Астрахани казаков, которых Степан посылал на Волгу, побил многих, пометал в воду, ранил, стан их разорил

и шалаши, что поставили на Кумском озере, сжег. Из двух полных стругов, по тридцать пять человек каждый, ушло лишь несколько казаков. Тогда сам великий государь отметил Семена, велел дать ему своего государева жалованья — с казенного двора сукна английского доброго. И вот теперь поквитался Степан с Яновым за товарищей за своих, за прошлые обиды.

А потом вышли казаки из города и дали Безобразову бой. Лихо налетели они на стрельцов, наделали страху. Бесславно бежал Безобразов от Яицкого городка, потеряв многих людей убитыми и ранеными. А сорок четыре человека стрельцов перебежали к Разину.

С невеселыми вестями пришел воевода в Астрахань. Пока готовили там новую расправу над казаками, уговаривали калмыков, в Яицкий городок пришло посольство от войскового атамана Корнилы Яковлева.

Всю зиму ругала Москва Корнилу, грозила ему опалой, требовала унять казаков не силой, так уговором. И вот пришел в городок с Дона казак Леонтий Терентьев. Принес он с собой от Войска Донского к атаману Разину лист с просьбой вернуться на Дон, в родные станицы и городки, и распустить казаков, а еще подал Терентьев увещевательную грамоту от самого великого государя. Писал царь, что прощает он казакам все их вины и указывает вернуться на Дон, встать снова под руку Войскового круга.

Есаулы и сотники ждали, что вспыхнет атаман, взовьется — как посмели вновь говорить ему о винах, но, к удивлению казаков, Разин смолчал, милостиво принял Терентьева, взял грамоту, позвал гостя в горницу, просил откушать, поднес чарку — все как в посольских обычаях. В душе ликовал Степан. Вот оно, началось настоящее житье! Видно, далеко гремит его слава, видно, крепко он засел в головах московских больших людей, если сам царь — а не какой-нибудь там Корнило или воевода Унковский начинает увещевать его и готов поладить дело миром. Главное же сейчас было выиграть время, пока откроется Яик и будет путь к морю чист.

Не торопился Разин с ответом. Лишь через несколько дней собрал он круг и пригласил туда Леонтия.

Шумел, смеялся неугомонный и своевольный казацкий круг. Но вот вошел в него атаман с есаулами и сотниками, и разом притихли казаки. Степан медленно обвел тяжелым взглядом ряды своих товарищей, потом

печально покачал головой. «Опять нас, братцы, винят московские люди, а с ними и Корнило Яковлев. Вот приехал с Дона посланец с царской грамотой и грамотой Войскового круга...»

Умел говорить Степан. То вдруг поднимал речь до крика и обводил всех горящим взглядом, проникал в душу каждого казака, и трепетали они от звука его голоса, то утишал его до еле слышного шепота, то печально и раздумчиво ронял слова. Все рассказал Степан о тяжкой казацкой голутвенной доле, когда сидели они на Дону без куска хлеба, и о насильствах бояр, воевод, приказных людей над простыми людьми, и о их неуклонном решении разжиться в походе, а заодно и отомстить за старые обиды.

Слушали казаки своего атамана, мрачнели, иные в раздумье склоняли головы, вспоминая былое, иные сжимали кулаки, а иные — сердобольные — тайком утирали слезу. Все рассказал Степан, все объяснил. Потом отступил назад и вытолкнул в круг войскового посланца.

Бодро начал говорить Леонтий. «Казаки, опомнитесь, — заговорил Терентьев, — что наделали вы, неразумные? Велел вам воевода Хилков говорить, чтоб отпустили вы восвояси астраханских стрельцов, которых пленили и себе служить заставили. Принесите государю вины свои, пока не поздно, пока милует и жалует он вас».

Или не слыхал Леонтий атамановой речи, или не понял в ней ничего, только не ожидал он того, что случилось далее. Едва кончил он, как взорвался криком казацкий круг. Кричали казаки, кричали стрельцы и местные черные люди: «Долой! В воду его посадить! Хватит с нас ярма боярского да воеводского! Ты нам не указ, мы вольные люди!»

Вслушивался Степан в шум Войскового круга, в его нарастающий яростный крик, и, когда стали казаки и черные люди хватать Леонтия за края одежды — вот-вот разорвут посланца в клочья, — снова вышел Разин в круг, поднял руку, и сразу стало тихо на площади. Слышно было, как кричат петухи на окраине городка.

— Слышал, Леонтий, что́ говорят казаки? Они вольные и свободные люди, а воевода хочет разговаривать с ними как с холопами. Да разве это истинная милостивая грамота? Прощает нас государь как воров. Нет, мы на такую милость не согласны. Любо ли я говорю, казаки?

— Любо! Любо говоришь, атаман! — заволновался круг.

— Вот когда истинная милостивая грамота придет, тогда мы и сами добьем челом великому государю, ведь мы слуги его: тогда же и стрельцам скажем — идите куда пожелаете.

— Любо! Любо! — кричали казаки.

— А любо, так и накажем Леонтию: пусть передаст наше слово Войску Донскому и в Астрахань. А мы будем ждать истинной милости от великого государя.

Хитрил Разин: и слугой государевым себя выказал, и честь казацкую отстоял. Пусть в Москве думают, что готовы казаки повинную принести и ждут лишь меру милости. Глядишь, поостережется царь новые рати против казаков посылать, а там и время пройдет, реки вскроются, можно будет ударить и по персидским берегам.

Но и в Москве не малые дети сидели: слали гонцов в Яицкий городок, а заодно укрепляли южные рубежи, тянули со всего Поволжья стрельцов в Астрахань, слали грамоты — воров унимать и пристани им не давать, грозили смертной казнью за непослушанье. А больше всего втолковывали царские грамоты и воеводские отписки — казакам не верить, когда будут выдавать себя за слуг государевых. Кто кого обманет. Только силы-то были неравны: Разин хозяином в степи, а воеводы — случайными людьми. И когда через несколько недель, на исходе яицкого сидения казаков, в городок прибыл посланец от воеводы Ивана Прозоровского, который продвинулся с войском к этому времени до Саратова, уже по-иному повел себя атаман.

Круто взял с места вновь назначенный в Астрахань воевода: никаких там увещеваний и просьб — воры и воры. А воры должны повиниться, либо висеть им на суку, либо быть четвертовану. Гордое и злое письмо прислал на Яик Прозоровский. Ничего и никого не боялся он, государев посланец на юге, охраняли его надежные стрелецкие и рейтарские полки, пушки, гранаты и царские грамоты. Должен был сложить перед ним Хилков в приказной избе казну государеву и большую печать, сдать все дела. Еще не доехав до места, ретиво взялся за бунтовщиков воевода.

Бегал Степан по горнице, тряслись под ним дубовые половицы.

— Ах ты, князь Иван, много ты понимаешь в казацкой жизни, коль так вольных людей задираешь!

Выскочил Степан из горницы, подбежал к воеводскому посланцу стрелецкому сотнику Сивцову, кинул ему в лицо разорванную воеводскую грамоту. Побледнел сотник, видя, как бушует Стенька, давит каблуками в грязи драгоценное послание, писанное на дорогой немецкой бумаге. В сумлении стояли рядом есаулы и сотники. Но разошелся Степан, теперь удержу уже не было:

— Кому? Мне? Атаману приказывать, ах он старая собака! Да как ты посмел явиться ко мне с таким неслыханным делом?

Бросился Степан на сотника, одним ударом свалил его наземь, отвел душу, коротко приказал: «Посадить его в воду».

Бросились казаки к сотнику, завязали рукава рубахи над головой, напихали в рубаху камней, потащили Сивцова к реке — иди покупайся, воеводский посланец, покорми яицкую рыбешку.

Подскочил Степан и к другому посланцу — пятидесятнику Сергею Мнечилину. Тот бухнулся атаману в ноги, заелозил по грязи.

— Вставай, стрелец, — приказал Разин, — возвращайся к своему воеводе, расскажи ему доподлинно все, что видел здесь. — Зло сощурились глаза атамана. — И еще скажи князю Ивану, что пока я его милую, а будет встревать на моем пути — сделаю с ним как с сотником! — А на прощание прибавил матерное.

Еще один узелок завязался в жизни Степана. Был князь Долгорукий: далеко князь — не добраться. Был воевода Унковский. Этого до поры тоже не достать, отсиделся тогда за царицынскими стенами. Теперь Прозоровский. Ох, придет время — посчитаемся мы с тобой, воевода Иван Семенович. Или ты меня вздернешь, или зальешься у меня кровавыми слезами.

8. ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД

Весеннее солнце слепило глаза, зеленого цвета море весело било легкой мелкой волной в свежепросмоленные борта казацких стругов. Вот он и простор Хвалынский: сзади Яик, впереди Астрахань, за морем Персия. Всего вдоволь в казацких стругах — и съестного, и вина, и

снастей всяких, и оружейного запаса; струги заново проконопачены и засмолены, весла блестят свежеструганой древесиной. Песня летит над зеленой водой про удалые казацкие походы, про смелых донских молодцов, про страх бусурманский, про невиданной ценности добро полуденных стран. Под хмелем идут казаки, наконец-то вырвались они на волю. Крепость крепостью, но что за жизнь для вольной птицы за крепостными стенами. И давно бы двинулись казаки куда глаза глядят, если бы не Степан Разин. Все-таки необычный казак их атаман — то пьет, гуляет вместе с ними, честит воевод и бояр, рвется на просторы, хватается по первому слову за саблю или за чекан, рубит государевых людей там, где этого бы и не надо было делать, чтобы не навлечь на себя гнев царя, а то становится задумчив, расчетлив и тих, ведет разговоры с разными посланцами не хуже государева посольского дьяка, хитрит, ловчит, изворачивается. Так вот благодаря его атамановой хитрости да осмотрительности продержались казаки в Яицком городке всю зиму, а лишь вскрылся Яик и потеплело чуть — двинулись к морю.

Не думал больше Степан про Яицкий городок, который прикрыл его и пригрел в тяжелую минуту, бездумно оставил его. Плакали навзрыд казацкие и стрелецкие жены, в сумлении стояли стрельцы и казаки, кто не мог уйти в поход вместе с Разиным. Что их ждет после казацкого ухода? Не простит великий государь расправы с Яцыным и боя с Безобразовым. Но Степан не оглядывался назад. Всех, кто мог идти, он брал с собой, а женок да малых детей воеводы не тронут. Остальным же сказал: «Говорите, что насильством вас служить себе заставил, авось милуют». Все легкие пушки казаки поставили на струги, а тяжелые сбросили в Яик. Кто его знает, как еще жизнь повернется. А ну как эти пушки еще послужат царским воеводам против казаков?

Весь город вышел провожать разинцев. И долго еще видели казаки со стругов, как стояли люди на городских стенах, махали им шапками и платками. А потом городок пропал, будто и не было его вовсе в казацкой жизни. Плыли казаки вдоль взморья, поглядывали в сторону персидских берегов, но нет, не давал атаман команды поворачивать струги на юг, медлил что-то, размышлял, а струги все ближе и ближе подходили к устью Волги, к Астрахани. На рожон лез Степан, под самые

астраханские пушки. Но не спрашивали казаки, видно, особый расчет был у атамана и есаулов, что шли они на Астрахань.

А Степан и сам не мог точно сказать, что влекло его под стены этого огромного богатого города. Взять его приступом — да нет, об этом он и не помышлял, а все-таки посмотреть на него вблизи, кое-что поразведать не мешало. Говорил Степан с есаулами и о том, что, может быть, вместо Персии пойти вверх по Волге просить у государя жалованье для его казацкого войска, как это делал два года назад Василий Ус с товарищами. Хорошая была затея, проверенная. И взять казаков нельзя — слуги государевы, и им удобно — идут себе, шарпают что хотят, прикрываются государевым именем.

Еще Разин надеялся, что прибегут к нему под Астрахань люди с Дона и с учугов и промыслов, пополнится он новыми казаками. А люди ох как нужны были в далеком походе. К тому же времени было достаточно. Лишь начинался апрель 1668 года. Впереди еще вся весна и все лето. А если что не заладится или Прозоровский воевод вышлет — так море вот оно, свободное, плыви на все четыре стороны.

С моря казаки напали на учуги гостя Шорина и московского патриарха. Побили приказчиков и учужных промышленников. Постояли там казаки несколько дней, забрали с собой ярыжек учужных и всяких черных людей, но донских казаков не дождались.

Отказался Разин двигаться вверх по Волге. Астраханские беглецы подлинно рассказали ему, сколько войска ведет с собой Иван Прозоровский с Саратова. Воевать с князем казакам было не под силу, а словам воевода не поверит, этого, как Яцына, не проведешь.

Покрутившись еще по учугам и промыслам, прихватив с собой кое-что нужное, поразграбив ближних юртовских татар, Разин ушел на взморье, к Четырем Буграм. Там еще постоял, а потом сгинул в неизвестность.

Напрасно обсылались грамотами астраханский, царицынский и терский воеводы, напрасно рыскали лазутчики по всему взморью. Исчез Разин.

Слухи поползли по югу России, что хочет идти Разин на волжские города. Другие говорили, что он уже на пути к Москве. В страхе писал из Тамбова воевода Яков Хитрово в Москву: «Хочет де он, Стенька, итить

к тебе, великому государю, к Москве, с повинною со всем своим войском, а итить, де государь, тому Стеньке Разину к Москве мима Танбова...»

Исчез Степан, а бунташные люди множились повсюду больше прежнего и все шли из разных мест с его именем и к нему на соединение. Под Пензой неизвестный вооруженный отряд побил пензенских служилых людей стольника и воеводы Еремея Пашкова, и воевода засел в Пензе в осаде. Новый отряд появился и в Мокшанском лесу между Пензой и Тамбовом. По Тамбовщине прошел слух, что это идут передовые Стенькины дозоры. Под Саранском забунтовали татары, а под Коренском и Нижним Ломовом объявились воровские башкиры. Они переняли дорогу и отрезали подходы к Пензе. Появились вооруженные люди и на Хоперской дороге, что идет с реки Хопра к Тамбову, нельзя стало проехать торговым и служилым людям и по реке Медведице. Тянули оттуда все нити к Паншину городку, из которого Степан ушел в поход.

А на Дону вся жизнь смешалась. Что ни день, то новые вести о самовольстве казаков приходили в Черкасск к войсковому атаману, только успевай поворачиваться. Сначала из-под Азова на Тамбов и на иные украйные города ушли двести человек казаков. Послал вдогонку Корнило Яковлев казаков, но не для дела, а скорее для того, чтобы отписать в Москву о принятых мерах. В это же время между Пятиизбенным городком и Черкасском на речке Лиске снова заявил о себе Василий Ус — начал прибирать к себе конных казаков.

Объявились донские казаки и на реке Тереке. Сюда привел сто человек атаман Алексей Протокин. А неподалеку на Куме-реке раскинули стан четыреста казаков, и к ним пришел с Дона атаман Алексей Каторжный и привел с собой конных тысячи с две казаков. И каждый день уходили с Дона на Куму и Терек все новые и новые казацкие отряды. В середине лета на Куму же двинулся атаман Баба, и увел с собой он с Дона четыреста человек. А с Кумы казаки двинулись на Терек.

Корнило Яковлев уже не успевал ставить заслоны и посылать людей вдогонку с увещеваниями. Да и кто его теперь послушает, когда все верховье Дона пришло в движенье, каждый голутвенный казак спит и видит, как он уйдет к Стеньке на море и начнет казаковать с ним.

Когда в поход собрался с верховых городков атаман Сергей Кривой, войсковой атаман лишь махнул рукой: всех не остановишь. Много шуму наделал Сергей Кривой. Еще зимой начал он собирать казаков там же, откуда ушел в поход Степан Разин — в Качалинском городке, и действовал он точно так же, как Разин: поставил стан на острове, прибирал казаков, а потом объявил поход на Волгу и за море. И точно так же, как шел народ полтора года назад к Разину, пошел он и к Сергею Кривому. Несколько сот человек увел с собой в мае 1668 года Сергей Кривой на Волгу. Атаман не скрывался от воевод, не пробирался на Куму и Терек тайно к Степану Разину, как другие, а шел в открытую. Сначала он погреб вверх по Дону и бился там на мечетных речках с царицынскими ратными людьми воеводы Андрея Унковского и побил их, потом перешел на Волгу и прошел в дневное время мимо Царицына, напал ниже города на рыбную ватагу и ограбил местного ватажского промышленника, связал его и держал у себя сутки. А дальше пропал Сергей Кривой, как и Степан Разин. Тщетно искали его служилые люди, тщетно обсылались письмами воеводы в поисках обоих атаманов.

А по городам шли новые вести. Под Яицким городком объявились новые изменные калмыки и башкиры.

В середине же лета в городе Черкасске войсковой атаман Корнило Яковлев сдал все войсковые дела новому войсковому атаману Михаилу Самаренину. Давно уже пал государев гнев на Корнилу за то, что чинились казаки непослушны и не мог он унять их. Подозревали даже Корнилу, а не заодно ли он идет с ворами, не потрафляет ли им тайно, но нет, это не подтвердилось, хотя подозрения такие у государевых воевод и остались.

Михаил Самаренин горячо взялся за дело, но достиг немногого, сумел лишь остановить выход Василия Уса на Волгу. Остановил, уговорил и поворотил казаков на государеву службу к князю и воеводе Григорию Ромодановскому, который шел в это время походом на врага государева гетмана украинского Петра Дорошенко. Но не сумел новый войсковой атаман достать ни Сергея Кривого, ни Каторжного, ни Бабу, ни Протокина. Шли уже казацкие отряды по Волге, Куме, Тереку, рыскали по каспийскому взморью, искали Степана Разина, караулили его в устьях рек и на буграх, жгли костры ночью. Ждали, ждали. А вслед за казаками тянулись

мелкие отряды беглых крестьян и всяких черных людей. Их хватали по пути стрельцы, слали в колодках обратно, а им на смену подходили новые люди из-под Тамбова и Пензы, Козлова и Белгорода, бежали на взморье царицынские, астраханские и саратовские черные люди и ярыжки, искали атамана Разина, который жалует людей волей, берет к себе на равных самого последнего бедняка.

Медленно, но упорно загорался юг России казацким и крестьянским недовольством, волновались и башкиры, калмыки, татары. Появление Разина вдруг всколыхнуло давно накопившийся гнев народный, и впервые его грозные раскаты уже громыхали в междуречье Волги и Дона.

...Объявился Разин внезапно в середине лета 1668 года. Налетели с моря казацкие струги, ударили по персидским владениям между Дербентом и Шемахой, по всему побережью вознесся вопль к аллаху, чтоб спас правоверных мусульман от неведомой напасти.

К этому времени вел с собой Степан Разин шесть тысяч человек. Не все, кто шел к нему по Волге, Тереку, Куме через приволжские степи, речные протоки, камышовые заросли, дошли до своего атамана. Многих переняли по дороге воеводы. Кое-кого удалось задержать Михаилу Самаренину и на Дону. И все же многие сотни людей дошли до Разина. На Тереке и Куре к Разину подошло сразу несколько казацко-крестьянских отрядов. Но Разин все медлил, не уходил с побережья. Потом оказалось, что он поджидал Сергея Кривого.

А атаман Кривой с боями прорывался к Разину.

Унковскому не удалось задержать отряд Кривого, и казаки прошли мимо Царицына и Астрахани. Миновал благополучно Кривой и Красноярский городок, а на протоках на Карабузане казаки наткнулись на ратных людей головы Григория Оксентьева, которых выслал против Кривого воевода Хилков. Позднее писал воевода из Астрахани в Москву: «И они, догнав тех воровских казаков в Коробузане на рыбном стану, и учинили с воровскими казаками бой. И Серешка Кривой с товарыщи астраханских служилых людей побили и многих поимали, а иные... стрельцы, покиня струги и лодки, розбежались, а иные... пошли к воровским казакам, человек со 100. А солдацкого строю порутчика

немчина да петидесятника повесили за ноги и, бив ослопьем, многих пересажали в воду. И голова... Григорей Оксентьев от воровских казаков ушел в лодке с небольшими людьми».

Теперь путь на Терек был чист.

Радостная это была встреча. Все разинское войско вышло к казакам Кривого. Степан в дорогом кафтане, при оружии, в окружении есаулов и сотников ждал подхода Сергея. Рядом с ним стояли друзья и товарищи Иван Черноярец, Фрол Минаев, Яков Гаврилов, поп Феодосий. Казаки отдохнули и отъелись на берегу Терека, стояли довольные, сытые и веселые, а с моря подходил усталый, грязный, оборванный отряд Кривого. Сам атаман с грязной повязкой на лбу угрюмо оглядывал ряды разинских товарищей. Степан вышел навстречу Кривому, обнял его как дорогого брата — и не беда, что выпачкал кафтан об одежу Кривого, — расцеловал его в грязные, потные щеки. Завопило разинское войско, бросилось к новым товарищам вслед за атаманом, смешались все — разинцы, казаки Кривого.

Разинцы спрашивали про жизнь на Дону, искали своих станичников, многие казаки Кривого плакали от радости — все-таки добрались до своих товарищей. Потом наступила торжественная минута: Кривой сам рассказал Разину о своем походе, поведал о боях под Царицыном и на Карабузане, сообщил, где расставили воеводы на взморье своих людей. Еще раз обнял Степан Сергея Кривого, признал его своим первым есаулом, прокричали казаки здравицу своим атаманам, а после, когда уже закончился день, когда в походном разинском шатре изрядно подпили атаманы и есаулы, Степан разошелся, бил по плечу Кривого, просил его еще и еще рассказать, как прорывался он на Царицын, как раскидал в Карабузане стрельцов, как бил ослопьем и сажал в воду стрелецких и солдатских начальных людей. Радовался Разин, что и другие атаманы повторяют его путь, не боятся выступать против бояр и воевод, прибирают к себе голутву и на нее лишь надеются.

— Эх, Сережка, — говорил хмельной Степан, обнимая своего нового есаула, — побольше бы таких, как мы с тобой, было, ох и великие дела сотворили бы, уж я бы до князя Долгорукого добрался, хоть до Москвы дошел.

Кривой много пил, но не хмелел, молча слушал Разина. Зол и скрытен был Кривой, страшный был казак в бою, суетных слов не любил. На Разина он сейчас смотрел как на малого ребенка. Да и что он видал — домовитый казак, крестный сын войскового атамана, царский посланец; не был ни порот, ни пытан, не бежал из острогов. И все-таки не противился Кривой Степанову старшинству, чувствовал, что одной злобой да лихой саблей врагов не одолеешь, а за Разиным идет все голутвенное казачество, его имя гремит уже по посадам и по русским деревням, о нем слагают сказки. Чем-то взял он простой народ, а теперь вот сидит, пьет, тешится.

Здесь же на Тереке казаки решили нанести удар по шаховым пределам. С удивлением видел Кривой наутро после встречи совсем другого Разина. От его смутных тщеславных речей, пустых угроз не осталось и следа. Строгий, молчаливый, глазищами зыркает, распоряжается, бегом бегут казаки по первому его слову; где нужно отругает, где нужно подбодрит, сам поможет, покажет, а руки у Степана сильные, золотые, голова светлая, ясная, речь четкая, едкая. «Да, это атаман, слов нет», — думал про себя Кривой, и он невольно подчинялся этому общему порядку, в котором главным были слово Степана, его мысль, его дело.

Молва быстро оповестила, что вновь объявился Разин, и не один, а с Сергеем Кривым и прочими атаманами. Обрадовались воеводы: теперь нашлась потеря, знаешь, откуда ждать всяких бед и напастей, а безвестность хуже: придут неведомо откуда, нападут тайно...

Все вести о Разине шли с юга: объявился на Тереке, пошел в персидскую землю, разоряет деревни между Дербентом и Шемахой, имает людей и животину; ушел на Баку, набрал под городом на посадах ясырю мужска и женска полу человек со сто, увел семь тысяч баранов.

Новая опасность возникла для Москвы с приходом Разина на персидское взморье. Персия, шах Аббасова держава, — исконный друг и приятель России в борьбе против Турции — могла быть потеряна из-за казацкого набега в одночасье. Сколько было говорено посольских речей, сколько дарено соболей шаху и шаховым

людям, чтобы укрепить Персию против Турции, двинуть персидское войско к турецким рубежам! Империя, Венецианское княжество, Испания, папа римский вместе с Москвой думали над тем, как удержать персидские рати на этих рубежах. И вот теперь все могло пойти прахом. Подумает шах, что русские играют с ним: одной рукой направляют его против Турции, а другую протягивают к его кавказским владениям, используя для этого казаков. Может быть, в прошлом так и было. Любила Москва прикрыться казацкими спинами, выслать их вперед, как самовольников, а там уже смотреть, что будет и стоит ли поддерживать их или не стоит. Но нынче все было по-другому: и бунтовщики были очень опасные для государства, и с Персией никак ссориться было нельзя; при всех королевских и княжеских дворах Европы русские дипломаты твердили в один голос: с персидским шахом великий государь постоянную ссылку имеет и любовь и дружба между его величеством шахом персидским и его величеством царем и великим государем всея Руси крепкая.

В Персию был отправлен из Москвы срочный гонец — немчин полковник Пальмар. И вез он с собой грамоту царя Алексея Михайловича персидскому шаху Аббасу II. Писал царь в этой грамоте, что после учиненного мира с польским королем объявились в понизовых местах разные воровские люди и были посланы против них государевы рати — побивать их и разорить. «И ныне после бою и разоренья достальные воровские люди от устья Волги-реки на Хвалынское море побежали, избывая своей смерти, где бы от наших ратных людей укрытца. А наши царского величества ратные люди за ними вслед неотступно промысл чинят, и чтоб тех воров искоренить и нигде б их не было. А вам бы, брату нашему Аббас шахову величеству, своей персидцкой области околь моря Хвалынского велеть остереганье учинить, и таким воровским людям пристани бы никто не давал и с ними не дружился, а побивали бы их везде и смертью уморяли без пощады».

Главное, писал царь, чтобы из-за воровских и своевольных людей не было порухи в любви и братстве между Россией и Персией, чтобы враги их общие турецкий султан и крымский хан не обнадеживались их ссорой и всякими меж ними противностями.

Поскакал Пальмар до Нижнего Новгорода, а там в

легком и быстром насаде Волгою до Астрахани и далее морем.

Разин тем временем шел по персидскому взморью.

Лето было в разгаре, жаркая сухая мгла висела над зеленым неподвижным морем, едкая пыль вставала вдоль каменистых дорог. Казаки мчались сквозь этот пыльный чад от одного селения к другому, задыхаясь от жары, понукая взмыленных коней. Те, кто шел в стругах, обливались потом за веслами, страдали от жажды. Разин торопил: скорей, скорей, пока не опомнились шаховы воеводы, пока не дошли вести до Исфагани. Грозой шли казаки по взморью, врывались в селения, рассыпались с гиканьем и свистом по домам, рубили саблями, били кистенями шаховых солдат, тащили из домов персианок за длинные черные волосы, хватали ковры, оружие, посуду, ткани, подталкивали пиками к стругам пленных мужчин, на ходу обряжались в дорогие халаты, увешивали шею золотыми и жемчужными ожерельями, напяливали на загрубевшие, негнувшиеся от долгой гребли пальцы дорогие перстни.

Бедноту Разин строго-настрого наказал не трогать, не грабить и в ясырь не волочь: к бедным избам, к земляным лачугам не подходить, зато богатых купчин, шаховых приказных людей, местных князей, домовитых крестьян шарпай сколько хочешь. А когда грабили казаки невзначай или с умыслом здешних «голых» людей — зверел атаман, кидался с чеканом на обидчика, кричал: «Мы не разбойники и не воры! Мы честные казаки! Зачем же ты, б...й сын, мараешь доброе казацкое имя? Мало тебе купцов и князей, на «голых» людей руку поднял, забыл, кто ты сам-то есть, ах ты, собака...!» За руки оттаскивали атамана прочь, уговаривали, а казак испуганно бросал свою добычу, и уж не до зипунов ему после этого было.

Струги отчаливали от берега, полные ясыря, ествы и вина, огромного захваченного дувана. Пей, гуляй, казацкая вольница! Радовались казаки как дети малые. Многие из них — голь перекатная, нищая голутва — никогда не уходили дальше своих земляных изб на донских островах, где прятались от сыскных отрядов, другие же самое большее что видели — это кибитки юртовских татар или калмыцкие кочевья. Какое там добро! А здесь — Персия, заморская сказка, золото, жемчуг, дорогие ткани. Радовались казаки, а вместе с

ними радовался и Разин: берите, все ваше, помните своего атамана! И притом Степан постоянно повторял казакам: мы не разбойники и не воры, мы вольные и честные казаки, мы защитники, а не обидчики бедных людей. Наше дело — бей богатин-бусурман, освобождай православные души, братьев наших, взятых в полон.

Кружили казаки по мелким городкам и деревням, и едва ли находился хоть один городок, хоть одна деревня, где бы при появлении казаков не бежали к ним исхудавшие, бедно одетые люди и с криком «Христос! Христос!» бросались к ним, плакали, обнимали их за потные пропыленные плечи. То были русские рабы, проданные сюда после татарских, калмыцких, персидских набегов. Русские крестьяне, стрельцы, посадские люди, попавшие из одной подневольной тяготы в другую, бусурманскую, со слезами радости встречали своих освободителей. Еще час назад они были бесправные люди, бессловесные скоты, а пришли казаки — и вот уже они вольные. Хватай саблю, копье, пистолет, руби, коли и стреляй своих нынешних обидчиков, рассчитывайся с ними сполна за все надругательства, за все невзгоды. И шли бывшие полоняники в казаки и тут же тащили кто что мог, прибирая к рукам своим зипуны себе на разживу, а следом за ними тянулись и местные «голые» люди.

«Мы, казаки, вам, бусурманам — «голым» людям, не враги, хотите — айда с нами богатеев бить».

И шли. И били. С удивлением писал в Москву в отписке из Персии толмач Ивашка: «Да к ним же... пристали для воровства иноземцы, скудные многие люди».

Стон стоял над персидским взморьем. Шли походом разинские люди, а с ними освобожденные русские рабы и полоняники, а с ними персидские черные люди. Эх, гуляй, бедный люд! Теперь твоя доля, твое время. Воля!.. Христос!.. Крик радости и удачи стоял над персидским взморьем, и тонули в нем плач красавиц персиянок, проклятия пошарпанных кызылбашей и угрозы сидевших за крепостными стенами шаховых солдат.

Большие города Степан обходил, он знал, что там за крепкими стенами сидят сотни воинов, а жители будут отчаянно биться за свое добро, за свои жизни, а это казакам не нужно: людей терять в далекой стороне им ни к чему, когда и так зипунов взяли — не увезти.

Так казаки обошли Дербент, Шемаху.

Около Баку Разин погромил и сжег посады, захватил много скота и снова погнал к стругам ясырь — мужчин и женщин. Все захваченное добро и людей он приказал отвезти на Жилой остров неподалеку от города, а сам вернулся к Баку и попытался взять город приступом.

Казаки покрутились под городом, обстреляли его из легких пушечек и пищалей, в ответ получили заряд из тяжелых крепостных пушек и ушли в море.

Весь июнь прогулял Разин на взморье. Безвестно приходил он под городки и деревни и безвестно же уходил. Не знали персидские люди, где ждать его, как обороняться. То он налетал с моря и уходил туда же обратно, то двигался пешим по берегу и шел в глубь страны, то брал городки приступом быстрыми конными набегами. И везде Разин был впереди. Он первым врывался в селения, указывал, кого брать первым, где выставить сторóжи, давал знак к отходу. Казалось, что он знает хорошо все эти городки, видит все насквозь. Дивились казаки, беспрекословно слушались атамана и никогда не ошибались. А Степан посмеивался: «Я тут каждый дом, каждое дерево знаю».

Вместе с другими Степан волок добычу, вместе с другими на равных дуванил ее.

Увидя несколько раз Разина в боях, умилился на него Сергей Кривой — сам удалец не из последних — и с тех пор поверил в Степана глубоко и истово.

В июле казаки добрались до Гилянского залива и вошли в шахскую область Мазандеран. Они пошарпали местные богатые городки, а потом осмелели и направились к городу Решту. Степану не терпелось овладеть настоящим большим городом и сразу взять богатую добычу. Город — это не только ковры, ткани, ценная посуда, оружие, но и шахская казна, и большие запасы ествы и питья. В городе можно немного и отдохнуть после тяжелых и долгих переходов по жаре и бездорожью, отоспаться, подлечить раны.

Казаки подошли к Решту ранним утром. Светился Решт в лучах восходящего солнца мечетными куполами, белыми крышами богатых дворцов, переливалась изумрудом пышная зелень садов. Тих, беззащитен и красив лежал Решт перед казаками, бери, наслаждайся всласть.

Смотрел Степан во все глаза на восточное диво, а потом приказал взять Решт приступом.

Наверное, впервые в жизни поспешил атаман, не расспросил пленных, не послал тайных дозоров. Шли казаки на Решт в открытую, а город вроде бы вовсе и не собирался обороняться, сонно и неподвижно грелся в зелени садов около жаркого моря. И вдруг полыхнуло справа и слева, засвистели раскаленные ядра над казацкими головами, крепостные пушки ударили по казакам, а перед крепостными стенами, под прикрытием пушек, скрытое до времени зеленью садов развертывалось многочисленное шахово войско. Трепетали на ветру войсковые знамена, блестели в руках конных солдат сабли и пики, попятились было казаки, но сбоку — и с левого и с правого — выстраивались для атаки новые шаховы рати, отрезая казаков от стругов. Не знал Разин, что давно уже дошла до Исфагани молва о его походах по взморью, и шах направил под Решт хорошо вооруженное и многочисленное войско. Теперь персы окружали казаков со всех сторон, с крепостных стен уставились на казаков разинутые пушечные рты, вот-вот полетят из них новые ядра.

Поначалу растерялся Разин. Ни разу в своей жизни не попадался он в ловушку так легко и просто. С тоской смотрел он на сверкающий враждебный город, на своих есаулов и сотников. Сергей Кривой схватился за саблю. Этому скажи — будет драться где и когда угодно, зато у других вид растерянный, казаки жмутся к атаману, ждут от него слова...

9 августа тарковский тамкал Чопан отписал астраханскому воеводе, что «воровские казаки Стенька Разин с товарыщи задержаны в персицком городе Ряше и пушки и ружье со всякими пушечными запасы и струги у них отобраны». В августе же приехали в Астрахань из Шемахи астраханские торговые люди Никитка Мусорин и Таршка Павлов и рассказали боярину и воеводе Прозоровскому: «Те воровские казаки приехали под шахов же город Ряш и стали стругами у берега. И ряшской де хан выслал против их шаховых служилых людей з боем, и те де шаховы люди их, воровских казаков, побили с 400 человек. А атаман де Стенька Разин с товарыщи говорили шаховым служилым людям, что они хотят быть у шаха в вечном холопстве, и они б с ними не бились».

...Смотрели казаки на атамана, а Разин все еще колебался: схватиться ли за оружие, броситься на персов, пробиться к стругам, уйти от берега прочь, а там опять загулять на воле. Но сколько он уложит казаков под персидскими саблями? И пробьются ли?

Размышлять более не было времени. Сейчас начнется резня. Сколько еще казаков падет в бою, то было неизвестно. Разин выскочил перед войском навстречу приближающимся персам. Закричал им, чтоб не наступали они, а прислали начального человека для переговоров. Толмач, которого захватил с собой Разин, выкрикнул вслед за атаманом его слова.

Персы остановились, в их рядах возникло какое-то движение, и вот уже от них скачут несколько человек на хороших конях в дорогом платье, при дорогом оружии. Разин двинулся вместе с толмачом навстречу подъезжавшим персидским посланцам. Он стоял перед ними пеш и беззащитен, низко опустив голову.

— Бьет челом великому шахскому величеству наше казацкое войско, — начал он, — просим выслушать нас. Не кровь лить мы пришли в вашу землю, а просить заступничества.

Разин выждал, склонился еще ниже, посмотрел из-под густых бровей на персов. Один из них, стоявший впереди, важно кивнул головой.

— Пусть говорит казак дальше, правитель Решта Будар-хан слушает.

— Не врагами мы пришли к вам, а просителями. А что пограбили кое-где да поворовали, в том не обессудьте. Мы люди голые и нищие. Бежали мы из российских пределов без пищи и воды, помирали от голоду и жажды. А бежали мы от московского царя да насильников бояр и пришли в вашу землю искать мира и справедливости.

Разин еще раз глянул острым глазом на подбоченившегося персидского начальника.

— Слыхали мы, что в вашей земле под его благодатной шаховой рукой все пользуются справедливым и мудрым правлением, хотели и мы просить его величество шаха и всех его начальных людей принять и нас, грешных и убогих. Просимся мы в ваше подданство и молим вас — дайте нам хоть клочок землицы по реке Ленкуре, а мы будем служить шаху верой и правдой. И еще просим тебя, начальник и воевода, пропусти с

нашим челобитьем посланцев наших трех человек к шаху в Исфагань и дай нам за них аманатов.

Говорил Разин, присматривался к спесивому персидскому правителю, а сам думал о своем. Выхода нет, казаков перебьют, струги потопят, и прощай тогда все мечты о вольной, счастливой жизни, прощай все надежды расправиться с воеводами, боярами, донской верхушкой. И даже если удастся вырваться из-под этого проклятого Решта, то без войска, без стругов, без пушечек — что он тогда за атаман. Надо сохранить войско, сохранить оружие, выиграть время, а там будет видно. А может, действительно разрешит шах поселиться на Ленкуре? То-то будет жизнь. Устроят казаки свое новое поселение — без старшины, без начальников, все свободны, все равны.

Возьмет шах на службу, думал Разин, отведет землю по Ленкуре — хорошо, устроят там казаки свое казацкое войско. Только пусть будет это место таким, чтобы взять там его, Стеньку, было самим персам не мочно. Откажет — тоже неплохо, время выгадаем, а там покажем еще шахским воеводам, что значит казацкая удаль.

Слушал Будар-хан внимательно Степана. Вначале не верил он Разину, видел, что некуда деваться атаману, вот он и рассыпается соловьем. Потом стал думать по-другому, больно уж складно и убежденно говорил Разин. Особенно понравилось наместнику разинское слово о мудром и справедливом шаховом правлении. Наместник подбоченился, благосклонно посмотрел на атамана. А тот будто и не заметил вовсе этой перемены, расписывал благодатные персидские порядки, клял царскую власть, горько жаловался на тяжелую казацкую долю.

Слушал его наместник и думал о своем. Казаков будет несколько тысяч; вооружены они хорошо, народ смелый, терять им, кроме жизней, нечего. Если драться с ними, то большой урон нанесут они шахскому войску, и неизвестно еще, чем окончится этот бой. Положит он, наместник, солдат, да еще уйдут казаки к стругам — не миновать тогда шаховой опалы. А предложение атамана заманчиво: прибрать к рукам всех этих вооруженных людей, заставить их служить шаху — не так уж плохо. Скажут, наместник Решта укротил свирепого ка-

зацкого атамана, наводившего ужас на все каспийское взморье.

Будар-хан выслушал Разина и через переводчика дал ответ: пусть казаки сдадут свои пушки. Им будет разрешено направить посланцев в Исфагань к шаху, даст Будар-хан и трех заложников, позволит казакам войти в город отдохнуть, помыться в банях, поторговать, но небольшими группами, а стан свой пусть разобьют под городом, неподалеку от крепостной стены.

Весь оставшийся день шли переговоры между казаками и персами. Разин выторговал у Будар-хана еще ежедневный корм на казаков по сто пятьдесят рублей на день до тех пор, пока казацкая станица не вернется из Исфагани и шах не даст ответа на предложение казаков. На все соглашался Будар-хан, лишь бы выслужиться перед шахом, определить к нему на службу казацкое войско.

Наступил следующий день. С восходом солнца трое разинских посланцев — есаул и два казака — в сопровождении персидских всадников ускакали в далекий путь. На прощанье крепко их обнял Степан, еще раз повторил наказ: «Договаривайтесь, как порешили, бьем, мол, челом, просим землицу, но где-либо на крепком месте; не бойтесь, мы здесь не подведем, дождемся вас тихо, мирно, а там посмотрим. Ну, доброй дороги, братцы».

Едва открылись городские ворота, как казаки потянулись в город. Свои наряды и дорогие украшения они сняли, но все были при оружии, кое-кто нес с собой лишнюю рухлядишку — продать или променять на что-либо.

Около казацкого стана Будар-хан приказал выставить сильную охрану, городские пушки были нацелены прямо в центр казацкого лагеря, около ворот плотными рядами стояли персидские стрелки.

Казаки входили в город пропыленные, потные, усталые, растекались по окрестным улицам, тянулись на базары, отмывали застарелую грязь в банях, а отмывшись и наевшись казенных будар-хановых харчей, совсем ублажались, поглядывали на персианок, норовили схватить то одну, то другую. Кое-где на улицах стали вспыхивать драки. То казак кого-то задерет, то его жители обидят, прогонят прочь с базара или выгонят безобразника из бани.

Все напряженней становилось в городе. Казаки смелели с каждым днем. Они установили караулы у своих стругов, взяли под присмотр дорогу от города до берега: на ней постоянно маячила большая группа казаков, Разин ежедневно исправно получал обещанный Будар-ханом корм. В городе казаки вели себя вовсе не как смиренные челобитчики, а как победители, ходили, позванивая саблями, жители расступались перед ними в стороны. Каждый день на двор к Будар-хану прибегал кто-нибудь из городских людей, просил унять казаков. Терпел Будар-хан, ждал вестей из Исфагани.

...Разин шел по городу не торопясь. Поглядывал на белые уютные домики, на мечетные купола, рядом, позванивая саблями, поигрывая пистолетами, шли казаки из личной его охраны, здесь же были Сергей Кривой, Иван Черноярец, друзья, близкие есаулы. Еще утром к Степану прибежал казак и, давясь смехом, рассказал, что усмотрели вчера казаки винный подвал; вина там видимо-невидимо. Огромные кувшины стоят рядами, вкопанные в землю. Иных совсем не видно, задубели в земле. Попробовали казаки напроситься на угощенье, но отогнали их стражники.

Теперь казак семенил рядом со Степаном, указывая дорогу. Не торопясь шел Разин, посматривая по сторонам, примечая дорогу, вглядываясь во встречных прохожих. Те сторонились, пропускали казаков, потом бежали докладывать властям, что сам казацкий атаман забрел в их часть города.

Степан любил такие озорные минуты. Кругом вроде тихо, и сам он тих, еле слышен, а гроза вот она, где-то рядом; удастся или нет? Глаза атамана в озорном прищуре, и сам он не идет, а крадется, как барс. Как! Чтобы добрые казаки упустили бочку с вином, если можно взять ее даром — да нет, такого с ним никогда не бывало! Главное же, действовать быстро, пока не прибежали Будар-хановы слуги, а и прибегут — ничего страшного, ну, пошарпали немного, какая беда. Разве жалко Будар-хану бочки вина для хороших друзей?

Стражники попытались преградить путь казакам, но куда там. Одного Разин треснул по голове, и тот упал со стоном в пыль, другого зверски схватил за халат Кривой и откинул в сторону.

Вот оно, богатство персидское — старинные душистые вина. Да какие крепкие! С ног валят. Сбили казаки

крышки с кувшинов, винный дух шибанул в нос. Бросились казаки к кувшинам — кто с черпачком, кто с кружкой.

Льется вино рекой в подвале, пирует атаман с товарищи. Уже залиты у всех дорогие кафтаны, червонные капли блестят на бородах и усах, заляпано вином дорогое оружие. Вот это питье так питье. Разлетаются вдребезги кувшины под могучими кулаками, льется дорогое вино на землю.

— А ты плыви, плыви! — вопит поп Феодосий Кривому. Тот еле стоит на ногах.

— Посадим попа в воду,— кричит Степан,— эх, топи попа в романеи!

Шум, гвалт стоит в подвале, пирует атаман. И не слышно за этим гвалтом, что делается на улице. А там бегут люди к подвалу со всех сторон. У кого в руках алебарда, у кого копье, у кого пистолет, а кто просто схватил камень и размахивает им над головой. Обезумели казаки от пьянства, а жители Решта от злобы. Ах, надоели им казаки своими насильствами да задорами. За все они посчитаются сейчас с атаманом. С улицы раздался истошный крик:

— Братцы, бьют православных!

И как ни пьяны были атаман с товарищами, а успели выскочить из подвала, схватились за сабли. А толпа уже навалилась со всех сторон. Кипит бой около винного подвала.

— Православные, на помощь! — кричат казаки.— Бей бусурман!

Услыхали другие казаки крики товарищей, бросились с окрестных улиц. И идет уже бой по всему городу. Дерутся казаки, прикрывают своего атамана, а того уже рубанули несколько раз саблей, достали копьем, не поймешь теперь, где вино пролитое, а где кровища атаманова.

А по городу уже полетела молва о казацких бесчинствах, схватились жители за оружие. По всем улицам бегут, ищут казаков, наваливаются на них со всех сторон. Выскакивают казаки отовсюду — кто из лавки, кто из бани, кто со двора какого-нибудь и бегут к морю. А атамана нет, рубится атаман где-то на улицах города, тащат его полуживого за собой казаки Сергей Кривой с товарищами. Вот, наконец, и дорога к стругам, но и там нет спасения. Отряд местных жителей напал

на струги, персы сбрасывают пушки в воду, дырявят струги, хлещет вода, заливает ества, мочит казацкую рухлядишку.

Протрезвел Разин, собрал вокруг себя казаков, пошли казаки приступом на струги, еле отбили их, а из ворот города летит уже к морю конница Будар-хана.

— Отчаливай!

— Братцы, братцы, куда же вы? — бегут казаки к стругам со всех сторон, тянут раненые в сторону моря руки.

— Отчаливай! — кричит Кривой.— Не то все пропадем!

Казаки схватили Разина в охапку, бросили на дно струга, прикрыли собой от пищальных выстрелов. Схватились гребцы за весла, и полетели струги в море. Приподнялся Разин над бортом и увидел, как хватают персы на берегу его товарищей, добивают в ярости пленных.

— Эх,— только и сказал атаман,— ну, посчитаемся мы с вами!

Четыреста казаков полегли под саблями в Реште. Разин потерял здесь все свои пушки, большую часть полона и пожитков. Весь так славно начатый поход шел прахом. Но казаки не укоряли Разина, никто из них не сказал атаману ни слова. Да и в чем было укорять его? Такая у них жизнь. Сегодня они гуляют по городкам и деревням, их сила, а завтра уже их гнут в три погибели, бьют и вешают. Редко какой поход кончался без больших потерь. А что до атамана, так он все делал правильно. И какой добрый казак прошел бы мимо винного подвала, не попробовав вина всласть? В этот раз не удалось — в следующий раз удастся.

Казаки высадились на пустынном берегу вдалеке от Решта, быстро выставили дозоры, построили на холме укрепленный стан и стали приводить себя в порядок. Сотники начали пересчитывать людей, выяснять, кого недостает. Есаулы осматривали запасы пороха, свинца, пуль, ествы и питья. Раненые кто как мог заляпывали свои раны. Разина перевязали, положили в тени—пусть отдохнет, отлежится атаман. Дорога впереди трудная, ведь поход только-только начался.

Шел июль 1668 года, до осени еще было далеко...

Шах принял казацких посланников, милостиво допустил к себе близко, выслушал их челобитье, определил им двор для житья и дал поденный корм. Правда,

за казаками установили строгий надзор, со двора не выпускали и ни с кем говорить не дозволяли.

Казаки просили шаховых советников всем войском донским во главе с атаманом Степаном Тимофеевичем Разиным уйти из-под руки великого государя и служить его шахову величеству. Переговоры подвигались успешно. Шла речь уже о том, сколько землицы и где определит шах казацкому войску.

Как раз в это время в Исфагань прибыл царский гонец Пальмар с грамотой от Алексея Михайловича шаху Аббасу II. «Воров побивать», «пристани им не давать», «учинить остерегание». Понял шах, что Разин ведет с ним игру, грабит его земли и просится в подданство. Не мог шах не уважить и просьбы своего брата — великого государя всея Руси. Принять у себя Войско Донское — это одно, а тать всяческая и воры, поднявшие руки на царских бояр и воевод, потакавшие во всем черни,— это совсем другое.

Круто повернулась судьба разинской станицы. В тот же час бросили главного гонца на растерзание собакам, остальных заковали в кандалы. Шах дал приказ направить против казаков сильную армию во главе с Мехметом-пашой, полковнику Пальмару, хорошо знавшему корабельное дело, поручили построить пятьсот больших стругов специально для борьбы с казаками на море.

Шахская Персия и царская Россия заодно выступили против общего врага — бунтовщиков, черных людишек, которые пытались перевернуть жизнь по-иному.

Долго идут вести из Исфагани на взморье. Не один день конного пути минует прежде, чем приходят шахские грамоты из столицы в Решт, Дербент, Шемаху и другие прикаспийские города. Да и между самими городами на взморье ссылка плохая — горы, бездорожье, каждый городок живет в своей скорлупе, пока-пока узнает, что за ближним хребтом делается. На это и рассчитывал Разин, когда приводил свое войско в порядок на пустынном побережье. Снова приходилось ему придумывать разные хитроумные замыслы, советоваться с есаулами, строить заново весь поход. Но ни разу у него не мелькало и мысли, что из-за одного пустячного случая, из-за пьяной потасовки на карту была поставлена судьба всего войска. Что случилось, то случилось, на то она жизнь. Кто знает, что будет дальше? Он не воевода, не боярин, а казак и живет как казак. Он

не хотел рассчитывать и загадывать везде и во всем, как не хотел рассчитывать и загадывать ни один добрый вольный казак. Хватит, целый год он готовил этот поход, молчал, таился, наказывал молчать своим товарищам. А теперь, когда он вышел на простор, пусть жизнь идет как идет. Тогда, в азовское сидение, тоже неизвестно, зачем Михаил Самаренин, Корнило Яковлев, отец его Тимофей Разя и другие казаки Азов взяли, сколько добрых воинов уложили и все затем, чтобы потом оставить город туркам, самим отдать его неприятелю. И никто на Дону не сказал о них плохо, не ткнул в них пальцем. Что случилось, то случилось. Они воевали как добрые казаки. И за то была им слава. И сейчас все они, его товарищи, рядом с ним — и Сергей Кривой, и Иван Черноярец, и поп Феодосий, и все, кто пробивался с ним на Волгу и Яик, дрался с ним за Яицкий городок, громил Безобразова, шел через пыль и зной по персидским землям. А это значит, что ничего не потеряно, что все еще впереди, будет и удача, и слава, и зипуны — все будет, пока рядом с тобой казаки и пока сам ты можешь держать в руках саблю. Первый раз жизнь бросила его оземь, и быстро поднялся атаман.

Разин спешил. Погромив по пути несколько небольших деревень, он не стал около них задерживаться. Степан снова рвался к городкам, но к таким, где еще не ждут его, не знают про то, что случилось в Реште.

На пути казаков лежал город Фарабат.

На этот раз Разин действовал осторожно. Крадучись, ночным временем подошли к Фарабату с моря казацкие струги, персидские скудные люди, которые перешли в казачество, разведали доподлинно, что в городе еще не слыхали ничего про казацкие налеты на побережье. Это и решило судьбу города. Разин решил применить свою излюбленную хитрость.

Поутру к Фарбату подошла группа казаков во главе с самим Разиным. Казаки несли в руках уцелевшую от рештского разгрома рухлядишку. Разин просился у правителя Фарабата войти в город и поторговать чем бог послал; а послал бог казакам немало добрых пожитков — и ковры, и халаты, и дорогую посуду. Вели себя казаки тихо и смирно. Их впустили. Затем подошли со своими товарами и остальные.

Поначалу казаки вели себя скромно: жителей Фарабата не задирали, честно вели торговлю, платили золо-

той и серебряной монетой. Пять дней продолжался торг на улицах и базарах Фарабата, а на шестой день казаки стали подтягиваться к главным торговым рядам в центре города и собираться вокруг своего атамана.

Торговля еще шла, но казаки больше поглядывали на Степана, чем на товары. Вот он взялся за шапку и сдвинул ее чуть набекрень — и пошла потеха. Казаки бросились на торговцев и стали без разбора хватать их товары. Теперь они уже знали, у кого что есть. Очистив торговые ряды, казаки бросились шарить по богатым домам, немногочисленный фарабатский гарнизон был сразу же вырезан, всякую попытку сопротивления разинцы жестоко карали. Рубили фарабатцев саблями, стреляли их из пистолетов и пищалей, тащили в свой стан пожитки, волокли пленников.

К вечеру город был разгромлен и разграблен до основания. Пощадили казаки лишь православных купцов, которые с криками «Христос», «Христос!» выбегали им навстречу. Все русские пленники были освобождены, все начальные люди, богатые купцы, местные ростовщики убиты или жестоко наказаны. Напоследок казаки бросились на берег моря и подожгли там потешный дворец шаха; ограбили и сожгли они также расположенный неподалеку городок Астрабат.

Казаки погрузили огромную добычу в струги и отъехали недалеко от Фарабата. Там, на полуострове Миян-Кале между Фарабатом и Астрабатом в шаховом заповедном месте, Разин заложил свой стан.

Наступала зима 1668/69 года.

9. ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

Пустынен конец полуострова Миян-Кале. Пески да болота, место низкое, сырое, но пройти к нему трудно— со всех сторон обступает его вода, а с сушей соединен он узкой горловиной. Здесь и решил обосноваться Разин на зиму. Красиво было шахово заповедное место, но опасно. Со всех сторон там взять можно казаков. Здесь же не достать. Сюда свезли они всю добычу, пригнали пленников и заставили их строить в самом узком месте полуострова земляной вал. На вал казаки поставили отнятые у персов пушки, проделали в нем бойницы.

После этого пленных погнали на строительство де-

ревянного городка. Под присмотром казаков пленники рубили в окрестных лесах деревья, тащили их на полуостров, учили их казаки, как делать рубленые деревянные избы. Скоро уже стоял за земляным валом казачий деревянный городок. Теперь можно было устраиваться на зиму.

Неподалеку стояли разгромленные города Фарабат и Астрабат; казаки время от времени наведывались сюда, подчищая остатки, хватали приглянувшихся им женок и девок, тащили в плен зазевавшихся жителей. Отсюда они шли набегами на окрестные селения, хватали все, что попадет под руку. Вся фарабатская округа была теперь под казацким сапогом. Казаки хозяевами расхаживали в своем городке, понукали пленников на разные работы, потешались с женщинами, пили и гуляли без меры.

Казаки были довольны, каждый получил на дуване животов сверх меры столько, что даже увезти с собой было трудно. Если дотащить все это богатство до Дона, то их ожидает привольная, безбедная жизнь на долгие годы. Довольны были казаки, смотрели в рот своему атаману батюшке, стремглав бежали исполнять любой его приказ, слушались каждого его слова. Верили, что со Степаном Тимофеевичем не сгинут они, а, напротив, укрепятся больше прежнего.

Теперь, засев за земляным валом в новых свежеотструганных домах, казаки поумерили свои набеги, и хотя сами они сидели на месте, к ним проникали со всех сторон русские невольники. Бежали тайно, под покровом темноты, вдруг возникали в ночи около ворот вала и на вопрос «Кто такие? Что за люди?» валились с плачем на землю, целовали ноги у изумленных караульных.

По всему побережью и дальше в глубь гор, по большим городам томились в плену и рабстве русские православные люди, томились и надеялись, что дойдут и до них казаки, освободят, помогут вырваться на родину; кому было невмоготу ждать, те уходили от своих хозяев. Их ловили, пороли плетьми, сажали в каменные подвалы, редким удавалось дойти до полуострова Миян-Кале. А уж если доходили, то встречали в казаках защитников и братьев. «Наберем добра разного, освободим людей православных от бусурманского плена»,— любил повторять Степан своим товарищам. Ка-

заки так и делали — волокли к себе добро отовсюду, куда доставала их рука, но и о земляках помнили, рыскали за ними по домам и подвалам, трясли посеревших от ужаса персидских купцов, ростовщиков, городских начальников: «Говори, бусурманская твоя рожа, куда православных спрятал?» И повсюду, где шел Разин со своими казаками, вместе с ним шла вольность для русских пленников, а заодно и крутая расправа с владельцами рабов, ненасытными кровопийцами.

Теперь из Миян-Кале далеко ли достанешь, многих ли освободишь. Отказываться же от своих слов и дел Разин вовсе не собирался: он пришел сюда как освободитель православных, как гроза бусурман. Так и будет.

В один из дней Разин призвал к себе оставшихся в живых правителей города и объявил им: «Приводите к нам христиан, невольников, а мы будем вам за них отдавать ваших людей». К тому же пленных надо было кормить-поить, а еды в лагере становилось все меньше, и какая сейчас польза от этих бусурман, смотрят волками — или сами сбегут, или бросятся на казаков. А православные люди ох как нужны. Ряды разинцев редели, многие погибли в боях во время налетов на побережные городки, иные умерли от ран и болезней. Кто займет их место, где взять людей? Обо всем этом думал Разин, когда завел речь с персами об обмене.

Обмен начался на другой же день. Неизвестно где и как добывали русских невольников богатые горожане, но только волокли их со всех сторон, меняли на своих отцов, братьев, жен, сестер, детей. Трое бусурман шли за одного русского — пусть знают, как чтит Степан Тимофеевич православный люд.

Проходила неделя за неделей. Зимние штормы сотрясали побережье. Разбухшее море подходило почти вплотную к разинскому стану. Промозглый, холодный ветер проникал в нетопленные деревянные дома, поставленные наскоро, бревно к бревну, без пакли, без мха. По вечерам едкий холодный туман опускался на полуостров, от болот шел тяжелый мертвенный дух.

Казаки давно уже не высовывались за земляные стены: персы стянули к Миян-Кале крупные силы и со всех сторон окружили казацкий стан. Жители Фарабата теперь осмелели, они нередко подбегали близко к валу, кричали казакам непотребное, кляли их, угрожали.

Казаки молча смотрели, как бушуют персы — ата-

ман приказал не тратить зря порох и пули, всякого боевого запаса оставалось в обрез. На юге персы срочно строили весельные струги, и здешние военачальники ждали, что вот-вот под Фарабатом появится шахский флот. Тогда можно будет ударить по казакам и с суши и с моря.

Разин сидел в своей избе, кутаясь в богатую соболью шубу, захваченную еще в Реште. Его тряс озноб. В избе было темно и сыро. Окна забиты досками, и все же тянет холодом из всех щелей.

Настроение у атамана было мрачным. Многие казаки больны, лежат в лихорадке, харкают кровью: от дурной воды, гнилой ествы и грязи немало людей маются животами, по телу идут чирьи. Мука заплесневела, сухари, крупы, толокно, взятые еще из Яицкого городка, отсырели и покрылись гнилью; помыться негде, от казаков идет тяжелый дух, прорывается сквозь дорогие кафтаны.

Но сниматься с места было рано. Здесь хоть и плохо, да безопасно. Земляной вал взять трудно, сотня казаков задержит в этой горловине целое войско. На стругах к берегу по разбушевавшемуся зимнему морю тоже не подойдешь, да и не дадут казаки.

Остается только сидеть и ждать. Потеплеет, утихнет море,— тогда прорывайся на все четыре стороны; сейчас же нельзя, разметает струги волна, потонут казаки в ледяной воде. Кроме того, нехорошо выводить казацкое войско под мокрый снег, под пронизывающий ледяной ветер. Хоть плохо, да на суше. Знал Разин хорошо казацкие привычки. Думал он так, как думали все его товарищи.

Сидело казацкое войско на песчаной отмели Миян-Кале и ждало теплых дней.

С первым теплом разинский стан зашевелился. Казаки потянулись к берегу, посматривали на еще гремевшее море, начали разные лодочные поделки — струги за зиму изрядно поистрепались, чистили сабли и копья, счищали грязь с пушек.

На круг, который собрал Разин с есаулами, казаки не шли, а плелись все в болячках, с грудными хрипами, с болящим нутром. Впервые за долгие зимние недели собрались они вместе. Но нет, не все: в отдалении от стана, в песке, около самой воды выросло за зиму небольшое кладбище. Многие добрые казаки лежали те-

перь там, и ничего-то им не было уже надо — ни дувана, ни воли. Успокоились рабы божьи — кто от ран умер, кто нутром изошел. Да и из живых пришли не все: многие ослабли, лежали по своим домам или выползли лишь до порога.

Смутно было на душе у Разина, когда он шел на круг. Степан посматривал на своих ослабевших товарищей, видел их угрюмые лица, опущенные вниз глаза. Невесело собирались на круг казаки; забылись уже и лихие набеги, и богатые зипуны, наваленные кучами по домам. И зачем им добро, если нет сил, если догорает казак как свечка, сидя на одном месте. Что мог предложить им атаман? Персидские города закрыты, персы стоят рядом, из Миян-Кале нельзя высунуть и носа, идти домой — нет, об этом он не мог даже подумать. Какую славу он получил на Волге, на Яике, о нем рассказывали сказки, о его налетах на персидские земли шла молва от Дербента до Астрахани! Разве мог он, победитель московских воевод, гроза боярских и воеводских прислужников, освободитель всех людей, забытых богом и судьбой, вернуться в Астрахань, а главное, в свои верховые донские городки в таком обличии? А сейчас что может показать он с этими отощавшими, измученными людьми, которые и в глаза-то не могут взглянуть. Кто потом пойдет за ним, если приведет он с собой такое войско, и что скажут женки тех, кто лежит зарубленный и застреленный на Волге и Яике, под Рештом и Фарабатом или рассыпается прахом в песках Миян-Кале?

Как всегда, Разин задал кругу вопрос и отошел в сторону, слушал, посматривал. У него-то давно был в голове замысел, недаром он сидел с есаулами, не вылезая из своего дома несколько дней. О чем там спорили, то было казакам неведомо.

Нестройно и негромко зашумел казацкий круг. Закричали несмелыми голосами: «Айда на Фарабат, заберем еще зипунов, женок персидских поимаем». И в ответ закричали: «Мало у вас добра-то? Струги и так не поднимут. А зачем вам женки, коли на ногах не стоите». Невесело смеялись казаки. Еще покричали: «А може, на Астрахань пойдем и на Дон». — «Хорош ты будешь на Астрахани-то с такой мордой, а на Дону-то тебя и детишки родные не узнают».

Еще вяло покричали, поспорили, поерничали и на-

чали поглядывать в сторону Разина, ждали, а что же скажет атаман.

Разин выступил вперед веселый, ладный, голова вверх, плечи развернуты, голос зычный, глаза поигрывают, будто и не ел он вместе со всеми червивые сухари, не пил тухлую воду. И потянулись казаки к атаману, повеселели.

Разин тоже поговорил о Фарабате — что, мол, не плохо пощипать бусурман еще разок, но нельзя — персов не одолеть, со всех сторон обложили Миян-Кале. Об Астрахани и не заикался, а потом сразу сказал о Трухменской земле.

— На том берегу Хвалынского моря нас не ждут, у туркменов скота много, отъедимся, оденемся в теплое и снова ударим по Мазандерану. В туркменскую землю пойдем на парусах — руками не догребем, сделаем паруса из персидских па́волок* — парусины здесь искать негде. А вернемся — новых паволок наберем. Любо ли, братцы, в Трухменскую землю идти?

— Любо! Любо! — закричали казаки.

Вот уж не ожидали они от Разина таких слов. Это же диво: через море к туркменам и обратно! Любо! Любо! Крутили головами старые казаки, которые прошли не один поход: были и другие храбрые атаманы, но с Разиным не сравнить. Этот берет невиданной выдумкой, дерзостью, лисьей хитростью. Ох, неведомый человек Стенька. Не было еще таких среди казаков.

Весь путь ветер дул казакам в спину. За несколько суток добрались они до Трухменской земли, подкрались безвестно к туркменским кочевьям, яростно ударили по ним. Соскучились за зиму по горячему делу, выплеснулись в первом же бою, лютовали. Врывались в кибитки и шатры, вырезали воинов, хватали женщин, волокли с собой шерсть, войлок, кожи, теплые малахаи, отгоняли прочь скот, забирали вяленое мясо; в шатрах тамошних князей мели подчистую — богатую рухлядь, золотые изделия, сдирали с коней дорогую конскую сбрую. А потом, уже оставив струги, шли в глубь степей на конях; возникали внезапно на скудных весенних пастбищах, подходили вплотную к большим туркменским стоянкам.

Но не такая уж легкая это оказалась гульба, как поначалу расписывал Разин. Яростно дрались туркме-

---

* Бумажных и шелковых тканей.

ны, шли следом за казаками облавой, отбивали свое добро. Уходили казаки к стругам, кружились вдоль берегов и вновь шли в степь на охоту.

Во время одного такого налета погиб Сергей Кривой. Не жаден до зипунов был Кривой, а жаден до боя. Словно вымещал он на врагах старинную и лютую свою обиду. А кто и за что обидел Кривого, этого не знал никто. Только знали, что если видел Кривой воеводского или боярского человека или тайшу какого-нибудь, у которого были рабы и всякие подневольные люди, то зверел Кривой и не было на него уже никакого удержу. И Разин был зол на больших людей, но такого и он не видел. Кривой пленников не волок, простых людей не трогал, а начальных людей, боярских и воеводских прислужников здесь же на месте убивал без пощады. Так же лютовал он и в Трухменской земле, врывался в богатые шатры, крушил все, ничего не разбирая, не видя перед собой, и где-то нарвался. Говорили, что один полез он напролом на всадников, которые оттаскивали в сторону своего тайшу. Еще немного, и достал бы его Кривой своей саблей, разметал уже несколько человек. Застрелили Кривого.

Уходили казаки из Трухменской земли, отяжелев от добычи, за время похода они отъелись здесь, опились кумысом, нахватали разной теплой одежонки и теперь уже не мерзли под порывами холодного весеннего ветра.

Но невесело было по стругам, да и атаман сидел мрачный, жалели казаки Кривого, хоть и злой был казак, а добрый воин. Голову за своего брата положит не задумываясь.

Разин смотрел потухшими глазами на легкую волну, на дикий вымерший берег. Нет, не будет у него больше такого есаула. Добрые казаки остались еще, и есаулы добрые, а такого не будет. Совестью его был Сергей, и любил его, и перечил, но не к худу перечил, а к добру.

И вновь был Гилянский залив, но уже не грозный, не бушующий, а по-весеннему игривый, теплый; и вновь были лихие набеги, богатая добыча, и многие бои с бусурманами, и угнанный полон и мена бусурман на невольников — православных. Вновь Разин пришел под Баку. Неистовы были его набеги. Казалось, что теперь Степан воевал за двоих — за себя и за Кривого. Много

было в этом неистовстве темного и дурного. В такие минуты казаки боялись подходить к своему атаману, зверел он, становился зол и мнителен, хватался за саблю из-за каждого слова. Не робкого десятка были казаки, но тут робели, не смели перечить Степану ни в чем, ждали, когда придет пора, отмякнет атаман, подобреет.

Обосновался Степан в те дни неподалеку от Баку на Свином острове. Здесь не надо было сыпать земляной вал: кругом вода, видно на двадцать верст вокруг, незамеченный к острову не подойдешь. И избы не надо строить — тепло стало, поэтому казаки раскинулись табором. Ествы завезли много, воды тоже было вдоволь из местных речек и ручейков. Здесь просидели казаки десять недель, разбухали новыми зипунами, готовились идти на Астрахань.

Но не успели уйти с миром. В июне 1669 года к Свиному острову подошел шахский флот во главе с Менеды-ханом.

Пятьсот стругов Пальмар не выстроил, а пятьдесят плоскодонных лодок-сандалей к весне были готовы. Вместе с Менеды-ханом шли три тысячи семьсот шаховых солдат, горских черкесов, кумыков, всяких наемных людей. Шах возлагал на хана надежды: полководец был из видных, умел воевать и на суше и на море.

Сам Менеды-хан был уверен в успехе. В своей сандале хан вез сына Шабалду, хотел показать юнцу, как побегут казаки под ударами его, ханова, войска. С развернутыми знаменами, под звуки дудок и барабанов в открытую шел шахский флот на Свиной остров.

А вскоре во все окрестные страны Востока, а оттуда в Россию, Швецию, Польшу и другие державы пришли вести о страшном поражении шахова войска. Доносил о сражении под Свиным островом секретарь шведского посольства в Персии Кемпфер: «Казаки выскочили на нескольких стругах из-за острова и бросились в открытое море. Персы, увидев это, подумали, что они бегут, хотя на самом деле они сделали это, чтобы лишь заманить их, и поэтому казаки уходили все дальше и притворялись, что не могут управлять своими судами. Это поощрило персов преследовать их с громом труб и барабанов. Хан лично был с ними и поднял флаг на своей бусе. Они также соединили свои бусы цепями, надеясь захватить врага как бы в сети, чтобы никто не убежал. Но это оказалось большим преимуществом для казаков. Так как

персы начали стрелять в них, и когда они были достаточно далеко от берега, новый генерал казаков (С. Разин, по сведениям Кемпфера, сдал на время боя командование одному из казаков. — **Авт.**), решив, что теперь уже пора, приказал своему пушкарю, который был очень опытным парнем, стрелять в большое судно с флагом, что он и сделал, нацеливая свою пушку в то место корабля, которое было над водой, где находился порох; ядра были внутри пустые и наполнены нефтью с ватой, и так как выстрел произвел желаемый эффект, т. е. взорвал часть бусы и поджег остальную часть, то хан ретировался на другое судно. В этом замешательстве, так как судно, начав тонуть, не только само тонуло, но и потащило за собой другое, казаки подошли ближе, приостановили обстрел, прикрепили свои суда к персидским, у которых были высокие палубы, и казаки убивали персов шестами, к которым были привязаны пушечные ядра; некоторые из персов предпочитали броситься в море, чем попасть в руки врагов. Остальные были убиты казаками, которые ничего не смогли взять с их бусов, кроме пушки».

Писали в Москву о бое и из Астрахани: «И на том бою воровские казаки Стенька Разин с товарищи тово хана и шаховых ратных людей побили и пушки и ружье поимали, а сына... ево Шабалду в полон взяли».

На трех сандалях ушел Менеды-хан. Остальные казаки либо потопили, либо взяли себе, всего лишь несколько десятков человек уцелело из огромного шахского войска.

Молва о победе казаков шла не только по столицам восточных и западных стран, о ней слагали песни работники на учугах, казаки в верховых донских городках, на Тереке, на Яике и в Запорогах. Неслышным шепотом неслась молва по помещичьим селам и деревням Симбирщины и Тамбовщины. Неизвестно, как и когда доходила эта молва до черных людей, но только знали они доподлинно, что заколдовал Стенька шахово войско, и лодки шаховы великой хитростью и колдовством потопил, и не берет его ни пуля, ни сабля, ни волна. Может он превращаться в барса и гепарда, плыть как рыба под водой. Тихо радовались крестьяне и черные люди: пусть хоть и далеко, а все есть и у них заступник, с которым никто не может совладать. Еще не ушел Разин от персидских берегов, а слава о его подвигах катилась по побережью до Терского городка и Астрахани, до Казани и

Нижнего Новгорода и шла дальше, на Белоозеро и Соловки.

А казаки тем временем считали своих товарищей. Только за эту тяжелую зиму и весенние походы и бои потеряли они более пятисот человек.

К ним прибегали из побережных городков разные люди, говорили, что шах собирает против казаков новое войско.

В конце июля 1669 года Разин решил — возвращаться на Дон через Астрахань.

Десять дней плыли под парусами казаки от Свиного острова до устья Волги.

На исходе десятого дня вдали показался русский берег, струги вышли на учуг астраханского митрополита Иосифа — Басаргу.

Нет, не мог отказать себе Разин еще раз пошарпать великого астраханского богомольца. Известно было, что митрополит в большой дружбе находится с разинским ненавистником воеводой Иваном Прозоровским, что не раз уже грозил он проклятьем казакам. Так получай же, святой отец. С ходу взяли казаки Басаргу, забрали себе соленую рыбу, икру, вязигу, клей, пограбили всякие учужные заводы: медные и железные котлы, топоры, багры, долота — пригодятся в дороге. Прихватили неводы, отняли у местных ловцов струги и лодки, перетащили к себе хлебный запас. Но не сразу двинулся Степан к Астрахани, донесла морская казацкая сторожа, что идут из Персии две бусы, а чьи — неизвестно. Эх, потешиться же надо еще раз, бросили казаки учуг, не дограбили его и вышли в море — там и встретили бусу персидского купца Мухамеда-Кулибека и вторую бусу с шаховыми аргамаками, которых его величество Аббас II посылал в любительных поминках великому государю Алексею Михайловичу.

Не слушал Степан ни лепета персидского купчины, ни просьб людей, сопровождавших шаховых лошадей. Приказал атаман все купецкие товары забрать, взять к себе в струг и сына купца — молодого Сехамбетя, — пусть купец выкуп дает, как придет в Астрахань. Взял Степан и дорогих кровных коней вместе с бусой. После этого разинский караван направился к Четырем Буграм — скалистому острову неподалеку от устья Волги.

Степан не хотел сразу идти мимо Астрахани — нельзя было без разведыванья бросаться очертя голову в ру-

ки к Прозоровскому. Разин собирался выждать, осмотреться, дождаться, как это было до сих пор под всеми крупными городами, тайных выходов к нему черных людей, разузнать у них доподлинно обо всем и лишь после этого действовать.

Два года не был Разин на Волге, о многом он знал, но о многом и не догадывался. Он все еще ждал против себя новых ратей, новых окриков воеводы Прозоровского. Поэтому и ощетинились казаки на Четырех Буграх, поставили свой стан на самой вершине острова; кругом каменистые крутые берега, подступы к ним поросли камышом, и есть к острову с воды лишь один узкий между камышами проход.

Любил Разин загадки своим врагам загадывать, любил селиться на кручах и на островах, так же сделал он и на этот раз. Отсюда можно было сноситься с Астраханью, здесь хозяином был он, а не Прозоровский; посидим на Буграх, посмотрим, что станет делать астраханский воевода. А там видно будет.

А дела на Руси тем временем менялись. Не воровским, опальным от царя атаманом, учинившим мелкую шкоду, пришел теперь Стенька Разин под Астрахань, а опасным государевым преступником, перед именем которого трепетали воеводы и бояре по городам, стрелецкие головы, сотники и пятидесятники по крепостцам и острожкам. Бредила Стенькой вся голь перекатная от Астрахани до Нижнего Новгорода и далее. Люди бежали к нему со всех сторон, не ведая, где он и будет ли где. Донская голытьба ждала его как своего коренного атамана, черные люди по городам готовились к его встрече как к празднику, тщились хоть одним глазом посмотреть на невиданного чародея и простых людей заступника. Хорошо говорили о Стеньке и многие стрельцы — Стенька-де свой человек, за нас, за стрельцов простых, стоит и нас, стрельцов, жалует.

И над всем этим катилась по Российскому государству Степанова слава победителя бусурман и освободителя православных от шаховой неволи.

Такого запросто в колодки не забьешь, кнутом на площади не отхлещешь. Поднять руку на Разина означало для воевод — поднять руку на голодное и обозленное голутвенное казачество, на всех черных людей. Это хорошо понимала и Москва, это понимал и князь Прозоровский.

За время разинского похода волжские города были изрядно укреплены, сюда пришло еще несколько стрелецких приказов* с севера. По волжскому устью и на взморье день и ночь стояли береговые и морские караулы, чтобы сразу же дать знать о появлении казаков. Степан Разин должен был сразу же попасть в тесное кольцо мощных крепостей, стрелецких полков, опытных боевых воевод. Но задираться с ним желания у Москвы не было. Пусть астраханский воевода договорится с казаками миром, пусть Стенька принесет повинную царю, и тогда будут прощены все его тяжкие преступления против государя. Царь дал новую милостивую грамоту казакам и направил ее в Астрахань. Кроме отпущения вин, там говорилось, чтобы послужил теперь Разин со всем тщанием великому государю. Кроме того, воеводы сами не хотели ссориться со Степаном: может, с миром пройдет, на радостях и поминков отвалит — слухи ходили, что везет с собой Разин добра полные струги.

Но ничего этого не знал Степан, ощерившись на своих Четырех Буграх. Не знал он, что вышедший из Астрахани ему навстречу воевода Семен Львов нес с собой новую милостивую царскую грамоту, и когда неподалеку от острова вдруг показались пятьдесят львовских стругов, набитых битком стрельцами, Разин заколебался. Вот оно! Дал о себе сразу же знать воевода Прозоровский, дождался своего врага казацкого атамана, видно, не забыли Разину за давностью ни волжского каравана, ни Беклемешева, ни Яицкого городка, а теперь вот еще — разгром Басарги и захват царских поминков.

У Разина не было на острове и тысячи казаков, лишь 22 струга привел он с собой из тяжелого персидского похода; что он мог поделать с такой невеликой силой против огромного астраханского войска? И второй раз за время похода смутился Разин.

Струги Львова подходили все ближе. Можно было уже различить пушки, поставленные у них на носах. Сейчас они ударят по разинскому стану, и полетят каменные брызги во все стороны. Львов шутить не любит, этого, как Беклемешева, в воду не кинешь. Еще утром Разин говорил казакам: «Если увидим, что равны нам силы, то будем биться, а нет — уйдем на Куму, а оттуда на Дон, по дороге еще отгоним у горских черкесов лошадей».

---

* Полков.

Теперь же у казаков была лишь одна мысль — бежать, только бежать, спасти захваченное добро, пройти незамеченными мимо Астрахани либо протоками, либо обойти ее степью, либо уйти на Куму, как говорил Степан. Но все уже смешалось, казаки бросились к стругам, стали спешно выгребать из узкого пролива в море.

Докладывал позднее князь Прозоровский в Москву великому государю: «И воровские... казаки, увидя ратных людей ополчение и стройство и над собою промысел, írметався в струги, побежали на море в дальние места. И он, князь Семен, шел за ними морем от Четырех Бугров з 20 верст и, видя, что их не угнать и поиску над ними учинить не мочно, послал к ним грамоту великого государя с Никитою Скрипицыным».

На этот раз ничего не приврал для Москвы астраханский воевода. Казаки опомнились лишь тогда, когда струги Львова остались далеко позади. В великом смущении сидел Разин в каком-то чужом, не своем, атаманском, струге. Он даже не помнил, как и оказался в нем. Все вдруг смешалось, не казацкое войско, а какая-то слепая, охваченная страхом толпа. Как бежали в одиночку из помещичьих усадеб, так и спасались кто во что горазд, как бог на душу положит. Все накопленное двумя годами его трудов и стараний рассыпалось прахом в какие-то несколько минут. Молчал Степан, молчали и казаки, будто очнулись от глубокого, дурманящего сна. И тут увидели, что от астраханской флотилии отделился один струг, машут на нем люди руками к ним, казакам, хотят говорить, а остальные львовские струги уходят обратно к Четырем Буграм.

Ко всему был готов Разин, но только не к милостивой царской грамоте. Никита Скрипицын, посланный Львова, сообщил атаману, что не биться с ним пришел князь Семен, а порешить дело миром, что в особом ларце лежит для него, Стеньки, государева грамота и чтоб не дурил он больше в море и по взморью, а шел бы на переговоры к воеводе Львову.

Вмиг переменился Степан, поднял голову, подбоченился, прищурился, глянул быстренько щелками глаз на казаков. Пусть смотрят, каков у них атаман, — сам царь помнит о нем, шлет к нему свою грамоту. А раз не казнят, а милуют его — значит, непорядок у них на Руси, просто так Москва вины не отпускает. Что ж, грех сейчас не пойти на мировую: казаки измучены, устали,

больны, боевого припаса осталось мало, что ни день, то умирают его товарищи от тяжких южных болезней, нескольких человек зарыли уже на Четырех Буграх. Умел Разин падать, но умел и подниматься, и словно не было ни страха, ни бегства позорного от князя Львова. Грозно смотрел атаман на воеводского посланца.

— Что хочете от нас? — спросил Степан у Скрипицына.

— Просил сказать вам воевода, стольник князь Семен Иванович Львов, чтобы шли вы с миром в Астрахань, а оттуда к себе на Дон, а пушки свои, которые захватили на Волге и в Яицком городке, сдали бы, отдали бы и большие морские струги, отпустили людей служилых, что задержали вы у себя силой, а также купецкого сына и прочих пленников.

Ничего не ответил Разин воеводскому посланцу, а попросил время подумать. Поплыли казаки снова к Четырем Буграм, пропустил их Львов и заступил своими стругами обратный путь в море. Теперь только и могли казаки, что идти на Астрахань.

Собрал Степан круг, но не обычный — привольный да говорливый, надо было быстрый ответ давать Львову. Да и какой тут ответ может быть — и так все ясно: надо принимать воеводские условия. Хоть и обидные они были, но другого выхода не было, разве что пробиваться куда глаза глядят, и потом вновь брести безвестно протоками и степью. Здесь же казакам обещали почет и уважение, свободный пропуск на Астрахань и на Дон. И никаких там вин и опал за ними больше не останется. Об этом и говорил Разин казакам: хочет нас царь миром улещить — пусть улещивает...

Казаки согласились принять условия Львова и послали вместе со Скрипицыным к воеводе двух своих выборных людей. Те пришли к Львову и сказали ему речи, которые передал с ними их атаман Степан Тимофеевич: «Просим мы от всего нашего казацкого войска, чтоб великий государь пожаловал, велел вины их им отдать и против великого государя грамоты на Дон отпустить с пожитками их, а они за те свои вины рады великому государю служить и головами своими платить, где великий государь укажет. А пушки, которые взяли они на Волге, на насаде и на стругах, и в Яицком городке, и в шахове области, отдадут и служилых людей астраханцев и иных низовых городов, которые взяты в Яицком город-

ке и на Волге, отпустят они в Астрахань, а струги и струговые припасы отдадут на Царицыне. А что им говорил Микита Скрипицын о купчинине сыне, чтоб ево прислать к нему, князю Семену, и купчинин сын хотел им за себя дать откупу 5000 рублев, только об одаче того купчинина сына они в войску помыслят».

Львов выслушал разинских посланцев и не упорствовал, не придирался ко всем посланным со Скрипицыным своим статьям. На том и порешили. Для достоверности воевода привел разинских посланцев к вере, и они на тех договорных статьях поклялись за все свое войско и икону целовали.

Князь Львов ждал Степана Разина на берегу. Невысокий, с изрядным брюшком, на тонких ножках стоял воевода впереди своих стрельцов, покачивался на каблуках, важно приподымал голову. Вид смешной, а взгляд острый, умный. Казацкие струги причалили к берегу, и атаман направился навстречу воеводе. Он шел одетый в дорогой, шитый жемчугом кафтан, в дорогой шапке, блистая отделанным золотом и серебром оружием. Сзади атамана шли казаки — все в дорогих же одеждах.

— Здравствуй, князь Семен Иванович, — обратился Разин к воеводе, — бьем челом тебе всем нашим войском на твои милости, рады служить тебе.

Во все глаза смотрел Разин на неказистого воеводу: не орел, а воин, видно, славный. Разину уже рассказали, как взял воевода Яицкий городок, как выбил стрельцов, выбежавших из городка и укрывшихся на Кулалинском острове.

— Здравствуй, атаман Степан Тимофеевич, — отвечал Львов. — Все ли живы-здоровы в твоем войске, как дошли вы до родных земель? Не устали ли?

Прищурился воевода, поднял одну бровь. Понял Разин княжескую насмешку, но сдержался, не стал дерзить, ответил:

— Благодарствую, князь Семен Иванович, шли мы до вас десять дней по ветру, отдохнули изрядно. Хотим поскорее до дома добраться.

— Прими, атаман, милостивую государеву грамоту, — сказал Львов и сделал знак рукой. Один из дворян, стоявших сзади князя, вышел вперед и с поклоном протянул Степану грамоту, перевязанную дорогим шнурком. Разин с поклоном же взял грамоту, поднес ее к губам, а потом положил за пазуху.

Он сделал знак, и тут же казаки поднесли дворянину в подарок золотой кубок персидской работы и ткани: атаман знал обычаи и величал поминками человека, подавшего ему грамоту от великого государя.

Богатые поминки получил и сам Львов — шубу соболью, жемчуга, дорогую конскую сбрую, серебряные и золотые кубки и блюда. Небогат был Львов, всю жизнь провел в походах и боях; на далеких государевых окраинах верно служил Российскому государству, а таких поминков не выслужил. Заблестели глаза слезой у старого воеводы; он тут же объявил Степана своим названым сыном, дал ему в знак родства икону пресвятой богородицы. Атаман и воевода под радостные крики стрельцов и казаков обнялись, облобызались. Прошла слеза у воеводы, и подумал он, что усмирил он теперь совсем бунташного Стеньку и приведет с собой в Астрахань позади своих стругов.

Разин действительно стих, строго наказал казакам не задирать служилых людей; сам он высказывал названому отцу всяческое почтение. И не мог видеть князь, как, идя следом за воеводскими стругами, Степан с казаками посмеивался над ним, с ухмылкой разглядывал государеву грамоту, ругал ее матерно.

10. ДЕСЯТЬ СЛАВНЫХ ДНЕЙ

С утра 21 августа 1669 года вся Астрахань пришла в движение. Особенно волновалась астраханская голутва. Из окраинных слободок, темных углов, далеких улиц бежали к берегу Волги работные люди, ремесленники, ярыжки, повылезли на свет все потаенные люди, пробирались на берег с оглядкой. Встречал в это утро астраханский черный люд батюшку атамана Степана Тимофеевича Разина. Вот он наступил, долгожданный миг — приходит к ним заступник и спаситель, чародей и кудесник, поглядеть на него только бы одним глазком, услышать голос его...

С крепостных стен ударили из пушек, в ответ с моря также зазвучали пушечные выстрелы — струги Львова и Разина подходили к Астрахани.

Степан стоял в своем челне одетый в тот же кафтан, в котором он вышел к Львову. Высокий, статный, блистающий дорогим оружием, он стоял на виду тысяч лю-

дей, собравшихся на берегу, и приветствовал их. А те люди вопили славу батюшке Степану Тимофеевичу, тянули к нему руки, смотрели на атамана жадными глазами.

Воеводские струги пристали к берегу, а Разин проплыл дальше, подыскивая место для своего стана: хотели казаки укрепить себя под Астраханью, а уж после этого выйти в город.

Место такое нашлось на одном из прибрежных островов. Скинули казаки дорогую одежу, остались в одних полотняных рубахах, похватали в руки лопаты, кирки, ломики и начали устраивать свой стан. Набросали вокруг землю, поставили на валок пушки, развели костры, и кашевары приступили к приготовлению討ествы.

Лишь на следующий день появились казаки в Астрахани. Они шли по улицам города увешанные золотыми и серебряными украшениями, на загрубелых от весел и сабельных рукояток пальцах горели перстни, драгоценные венцы и диадемы украшали их мохнатые шапки, из-за пояса торчали пистолеты в дорогой оправе, расцвеченные золотой и серебряной насечкой, нависали над землей сабли в дорогих ножнах, сафьяновые сапоги взбивали астраханскую пыль.

Казаки шли на базар. Каждый из них тащил с собой персидскую парчу, шелка, изделия из золота и серебра. И здесь же на ходу, не доходя до базара, началась веселая казацкая торговля. Не скупясь и не торгуясь, казаки отдавали по дешевке свои товары местным купцам, ростовщикам, дворянам, всяким приказным людям. Фунт шелка шел по восемнадцати денег. По небывало низкой цене спускали казаки золото и серебро. Они веселились, глядя, как хватали их товары покупатели, как горели у них глаза и как готовы они были перегрызть друг другу глотку за лишний серебряный стаканчик.

Набежали в торг и иноземцы. В тот же вечер здешний голландский купец записал в своей тетрадке об этом удивительном торге: «Я сам купил за сорок рублей огромную золотую цепь, величиной в сажень, за каждым золотым кольцом было по пяти драгоценных камней».

Здесь же, на месте, казаки и тратили полученные деньги: покупали русские либо иноземные товары, вино; здесь же распивали его с городскими людьми, не скупясь и не считаясь. Удивляли народ своей щедростью.

Городская голутва с восторгом смотрела на разинских работничков. Вот она, завидная вольная казацкая доля —

богатство, слава, почет. Ругали, ругали казаков: и воры-то они, и бунтовщики, и виселицу уже всем уготовил воевода Прозоровский, и на же тебе — ходят по городу, хозяева, сорят деньгами, пьют и гуляют без меры. Победители бусурман, государевы прощенники. И никаких там вин за ними больше нет, никаких грехов. Так повернул дело Степан Тимофеевич. И не беда, что ходят казаки с опухшими, желтыми лицами, с язвами на коже. Это пройдет, заживет. Важно другое — богатую и привольную жизнь добыли они себе сами, своим оружием, своим бунтовством. Нет, не воры они и не разбойники, а самые желанные и праведные люди. Еще вчера они были такими же бедняками, холопами, ярыжками, крестьянами, как и они, астраханская голь, а сегодня — большие люди, а их атамана жалует сам царь всея Великия и Малыя и Белыя России.

Разин не торопился появляться в городе, не спешил идти на поклон к воеводе, а заодно хотел присмотреться, как примут в Астрахани его казаков. Лишь через несколько дней устланный коврами струг с атаманом причалил к городскому берегу. Но и на этот раз Разин не спешил в приказную избу.

Он вышел на берег и отправился бродить по улицам Астрахани, рядом с ним плотной кучкой шли казаки из атаманской охраны, готовые в любую минуту прикрыть своими телами Степана Тимофеевича.

Разина ждали. Люди толпились вдоль атаманова пути, величали Степана. Иные в умилении становились на колени и благословляли его, иные клали ему поясные поклоны, снимали перед ним шапки. Разин останавливался, говорил с бедными людьми, щедро одаривал их золотой и серебряной монетой. Особую милость оказывал он совсем нищим и убогим, а богатых купчин, дворян, приказных словно и не замечал.

С тех пор как ушел Разин из России, прошел не один долгий месяц, многое подзабылось за морем, а вернулся — все то же: голод, батоги, воеводское самоуправство, приказное лизоблюдство. Сиры и беззащитны простые люди перед большими людьми, хищными псами. На том стояла и стоит государева Русь. И снова мрачнел Разин, а казаки дивились на своего атамана, гадали, отчего не радуется он, не торгует. Но надо было соблюдать и свой уговор с князем Львовым. Иначе Прозоровский все равно не выпустит его с немногими людьми из Астрахани, задержит,

запустошит, животы отнимет. Здесь не надо было лезть на рожон.

Дошла очередь и до приказной избы. 25 августа Разин появился в Астрахани в сопровождении есаулов и сотников. В приказной избе он сложил свой атаманский бунчук, знамена, отдал приказным ханова сына Шабалду, которого взял под Свиным островом; вернул Степан царю и поминки его — персидских кровных аргамаков и купецкого сына Сехамбетя отдал же приказным. Отпустил Разин по уговору и кое-кого из служилых людей, которые пошли с ним неволей и теперь пожелали уйти от него. Но пушки и струги он отдавать не торопился, не заикался Степан и о товарах, отобранных у персидского купчины под Астраханью, молчал также про полоняников, захваченных в Персии и у туркмен. Приказные нажимали, и тогда Разин, чтобы не доводить дело до ссоры, приказал выдать пять медных и шестнадцать железных пушек, а также тринадцать стругов морских, а взамен их взял у воеводы мелкие речные суда, чтобы дойти на них до Царицына и Дона. А четыре медных пушечки и шестнадцать железных затинных Разин оставил себе — надобны были те пушки, сказал он приказным людям, для проходу по степи от Царицына до Паншина городка и для обороны от крымских и от азовских воинских людей. Пообещал Степан прислать те пушечки в Царицын тотчас с приставами, как казаки придут на Дон.

Так и доложили приказные воеводе. По остальным же делам Разин желал говорить только с самим князем Прозоровским.

Били также челом казаки в приказной избе, чтобы позволил им воевода послать станицу в Москву принести вины казацкие самому великому государю. Скрепя сердце воевода согласился, очень уж ему не хотелось тех воров пропускать к государю на Москву.

Шестеро разинских посланцев во главе с Лазаркой Тимофеевым отбыли на Саратов и на Нижний, а далее на Москву.

День шел за днем, а Разин не торопился на воеводский двор и вроде бы не собирался выполнять обещанное. Зато казаки исправно появлялись в городе, лечились, отмывались в астраханских банях, торговали без удержу, пили и братались с черными людьми.

Наконец Разин появился на воеводском дворе. Князь Прозоровский встретил его на крыльце как дорогого го-

стя, рядом стояли воевода Семен Львов, дьяк и подьячие, стрелецкие начальники, служилые иноземцы. Разин подошел к крыльцу, поклонился воеводе в пояс, преподнес богатые поминки — ткани, ковер бухарской работы, кубок золотой. Говорил Разин речь, а сам так и впивался глазами в лицо князя. Так вот он каков, воевода Прозоровский, гроза казаков, наместник царя на юге. Высокий, сухой, с седой гривой волос, в седой же бороде. Стоит, смотрит строго, а глазами косит в сторону поминков, видно, играет воеводское сердце при виде золота.

Другие речи говорили уже в княжеской палате и за столом. Богато угостил Прозоровский атамана, но слова его были вовсе не сладкими. Многажды говорил князь, чтоб их, казаков, всех поименно переписать, а пушки, которые они взяли с боем на Волге, и в Яицком городке, и Карабузанском протоке, и за морем в шаховой области, товары шахова купчины и всякие пожитки, которые они взяли с бусы на взморье, отдали бы сполна. И еще требовал воевода, чтобы отдали казаки всех полонных людей, захваченных в походе. Степан слушал воеводу, ел, пил, похваливал угощение, посматривал на князя Ивана Семеновича. Все выговорил воевода казакам и принялся за курицу. Теперь заговорил Разин: «Мы, казаки, бьем челом великому государю и приносим ему все свои вины. А товары, которые мы взяли в бусах и на взморье, отдать никак не можем, потому что те товары у нас, казаков, раздуванены, а после дувану уже проданы и в платье переделаны. А полон мы имали саблею, и многие наши братья за тот полон в шаховой области на боях побиты, поранены и в полони пойманы. И тот полон у нас в разделе досталось пяти, десяти, а иным и двадцати человекам один полоняник. А имянной переписки казакам ни на Дону, ни на Яике нигде и никогда, ни по каким казацким правам не повелось, и в милостивой грамоте великого государя того не сказано, чтобы нам быть в переписке и пушки и рухлядь, которые мы в воровстве добыли, отдать обратно. На том тебе, боярин и воевода князь Иван Семенович, все наше казацкое войско бьет челом».

На другой день снова был Разин на воеводском дворе, снова были поминки, угощенья и речи многие, но казаки стояли на своем — переписке не быть и то, что саблею добыто — не отдавать. Когда же воевода послал Разину иноземца, полковника Видероса, и тот повторил старые

воеводские требования, то Степан гордо ответил ему: «Иди и передай своему воеводе, что людей переписывать не дам, мы не крепостные, а вольные люди, и пушек не выдам. Что ж, по-вашему, я должен предать друзей своих, которые служили мне верой и правдой. Подожди, полковник, скоро я посчитаюсь с боярином за все притеснения. Ни воевода, ни царь мне не указ!»

Хоть и кричал и ругался воевода после этого, клял Стеньку, вора и бунтовщика, последними словами, но смирился, потому что вся астраханская голытьба молилась на казаков, шаталась, стервенела с каждым днем пребывания их в городе. Каждый приход казаков в Астрахань кончался тем, что на остров, в казацкий стан, сбегал то один, то другой житель. Это были холопы, всякие должники, ярыжки. Хозяева били челом воеводе, чтобы вернул людей, но воевода, боясь народного взрыва, молчал. Пусть же берут свою рухлядь и пушечки да убираются поскорее из Астрахани, а полоняников и товары с бусы пусть шаховы люди сами выкупают. На том и порешили.

Воевода бурлил, а Разин вел себя спокойно, будто все шло как надо. С утра он отправлялся в гости по воеводским дворам, и в каждом был стол, вино. Степан приходил не с пустыми руками, нес воеводам богатые поминки. Звали его к себе и богатые купцы, здешние видные иноземцы. Воеводы Прозоровский и Львов, в свою очередь, приходили к нему в гости на струг. Там на виду у всего города Степан принимал больших людей, потчевал их, одаривал. А потом, когда бояре уходили, казаки честили их при всем честном народе, а Разин грозил, что доберется он еще до животов этих богатин, пошарпает их.

Жутко и радостно становилось на душе у черных людей, когда они слышали эти атамановы бахвальные речи. И не знали, чему верить. То пьет Разин с боярами, одаривается, то ругает их, поминает недобрым словом даже самого великого государя. А Разин хитрил. Его станица ушла в Москву к великому государю, в ларце у него лежит милостивая грамотка от царя. Чем он не слуга его царского величества, вины ему отпущены, на царскую службу взять его обещают. Попробуй тронь теперь атамана. Но и дурить в Астрахани нельзя, за каждым его шагом, за каждым словом следят воеводы, Прозоровский — старый недруг казацкий — особенно. Против него-то и можно прикрыться царской грамотой и царским именем. Пил Степан на воеводских и боярских дворах за его, царское

величество, и за благоверную царицу, и за царевичей. Поднимал кубки и за воевод, и приказных людей, но невеселые это были пиры ни для самого Степана, ни для астраханских больших людей. Тяжело было говорить, смеяться, притворяться; следили друг за другом, приглядывались. Среди пира вдруг замечал Разин чей-нибудь пристальный, тяжелый взгляд или видел, как наклонялись воеводы друг к другу, говорили что-то вполголоса, косились в его сторону.

...В это утро Степан был в добром расположении духа. Над Астраханью стояло жаркое августовское солнце. Толпы людей теснились на берегу, на припеке и, несмотря на жару, величали атамана, а он сидел в своем струге с товарищами и говорил многие речи. Вспоминали походы, поднимали чарку, пели песни. На плечах у Степана была накинута дорогая соболья шуба, та самая, что согревала его в холодные дни на Миян-Кале. Поверх меха висели золотые и серебряные украшения. Вот тут-то и подоспел Прозоровский. То ли случайно оказался он на берегу, то ли оповестили его, что сидит Разин в струге весь в дорогом и пирует, но только подкатил воевода к самой воде и направился к разинской лодке. Принял Степан воеводу как должно, поднес чарку, попотчевал. А Прозоровский глаз не сводил с разинской шубы.

— Подари-ка ты мне, атаман, свою шубу, зачем она тебе.

— К вечеру похолодает, воевода, разве можно мне без шубы, — отшучивался Степан.

— Отдай шубу, где-нибудь поволю тебе, атаман. — Прозоровский погладил веселый блестящий мех.

— Не тронь, Иван Семенович, эта шуба досталась мне с бою, не к лицу тебе у меня, простого казака, добычу выпрашивать.

— Эх, атаман, не то ты говоришь, — зло сощурился Прозоровский, — зря пренебрегаешь воеводской милостью. Мы ведь в Москве все можем учинить — и добро и ду́рно.

Распалился и Разин, но спорить с воеводой не стал, скинул в сердцах шубу с плеч, бросил ее воеводе. Только и сказал:

— Как бы не было тебе в ней жарко, князь, смотри, еще обожжешься.

Воевода не ответил, схватил шубу и молча сошел со струга на берег, а казаки долго еще ругали Прозоровско-

го последними словами, сквернословили, грозили рассчитаться с вымогателем.

Любил потешиться Степан Разин на глазах у людей. Чуть не каждый день устраивал он катания на стругах напротив города, приглашал к себе на катания астраханцев всех чинов, потчевал на воде. Сказывали астраханцы, что во время одного такого катания, изрядно захмелев, утопил Степан в Волге красавицу полонянку. Как попала она к казакам, того никто не ведал. Одни говорили, что взял ее Разин в татарских улусах близ Яика и возил с собой всюду, другие говорили, что это персиянка, дочь Менеды-хана и сестра ханова сына Шабалды, которую захватил Разин под Свиным островом. Известно было, что никому ее Разин не показывал и крепко любил. А казаки были недовольны: первый раз баба объявилась среди воинов. Не к лицу это было казацкому атаману. Роптали казаки, но терпели, боялись Степана. Потом, глядя на атамана, и сами решили побаловаться. Незадолго перед этим астраханцы притащили одного казака, бросили его к ногам Разина, закричали, что насильничал казак над мужней женой. Расправа атамана была короткой. Казаку завязали над головой рубаху, насыпали в нее камней и бросили в Волгу — блюди казацкие порядки, не срами войско, уважай людей, не к врагам, а к друзьям пришли. С тех пор совсем хмуро стали смотреть казаки на Стенькину любовь. А теперь во хмелю кто-то сказал об этом слово поперек атамана. Смолчал Разин, словно и не слышал. А когда струги вышли на середину реки, вдруг поднялся, схватил свою любимицу, поднял над головой и, как была она в дорогой парче, в жемчугах и золоте, бросил в Волгу. Слыхали люди, что сказал тогда Степан так: «Ах ты, Волга, река великая! Много ты дала мне золота и серебра, богатства всякого, славою и честью меня наградила, а я так и не отблагодарил. Так возьми же и от меня поминок». Потом сел атаман на скамью и смахнул хмельную слезу...

4 сентября 1669 года Разин уходил из Астрахани на Дон. Перед этим он вдруг кончил пиры и катания и засел в своем стане. Целыми днями к нему из Астрахани приезжали в лодках какие-то люди, и Разин долго и много говорил с ними, а были те люди черные и «голые» из ремесленных слободок, с окраин, холопы и всякие обиженные. В эти же дни казаки ходили по городу уже не с торговлишкой, а неизвестно зачем; подходили вплотную

к крепостным стенам, глядели на пушечный астраханский наряд, крутились около крепостных ворот. Доносили верные люди Прозоровскому, что смотрят казаки крепостные астраханские укрепления, встречаются со всякими темными людьми. Воевода приказывал еще строже смотреть за казаками. Запретить же им ходить по городу он не мог.

Уходил Разин из Астрахани как победитель — при пушках и оружии, со всем своим войском и со всеми прибранными в дороге людьми, в том числе и с астраханцами, не переписанный и не сосчитанный, со многими граблеными животами и с выкупом, взятым за шахова купчинины товары и за Сехамбетя. Вопили вслед ему черные люди, величали своим батюшкой. Наказывал тайно многим из них перед тем Степан ждать его.

Видели воеводы, что уже здесь перед уходом затевал Стенька какое-то новое большое воровство, а какое — то было неведомо.

11. «...ЧТОБ БЫЛИ ГОТОВЫ»

Уходил Разин до срока. И он сам, и городские черные люди, и казаки знали, что эта их встреча не последняя, что настанет время, и вновь придет в Астрахань Степан Тимофеевич и призовет к себе всю астраханскую голытьбу. А пока срок еще не настал. Уносил с собой Степан прочную поддержку простых людей и крепкую свою ненависть к воеводам, боярам, дьякам, купцам. Корыстолюбивые, злобные к ним, казакам, большие астраханские люди вызывали у него омерзение.

Особую ненависть уносил он к Ивану Прозоровскому.

Незадолго перед уходом казаков на Дон воевода призвал к себе Разина.

— Даю вам в провожатые до Царицына дворянина Левонтия Плохого. А с Царицына до Паншина городка с тобой пойдет сотник астраханский с пятьюдесятью стрельцами.

Разин пробовал опять отшутиться:

— Зачем же такая забота, князь, сами доберемся.

Но Прозоровский не принял атамановой шутки, отвечал строго, коротко:

— Посылаем с вами охрану по указу царя нашего и самодержца, чтоб никакого дурна ты, атаман, не учинил на Волге.

Стиснул зубы Разин, но согласился, не мог он сейчас идти на открытый разрыв с воеводой, сила была на стороне Прозоровского.

— Пусть будет по-твоему, князь, — и не удержался: — Только смотри, как бы не заскучали с нами твои стрельцы, ведь мы, казаки, к твоим людям неласковы.

Не ответил воевода атаману, повернулся спиной, потом, отпуская Разина, на виду у людей все ему выговорил и память в дорогу дал: «Чтоб казаки из Астрахани, Волгою идучи, нигде никаких людей с собой на Дон не подговаривали. А которые люди и без их подговору учнут к ним приставать, и они б их не принимали и за то от великого государя опалы на себя не наводили».

Все стерпел Разин: и последние воеводские речи, и память — только хмурился, зыркал страшно глазами на Прозоровского.

Выгребли казаки напротив Астрахани, ударили на прощание из пушечки, с крепостной стены им ответили, и понеслись легкие струги вверх по Волге, а следом на легких же речных стругах помчались стрельцы с Леонтием Плохим.

А через несколько дней, 10 сентября, тайно, ночным временем астраханские стрельцы вывели из тюрем колодников — яицких казаков и стрельцов, захваченных Львовым на Кулалинском острове. Их погрузили на насады, забили в трюмы, и караван с колодниками отправился на Москву для розыску над ворами и наказания.

Едва отчалил Разин от Астрахани, как сразу переменился атаман. Долой все воеводские наказы из памяти! Пей-гуляй, казацкая вольница! Бей начальных людей — воеводских прихвостней, шарпай богатин на волжском раздолье! И загуляло на Волге лихое казацкое войско, но не воровское и опальное, а прикрытое царской милостивой грамотой, под охраной стрелецкого отряда.

Что мог сделать Леонтий Плохой со своими пятьюдесятью стрельцами против тысячи с лишним разинских молодцов! Смеются над ним, воеводским посланцем, казаки, кажут ему носы со стругов ушедшие с Разиным пятнадцать человек служилых астраханцев, да два человека дьяка Романа Табунцова, и ничего-то он, Леонтий, не может с ними сделать — не дает Стенька.

Под Черным Яром казаки встретили московских стрельцов, шедших в Астрахань. В это время Степан пировал в своем струге. Приказал он своим есаулам:

— Поезжайте к стрельцам и прикажите, чтобы явились ко мне их начальники немедля.

Пришли есаулы к стрельцам с большим невежеством и останавливали и приказывали быть у атамана неведомо для чего. А потом притащили к Разину в струг сотника Степана Кривицкого, стали подговаривать стрельцов перейти в казачество и подговорили кое-кого. А Степана Кривицкого Разин не грабил и не ругал, только сказал, чтоб отдал ему своих людей.

— Не могу я, атаман, мы люди подневольные, служилые. Выполним мы твой указ, в Москве с нас голову снимут, тебе не покоримся — ты нас в воду прикажешь посадить. Делай как знаешь, твоя воля.

Понравился ответ сотника атаману, налил он ему чарку водки из бочонка, что подарили ему перед уходом из Астрахани немецкие торговые люди. Выпил и сам. Сделал сотник знак, и люди его с соседнего струга притащили атаману еще бочечку вина ведра в три. Посмотрел Разин на сотника.

— Хороший ты человек, сотник, и я тебя милую, на, выпей, — и он протянул Кривицкому полную кружку водки. Сотник с готовностью выпил ее за здоровье Степана Тимофеевича.

Разин неуверенной рукой пошарил под лавкой, протянул Кривицкому сафьяну и киндяк *, потрепал по плечу.

— Жалую тебя, а теперь поди прочь с глаз моих, помни атамана Степана Разина.

Не прошло и дня, как новая весть пошла к воеводам по городам, а оттуда в Москву. Выше Черного Яра повстречал Разин казанских стрельцов. Везли они из Казани в Астрахань государев хлебный запас. Разин приказал каравану встать на якоря, призвал к себе стрелецкого начальника, а стрельцам объявил волю: кто хочет к нему, атаману, переходить, пусть идет.

Приехал голова казанских стрельцов к Разину, привез с собой бочку вина в шесть ведер, отдал по запросу атамана струг большой есаульный, и отпустил его Разин с миром. Только перешло в те два дня, что держал Разин на якорях государев караван, в казаки одиннадцать казанских стрельцов.

Укоряли Разина Леонтий Плохой и астраханский сот-

* Плотная ткань.

ник Федор Алексеев за подговор стрельцов и за прием беглых.

— Побойся бога, атаман, — говорил Леонтий, — скоро же ты забываешь милость к тебе великого государя, верни беглых сотнику.

— Нет, — отвечал Разин, — этого у нас, казаков, никогда не водилось, чтобы беглых выдавать. Кто пошел с нами — тот уже вольный казак: хочет — идет с нами, а хочет — сам по себе пусть живет. Мы никого не неволим.

С беспокойством видели Леонтий Плохой и Федор Алексеев, как все тверже встает Разин на Волге, творит что бог на душу положит, забывает все государевы и воеводские милости, самовольничает, людей смущает. Нет, не сносить ему, Леонтию, головы за все разинское новое ду́рно. А тут еще дошли до Прозоровского вести о бесчинствах атамана на Волге, и он прислал увещевательную грамоту Плохому; велел воевода Стеньке Разину со товарищами все его дурости выговаривать, что они творят свои дела, забыв страх божий и великого государя к себе милость, как им за их воровство вместо смерти живот дан. Велел воевода и людей, бежавших к Разину, тотчас выслать в Астрахань. А как их вышлешь, если учинился Стенька силен и никого не слушает?

В другой своей грамоте московским стрелецким головам и астраханскому полуголове Парфену Шубину, которые везли яицких колодников — шестьдесят шесть человек к Москве для розыску и расправы,— Прозоровский наказывал: за Разиным не ходить, ждать, пока уйдет он с Царицына на Дон. Так и сделали стрелецкие начальники: остановились, не доходя тридцати верст до Царицына, на нагорной стороне напротив Переливного острова, стали ждать вестей с Царицына.

Здесь-то и нашел своих бывших товарищей Степан Разин. Неизвестно, как узнал он, что стоят стрельцы с кулалинскими узниками на горе, только причалил он своими стругами выше в полуверсте и пришел к ним, головам, и сказал, чтобы они отдали ему всех людей, взятых на Кулалах.

Отказал Парфен Шубин Разину выдать людей. Схватился Разин за саблю, закричал, что прикажет сейчас своим людям в воду посадить стрелецких начальников. Еле уговорил его Плохой не начинать кроворазлитье, уйти спокойно на Дон. Сказал ему Разин: только тебя

жалеючи, что добр ты ко мне, Леонтий, жалую их в их животах.

Забрал Разин с собой из кулалинских колодников трех человек, что сами смогли уйти из-под караула, изругал матерно голову, когда попросил он вернуть людей, пристращал, что придет сейчас же и всех кулалинских колодников сам возьмет.

Гулял Разин на Волге, пугал стрелецких начальников, открыто шел против государевых людей, и неизвестно, что еще натворил бы он, если бы не висел у него на руках гирями Леонтий с Федором Алексеевым: где молили, где грозили. Так уговорами и угрозами и держали его, да не очень крепко. Потешался над ними Разин, а где уступал, — так не по их слову, а по своему разуму: кончалось его время на Волге, наступала осень, пора и на Дон подаваться. Потому большей шкоды и не разводил, не хотел с государевыми людьми связываться: те придут его искать в любое время — и осенью и зимой. А теперь больше пугал он, города осматривал, да с верными людьми по городам сносился.

1 октября 1669 года Разин подошел к Царицыну. В сопровождении Леонтия Плохого казаки спокойно вошли в город, расположились по подворьям, отдыхали после трудного перехода против течения реки. А уже через день начались у них первые неурядицы с царицынскими властями. Прибежали на атаманов двор донские казаки и били челом атаману в том, что приезжают они в Царицын за солью, и емлет у них воевода с душ по алтыну, и нигде такого преж сего не было, и насильничает всячески над казаками — у одного отнял две лошади и хомут, у другого — пищаль.

Слушал Разин казаков, мрачнел, наливался злобой, а потом вскочил с лавки, схватил саблю и бросился на воеводский двор. Едва нагнали его ближние казаки около самых хоромов Андрея Унковского.

Взбешенный, ворвался Степан в княжеские хоромы, бросился к воеводе.

— Вор, вымогатель! — кричал Разин. — Верни сей же час деньги людям!

Как ни смел был Унковский, а тут струсил — стрельцов рядом нет, зарубит Стенька, не моргнет глазом, весь трясется, глаза кровью налиты. Достал князь трясущимися руками деньги, отдал тут же казакам. А Разин пригрозил ему на прощанье:

— Смотри, воевода, не сделал бы ты себе лиха, узнаю еще, что будешь теснить казаков, не быть тебе от меня живу.

И пошел со двора.

Но не успел Степан вернуться на свой двор, как бегут новые жалобщики: кричат казаки, что воевода велел продавать вино казакам с кружечного двора двойною ценою, грабит-де их воевода среди бела дня, деньги вымучивает.

Вновь рванулся Разин на воеводский двор, но уже не застал там Унковского. Тот заперся в воеводской избе.

— Тащи бревно, высаживай дверь! — приказал Разин.

Казаки сделали таран и начали бить им в дубовые двери, за которыми ухоронился воевода. Рухнули двери, и Разин первым вбежал в горницу, но воеводы там не было. Напрасно рыскал Разин по хоромам, напрасно обшаривал все уголки: сгинул воевода. Тогда Степан бросился в соборную церковь, обшарил алтарь, но и там не нашел Унковского.

А в это время по Царицыну уже полетел слух, что расправляется Разин со всеми насильниками и обидчиками простых людей, высек дверь в воеводской избе, прогнал воеводу прочь. Со всех сторон бежали люди на соборную площадь, волновались. Огромная ватага казаков и местных черных людей окружила Разина. Кто-то крикнул:

— Идем к тюрьме, освободим братьев наших, тюремных сидельцев. Невинно страдают они от воеводы!

— К тюрьме! К тюрьме! — закричал народ.

Бросились казаки к тюрьме, сбили замки с дверей, выпустили сидельцев. С криком «Воля! Воля!» выбегали те наружу, благодарили казаков за спасение, обнимали их.

Пока Степан рыскал по соборной площади, есаул его Леско Черкашенин нашел, наконец, воеводу на огородах. Унковского приволокли за бороду в приказную избу, били его и таскали за волосы, а потом вскинули в горницу. Прибежали люди от Лески и сказали Разину, что нашли они Унковского и побили его, и снова Разин побежал на воеводский двор, но опять ушел от него воевода, заперся в задней комнате. Хотел было Степан вновь высадить дверь и добраться в конце концов до Унковского, проучить за все проделки, но поостыл уже. Около тюрьмы слегка выпили казаки, захмелели, и теперь лень им было браться опять за бревно. Подошел

Степан к двери, выбранил воеводу, пообещал ему расправиться-таки с ним в следующий раз и наделать в городе всякое дурно. После этого пошли казаки со двора восвояси.

В тот день стали вдруг казаки хозяевами Царицына, а с ними и вся царицынская голь. Воевода сгинул невесть куда, стрельцы сидели в смятении по своим дворам, приказные люди разбежались. Леонтий Плохой во избежание дальнейшего худа хранил молчание и ни во что не вступался.

На следующий день казаки все еще владели городом. Ночью они напали на струг симбирского посадского человека Ивана Белогубова и пограбили струг дочиста. В струге они нашли царского посланца в Астрахань — стрелецкого сотника Федора Синцова. Тот вез государевы грамоты воеводе Прозоровскому. И его пограбили казаки, а грамоты отняли и пометали в воду.

Наслышав о самовольстве казаков на Волге, Прозоровский послал вдогонку за ними полковника Видероса.

Зол был Видерос на Разина еще за Астрахань, когда прогнал его Степан с бранью со струга. Теперь же полковник, прибыв в Царицын, строго потребовал от атамана немедля отправить всех прибранных по дороге людей в Астрахань, прекратить самовольство и ослушанье.

— Не пришлось бы тебе, атаман, заплатить сразу и за старые и за новые грехи, — пригрозил Видерос.

Вспыхнул Степан, схватился за саблю, но удержали его казаки. Бледный стоял Видерос перед Разиным, глядя, как тот рвал саблю из ножен.

— Как ты смел прийти ко мне с такими противными речами! — кричал Степан. — Ты хочешь, чтобы я выдал тебе людей, которые пришли ко мне из любви и приятства! Передай же своему воеводе, что не боюсь я его. А встречусь с ним — рассчитаюсь за все.

5 октября, оставив позади себя взбудораженный, встревоженный город, Разин ушел на Дон. Длинная вереница подвод потянулась из городских ворот в степь. И на каждой подводе лежало казацкое добро, сидели сами казаки. Подводы же наняли у донских приезжих казаков и царицынских посадских людей, и плачено было за них звонкой монетой сполна. Следом за казаками шли стрельцы Федора Алексеева, которым было наказано проводить казаков до Паншина городка и там забрать у них пушки согласно астраханскому уговору.

Казаки такой охране не противились. Напротив, были довольны, что оберегают их стрельцы в степной неизвестности, а как пришли на Дон к Пятиизбенному городку, так стали прощаться со стрельцами.

— А пушки? — спросил стрелецкий сотник.

— Какие пушки? — подивился Разин. — В милостивой царской грамоте такого ничего не написано. А сказано в ней, чтобы отдали мы знамена и пушки в Астрахани.

Отпустил Степан сотника с миром, а пушки не отдал. Прошел еще день, и Разин пришел в Паншин городок, из которого уходил за море два года назад.

Что это была за встреча! Кажется, вся верховая голутва собралась в Паншин городок. Разинские подводы продирались сквозь восторженную толпу голутвенных людей. Однако хоть и радостной была встреча в Паншине, Степан не остался здесь, а прошел дальше в Кагальницкий городок, потом спустился по Дону еще ниже и на пустынном острове заложил свой стан.

Дивились казаки на Разина и на его войско. Не разошлись его казаки по своим станицам и куреням, как обычно после похода, не побрели с рухлядишкой своей к женкам и даже не пошли к посыльщикам своим, которые ссужали их, голутвенных бедных людей, оружием и платьем и отпускали для добычи исполу. Поначалу укрепили разинцы на острове свой новый городок, обнесли его земляной и деревянной стеной, накопали земляные избы на зиму. Лишь после этого стал отпускать Разин людей с острова: кого с посыльщиками рассчитаться, кого к своим домашним, кого для торговлишки, чтобы оружие и платье новое прикупили. Но не просто так уходили казаки, а за крепкими поруками и ненадолго. И скоро же возвращались опять в Кагальницкий городок. В ту пору войско Разина насчитывало тысячу пятьсот человек.

Сам Степан не отлучался с острова. Для него поход словно и не кончался. Удивительное дело: пришел казак на Дон после удачного похода, привез с собой зипунов сверх прежней меры, гремит его слава по Дону, все вины его прощены ему великим государем. Что за жизнь начинается для казака! Пей-гуляй, слушай величанье, поезжай в столицу донскую — Черкасск к тамошней старшине, те примут как равного, а то в Москву иди; с деньгами, дорогими подарками и славой везде будешь желанным гостем — не только в простых домах, но и в

боярских хоромах. Но не влекла такая жизнь Разина. С приходом в Кагальник во многом переменился атаман. Вдруг кончился его праздничный настрой. Целыми днями Разин проводил в делах — смотрел, как строят казаки валок вокруг стана, как роют землянки, и не сыро ли, не холодно будет в них зимой, подолгу говорил с уходящими по всяким делам своими людьми, брал с них клятвенное обещание вернуться в срок обратно. Теперь уже не скрывал Разин, что замышляет он новый поход и войско свое распускать не собирается.

Когда у него появилась эта мысль, он сам точно не мог бы сказать. То ли это было еще в Астрахани, когда увидел он, как ликует при виде казаков весь черный люд, а воеводы и приказные люди зеленеют от страха и ненависти, или, может быть, тогда, когда стал он на короткое время хозяином Волги и не мог ему ничего запретить ни Леонтий Плохой, ни Федор Алексеев. А может быть, и тогда, когда завладел он неожиданно без боя Царицыном и загнал на огороды воеводу Унковского.

Степан поселился на острове в одной из землянок, весь свой дуван роздал бедным людям в Кагальнике и Паншине, снял с себя дорогую одежду, в которой щеголял в Астрахани и Царицыне. Не раз Степан говорил в те дни, что ему самому ничего не надо, а были бы простые люди довольны, сыты и безбедны и не было бы над ними никакого насильства, а уж он за бедных людей постоит.

До весны было еще далеко, а на остров к Разину со всех сторон тянулись люди — шли они из донских и хоперских городков, с Волги, с Запорогов, бежали из-под Воронежа и Тамбова. Народ был все голутвенный, гулящий, ярыжный. Все верховье Дона поднялось за Разина. Казаки называли его не иначе как отцом родным, а себя величали его детушками. Разинский стан разрастался, землянок на острове становилось все больше. С тревогой писали воеводы в Москву, что «изо всех донских и хоперских городков казаки, которые голутвенные люди, и с Волги гулящие люди идут к нему, Стеньке, многие». Уже в ноябре месяце 1669 года на острове насчитывалось около трех тысяч человек. Это было необычное по тем временам казацкое войско. Не знал такого количества воинских людей под одним атаманом тихий Дон, а народ все прибывал.

Разин, как и два года назад, самолично встречал всех вновь пришедших, ласково говорил с ними, наделял пожитками и оружием, брал поруки, что не уйдут они до срока и честно будут служить ему.

А тревога все разрасталась по южнорусским городам. Писал воевода Унковский, что «на весну от казаков без воровства, конечно, не будет, потому что на Дону их стало гораздо много, а кормиться им нечем, никаких добыч не стало». Писал воевода Прозоровский: «А ево... Стенькины станицы казаки живут все вместе, и никово он, Стенька, товарищей своих от себя не отпускает, держит их у себя в крепи». И писал снова про Разина Андрей Унковский: «А казаков... своих, которых тутошних прежних донских жильцов, отпускает в казачьи городки для свиданья родителей своих на срочные дни за крепкими поруками, а из запорожских... городов черкасы и из их донских городков казаки, которые голутвенные люди, к нему, Стеньке, с товарыщи, идут беспрестанно, а он... Стенька, их ссужает и уговаривает всячески. А всех... казаков ныне у него 2700 человек, и приказывал он казакам беспрестанно, чтоб они были готовы».

После прихода на Дон Разин так и не побывал в Черкасске, хотя ждали его войсковой атаман и старшина. Не хотел он идти на поклон к Михаилу Самаренину и Корниле Яковлеву. К зиме же стало известно, что тайным обычаем перевез Степан из Черкасска к себе на остров жену свою Алену с пасынком Афоней и брата. Теперь и вовсе Черкасск ему был не нужен. А сделал он это так: послал в Черкасск казака Ивана Болдыря и наказал ему свидеться с братом Фролом, свидеться и с женой и сказать им, чтобы спешно собирались к нему со всей семьей и пожитками. А наказал еще Степан Болдырю ехать тайно, ночным временем, и днем в Черкасск не входить и семьи днем не вывозить.

Иван Болдырь сделал все, как было наказано. Не доезжая десяти верст до Черкасска, остановился в Манычьем городке, а в донскую столицу вошел ночью и пробрался к Степанову брату Фролу. А уже через несколько дней вдруг сгинул Фрол, а с ним и жена Степана, и дом забили, и пожитки на подводах увезли.

Сидели в Черкасске в неведении домовитые казаки, укрепляли донскую столицу, собирали поближе своих людей, слали верных людей в Кагальник, проведывать все доподлинно о Стенькиных делах, но приходили обратно

верные люди, а вестей точных не было. Сидел Степан на острове, собирал людей, вооружал и снаряжал их, а что собирался делать далее — то было неведомо.

Давно уже стало Степану известно, что дошла его станица из Астрахани до великого государя, и отпустил ему государь все вины, и дал живот вместо смерти, и наказал отстать от воровства и служить ему, где укажет. И отпустили станицу с провожатыми. Только ушла станица с пути на Дон, сбила провожатых около Пензы. Но об этом молчал Разин. Пусть в Черкасске думают, что ждет он новую милостивую государеву грамоту и готов идти на государеву службу.

А тем временем Разин продолжал готовить поход. Его заставы отовсюду поворачивали торговцев в Кагальников городок, но там ждал их не грабеж, а честный казацкий торг.

Брали казаки у торговых людей оружие, огненный припас, еству по прямой цене или в обмен на заморские товары. Свой персидский полон казаки продали и на вырученные деньги начали строить новые струги взамен тех, что отдали они в Астрахани и на Царицыне.

Но не только на своих казаков уповал Разин. Всю зиму 1669 года слал он гонцов на Украину к гетману Петру Дорошенко и к кошевому атаману войска запорожского Ивану Серко.

Но и на этот раз гетман и кошевой не торопились выступать заодно с донской голутвой. Разинскую станицу приняли в Чигирине, говорили казакам о любви и приятстве, а ответа о действиях заодин так и не дали. Вроде бы и готовы Дорошенко и Серко ударить по царским рубежам, вроде бы и не против найти они себе на Дону приятелей, но больно уж опасен бедняцкий атаман для домовитой запорожской старшины. Не по пути им было с Разиным, не хотели они идти на бояр и воевод, не хотели равного дувана, да и ни к чему им было защищать всяких «голых» людей. А желали гетман и кошевой устроить свое войско так, чтобы не мешал им русский царь, и в их запорожские дела не вступался, и не мешал бы им служить кому захотят — то ли Речи Посполитой, то ли турецкому султану.

И все же не сдавался Разин, уговаривал запорожцев, хотел он всех царских ненавистников собрать под свой бунчук.

Пока шли переговоры в Чигирине, многие запорож-

ские черкасы не ждали. Поднимались со своих мест, брали с собой нехитрые пожитки и шли в Кагальник. Напрасно грозил гетман им карами, обещал отлучить от запорожского войска; уходила запорожская голь к Разину, пополняла его сотни.

К весне 1670 года Степан Разин закончил подготовку к новому походу. На острове у него собралось свыше трех тысяч человек. Больше трети их были испытанные друзья и приятели, которые дрались рядом с ним на Волге и Яике, в Мазандеране и в Туркмении. Это было ядро его войска — есаулы, сотники, простые казаки. Войско было вооружено ружьями, саблями, пиками. Казаки продолжали делать оружие, лили пули, запасали порох, всю зиму на острове стоял стук топоров — это здешние плотники мастерили струги.

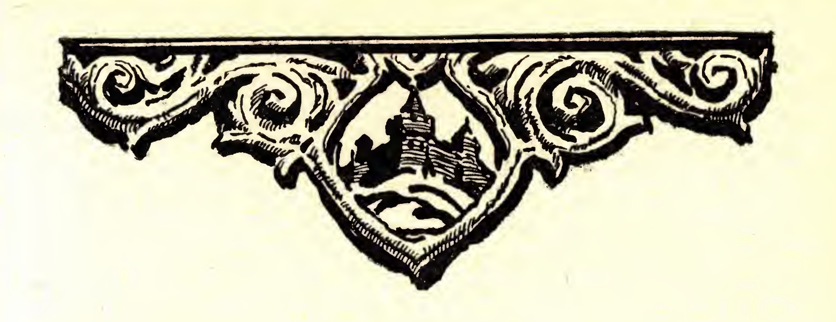
Готовясь к новому походу, Разин уже не слал лазутчиков по городам на Волгу, он знал там уже все — и что думают голутвенные люди, как живут и как встретят его посадские и стрельцы, что ждать от воевод и кто из тамошних воинских людей встанет против него. Увидел Разин и поволжские крепости, узнал, высоки ли там стены, крепки ли ворота и где пройти в город сподручней всего. Увидел он вплотную и своих лютых врагов — Прозоровского, Унковского и иных.

Если два года назад мало кто знал безвестного атамана, то теперь его слава народного заступника широко прошла по Руси, привлекая к нему все новых и новых пришельцев. Нет, не прошел даром ни для самого Степана, ни для его товарищей персидский поход. Из небольшого, в несколько сот человек, отряда образовалось мощное новое войско, и мысли стали яснее, четче. Теперь уже не просто казаковать и шарпать богатин собирался Степан. Новые смелые замыслы теснили его голову. Не Персия и не Яик виделись ему в этом новом походе, а волжские города, где ждала его голутва, где сидели за каменными стенами его лютые враги.

III
...Идти
в Русь

12. ЦАРСКОГО ЛАЗУТЧИКА В ВОДУ!

Наступала весна 1670 года. Засинел лед на Дону, снежная каша вперемешку с сочной грязью покрыла дороги; застревали в этой грязи государевы гонцы, купецкие караваны, а потом хлынули полые воды, отрезали города и станицы друг от друга...

Сидел Михайло Самаренин с Корнилой Яковлевым на Дону в нижнем Черкасском городке, а Степан Разин сидел на Дону же в Кагальниковом городке. И было в Донской области два войска, два круга, два атамана.

И через грязь и воды тайным делом слали из Черкасска лазутчиков в Кагальник, а Стенькины гонцы пробирались в Черкасск для разведыванья дел в Войсковом круге. Следили атаманы друг за другом. Готовились. Лишь знали в Кагальнике, что всю зиму сносилась войсковая старшина с Москвой, Воронежем и Белгородом. И знали в Черкасске, что всю зиму прибирал к себе Разин новых и новых людей, строил струги, скупал оружие, собирался в поход, а куда и против кого, — то держала голутва в великой тайне.

Спадала полая вода, подсыхали дороги, множились всякие беглые люди на Дону, полнили со всех сторон верховые городки.

Много видели на Дону пришлого народа, но такого скопления не могли упомнить даже глубокие старики. А люди все шли и шли; разбухали верховые городки, а оттуда текли уже людские ручейки в Кагальник, где собирал Степан Разин свое войско.

Ожесточалась Русь. В ответ на бегство и бунтовство крепостных крестьян и посадских людей лютовали воеводы больше прежнего, пороли целыми деревнями, тащили в застенок, вздергивали на дыбу, рвали ноздри и резали уши. Мяли и душили воровских людей стрелецкие начальники, воеводские заставы по всей России от польско-литовского порубежья до Камня. Затихали на время крестьяне и посадские люди под тяжелой пятой воеводских отрядов и снова бунтовали против крепостной неволи, против тяжелых налогов и поборов. То здесь, то там горели помещичьи и боярские дворы, находили боярских и монастырских приказчиков с проломанными кистенем черепами. А на Волге и в Заволжье множились бунтовские татары, мордва, черемисы, башкиры, сбивали со своих земель боярских и монастырских людей и тем кончали старинные земельные тяжбы.

Сыск, сыск заливал всю Россию — и воровство великое и ожесточение лютое. По всем углам поднимались простые люди против бояр, воевод, помещиков, приказных. Страх входил в душу, и трепет входил в кости больших людей. Молили они великого государя унять смуту. И день за днем шли государевы указы в разные концы страны — покончить с воровством, унять лихих людей, грозили, а не то быть воеводам в великой опале.

Чем ближе подходило весеннее время, тем больше беспокоилась Москва. В Посольском приказе знали уже доподлинно, что Разин учинился силен, людей смущает и не дает никому проходу на Дону и поворачивает к себе торговых людей и не велит им ходить в Черкасск и что Доном идут к нему беспрестанно казаки и иные беглые люди. Но что замышляет Степан и где ждать от него лиха, того в Посольском приказе не знали. А знать было нужно. И наказано было о том проведать все служилому человеку Герасиму Евдокимову. А послан был Герасим на Дон в посланниках из Посольского приказа к атаману Михаилу Самаренину и ко всему казацкому войску.

Отбыл Евдокимов на Дон в начале марта месяца вместе со станицей — с Михайлом Родионовым с тремя человеками. Вез с собой Герасим царскую жалованную грамоту ко всему Войску Донскому. Благодарил в той грамоте царь казаков за верную службу, обещал прислать свой хлебный запас и всякое жалованье. И никто не знал,

что вез с собой Герасим тайную и наказную память и тайную грамоту к войсковой старшине. А писалось в той наказной памяти так: «И им бы, атаману Михайлу и всей старшине, видя к себе великого государя милость и жалованье, ему, великому государю, послужити, над тем вором Стенькою Разиным с товарыщи за ево многие грубости и к великому государю за ево непослушание учинить промысл... А великий государь, его царское величество, их, атаманов и казаков, за тое их верную службу и раденье пожалует своим государским милостивым жалованьем».

В грамотах же к войсковому атаману великий государь наказывал о Разине записать все подробно и промысел над ним чинить, и во всем Герасиму помогать.

До Валуйки Евдокимов добрался благополучно. На Валуйках он взял вожа и двинулся степью в Черкасский городок, а уже на фоминой неделе в воскресенье * царский гонец появился в столице Войска Донского.

Принят он был с почетом. Тот же час приказал атаман собирать все войско. И собрался круг, и Герасим вошел в круг, поклонился казакам рядовым поклоном по чину. А после того сказал, что великий государь атаманов и казаков спрашивает о здоровье. Затем подал Евдокимов на круг царскую грамоту. Писал потом в Москву валуйский воевода Гаврила Пасынков о том, что случилось на кругу: «И атаманы... и казаки, войсковой атаман Корнило Яковлев с товарыщи, того жильца Герасима к себе приняли в круг честно и, великого государя грамоту приняв у него, в кругу вычли. И вытчетчи великого государя грамоту, великому государю атаманы и казаки на его государской милости челом ударили. И отпустили де ево ис кругу на стан и велели готовитца ему, Герасиму, к отпуску, что ево отпустят к великому государю с своими станичники вскоре».

Вернулся Евдокимов к себе на подворье довольный: встретили его казаки хорошо, оказали честь, имел он и разговор со старшиной и войсковыми атаманами; рассказали они ему о Стеньке все доподлинно, что стоит Разин в Кагальнике, похваляется на новый поход, прибирает к себе людей, перенимает с пути купцов, торгует у них оружие, но к ним к Черкасску не подходит и ничем себя не проявляет.

* 10 апреля.

Сидел у себя на подворье Герасим Евдокимов и готовился к отъезду в Москву. Теперь выберут на кругу казаки станицу в Москву, которая поедет с ним, гонцом, — и в путь.

Степан Разин появился в Черкасске неожиданно. Пришел он не один. Вместе с ним вошел в город хорошо вооруженный и многочисленный казацкий отряд.

Вся черкасская голутва радостно встретила своего атамана. Бежали со всех концов города люди, вопили славу Степану Разину, грозили расправой богатым казакам. В день оказался Черкасск в руках голутвенного казачества. Старшина, домовитые казаки попрятались по углам, затихли, не было у них под рукой ни войска, ни оружия, не готовились они так скоро встретиться с Разиным. А тот расположился хозяином, принимал на своем подворье простых казаков, а старшину вроде бы и не замечал.

В тревоге шли черкасские атаманы и старшина на круг 12 апреля для выборов станицы в Москву.

Поначалу все шло как обычно. Покричали, поспорили, определили людей и хотели было уже расходиться, как вдруг на площадь явился Разин. Следом за ним плотной стеной шли кагальницкие казаки.

Разин не торопясь подошел к столу, за которым сидели войсковой атаман, дьяк, другие войсковые чины, и ласково спросил:

— Куда это вы, казаки, станицу выбираете?

— Отпускаем мы станицу в Москву с жильцом Герасимом Евдокимовым, — мирно ответил Разину Корнило Яковлев.

— А чего же нет здесь вашего жильца? — еще ласковее спросил Разин войскового атамана.

— А зачем он нам? Он свое дело сделал, грамоту государеву нам отдал, жалованье государево сказал. Теперь Герасим, ведомо, собирается в обратную дорогу...

— Плохо вы знаете, видно, гонецкие дела. А ну-ка привести сюда Герасима, мы его сами сейчас расспросим, с какими памятями пришел он к нам и что ему от казаков надобно.

Бросились разинские казаки на Герасимово подворье, приволокли испуганного жильца, втолкнули в круг. Стоял царский дворянин перед Разиным растерянный, в расстегнутом кафтане, без шапки.

— Скажи-ка нам, жилец, от кого ты приехал доподлинно — от великого ли государя или от бояр?

— Послан я от великого государя с милостивой грамотой ко всему казацкому войску.

— Врешь, собака! — Степан бросился к Евдокимову, схватил его за бороду, вздернул ему голову вверх. — Пришел ты к нам лазутчиком, а грамоту тебе дали для обману, говори же, сучий сын, что тебе наказано боярами, как тебя учили за Разиным следить да подглядывать.

Со страхом смотрел Евдокимов на Разина. Думал только одно: вещун, и откуда ему известно про тайный наказ? Говорилось о том в Посольском приказе глаз на глаз с дьяком, грамоты тайные вручены в прямые руки войсковому атаману, а Разин обо всем говорит так, будто сам их чел. А Разин все тряс Евдокимова, потом кулаком сшиб его с ног, бросил в пыль, промолвил своим казакам:

— В воду боярского лазутчика.

Схватили казаки Евдокимова, потащили к Дону. Пытался было вступиться за жильца крестный отец Корнило Яковлев:

— Непригоже ты учинил, Степан, можно ли государева гонца сажать в воду.

Грозно повернулся к нему Разин.

— Смотри, Корнило, как бы и тебе не учинили то же, что и этому лазутчику. Владей-ка лучше своим войском, а я буду владеть своим.

Завязали Евдокимову рубаху над головой, набили в нее камней и бросили в Дон государева гонца.

Притих Черкасск, словно перед грозой. И точно: наступила гроза. Уже на другой день пошли по городу голутвенные казаки, врывались в дома богатеев, вытаскивали из домов старшину, называли их боярскими слугами, бранили, били и в воду их сажали. Круг Разин распустил, запретил посылать станицу в Москву. Буянили голутвенные казаки по всему городу, и не было на них никакой управы.

10 дней простоял Разин в Черкасске. Хотя и говорил он, что будет владеть лишь своим войском, но сталось так, что стал он полным хозяином Донской области. Владел он теперь и голутвенными верховыми городками, и низовыми областями. Был теперь за ним и Черкасск. Не таил больше Степан своих мыслей, поднимался он против бояр-изменников, и расправа с Евдокимовым прямо о том говорила.

На десятый день Степан собрал своих людей и ушел в Кагальник. Вместе с ним ушла и вся черкасская голутва, и многие бедные люди из низовых городков. Опустел Черкасск. С оглядкой вылезали из своих домов уцелевшие богатые казаки, есаулы, атаманы, дрожащими руками собирали рассыпавшуюся храмину Войска Донского.

Кончились заигрывания с воеводами, княжатами, кончились лицеприятные речи по боярским и княжеским хоромам. Теперь, когда под своим бунчуком Разин собрал около четырех тысяч человек, он мог заговорить в полный голос. Но нет, еще не совсем в полный: за боярами и воеводами виделась иная фигура, стоял сам царь и великий князь всея Руси, а поднять открыто руку на царя еще не мог Степан. Он грабил царские насады, бил по городам царских воевод, воевал с государевыми стрельцами. Но уходило время, и вновь выказывал себя Разин государевым слугой, поднимал кубки за царя, царицу и благоверных царевичей, говорил о милостивой царской грамоте. Москва следила за каждым его шагом, давала слегка побаловаться, ругала, отпускала грехи, душила мягко, бархатными лапами, не торопясь. И никуда не уйти от этих лап, не скинуть их с шеи.

И вынужден был лукавить Степан, лукавить перед собой, перед людьми. Хорошо знал он, кем и как был прислан жилец Герасим: по указу великого государя гонцом из Посольского приказа. И все же спрашивал Разин, от кого пришел жилец — от царя или от бояр. Если от царя — то всяческое уважение царскому посланцу, если от бояр — то смерть злодею и лазутчику. Царь велик и благолепен, и нельзя худого слова сказать о нем; а и скажешь — так не поверят. Вот они стоят рядом с ним, голутвенные люди, — битые на правеже, отсидевшие в долговых ямах, постаревшие на барщине, беглые государевы ослушники. И все же никто из них плохого слова о царе не скажет. Били их по приказу воевод и бояр, измывались над ними монастырские и помещиковы приказчики и конюхи. А теперь они поднимались на своих угнетателей и насильников, мечтали о расправе с ними, о воле, о свободной безбедной казацкой жизни. И уповали на великого государя: он поймет, не выдаст, надо только дойти до него, открыть ему глаза на лютых его слуг. Нет, не против царя поднимались они, а против изменников бояр, приказных людей, воевод, против крестьянских крепостей, посадских тягот, против жестоких пра-

вежей, сысков беглых. Шли они с чистым сердцем за царя, против царевых изменников и своих мучителей, а с ними вместе шел и Степан. Теперь же не принимал он боярский чин вовсе. Всех бояр объявлял он государевыми изменниками, а их самих и людей их призывал изводить под корень. Все чаще и чаще шли в разинском кругу разговоры о том, что настоящая воля лишь та, которая будет без бояр, воевод и приказных. Не в далекую Персию звал Разин свое войско, а на расправу с угнетателями и насильниками народа, здешними злодеями. Но понимали Степан и ближние есаулы, что, поднимая руку на бояр и воевод, выступают они и против самого царя всея Руси, потому так неохотно говорил Степан о царе, потому так редко упоминал царское имя, а все чаще намекал он, что доберется до самой Москвы и «пошарпает кое-кого повыше».

13. И ВОССТАЛ СТЕПАН РАЗИН

В один из майских дней 1670 года, когда Волга разливается так широко и кажется, что нет ей ни конца ни края, на необозримой водной глади неподалеку от Царицына из-за прибрежных островов один за другим стали появляться длинные узконосые струги. Они вылетали на самую стремнину, где течение было особенно сильным, и неслись в сторону Царицына. Вот их прошло уже десять, двадцать, тридцать, а за ними выплывали все новые и новые струги — стремительные и легкие.

Так во второй раз за последние три года появился Разин на Волге.

Но прежде чем случилось это, много еще пришлось потрудиться казакам.

Вернувшись в Кагальников городок после расправы над Евдокимовым, Разин все силы положил на окончание подготовки к походу. Днем и ночью работали казаки. Горели костры, горячий смоляной дух тянулся по берегу Дона, казаки готовили к спуску на воду свои струги и лодки. Табуны лошадей паслись в отдалении, отъедаясь на свежей майской траве перед будущими тяжелыми переходами. Звон стоял над Кагальником, во всех кузницах кипела работа, днем и ночью ковалось оружие для новоприбылых людей. А люди эти все шли и шли. Казалось, что всю отчаянную голутву прибрал к себе Ра-

зин, но проходили дни, и верховые городки выталкивали к Кагальнику все новых воинов. Прибежал в Кагальник в конце апреля крестьянский сын, беглый человек Исачок. Бежал Исачок издалека из патриаршего села Пушкина. Гнул Исачок спину на десятинной пашне, возил камень на плотину, косил сено на патриарха и рыл пруды, убирал урожай и молотил хлеб. А своя пашня лежала в забросе. Пробовал Исачок поберечь своего коня на господской пашне, еле-еле нажимал на соху, но застигли его конюхи, промерили глубину вспашки, а потом били кнутом нещадно здесь же, на меже. С тех пор решил бежать Исачок на Дон, долго ждал он случая и однажды в зимнюю ночь ушел из села. А до этого поговорил с крестьянами, обещал вернуться и учинить расправу над приказчиками. Шел он, хоронясь, ночами, а днем отлеживался в стогах. Пришел в начале весны в верховые городки, сидел там, опухая от голоду, наг и бос и, как заслышал, что прибирает к себе Разин бедных людей, тотчас подался в Кагальник, пришел туда из последних сил, был накормлен и напоен, одет и обут, дали ему есаулы саблю, а ружье не дали, потому что не умел Исачок стрелять. Принял Исачка сам атаман, говорил ласково, жалел Исачка, осмотрел битую, всю в рубцах спину, пообещал за все отомстить обидчикам, положил руку на плечо. И стал крестьянский сын разинским казаком, без оглядки пошел за своим новым батькой, хоть и был тот младше Исачка лет на десять.

Незадолго перед выходом на Волгу Разин второй раз за эту весну появился в Черкасске. Пришел туда со многими своими казаками. Был зол и решителен. Со старшиной не встречался вовсе, только приказал войсковому атаману собрать круг.

Круг был собран, но пришли на него лишь небольшие люди; домовитые же казаки укрылись по своим дворам, войсковая верхушка стояла в стороне, наблюдая, как Разин верховодил казаками. А заговорил Разин на круге лишь об одном: куда идти походом.

Как всегда, Разин сказал короткую речь и отступил в сторону, — пусть казаки покричат, поспорят. Давно уже решил он с есаулами в Кагальнике ударить по волжским городам, все кагальницкое войско рвалось на Волгу, подталкивая туда и своего атамана. О Персии и не заикались. Но не любил Разин решать дела в обход круга. Пусть приговор будет общим, и не только его, Степа-

нова, войска, но и всего Войска Донского, пусть Черкасск сам пошлет его в поход на Волгу. Тем самым Разин получал бы одобрение всех казаков, связывал по рукам и ногам домовитую верхушку и, что самое главное, проверял желания всего черкасского круга.

Поначалу разговор шел вяло. Не готов был черкасский круг подниматься этой весной куда-либо; будоражил Разин казаков, а они, получив государево жалованье, хлебный запас, не торопились. Но и молчать было нельзя, пообещает Разин казакам невесть что, уведет за собой, а потом беды не оберешься, навлечешь тем самым опалу на все Войско Донское.

Первыми выступили черкасские есаулы: раз поход, так пусть поход будет по старинным казацким путям и на потребу Российскому государству — против Турции либо Крыма. Заговорили есаулы про Азов, про тот самый Азов, куда не пустили домовитые казаки казацкую голытьбу весной 1667 года. Теперь и Азов был хорош, лишь бы отвести удар «голых» людей по русским городам и уездам. Много и хорошо говорили есаулы про Азов, а Разин молчал. Не знали есаулы, что, пока был Разин в Кагальнике, работали его люди в Черкасске, шныряли по дворам и торжищам, шептали местной голутве про Волгу, дышали в самые уши про боярские и монастырские вотчины, про дворянские поместья. Не просто так пришел в Черкасск на круг Разин, ждал он от круга своих решений: затем и отправлял всю весну людей в Черкасск, готовил местных казаков.

Кончили говорить про Азов есаулы, и промолчал круг. И тут же выскочили в круг неведомо какие люди и закричали, что надо идти на Русь, на бояр. И встрепенулись казаки, завопили: «Любо! Любо!» Но и не этого ждал Разин. Идти по старорусским уездам по следам Василия Уса, через Воронеж к Москве было опасно. Это значило появиться в незнакомых местах, где никто его, Степана, даже не знал в лицо и не ведал. Это значило сразу столкнуться с белгородскими полками Григория Ромодановского. И хоть много сил было у Разина, но идти против Ромодановского было пока невмочь, да и ни к чему. Другое дело Волга. Здесь все знакомо, проверено. Сидят по городам свои люди, только ждут сигнала. Стрельцов на Волге меньше, а города богаче, да и от Москвы подальше. Чуть что повернется не так, можно и на Дону укрыться, и за море уйти, и на Яике спрятаться.

А в круг уже выскочили новые люди, закричали про Волгу, про богатые города, про волжских бояр и купчин. И завопил круг: «Любо!» А Разин молчал. Выходили один за другим в круг голутвенные есаулы и казаки, кричали из задних рядов и все про Волгу.

Радовался Разин, а виду не подавал, смотрел, что скажет войсковой атаман, а войсковой атаман молчал, молчала и старшина. Тогда Разин поднялся нехотя, спросил:

— Так куда же любо идти вам, казаки?

И закричал круг:

— На Волгу любо! На Волгу!

Посмотрел Разин на войскового атамана.

На том и закончился черкасский круг. В тот же день ушел Разин в Кагальник.

Там он пробыл недолго и уже в начале мая перешел в верховой городок Паншин. Здесь Разин продолжал собирать силы, строить струги, сюда продолжали идти к нему голутвенные казаки со всей Донской области и из других мест. После Николина дня вешнего * в Паншин пришло большое пополнение: со многими казаками прибыл атаман Василий Ус. Рвался Василий к Разину еще в 1668 году, но не пропустили его тогда на Волгу домовитые казаки, вернули с пути, погнали на государеву службу в белгородские полки. Теперь на Дону были другие порядки, домовитые сидели по своим углам, и никто не мог помешать Усу собрать ватагу и идти туда, куда ему хочется. Прошел Ус через городок Чир на судах по Дону, привел с собой казаков и черкас.

Радостно встретил Разин Уса, как родного брата, не ревновал его к прошлой славе, сразу приблизил к себе, дал ему начальство над всеми конными казаками, определил своим первым есаулом. Да и что им было делить, оба натерпелись от воевод, оба вели за собой голутвенных людей, обоих знали и любили простые люди, и не делить славу былую и настоящую надлежало им, а быть во всем заодин. Это понимали оба. Сколько уже казацких походов рушилось из-за вражды и зависти атаманов друг к другу, но то были обычные походы за добычей, за зипунами. Здесь же на невиданное дело поднимал Разин казаков, вел их на Русь против бояр и воевод, и каждый, кто шел с ним, умерял свои страсти, жался поближе к

* 9 мая.

атаману. Да и Разин после персидского похода стал по-иному смотреть на свое войско. Уже не прежняя казацкая вольница, бесшабашная и разгульная, подчинявшаяся атаману лишь на время, окружала его; поход кончился, а войско осталось. Поруки, которые брал Разин с казаков, уходивших по домам, не оставались пустым словом. Все отпущенные в срок возвращались на свои места, вставали в свои сотни. Все строже становились порядки в разинском войске, и кто поднимался с атаманом в новый поход, должен был эти порядки соблюдать: не пить без дела, людей зря не обижать, слушаться своих сотников и есаулов, не приставать к женкам и девкам и не насильничать. Кряхтели казаки, но порядок блюли, потому что видели в этом свою силу, да и Разин крут и скор стал на расправу.

Василий Ус со своими казаками быстро пришелся ко двору разинцам, и хотя было среди пришедшей голутвы немало отчаянных голов, но и они поумерили свой пыл в разинском стане.

Шумел по Паншину казацкий табор, забросили казаки свои землянки на острове, вылезли на свет божий, приоделись, оружие почистили. Тесно и весело стало в Паншине.

Через неделю после Николина дня собрал Разин новый круг. Шли по его посылкам люди на круг не только из Паншина и Кагальника городков, но и со всего верховья Дона казаки и работные люди. Собрался круг на берегу Дона под городком на Ногайской стороне.

Густо и тесно сидели люди друг к другу, и все же было их столько, что задним не слышно было, что говорят за атаманским столом. Шепотом передавали люди в задние ряды все, что говорил атаман, и снова тишина повисала над площадью.

На этот раз Степан не скрывался, не хитрил и не лукавил, проверил он казацкие мысли уже в Черкасске, и многое теперь для него было ясным: если уже казацкий круг в столице Войска Донского завопил про Волгу, то что же скажут тогда тысячи работных, беглых, «голых» людей — вчерашних крестьян и посадских, которые спали и видели, как они отомстят своим обидчикам и насильникам, как рассчитаются за все крепостные тяготы, батоги, рогатки!

Говорил Степан коротко. Сдвинул мохнатую шапку на затылок, вытер пот со лба, крикнул зычным голосом:

— Казаки! Куда двинем свое войско? Любо ль вам идти с Дона на Волгу, а с Волги — в Русь против государевых изменников и неприятелей, чтоб вывести из Московского государства всех изменников бояр и думных людей и в городах воевод и приказных людей?

— Любо! Любо! — закричал весь берег, закачался, замахал руками.

Разин подождал, пока стихнут крики, и продолжал. Он говорил о том, что бояре на Москве извели и уморили до смерти великую государыню царицу, и великую княгиню Марию Ильиничну, и благоверных царевичей Алексея Алексеевича и Семена Алексеевича, что недобры к ним, донским казакам и всем черным людям, боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий, князь Никита Иванович Одоевский, думный дьяк Дементий Башмаков и стрелецкий голова Артамон Матвеев. На Дон к ним, верховым казакам, жалованья не присылают, и голодом их морят, и черных людей по всей Руси мучают и притесняют. А им, казакам, надлежит тех всех бояр и иных мучителей извести и дать повсюду свободу всем черным людям.

Все знал, все сведал Разин — и то, что незадолго перед началом похода действительно умерли сразу друг за другом царица и два ее сына, и то, что настрадались казаки и на Москве, и по донским городкам от самоуправства Долгорукого, Одоевского, Матвеева, Башмакова. При одном имени Долгорукого заревела казацкая ватага, заволновалась. Сколько среди сидевших на берегу людей бежало из вотчин Долгорукого, скольких из них приказывал князь Юрий пытать и забивать в кандалы, сколько было бито батогами и кнутом по его селам и деревням. Хорошо помнили казаки и других своих обидчиков. Но не забыл упомянуть Степан и про тех, кто был ласков к казакам, — Григория Черкасского, Ивана Воротынского, добрых воевод, бояр справедливых и отзывчивых.

Один за другим выходили казаки и черные люди в круг, поминали старые обиды, нанесенные им на Руси, честили своих обидчиков, звали на Волгу и на Русь дать волю простым людям. Кричал круг им: «Любо!», верил, что изведут они, казаки, на Руси всех плохих бояр, всех изменников воевод, неправедных судей, дойдут до царя, донесут до него всю правду, освободят крестьян и посадских людей от крепостной неволи и настанет счастливая

жизнь для всего черного люда. Поднималась голутва за царя против плохих его помощников.

И снова вышел в круг Разин, выхватил из ножен саблю, затряс ею над головой, закричал так, что и задние его услышали:

— Казаки, я на великого государя не хочу поднимать этой сабли. Сделаю это — секите мне голову. Послужим великому государю и пресвятой богородице! Идем мы завтра поутру на Волгу бить бояр и воевод!

И снова круг дружно закричал:

— Любо!

Смотрел Разин на свое войско, слушал его многоголосый шум, и радовалось его сердце. Наконец-то сбывается его мечта — повести за собой большую казацкую армию, и не в простой поход за зипунами, а против своих старых недругов и обидчиков, против врагов черного люда.

Теперь все было решено. Круг поддержал его призыв идти на Волгу, а еще в Черкасске Разин не был уверен, что все случится именно так.

Здесь же, в Паншине, но уже в узком кругу разинской старшины вызрела мысль попытать счастье и на главном пути: Разин предложил направить на Слободскую Украину отряд казаков. Мыслилось, что к тому времени, как Волга окажется в руках казаков и их войско двинется на Москву, туда же двинутся казачьи отряды с верховьев Хопра.

Наутро после паншинского круга весь казацкий стан пришел в движение. Двинулись вверх по Дону струги, выступили вдоль берега конные отряды, двинулись степью в сторону Царицына пешие люди, далеко вперед к самой Волге были выдвинуты конные дозоры. В тот же день двести человек во главе с есаулом Леско Черкашениным, тем самым, что гонялся в Царицыне за воеводой Унковским, вышли из Паншина на Слободскую Украину — походить там, поразведать, людей, если можно, поднять и ждать вестей от Разина.

Пыль взвилась над Паншиным городком, застелила дороги: в поход с Разиным шло четыре тысячи человек конных и пеших. И тут же рассыпались по городам воеводские лазутчики с небывалой и грозной вестью о том, что восстал Стенька против Российского государства. И в те же майские дни полетели грамоты по городам и в Москву о том же, а оттуда из Разрядного и Посольского приказов, из приказа Казанского дворца на юг по-

шли указы о том, как унять Разина и остановить восстание.

В Белгород к боярину князю Григорию Ромодановскому — воеводе Белгородского полка из Разрядного приказа послана была государева грамота. И ту грамоту велено было честь всем вслух и в Белгороде, и во всех городах на сборах воеводам, приказным людям, ратным и жилецким всяким чинам. Списки с грамоты были посланы во все города Белгородской черты. А на Воронеж, Усмань, в Козлов, Чугуев, на Коротояк к воеводам и к приказным людям послан был указ великого государя о том же. Было писано в грамоте Григорию Ромодановскому и иным воеводам, что «вор Стенька Разин, забыв страх божий, отступил от святые соборные и апостольские церкви и про спасителя нашего Иисуса Христа говорит всякие хульные слова. И нам, великому государю, и всему Московскому государству изменил. И церквей божиих на Дону ставить и никакова пения петь не велит и священников з Дона збивает и велит венчатца около вербы. И пошел на Волгу и на море для своего воровства, и старых донских казаков, самых добрых людей, переграбил, и многих до смерти побил и в воду посажал. ...Да по нашему же великого государя указу на него, вора и богоотступника и изменника, посланы с Москвы бояре наши и воеводы и ратные люди».

Кончились осторожные недоговоры, полудействия. Еще ранней весной, прослышав о подготовке нового разинского похода, указывала Москва воеводам всех беглых людей, идущих на Дон, задерживать, осматривать и не пропускать, а кто станет уходить силой, тех забивать в колодки и отправлять с провожатыми в Москву; наказывалось и черкасской старшине Стенькино самовольство унимать и с Дона его не выпускать. Но где-то, видно, не верили московские начальные люди, что прощенный царем атаман поднимет восстание. И лишь после убийства жильца Евдокимова забеспокоились всерьез. Еще лишь собирались рати в Москве, еще лишь разворачивались не торопясь воеводы по городам, а было ясно, что на большое и невиданное дело поднимается Российское государство, идет войной на своего лютого внутреннего врага. И нет этому врагу больше ни прощенья, ни пощады.

Кончался только май месяц, и наступали первые июньские дни, а в Москве уже читали указ о посылке

московских выборных полков начальных людей и солдат на Воронеж, Коротояк, Тамбов. Говорилось в указе, чтобы дать всем тем солдатам корм и «в запас купить под пушки лошади».

Зашевелился Стрелецкий приказ в Москве. В Воронеж, Тамбов и Коротояк были посланы московские стрельцы со знаменами, протазанами * и пушками. Туда же для новоприборных тамошних стрельцов повезли четыреста мушкетов. А взяли их из Оружейной палаты.

По всему было видно, что ждали в скором времени похода Разина на Москву через Слободскую Украину, Коротояк и Воронеж. Потому и укрепляли эти города, слали туда стрельцов и боевые припасы. Но не забывали и низовые города. По указу великого государя на низ из Москвы был послан кравчий и воевода Петр Семенович Урусов и с ним 2600 человек пешего солдатского строя выборного полка. Надлежало полку идти из Москвы до Нижнего Новгорода, Казани, Саранска и далее, куда потребуется. А в Саранске указано было быть с Урусовым «стряпчим и дворянам московским и жильцом, помещиком и вотчинником муромским, нижегородским, арзамасским, алатарским, курмышским, саранским, темниковским, кадомским, шатцким, да городовым дворянам и детям боярским муромцом, нижегородцом, арзамасцом, мещеряном».

Поднимал великий государь против Разина прежде всего тех поволжских и поокских вотчинников и помещиков, кому грозили казаки в первую голову. Пусть спасают они свои вотчины и поместья от воров, блюдут свое родство и породу.

Подтягивались на низ и стрельцы из других городов — из Казани и Саратова на Царицын.

А в это время Разин шел к Волге.

Заволоклась клубами пыли высохшая под жарким солнцем степь. Пыль окутывала и телеги с лежащими на них длинными стругами, и лошадей, которые тащили суда по земле волоком, перекатывая их на толстых катках, и бредущих под палящим солнцем в пешем строю казаков. Поодаль от дороги неторопким шагом шла конница.

Ночью в степи горели костры, казаки отдыхали, а в утренние сумерки, задолго до восхода солнца, степь снова приходила в движение.

---

* Копье с широким наконечником.

В эти часы Разин почти не отдыхал. Он крутился среди войска на невысокой выносливой лошаденке. То видели его в конном дозоре, то около пеших казаков, которых он бодрил шуткой, добрым словом, то помогал он советом возчикам, тащившим струги. Степан следил за порядком в войске — чтоб не напивались без времени; сам он в рот не брал хмельного во все дни перехода с Дона на Волгу. Проверял он и казацкий корм: довольно ли отпускают войску хлебов, круп, муки, хорошо ли варят еству кашевары.

За несколько дней он весь прочернел от солнца и пыли, похудел, лишь глаза блестели под темным чубом.

В эти дни Разин ни разу не срывался на крик: хоть и много было неурядиц и лишней суеты, но терпел он, действовал уговором. Вперед! К Волге! Скрипели телеги, ржали взмыленные кони, мотались струги на деревянных катках. А над телегами и над стругами — пыль, пыль...

Через два дня пути вдали заблистала Волга. Ее серебряная лента прорезала огромную равнину и уходила на юг, туда, где лежали Царицын, Черный Яр, Астрахань, туда, где были Каспий и Персия. Это была их дорога, их судьба. Теперь казаков не надо было подгонять, шире стал шаг, веселей заскрипели тележные колеса.

Казаки спустили струги в полутора верстах выше Царицына. Место было пологое и удобное среди холмов правого берега. Вывел сюда Разина царицынский посадский человек Степан Дружинкин, бежавший из города от насилий воеводы Унковского. Он же сказал Разину, что в городе ждут казаков и тотчас откроют им ворота.

Здесь же на берегу казаки разделились. По берегу к Царицыну двинулись конные сотни и пешие казаки во главе с Разиным, а водой пошли струги, куда Степан посадил начальником есаула Василия Уса.

...Стояли в ночной темноте казачьи сотни, где-то внизу в темноте же билась мелкая волна в днища многих стругов — ровный мелкий стук стоял на реке. А едва занялась заря, дал Разин приказ наступать на Царицын. Рядом с Разиным скакал Стенька Дружинкин, показывал дорогу.

Солнце еще не встало, когда казацкое войско подошло к Царицыну. Город был темен и тих, на городской стене двигались тени, крепостные ворота были накрепко заперты. Казаки еще пододвинулись к городу, и тут из-за

городской стены забили в вестовой колокол, ударила пушка. Новый царицынский воевода Тимофей Тургенев будил горожан, звал защищать городские стены, насмерть биться с воровскими казаками.

Пришел новый воевода в Царицын недавно, заменил старика Унковского и сразу же показал себя истым государевым слугой; держал город с береженьем, проведывал всякие вести про донских казаков, починил крепостные стены. Теперь Тургенев приготовился сидеть в Царицыне до прихода ратей либо с севера, либо из Астрахани. Стоял воевода на крепостной стене, смотрел на подходившее казацкое войско, призывал стрельцов послужить великому государю.

Но нет. Не пошли этим утром казаки на приступ. Да и зачем? Обо всем рассказал Дружинкин Разину — и что ждут его посадские люди, и что стрельцы недовольны. Не хотел Разин класть зря своих людей под стенами Царицына, а хотел взять город голыми руками.

Степан не торопясь слез с коня, посмотрел на темнеющие городские укрепления, махнул казакам рукой: «Назад! Облегайте город!»

В тот же час спешились казаки, другие вышли из стругов, обступили город со стороны реки, раскинули свой стан. Степан велел свои знамена поставить у города к надолбам и стал ждать утра.

И тут завертелась казацкая жизнь. Сначала прибежали из города пять человек посадских людей, донесли до Разина весть, что ждут его городские жители и готовы открыть ему ворота, рассказали, сколько в городе казны и где ее брать, какие запасы, как стоит городская крепость.

Выслушал Степан посадских, обласкал их, богато одарил. А потом прискакали дозорные, пробились к Разину, крикнули, что встали в недалеких верстах от Царицына, против острова Шмили, ногайские татары, едисанские улусные люди, заступили все пути. Недолго думал Степан, наскоро собрал есаулов, сдал войско под Царицыном Василию Усу, а сам сказал казакам:

— Пойдем на улусских людей, развоюем их, отгоним к себе лошадей и скотину. Ведь старые наши враги — едисанцы, много они лиха казакам сделали.

Ни мгновения не колебался Степан. Царицын никуда не уйдет — этот город уже сидит у него в кармане; что может сделать воевода с немногими людьми против его

пяти тысяч? Пусть Васька Ус покараулит воеводу, а они, конные казаки, поразвлекутся, вспомнят хорошее лихое время, персидские налеты. Бояре боярами, а татарские табуны табунами.

Солнце не подошло и к полудню, а Степан уже ушел в степь. Перед отходом наказал он прийти к нему после полудня на помощь казакам в стругах.

С налета, как в давние персидские дни, ударил Разин на едисанцев, ворвался в их стан, стал рубить всадников. Эх, веселись, казацкая душа! Степан крутился меж шатрами, вертел над головой саблей, а рядом пробивались казаки, гикали, свистели, хватали в седла татарских женок и ребятишек, а другие отгоняли табуны.

Зло отбивались едисанцы, стреляли из луков и ружей, шестерых казаков наповал убили, многих ранили, а потом стали окружать Разина многими улусными силами. Здесь-то и подоспели казацкие струги, ударили казаки на татар сзади, пробились к своим, вызволили. И бежали едисанцы.

Наутро отяжеленные добычей — ясырем и табунами — возвращались казаки к Царицыну. Искали они Уса под городом и не нашли, а потом увидели городские ворота распахнутыми настежь и казаков своих в городе. Немало потом дивились казаки тому, что случилось под Царицыном.

Едва ушел Разин от города, как сбили царицынские жители замки с городских ворот и вышли навстречу казакам. Напрасно метался перед воротами Тимофей Тургенев, напрасно угрожал жестокими расправами — кинулись на него черные люди и царицынские стрельцы. Бежал воевода с немногими московскими стрельцами и ближними людьми и с племянником в башню, заперся там. Выпустили царицынцы животину пастись в поле, а сами пришли в казацкий табор и принесли казакам хлеб и всякой ествы. Широко открылись ворота Царицына, и пошли казаки в город — не силой, не приступом, а легко, как в гости. Принимали их царицынцы как дорогих гостей, потчевали в домах ествой и питьем, а воевода в тот день сидел в башне тихо.

На другой день Разин вернулся к Царицыну и не поверил своим глазам: стоял на месте казацкий табор, и было в нем полно казаков, а рядом стоял открытый город, и ходили туда казаки легко, и ели, и пили с городскими жителями за накрытыми столами.

Разин приказал подогнать поближе к табору захваченную у татар скотину и ясырь и в тот же день отправился с немногими людьми — есаулами и ближними казаками — в Царицын.

У городских ворот его ждала огромная толпа посадских людей и царицынских стрельцов, среди них стояли и разинские казаки, и многие приспешники. Шел атаман среди народа, и ликовал народ, кричали Разину славу, снимали перед ним шапки, кланялись, иные тянули к нему руки, хотели дотронуться до его одежды, осчастливиться. Многое на своем недолгом веку повидал Разин, но такого еще не встречал. Не по себе стало ему, казацкому атаману, от такого приятства, смутился Разин, махнул людям рукой, показал, чтобы шли все по своим делам, а он пойдет по своим.

В этот день пировал Разин у царицынцев по дворам, а во время пира все шептал ему на ухо Стенька Дружинкин, что жив еще воевода Тургенев, что сидит он в башне с племянником своим и ждет сверху ратных людей, за которыми загодя послал гонцов. И не допил до конца Степан чару, с грохотом поставил ее на стол, выхватил саблю, приказал: «А ну ведите меня к башне, живьем возьмем богомерзкого воеводу».

Побежал Разин к башне, и за ним царицынцы и казаки, обогнали атамана, прикрыли его, а из башни уже начали стрелять воевода со товарищами, трое казаков упали около Разина, а потом еще один, но уже добежали казаки до башни, высадили дверь, ворвались внутрь, полезли по лестнице, стали выволакивать наружу стрельцов, вытащили и воеводу с племянником.

Разин хоть и был во хмелю, но смекнул, что хорошо было бы иметь в своем войске кого-то из больших государевых людей, пусть для начала будет хоть воеводский племянник. Так и сказал он своим людям: «Воеводу возьмите и всех людей его и в воду их, а племяша его отдайте мне, пусть казакам послужит», — и отошел в сторону.

Загикали, заулюлюкали казаки и царицынские черные люди, отбросили в сторону оробевшего племянника, схватили воеводу, накинули ему на шею петлю, потащили к Волге. Бежал со всех сторон черный царицынский люд, стрельцы, вылезали из-за столов, бросали пир, тянулись к воеводе, кто бил его палкой, кто колол пикой, кто дергал за волосы. Грозился еще воевода, а люди все бежа-

ли за ним, вспоминали старое: у кого воевода сына запорол, кого налогами разорил, кого взятками замучил. Волокли казаки воеводу к воде, а царицынцы уже побежали по богатым дворам, искали дьяка, стрелецких начальников, вытаскивали их из хором, били, мстили за всякие тяжкие обиды, тащили вслед за Тургеневым. Смотрел Разин на расправу и не мешал людям, пусть потешутся сердешные, убогие и голодные, пусть попразднуют свою волю, пусть рассчитаются сполна со своими насильниками. Так уже было в Яицком городке, так было и в Мазандеране.

Дотащили воеводу к реке, подтолкнули пиками к воде, утопили около берега. Туда же загнали и других кровопийц.

Казнили смертью казаки и царицынцы, кроме воеводы, еще нескольких человек. Остальных всех царицынских стрельцов Разин определил в свое войско, а племяннику воеводскому и нескольким детям боярским, что были с Тимофеем в башне, сказал: «Быть вам у меня в полку».

14. «СТАЛА ВОЛГА РЕКА КАЗАЧЬЯ»

И началась новая жизнь в Царицыне. Несколько дней шарпали царицынцы городских богатеев — купчин, детей боярских и подьячих, взяли государевы запасы и казну, тащили все добро в кучу, на дуван, а потом целый день делили добытую рухлядь. Разин взял себе, что понравилось — новые кафтаны и парчу, золотые кубки и персидские ковры, сафьяновые сапоги и перстни с каменьями и многое другое, потом оделили Василия Уса и есаулов, а потом уже раздуванили рухлядь среди рядовых казаков. Здесь же Разин приказал отложить часть дувана, выделить для войсковой казны и поставить к казне стражу. Потом призвали для дувана всех царицынцев. Входили в круг тяглые посадские люди и ярыжки, нищие с папертей и всякий другой черный и убогий люд. Недоверчиво брали из рук казаков полукафтанья и шапки, полотно и шелк, серебряные и медные деньги. Одни отходили в сторону и долго смотрели на полученную рухлядь, а потом тут же примеряли ее, прикрывали полотном и шелком свои рубища, другие, получив свою долю животов, бежали на радостях в кабак, закладывали дуван,

пили за здоровье батюшки Разина, а после лежали без памятства по разным местам, третьи тихо плакали и сами не знали отчего, а казаки смеялись, били их по плечам здоровыми ручищами, звали с собой за новыми зипунами под Черный Яр и Астрахань, на бояр и воевод.

Еще шел дуван, а кто-то крикнул, что забыли про тюремных сидельцев. Тут же побежали казаки к Разину, сказали.

Атаман в это время беседовал с вновь пришлым с Москвы человеком.

Разин сидел посреди табора в принесенном из города креслице и, прищурясь, смотрел на стоявшего перед ним человека. Тот мял в руках край старенького армячишка, рассказывал. Жил на Москве в холопах у грузинского царевича Микулая Давыдовича, терпел всякие обиды от людей его, а потом, когда избили его Микулаевы люди плетьми и отлежался он немного, то зарезал в отместку за свои мучения лучшего и ближнего царевичева человека и бежал с Москвы в Тамбов, а из Тамбова к нему, атаману, в Царицын.

— А кто знает, правду ли ты говоришь? — задумчиво сказал Разин. — Если зарезал мучителя своего — это хорошо, значит, наш ты человек. А вдруг как соврал и будешь тут всякие дела наши военные разведывать? Ведь мы тебя в воду посадим.

— Знают обо мне тамбовцы здешние, которые были со мной на Москве, а потом ушли из Тамбова на Дон.

Побежали искать тамбовцев, притащили их к атаману.

— Признаете ли этого неведомого человека?

— Признаем, — сказали тамбовцы, — холоп это грузинского царевича, видели мы, как били его на площади, отхаживали мы его потом на постоялом дворе, уговаривали бежать на Дон.

— Ну что ж, милый человек, идем с нами, коли ты опальный и обиженный, мы таких людей принимаем.

Тут и сказали Разину про тюремных сидельцев. Вскинулся Разин, вскочил с креслица, схватил саблю, позвал казаков к тюрьме. Вместе с другими побежал и вновь пришлый холоп.

Подошли казаки к городской тюрьме, сбили замки, открыли ворота, выпустили всех сидельцев на волю и послали их на дуван — пусть получат свою долю.

Все дни проводил в делах Разин, сначала делил ду-

ван и татарский ясырь, потом уходил на острова и устраивал там засаду против караванов, что шли из Нижнего Новгорода и из Астрахани, захватывал их и снова делил добро; потом шел на правый берег и бился с подходившими невесть откуда стрелецкими отрядами, сбивал их в воду.

Уже через несколько дней ни один человек не мог пройти незамеченным мимо Царицына. Под городом, на берегу и на островах стояли казацкие сторо́жи, перенимали всех, кто шел вниз и вверх по реке, вели к Разину. Перенимал же Разин и все насады, струги, лодки. Перекрыл он Волгу накрепко, перерезал все торговые пути с юга к Москве. Воеводы со всех сторон обложили Дон, закрыли туда торговые пути, а Разин то же сделал на Волге. Там, на севере, хозяевами были воеводы, а здесь, на Волге, хозяином стал он.

Все захваченные товары Разин тут же раздуванивал, людей с насадов и стругов — работных и ярыжек — брал к себе в войско.

Теперь оставалась Москва без астраханской рыбы, икры, соли, а Астрахань без хлеба, оружия, которые по весне постоянно шли на юг из верховых городов; свел на нет Разин и торговлю между Русским государством и восточными странами. Пленный иноземец, голландец Людвиг Фабрициус, записал позднее, что на Волге, под Царицыном, а потом под Астраханью «Разин захватил несколько сот купцов и их товары, дорогие и превосходные по качеству, как-то: всевозможные тончайшие льняные ткани, сукна, канаты, соболя, юфть, дукаты, рейхсталеры, много тысяч рублей русскими деньгами и всякие иные товары, поскольку эти люди вели большую торговлю с персами, бухарцами, узбеками и татарами».

С каждым днем полнилось разинское войско — разными захваченными богатствами, новыми насадами и стругами; едисанские стада дали войску хорошую еству. А главное — полнилось войско людьми. И никто на Дону больше не держал их, не сбивал с пути. Михайло Самаренин ушел со станицей в Москву, а Корнило Яковлев сидел тихо в Черкасске. Когда же вышли татары из Крыма и ударили по Донской области, то просил даже войсковой атаман Степана слезно защитить Войско Донское, отбить татар.

Открыты стали все дороги между Царицыном и Доном, и вся донская и царицынская земля была теперь

под Разиным. Не проходило дня, чтобы не сносился Степан со своими людьми в верховых городках и в самом Черкасске. Посылал Степан со своими гонцами письма в Черкасск, чтобы они, донские казаки, его на Волге без вестей не держали и обо всем ему подробно отписывали.

По наказу Степана Разина стали казаки с Дона в Царицын ездить, собравшись человек по сто и больше, и проезжать дороги ночами, потому что малыми людьми проехать от татар и калмыков было нельзя. А с Дона беспрестанно шли гонцы к Разину с грамотами в Царицын, и писали ему подробно казаки из городков о всех делах. Было в то время у Разина семь тысяч человек.

Сидел Разин в Царицыне после начала Петрова поста * почти две недели, а уходить не торопился. Поначалу хозяйничал в городе, вводил казацкие порядки, учил царицынцев решать все дела на кругу, быть во всем на своей, народной воле.

На первом же царицынском кругу объявил он всем жителям волю. Не стало в Царицыне воевод, дьяков и подьячих, а появились атаман, сотники, десятские. Все население по казацкому обычаю разделилось на десятки и сотни. Выбрали царицынцы своим атаманом разинского приятеля, казака Прокофия Иванова, а в помощь ему назначили нескольких есаулов. В городе была образована своя народная казна, появилось свое знамя. Приходили теперь царицынцы по нескольку раз в неделю на свой круг, решали все дела сообща, рядили, как управлять городом, кого казнить, кого миловать; отменили все государевы налоги, все долги купцам и ростовщикам, повыпустили товарищей из долговых ям. Днями шарпали царицынцы своих богатеев и дуванили их животы, а едва появлялся вдали караван — спешили на берег Волги, ждали, когда подгонят казацкие струги насады к берегу, и брали свою долю дувана.

Небывалое время наступило в Царицыне: все, кто годами, не разгибаясь, гнул спину на господ своих, теперь разогнулись, увидели себя вольными и равными людьми. Невмоготу это было многим, не привыкли люди быть на воле, смотрели сами на себя в великом удивлении и смятении, радовались, плакали, пили и снова бежали на круг решать свои дела.

В городские дела Степан не вмешивался. Его войско

---

* Петров пост с 29 мая по 28 июня.

так и стояло табором под городом, и сам он жил в своем войске. В Царицыне же был свой круг, своя охрана. И обращался Степан в этот круг как равный казак. Так, уговорил Разин царицынцев укрепить свой город: и им, горожанам, это было надо, и казакам. Теперь был Царицын их вольным городом. Царицынская крепость надежно прикрывала действия казаков с суши. Весь город стоял за казаков горой. Отсюда Степан то и дело уходил в походы — на татар и калмыков, настигал волжские караваны. Жили здесь казаки, ни в чем не нуждались, ествы и питья было вдоволь. Хотел Разин отсидеться в Царицыне, осмотреться, встретить стрельцов, которых, чаял он, слали воеводы с севера.

Со всех сторон шли к Разину вести, что поднимается против него вся боярская, дворянская и приказная Русь. Укреплялся кравчий и воевода Петр Урусов. Еще не дошел он до Саранска, а в помощь ему по указу великого государя были посланы с Москвы боевые воеводы князь Юрий Никитич и Данила Никитич Борятинские. Князю Юрию велено было идти па Саранск сухим путем, а Урусову и князю Даниле — плавною ратью в судах. Должны были Урусов и князь Данила перекрыть казакам путь по Волге, а князь Юрий прикрыть с суши тамбовскую черту.

Еще не помыслил Разин, куда идти после Царицына, еще лишь покричали казаки на кругу в Черкасске и Паншине за поход на Русь, а государевы люди уже заступали к Москве все дороги, упреждая возможный казацкий выход.

Доносили беглецы с Москвы, из Тамбова и Козлова, что собираются служилые люди полков князя Урусова и князей Борятинских, но идут нехотя и медленно, многие объявились в нетях; что сидит князь Петр в своем шатре, в поход не торопится, а на Саранске еще и не бывал. А князь Юрий, напротив, резв и горяч, нетчиков казнит по государеву указу немилосердно и войско собирает крепкое.

В Тамбов и Белгород царь послал грамоты и строго наказал стоять воеводам в городах бережно, поставить в стоялых острожках стрелецких голов и служилых людей и переменять их днями, а за поруху казнить тех сторожей смертной казнью. По всем причинным местам надлежало воеводам поставить же крепкие заставы, чтобы на Дон и на Волгу никакие люди ни с чем не проходили и

не проезжали. А если кого поймают на дорогах, то расспрашивать их крепко, с большим пристрастием и пытать: «А будет они в роспросех и с пыток учнут говорить, что они с воровскими казаками для воровства были по своей воле, и таких воров велели вешать...»

Гроза шла с севера. А пока Разин с царицынцами укреплял город. Починили царицынцы городские стены там, где они были ветхими, расставили на стенах пушки, окружили город новыми надолбами, изготовились для прихода московских ратных людей.

Но не только Царицыном и Доном занимался Разин, склонял он на свою сторону разные окрестные народы, слал, как и прежде, гонцов к запорожскому войску.

Поддержали поволжские народы восстание Разина. Правда, выступили против него едисанцы и некоторые калмыцкие тайши, зато вокруг по Волге бунтовали против государства Российского башкиры, другие татары и калмыки. В июне 1670 года перешли башкиры Волгу и направились мимо Саранска на русские украйные города в Казанском уезде. Близ Свияжска и Козьмодемьянска объявились бунташные калмыки и башкиры же. Перелезли они реку Каму, повоевали и пожгли села и деревни, людей побрали в полон, похвалялись прийти под самую Казань. А из-под Казани и Астрахани слали к Разину татары тайных гонцов, звали к себе, обещали помощь и соединение. И заволжские калмыки писали: «Куды он, Стенька, пойдет, а они-де, колмыки, хотят с ним же, Стенькою, итить».

В те же дни пришли на Дон гонцы от гетмана Дорошенко и кошевого атамана Серко; принесли гонцы листы к Разину, и писали в тех листах гетман и кошевой атаман, «где б... им с Стенькою Разиным на срок в котором урочище сойтитца вместе». Не застали запорожцы Степана на Дону, передали листы казакам, и поскакал к Разину на Царицын донской казак Фрол Минаев.

Читал Степан запорожские письма, усмехался. То ли не ведала ничего, что делалось на Дону, запорожская старшина, то ли писала ему от невеликого ума. Ну где же это было видано, чтобы идти ему искать запорожцев по урочищам? Это значило уйти из Царицына, бросить так славно начавшийся поход. Нет, не хотели понять его Дорошенко с Серком, боялись двинуться с места, боялись воевод, боялись его, Разина. В другой бы раз взорвался Степан, выругал бы гонца, растоптал грамоты, но теперь

иное было время, шли за ним семь тысяч человек, смотрели на него как на отца родного, поднял он их на великие дела, взял государев город, перекрыл Волгу. В таком деле без крепких помощников не обойтись. И снова слал Разин гонцов в Запороги, умерял свой гнев, просил запорожских черкас ударить по русским украйным городам, а он, Степан, пойдет бить бояр своим чередом, и, даст бог, встретятся донцы с запорожцами.

На исходе второй недели дозорные донесли Разину о том, что сверху идет большой караван с ратными людьми. То шли посланные в Царицын на помощь Тимофею Тургеневу тысяча стрельцов с головой Иваном Лопатиным и полуголовой Федором Якшиным. Шли стрельцы вслепую, не ведая, что взят уже Царицын казаками, не высылая вперед дозоры. Не знали они, что идут вслед за ними и впереди них разинские лазутчики, следят за каждым их шагом. И когда подходил Лопатин к Царицыну, то Разин уже знал о нем все — сколько стрельцов сидит в стругах и горазды они воевать или нет, сколько пушек у Лопатина, сколько пищалей.

Задолго до подхода каравана снялся Разин из-под Царицына, переволокся на луговую сторону, на острова, а по берегу пустил конницу, и всего вышло с ним в поход против Лопатина пять тысяч человек.

Около Денежного острова, в семи верстах от Царицына, Разин встретил стрельцов. Его струги внезапно выскочили из-за косы, ударили по каравану. Растерялись стрельцы, не успели даже пищалей зарядить, погребли к берегу, а там уже ждали их казацкие конные отряды. Бросились казаки с двух сторон на Лопатина — с суши и воды — и начали избивать стрельцов. Те побежали к Царицыну, хотели скрыться за его стенами, отсидеться там от казаков; бежали и чаяли от города выручку. Но едва подошел Лопатин к Царицыну, как ударили городские пушки по стрелецкому каравану, полетели щепы от стругов, запрыгали пушечные ядра по берегу. А сзади подходил Разин. Часть стрельцов выбросилась в воду, другие выгребли к берегу и сдались там казацкой коннице, остальные рассыпались вниз по реке и на острова. Там среди ивняка, на песчаных отмелях продолжалась битва. А вскоре и их взяли казаки в плен и с ними голову Ивана Лопатина и полуголову Федора Якшина. Пятьсот же человек стрельцов пали под казацкими саблями.

Здесь же, на берегу, состоялся скорый суд.

Разин подошел к стрельцам разгоряченный после боя, запыхавшийся, промокший, грязный, сабля в крови. Шумно дыша, надвинулся на Лопатина, схватил его за ворот, закричал:

— Государев изменник! Боярский прихвостень!

С ненавистью и страхом смотрел Лопатин в потное и грозное лицо Разина. Степан отбросил голову́, подошел к стрельцам.

— На кого же вы руку поднимаете? На своего же брата, простого человека! Эх вы, служилые! — Потом отошел, отдышался, заговорил по-другому: — Скажите же, как к вам был голова — добр или недобр? Говорите, не бойтесь!

Зашумели стрельцы, сначала робко, потом все слышнее, кто-то закричал, что мучителем был голова, другой выкрикнул, что забил до смерти Лопатин двух стрельцов во время пути, а иных без вины примучивал. Тогда обратился Разин к своим казакам:

— Что будем делать с головой?

Закричали казаки:

— В воду! В воду посадить голову!

Накинули Лопатину веревку на шею, потащили к реке, бросили в воду, кололи его пиками, топили, а кругом свистели и гикали казаки, кричали стрельцы, многие из них подбегали к воде и доставали своего обидчика бердышами. За головой наступила очередь Федора Якшина. Якшин стоял в стороне, зажимал рукой рану в плече.

— А как был к вам полуголова — добр или недобр? — обратился Разин к стрельцам.

И снова зашумели стрельцы:

— Добр был к нам Федор, добр.

— А этого, — указал Разин на полуголову, — взять под стражу и держать строго за караулом.

Затем казаки бросили в воду еще трех стрелецких начальников. Остальных же, тех, кто сам сдался в плен, Разин взял в свое войско, а тех, кто сражался с ним, определил гребцами на струги и лодки.

Со славой вернулся Степан в Царицын. Жители устроили ему торжественную встречу, стояли по улицам в лучшем своем платье, во дворах хозяйки накрывали столы. А разинские гонцы уже скакали на Дон, в Запорожье с известиями о великой победе над боярскими войсками. И вести об этой победе расходились по всей Волге, по всей Руси.

Теперь Царицын был вне опасности. Не скоро еще придут сюда новые государевы ратные люди. На севере медленно тянулись в сторону Саранска полки Урусова и Юрия Борятинского, на юге Прозоровский лишь начал собирать силы для посылки их в помощь Царицыну. Как и в прошлые годы, опережал Разин воевод, упреждал их действия.

После разгрома Лопатина он стал уже безоговорочным хозяином Нижней Волги, разрубил он реку на две части. На юге сидела без хлеба, без денег и боевого запаса Астрахань, а к северу — притихли в ожидании казацкой грозы Камышин, Саратов, Казань. Говорил народ по городам и селам, что ныне Волга река стала их, казачья.

Кончалась третья неделя пребывания Разина в Царицыне. Теперь войско насчитывало уже свыше семи тысяч человек, а народ все подходил и подходил. И всех нужно было разместить в сотни, найти им место в стругах, наделить оружием.

Лето уже было в разгаре, наступил жаркий волжский июнь. Днем небо раскалялось добела, песок на отмелях жег босую ногу. Пора было уже двигаться дальше, ловить дорогое на реке летнее время, а Разин все медлил. Говорили между собой близкие к нему люди, что ждет атаман подмоги от запорожских черкас, чает, что придет к нему на Царицын полковник Серко с запорожскими казаками. Но дни шли, от Серко не было вестей, и тогда Разин созвал последний перед отходом круг. Нужно было решать, куда идти дальше.

За время пребывания в Царицыне не раз уже на кругу казаки говорили об этом, но единства не было, тянули в разные стороны. Кричали и за Москву, и за Казань, и за Астрахань. Еще на первых кругах говорили черные люди, и крестьяне, и холопы, которые были в казацком войске, что идти надо на Русь, в русские города. Но уже тогда брали слово другие люди и говорили: «В русские... городы по та места не пойдем, пока места в русских городех хлеб с поля не спрячют; а как... в русских городех хлеб с поля спрячют, и они... хотят итить вверх рекою Волгою под Казань и под казанские пригородки».

Слушал Разин беглых черных людей и видел, что правду говорят они. Что он найдет на Руси в июне да в июле месяце? Крестьяне будут ловить погожие летние дни, работать с утра до ночи на покосе, жатве и обмоло-

те. Так и пройдут казаки по селам и городам в одиночестве и молчании, разве что черные посадские людишки прибегут к ним. Но с такой силой бояр не сокрушить. Это Разин знал твердо. Только уездные люди, крестьяне, могут пополнить и укрепить его войско. Уже здесь в его стане они были самыми горячими и злыми. Еще не зажили их обиды от вотчинников и помещиков, еще не отъелись они, как старые казаки, на казенных, государевых харчах, еще не развратились зипунами. Больше всех кричали они против бояр и помещиков, громче всех звали в Русь.

Больше по душе были Разину разговоры про Астрахань. Кричали на кругах казаки: идти надо на Астрахань, а управясь под Астраханью и укрепя ее, двигаться всем войском на Москву, там, на Москве, побивать бояр. За это говорили и тайные пришлые из городов люди; звали Степана в Казань, Саратов, Черный Яр, Астрахань, обещали не биться с ним, открыть ворота. Все больше и больше загорался Разин мыслью устроить на Волге свое казацкое государство, с кругами в каждом городе, с крепкими заставами по всей реке, а отсюда уже ударить на Москву.

Но и на этом кругу, как всегда, не стал Разин сам решать дело. Лишь начал его, спросил свое войско: «Идти вверх по Волге под государевы городы и воевод из городов выводить или идти к Москве против бояр?» И снова зашумел круг, закричали казаки, зазвучали в их криках названия волжских и русских городов. А потом, не сговорившись, положили на слове своего атамана; как скажет Степан Тимофеевич — так и будет.

На этот раз долго говорил Степан, поминал он и крестьян, которые сейчас, летом, не пойдут за ними, казаками, и черных людей по волжским городам, которые ждут их, и Москву, куда надо идти войску, но лишь после доброй подготовки. Говорил Разин и о зипунах — не забывал своих старых товарищей, славных участников персидского похода. «Идти бы нам всем, братцы, на Астрахань, — закончил Степан, — грабить купчин и торговых людей. Не дороги нам сейчас бояре, а дороги купчин и торговых людей животы. А как возьмем Астрахань или сдадутся нам жители, то и на Русь вверх по Волге пойдем».

В тот же час выступили на кругу два астраханца, беглые от воеводы Прозоровского люди. Говорили астра-

ханцы: «А как де он, Стенька, з донскими казаками будет под Астраханью, и астраханские де татаровя с ним, Стенькою, битца не станут, выдут из города, только де учнут битца московские стрельцы, а их де, астраханские жители, учнут битца для поманки».

Последним еще раз выступил Степан: «Сначала возьмем Астрахань, а потом пойдем вверх под Казань и под иные государевы города. А вся чернь в городах государевых потянет с нами заодно и бояр будут бить с нами заодно ж».

На том и порешил круг: идти на Астрахань. Все были довольны: и казаки — они шли за зипунами, укрепляли свою казачью Волгу, и крестьяне и холопы — эти знали, что после Астрахани собирается войско идти в русские уезды бить бояр. Споры кончились, цель была ясна, снова дружной жизнью зажил казацкий стан.

К вечеру разделилось войско. Те, кто уходил в поход, потянулись к берегу. С ними ушли и многие царицынские черные люди. Те же, кому надлежало остаться в Царицыне, побрели из стана в город. А оставался каждый десятый человек по жребию. Вечером же собрались казаки в городе, устроили круг и выбрали себе атаманом Петра Шумливого, старинного казака, разинского товарища, а у царицынцев в городе оставались за главных сын боярский Иван Кузьмин, соборный поп Андрей и местный пушкарь Дружинко Потапов. Кузьмин — беспоместный и безденежный человек — давно уже мутил воду в Царицыне, грозил Тимофею Тургеневу. Он же подговорил жителей открыть ворота. Соборный же поп встречал казаков хлебом-солью, первым пришел в их стан, а был поп из бедных уездных людей. Пушкарь же Дружинко подговорил своих товарищей не стрелять в казаков и, когда метался воевода по крепостной стене, кричал, чтобы стреляли пушкари по казакам, стояли пушкари молча, не подходя к пушкам. А потом, когда стал Царицын казачьим городом, выбрали всех троих царицынцы на кругу своими атаманами.

Кузьмин, поп Андрей и Дружинко руководили починкой стен и устройством надолбов, вершили в городе суд и расправу и теперь оставались вместо воеводской власти в Царицыне.

Ранним утром войско двинулось в путь. Первыми ушли легкие дозоры в сторону Черного Яра, затем триста казаков погребли в стругах на Камышинку: хотел

Разин со всех сторон окружить свою первую столицу верными городками, сломить в них воеводскую силу, очистить Волгу от московских стрельцов, разведать пути к Астрахани и Саратову. Следом за ними двинулся отряд на Дон. Повел казаков в донские городки брат Степана Фрол.

Отрядил Разин своему брату 10 пушечек, набил телеги царицынским дуваном, чтобы роздали его по донским городкам, а в придачу дал казну счетом в сорок тысяч рублей.

Полночи перед отходом говорили братья с глазу на глаз. Наказывал Степан Фролу сплачивать вокруг себя голутву, остерегаться домовитых казаков, не спускать глаз с Корнилы Яковлева и его приспешников, слать к нему, Разину, по вся дни вести и о донской жизни рассказывать ему доподлинно. А как минет лето и пойдет его, Степана, войско вверх по реке, то он бы, Фрол, вышел со своими людьми к Коротояку и ударил на русские уезды.

Степан проводил брата за восемь верст от города. Здесь остановились казаки, собрали походный круг, выбрали себе походного атамана Якова Гаврилова. В последний раз обнялись братья, поцеловались.

Не скоро пропали вдали казацкие телеги, долго тащились они по степи, пылили полынными дорогами. А Разин неподвижно стоял возле коня, смотрел им вслед. Потом вскочил в седло, стеганул коня плетью. Назад он уже не оборачивался.

15. НА АСТРАХАНЬ!

Что это было за время для Разина!

Один успех следовал за другим. Хозяин Волги, покоритель Царицына, батько всего Войска Донского, победитель государевых воинских людей, отец родной для народа. До Астрахани еще далеко, а пока пей-гуляй, казацкая душа, на волжском просторе. Спадало напряжение боевой жизни, приутихали бои и походы, и наступали тихие праздничные дни. В такое время Степан никуда не торопился, никуда не бежал, спокойно сидел либо в чьих-нибудь хоромах за уставленным всякими яствами столом, либо развлекался в своем струге. Сидели по лавкам рядом с ним товарищи и друзья, пили романею, неторопливо

переговаривались, потом речь становилась горячее, шутки злее, распалялся и Степан, начинал хвалиться, куражиться. Казаки слушали, с обожанием смотрели на своего атамана.

Вот и сейчас. Летели струги вниз по Волге, шли по самой быстрине посредине реки. Не таился Разин. Да и кого ему было таиться? На десятки верст кругом раскиданы его сторóжи, стерегут каждую тропинку. Раз молчат они — значит, все спокойно вокруг. Недвижна июньская Волга, так и кажется, что застыла она под палящими лучами солнца, под раскаленным небом, лишь иногда плеснет возле берега щука, и сразу оживет река, но ненадолго. И снова зной и тишина сковывают ее. Скрипят весла в уключинах, тихо переговариваются казаки.

Разин сидит в своем струге на устланной дорогим ковром лавке. Кафтан он снял, остался в одной рубахе, и та расстегнута до пупа, слушает речи своих есаулов, попивает из серебряного кубка вино, потом наливает из бочонка одному, другому. От жары и вина туманится голова, тянет ко сну. Медленно говорит Разин: «Покончу с Астраханью, все государевы города заберу, бояр и воевод всех до единого перевешаю». Слушают казаки хмельные атамановы речи, внимают. И вдруг крик на берегу, возня, выскакивают из-за холмов конные люди, кричат в струги, нет ли с ними, казаками, атамана Степана Тимофеевича. Это прискакала сторóжа снизу, из-под Черного Яра, притащила с собой беглых астраханцев. Сообщила сторóжа, что по государеву указу выслал воевода Прозоровский на Царицын большое войско. Пять тысяч стрельцов во главе со Львовым движутся безостановочно в сторону Черного Яра, подходят уже к городу.

Хмель разом выскочил из головы Разина, он наклонился к борту струга, плеснул ладонью воду в лицо, на голову, за шею, вытерся краем рубахи. Задумался. Он хорошо помнил свою последнюю встречу с князем Львовым — как бежал от него под Астраханью, как привел Львов его, грозного атамана, покорного и тихого, в этот город пред грозные очи воеводы Прозоровского.

Потом уже, когда забунтовал Разин на Волге, едва отойдя от Астрахани, поняли воеводы свою ошибку, да и великий государь наложил на них опалу, что слишком доверились Стеньке, кумовались с ним. Шел теперь Львов на Черный Яр, полный решимости сбить воров с Волги, исправить свою оплошность.

Казаки пригребли к берегу. Астраханцев привели к атаману, и он допросил их обо всем доподлинно. А потом сразу же собрал круг.

Круг был короткий. Разин говорил сам. Он рассказал казакам, что хочет воевода Прозоровский извести казаков, засечь их кнутами, вернуть всех беглых своим хозяевам, что в Астрахани поднимают на дыбу всякого, кто хоть слово скажет за казаков; людей пытают и вешают. И по сей день, говорил Степан, висит на городских астраханских воротах некий человек, который ратовал за них, казаков. Повесили его, чтобы другим было неповадно. Через эти ворота и ушел воевода Львов в поход.

— Что будем делать, казаки? У князя Семена пять тысяч человек стрельцов.

В ответ раздались крики:

— Идем на князя Семена, батько! Отомстим за наших братьев!

Здесь же, на берегу, Разин разделил свои силы. Сам Степан с Василием Усом сели в струги, а атаманам Федору Шелудяку и Петру Еремееву Разин отдал конницу — остался верен Степан своей уже проверенной повадке: ударить по врагу неожиданно сразу с воды и с суши, зажать с двух сторон в клещи, смять, раздавить.

Двигались повстанцы скоро, но осторожно, не выпуская друг друга из виду. Время от времени подъезжали Шелудяк и Еремеев к берегу, перекрикивались с Разиным, потом скакали дальше. Дозоры колесили по обоим берегам Волги, оплетали степь со всех сторон. Едва показывался впереди какой человек или всадник, как сразу же замирали дозоры, следили, проверяли и лишь потом шли вперед. Боялся Разин нарваться невзначай на Львова. Но и князь Семен не дремал. Заняв Черный Яр, упредив казаков, созвал воевода в городе военный совет, и приговорил совет послать вверх по Волге разъезды, искать войско Разина вдоль берега, на реке и по урочищам. Сам воевода, маленький, грузный, энергичный, семенил на тонких ножках по крепостной стене, проверял оборону, осматривал пушки, подбадривал пушкарей и затинщиков, ходил к стрельцам, говорил им речи, как стоять за веру православную и великого государя, потом шел отдыхать в хоромы, но ненадолго, выбегал снова в крепость, метался меж стенами.

Весть о Разине пришла нежданно. Прибежали дозорщики в город прямо в хоромы воеводы Львова, закрича-

ли, что следом за ними идут на город стругами все казацкие силы и вот-вот будут под Черным Яром. Бросился воевода к стрельцам, собрал их быстро, повел за ворота; следом двинулись астраханские мурзы и верные калмыки. Черноярский воевода Иван Сергиевский остался в городе, чтобы поддерживать Львова пушечным боем, а навстречу уже подходили в стругах Разин с Усом, берегом шла казачья конница.

А очутился Разин под самым городом так. Обошли казаки все воеводские дозоры, тайно ночью приплыли под Черный Яр и попрятались за островами, поджидали отставшую конницу.

То ли знал уже Львов Степанов обычай вести бой, то ли сам придумал, но только приказал он своим астраханцам садиться в струги, встречать Разина на воде, а конных людей поставил на берегу, сам же с главным войском загородил город. Но не успел воевода развернуть в срок свои силы. Проскочили восемь разинских стругов мимо Черного Яра, высадились казаки на берегу, бросились сзади на астраханские струги, а спереди в полуверсте шел на них из протока основной разинский флот. Пока разбирались стрельцы, высадился на берег и Разин.

Выстрелили с воеводских стругов по Разину, но было уже поздно. Пошла в бой разинская пехота, тысячи людей двигались вперед, и у каждого в руках были либо пищали, либо пики, либо сабли. Только потом узнал Львов, что несли многие повстанцы в руках длинные деревянные шесты с обожженными краями и привязанными к шестам разноцветными тряпками. Эти-то палки и сошли издали за пики.

Первыми дрогнули татарские мурзы и калмыки. Повернулись татары вспять, ударили плетьми коней и ушли в степь. Одиноко прозвучали над Волгой еще несколько выстрелов с крепостной стены — то черноярский воевода вступал в бой, а потом начались странные для воеводы Львова дела. Вдруг замолчали крепостные орудия, заметался на стене Иван Сергиевский и сгинул куда-то. Вынул саблю из дорогих ножен князь Львов, обратился взволнованный к стрельцам. Но что-то хмуро слушали стрельцы князя, молча стояли, опираясь на свои пищали. Потом непонятно задвигались, заговорили меж собой, заволновались, ряды их начали путаться, и замелькали между рядами какие-то люди в стрелецких кафтанах, но не со стрелецкими замашками.

— Стенька нам брат! — кричали они. — Он за народ стоит! Что смотрите, стрельцы, вяжите воеводу и начальных людей, только спасибо вам скажет Степан Тимофеевич. Принесем казакам свои вины — будет нам всем воля!

Кинулся было Львов с саблей в руках на разинских прелестников, но прикрыли их стрельцы, загородили бердышами.

А в это время перед своим войском появился Разин. В руках сабля, шапка набекрень, взгляд веселый. Сокол! И не успел Львов подать знак к бою, как закричал Разин стрельцам:

— Здравствуйте, братцы!

Вскинулись стрельцы, зашумели, закричали весело в ответ:

— Батюшка, здравствуй!

— А ну, братцы, — продолжал Степан, — вяжите же теперь своих мучителей, отомстите им за все ваши обиды и муки! Я принес вам волю! Идите к нам и будете свободны и богаты!

В ответ раздался радостный стрелецкий вопль:

— Батюшка наш! Бей начальных людей! Долой воевод!

С развернутым знаменем, под барабанный бой с криком и шумом, но в стройстве пошли стрельцы навстречу Разину. Позади осталось лишь несколько десятков человек во главе с князем Семеном.

— Вяжите же их! — крикнул Разин.

С яростными криками бросились стрельцы назад.

Вот как писал позднее об этом в своих записках голландский офицер Фабрициус, бывший в то время при князе Львове: «Тут воевода глядел на офицеров, офицеры на воеводу, и никто в растерянности не знал, что нужно предпринять. Один говорил одно, другой — другое, наконец порешили, что следует сесть с воеводой в его струг и таким образом ретироваться в Астрахань. Но воровские стрельцы в Черном Яру, стоявшие на валу и башнях, повернули пушки и открыли огонь по нас. Часть их выскочила из крепости и перерезала нам дорогу к стругам, так что некуда было податься. Между тем наши собаки, те, что присоединились к казакам, налетели на нас с тыла. Нас было всего 80 офицеров, дворян и писарей. И тут бы быть резне, да Стенька Разин сейчас же отдал приказ не убивать больше ни одного офицера, ибо среди них, верно, есть все же и хорошие люди, таких

следует пощадить. Напротив, тот, кто плохо обращался со своими солдатами, понесет заслуженную кару по приговору атамана и созванного им круга». А потом, продолжал Фабрициус, «они стали целоваться и обниматься и договорились стоять друг за друга душой и телом, чтобы истребить изменников-бояр и, сбросив с себя ярмо рабства, стать вольными людьми».

В Черном Яре Разин долго не задерживался. В тот же день устроил он круг. Судил круг воевод и стрелецких начальников, спрашивал у астраханцев и черноярцев — хороши ли были к ним начальные люди или нехороши. А потом приговорили всех, кого обвиняли стрельцы, посадить в воду. О Семене же Львове Степан просил на кругу, чтобы его в воду не сажать, и казаки его в воду не посадили, отдали воеводу на его, атамановы, руки.

Не объяснял Разин казакам свою просьбу, только сказал им, что породнились они еще в Астрахани с князем Семеном. У самого же Степана был прямой расчет помиловать воеводу. Уже таскал он за собой племянника Тимофея Тургенева и некоторых детей боярских, взятых в Царицыне. Теперь решил везти с собой на Астрахань и воеводу Львова. Чтобы все видели: идет он на государевых изменников не только с «голыми» людьми, но и со всем честным народом, с хорошими боярами, воеводами и дворянами. Все шире разгоралось восстание — здесь только голутвой не обойдешься, городов не удержишь. Смотрел Степан вперед, искал на Руси все новых сторонников, всерьез принимался за дело. Пусть знают в Астрахани и по всей Волге, что и князь Семен и молодой Тургенев взяли его, Разина, сторону. Больше веры будет, больше страху для московских стрельцов. Пусть совсем собьются с мыслей.

На этом же кругу решили судьбу и черноярского воеводы — бросили его в Волгу за то, что велел стрелять по казакам из пушек. Вместе с ним утопили еще некоторых начальных людей. Потом раздуванили казаки, стрельцы и все черноярцы под бунчуком всю добычу и пировали весь остальной день. Повстанцы опустошили все царские погреба, скупили вино и пиво у торговцев, приняли угощение и местных жителей. А когда все вино было выпито и все стоявшее на столах съедено, отправились казаки к своим стругам спать.

Наступила ночь. Плескала мелкая волжская волна в борта стругов, шумели еще в городе загулявшие жители,

а здесь, на берегу, стоял мощный тяжелый храп тысяч людей. Одни прикорнули прямо на стружных скамьях, другие лежали на глинистой, поросшей мелкой травкой земле, подстелив под голову армячишко, третьи набросали на песок доски и растянулись на них. Вместе с казаками в своем атаманском струге ночевал и Разин. Спал на досках же, положенных поверх лавок, крытых ковром.

Наутро Разин снова собрал казаков на круг. Так уж повелось теперь: после каждой крупной победы, после каждого успеха, перед новой дорогой собирались казаки под бунчук, обсуждали свои дела. И хотя ясно было, что идут они на Астрахань, все же поговорили еще, поспорили, вспомнили про Русь и про Казань, но это просто так, большинство же вопило за Астрахань. Здесь, как и в Царицыне, выступили на кругу астраханцы, звали в свой город, обещали, что не будут с казаками биться ни астраханские жители, ни тамошние стрельцы, ни татары.

Разин оставил в городе небольшой отряд с атаманом, научил черноярцев управлять по казацкому обычаю, забрал с собой кое-кого из местных работных и посадских людей и, как только подошел берегом Федор Шелудяк с конными людьми, ушел на четвертый день дальше на низ.

В тот же час поскакали разинские гонцы на Дон с известием о новой победе казацкого войска.

А под Саратовом уже собиралась гроза, первые языки повстанческого пламени подхлестывали к самому городу: вскоре после ухода Разина с Черного Яра посланный им вверх по Волге отряд взял Камышинку.

Казаки обманно овладели городом, как это уже не раз делал Разин прежде. Подошли к Камышинке некие люди, одетые в стрелецкие кафтаны, и сказались московскими ратными людьми, что были посланы из верховых городков на помощь камышинскому воеводе Еуфимию Панову против богомерзкого вора Стеньки Разина. С радостью открыл Панов городские ворота, впустил стрельцов. К вечеру он поставил их вместе с камышинцами в караул; там-то и открылись стрельцы, что все они — разинские работнички, вольные люди. Призывали повстанцы камышинских стрельцов открыть город, связать воеводу и стрелецких начальников. Всю ночь шли разговоры на крепостной стене, а потом оттуда ушли люди в темноту, а утром под стены Камышинки на есаульских

стругах и лодках подошли триста казаков. В тот же час отворились городские ворота, и казаки без боя заняли город. В растерянности смотрел камышинский воевода, как братаются его стрельцы с казаками, как вчерашние ратные люди, которых он сам впустил в город, потешаются над ним, здороваются со своими товарищами.

Разинцы забрали в городе царскую казну, все пушки, раздуванили взятые животы и вместе с камышинцами ушли снова вниз, а служилых людей и воеводу взяли с собой в войско. По Волге же пошел слух, что сам Разин взял Камышинку, что идет он под Казань, а потом на Москву, тысячи казаков идут-де вверх по Волге в судах, а тысячи же по берегу конницей.

16. ШТУРМ «УГРЮМОГО ГОРОДА»

Еще на второй день пребывания в Черном Яре послал Разин в Астрахань тайно десять человек астраханских стрельцов. Перед уходом долго сидели они в атаманском струге, говорили с Разиным, а потом взяли лодку и ушли на низ. Наказывал Разин стрельцам сказаться, будто бежали они от него из Черного Яра, что войско астраханское и воевода Львов взяли его сторону и верно служат ему, атаману, и он за это стрельцов и всех простых людей жалует и дуваном наделяет.

Через два дня ушел вслед за своими тайными посланцами и Разин. Вел он с собой на Астрахань десять тысяч человек. Пополнилось казацкое войско за счет московских, астраханских и черноярских стрельцов, перешедших на сторону восстания, а также за счет посадских людей Царицына и Черного Яра. Шло вниз триста больших и малых судов — насадов, стругов, лодок. Стояло на стругах и насадах больше пятидесяти пушек, взятых по городам. По берегу от Черного Яра по нагорной стороне шла конница.

Бежавший из разинского стана московский стрелец Иван Алексинец рассказывал на допросе в тамбовской приказной избе: «А струги у него, Стеньки, небольшие, человек по десяти, и в большем человек по 20-ти в стружке, а иные в лодках человек по 5-ти. А которых невольных людей с насадов и стругов неволею к себе он, Стенька, имал, и у тех всех людей ружья нет».

Алексинец говорил правду. Терялись теперь большие есаульные струги среди десятков малых лодок, и людей шло теперь к Разину столько, что всех на ходу не вооружить. Хотя пополнилось войско стрельцами московской и астраханской выучки с пищалями, бердышами и саблями, но все больше становилось в разинском войске людей невоенных, сидели они в стругах и стружках с топорами и копьями, вилами и косами, а иные держали в руках палки. Много прибавилось в войске и людей, которые пришли сюда неволею. Это были служилые люди, спасавшие свои жизни, дети боярские, многие стрельцы. Им доверять было нельзя. И чем больше разрасталось разинское войско, тем меньше в нем было единства, старые казаки тянули в одну сторону, беглые крестьяне и холопы в другую, но пока был успех — было единство.

Сам Разин уже не мог вникать в дела так, как он это делал раньше, руки не доходили до всех десяти тысяч, до каждого струга, до каждой лодки. Кроме того, войско начиная с Царицына постоянно было разделено на две части — на речную флотилию и конницу. Во время похода на Астрахань бывало, что обе части не встречались между собой долгими днями. В эти дни Разину приходилось чаще советоваться с есаулами, перекладывать на их плечи многие важные дела. Прежде около Разина был заметен лишь Сергей Кривой. Теперь же начинают выделяться казацкие начальники один за другим. Начинает греметь на Волге слава Уса и Шелудяка, Еремеева и Шумливого. Но Разин не завидовал новой славе своих приспешников, он хорошо понимал, что нельзя делать большое дело в одиночку, и он сам уже выдвигал и поддерживал есаулов, доверял им предводительство огромными силами. Сама жизнь постепенно превращала Степана из лихого атамана в осмотрительного предводителя целой армии. Все чаще Степан вынужден был обращаться не ко всему войску, а лишь к своим помощникам. Шел Разин по новому для него пути, но и сопротивлялся он всеми силами, этому новому, хватался сам за всякую горячую работу, рыскал в стругах меж островами, рубился со стрельцами, а потом пил и бражничал вместе с казаками, поддерживал добрые казацкие обычаи.

Вот и сейчас — сбросил Степан с себя дорогой кафтан, шелковую рубаху, сел на весла рядом с дюжими стрельцами. Немилосердно пекло солнце, по лбу, по плечам Степана стекали струйки пота, а он все налегал и

налегал на весла, вздувались на руках мускулы, пружинилась атаманова шея, летел есаульный струг Степана навстречу Астрахани...

В тот же день, как получил воевода Прозоровский печальное известие о разгроме Львова под Черным Яром, поспешил он на крепостные стены: время не терпело, не сегодня-завтра будут бунтовщики под Астраханью.

Стены выглядели ветхо, кое-где кирпич осыпался, рвы помельчали и позаросли бурьяном, частоколы сгнили. Начал воевода с главного: пригнал к крепостным укреплениям каменщиков и плотников, собрал многих посадских людей, начал чинить стены. За несколько дней обновил воевода и каменный и деревянный город, очистил рвы, расставил заново пушки. Теперь Астрахань была готова к сидению.

Обходил довольный князь Иван свой город. Все было в нем стройно и в порядке. Вот стоит каменный кремль: шесть ворот, десять башен; дальше идет Белый город тоже с каменными стенами высотой до десяти сажен и толщиной до четырех, а за каменной стеной Белого города идет третья крепостная полоса — земляной вал с деревянной стеной на нем. Обороняет вал астраханский посад. А дальше — ров, глубокий, вычищенный. В крепостных башнях вдоволь наложено пороха, пуль, пушечных ядер, всякого оружия, сюда же воевода на случай осады приказал притащить зерна, муки, сухарей, если станет сидеть Астрахань и отбиваться от казаков, то этого запаса надолго хватит. Несколько тысяч московских и астраханских стрельцов стояли на защите Астрахани, здесь же были служилые татарские мурзы со своими отрядами; возглавляли стрелецкие и рейтарские полки опытные иноземные офицеры, около астраханского причала стоял первый боевой русский корабль «Орел» со многими пушками, и командовал кораблем иноземец же Бутлер.

Особенно гордился Прозоровский астраханскими пушками. Привез он их с собой сверху: расставил по всем трем линиям крепостных стен пятьсот пушек. Ни одна крепость на Волге не имела такого огневого боя и таких укреплений. С удовольствием слушал воевода, когда ему передавали слова иноземных мастеров и офицеров о том, что астраханская крепость является одной из лучших в Европе и устоит против миллиона человек.

Шел Прозоровский по городу, и с надеждой смотрели на него местные купцы, дворяне, приказные, промышлен-

ники. Уж князь Иван Семенович охранит их торговлю, их предприятия и угодья, не выдаст на поток и разграбление безвестным ворам. А было в Астрахани тех предприятий и угодий немало. Стояли в городе гостиные дворы — русский, индийский, армянский, персидский, бухарский и другие, ломились их подвалы от всяких товаров. Плотным кольцом окружали город соляные промыслы и рыбные учуги со всякой снастью, хлебным, денежным и оружейным запасом. Зеленым ковром покрывали все подступы к Астрахани сады, огороды, бахчи, около причалов астраханского порта стояли большие и малые торговые и рыболовецкие суда. Одни из них были здешние, другие приходили из-за моря, с верховья Волги. С апреля по октябрь шли они в Астрахань и из Астрахани непрерывным потоком, а в этом году вышла заминка: перекрыл Разин пути под Царицыном и Черным Яром, и осели все суда у астраханских причалов. Пышные и богатые торги были раскиданы по всему городу, их прилавки ломились от ествы и питья, тканей и всякой утвари. Смотрел Прозоровский на свой богатый, сильный и укрепленный город, и сердце его радовалось.

Но многого и не видел воевода. Не видел он, что давно уже бурлит, наливается ненавистью город. На судах, учугах, соляных варницах, бахчах и огородах, в ремесленных мастерских копят злобу на своих хозяев тысячи работных и всяких гулящих людей. Ушли они, крестьяне, холопы, посадские, в свое время на государеву украйну, в далекую Астрахань, но и здесь их достала жесткая воеводская рука.

Не ведал Прозоровский и про стрельцов. Сидели стрельцы без жалованья уже который месяц — не поступила в этом году царская казна в низовые города, но гордый воевода и слышать не хотел про стрелецкие нужды, и, когда говорили ему головы, что неспокойны стрельцы, Прозоровский отвечал одно: «Забью батогами бунтовщиков!» А стрельцы не унимались, собирались на тайные сходки по дворам и окраинным местам, говорили там речи против воеводы и бояр. Скоро среди стрельцов стали появляться неведомые люди в стрелецких кафтанах, рассказывали они о том, какая вольная жизнь началась на Дону и на Волге и как Разин изводит под корень всех насильников и кровопийц; потом открывались они — что посланы от Степана Разина бить челом всем астраханцам, звать их к казакам в помощники. Смотрели на

них стрельцы, слушали, и сладко замирало стрелецкое сердце...

Все злее и угрюмее становились астраханские стрельцы, все чаще говорили дерзкие слова своим начальникам, поднимали голос и на воеводу. Однажды явилась толпа стрельцов на воеводский двор. Кричали стрельцы Прозоровскому: «Подай нам жалованье, воевода, не хотим больше без денег служить. Обеднели вконец, женки и детишки сидят голодом!» Схватился было воевода за саблю, выскочил из горницы, но потом одумался и к стрельцам уже вышел умильный, ласковый, объяснил все доподлинно, что перекрыл вор Стенька Волгу и нет прохода на низ государевой казне, но, даст бог, собьют вора с Волги и заплатят стрельцам. Но не слушали стрельцы, кричали больше прежнего, поминали, как платили им в прошлые годы по городам дешевой медной монетой, как примучивали их стрелецкие начальники.

Хотел поначалу Прозоровский расправиться с бунтовщиками, но время наступало грозное, Разин уже шел на Астрахань, и уговорил воеводу митрополит Иосиф расплатиться со стрельцами. Деньги 2600 рублей дали и сам святитель, и богатейший Троицкий астраханский монастырь.

В иные дни митрополит был сам жесток и непримирим, но умел святой отец где надо пойти на попятный, сказать вовремя ласковое слово, защититься божьим учением, великим промыслом. Уговорил Иосиф Прозоровского смирить гордыню, поговорить со стрельцами, образумить их сердечными словами.

За несколько дней до прихода Разина под Астрахань воевода роздал деньги стрельцам за прошлый 1669 год, а за год нынешний обещал заплатить, как отгонят они воров от Астрахани. Говорил Прозоровский мирно и просительно: «Вы уж не попустите взять нас богоотступникам и изменникам, не сдавайтесь ворам. Дети мои, не слушайте вы его, Стенькина, искушения, поборитесь против воров, не щадя своих животов, за святую соборную апостольскую церковь — и будет вам за то божья милость и великое государево жалованье».

Молча и угрюмо выслушали стрельцы воеводу и молча пошли прочь. В тот же час, видя шатость в стрельцах, принялся воевода укреплять оборону города при помощи иноземцев, а было их в городе немало: немцы, голландцы, персы. Капитану Бутлеру воевода приказал перейти

со всеми своими воинскими людьми с корабля на стены крепости и там же расставить корабельные пушки. У каждой бойницы — караульщики, наблюдающие за окрестными местами. Капитану Бутлеру и английскому полковнику Бейли Прозоровский приказал взять в свои руки оборону города. Для поддержания духа подарил воевода Бутлеру атласный кафтан, две пары штанов, две рубахи и милостиво допустил к воеводскому столу. Ему же дал воевода чин подполковника. Персидского посла Прозоровский произвел в полковники и поручил ему набрать отряд из здешних астраханских персов, калмыков и черкасских татар.

Не торопясь шли по городу полковник Бейли и подполковник Бутлер, поднимали пыль иноземными ботфортами, презрительно рассматривали поднявшуюся в городе суету. Они обходили крепостные стены, видели, с какой неохотой и нерадивостью стрельцы несут свою службу, и, плохо зная по-русски, лишь ругались на них матерно, и грозили затянутым в перчатку кулаком.

— Иди ты, — говорили иноземцам стрельцы, — разорался!

Бейли и Бутлер уходили со стен либо на воеводский двор, либо шли в свои хоромы, упивались романеей, прели в астраханской жаре, проклинали этот угрюмый город, этих злых русских, которые готовы были перегрызть им глотку.

Вдоль улицы, собирая вокруг толпы босоногих мальчишек, баб и всяких обывателей, шли в добром порядке персы, калмыки и татары. Они подходили к крепостным стенам, стояли перед стрельцами, били в барабаны, свистели в дудки, плясали по-своему, потрясали кривыми саблями, подбадривали стрельцов, а те стояли на валах и у бойниц, посмеивались, толкали друг друга под локоть, грызли семечки.

Вскоре прибежали из-под Черного Яра лазутчики, донесли до города печальные вести, что воевода Львов в плену, стрельцы сдались Разину без боя, а город Черный Яр стал воровской — горожане воеводу посадили в воду и учинили в городе круг. А следом за лазутчиками прибежали десять стрельцов, посланных Разиным, грязные, помятые, без бердышей, в утлой лодке, пали в ноги воеводе, запричитали, завопили, стали рассказывать страхи. Стоял Прозоровский, смотрел на них, лежащих в пыли, и впервые страх и сомнение шевельнулись в его сердце.

Задумался князь, ушел к себе в хоромы, а стрельцов велел держать за караулом; назавтра же допросить с пристрастием.

В тот вечер долго сидели в воеводской горнице сам боярин и князь Иван Семенович, вдруг постаревший, спавший с лица, брат его стольник и воевода князь Михаил Семенович, митрополит Иосиф, полковники и подполковники иноземные, астраханские и иноземные большие гости. Горели свечи, пахло теплым воском, звучали в горнице горячие и твердые слова воеводы. Призывал князь Иван своих товарищей воевод и всех воинских людей постоять за веру и государя, говорил знакомые слова, и смутно было на душе у собравшихся. Понимали они, что старые слова ничего уже здесь не стоят. Сражаться нужно и должно, а как устоять, этого никто не знал. Не знал этого и воевода Прозоровский. Давно уже была отрезана Астрахань от верховых городов, стояла теперь со Стенькой один на один. А можно ли было ждать подмоги с севера и когда — это тоже никто не ведал.

В ту же ночь бежали черноярские сидельцы из-под караула; бежали и тут же сгинули невесть куда, а с ними вместе пропали и караульные.

Весть о переходе стрельцов Львова на сторону Разина пронзила всю астраханскую голутву. Люди собирались кучками, радостно гудели, передавали друг другу подробности событий под Черным Яром. Очень быстро эти подробности обрастали невероятными слухами о чудесных Стенькиных делах, и ждали уже в Астрахани не атамана, а народного спасителя и великого чародея. «Слух этот, — писал впоследствии бывший в то время в Астрахани голландец Стрейс, — привел простой народ в такую гордость и неистовство, что он без всякого страха обличал, проклинал, поносил и оскорблял воеводу и даже плевал в лицо начальству со словами: «Пусть только все повернется, и мы начнем». Хватали смутьянов верные Прозоровскому московские стрельцы, бросали их в острог для того, чтобы допросить с пристрастием, но люди все равно потеряли всякий страх перед воеводой, говорили: «...Все одно, придет завтра Степан Разин, вызволит».

Шатость великая и угрюмость шла по всему городу.

18 июня на воеводский двор прибежали рыбные ловцы и сказали, что войско Разина уже близко к Астрахани, подходит Стенька к Толоконным горам. И вот уже ударили во все колокола. Тревога повисла над городом.

В церквах денно и нощно пошла молитва за спасение Астрахани от беспутных воров. Сам митрополит Иосиф клал земные поклоны в великой печали и смятении. А вскоре Разин подал с Толоконных гор первый знак: ударили казаки из пушек и ружей по городу, запрыгали ядра по земле около крепостных стен, завизжали в воздухе пули, шлепались в пыль, как издыхающие осы. К вечеру стрельба поутихла, а наутро 19 июня огромная разинская флотилия появилась в виду Астрахани. Шли тяжелые насады с большими крепостными пушками, скользили по воде длинные стройные струги, толклись вокруг них маленькие лодчонки. Зачернелась астраханская вода от судов и людей. Повстанцы сидели в насадах, стругах и лодках, размахивали руками, смеялись, что-то кричали астраханским жителям, звали к себе.

В волнении ходил воевода Прозоровский по крепостной стене, поглядывал то на повстанцев, то на защитников города — на стрельцов, пушкарей, затинщиков, а те отворачивали свои лица от горячего взгляда воеводы, молча, не отрываясь смотрели на разинское войско.

Прошли разинцы мимо города и встали в версте на песчаных отмелях. Стояли, не разгружали свои суда, лишь вышли на берег; оттуда же Разин послал лодку к Астрахани и в ней двух человек — астраханского попа Василия Маленького и слугу князя Львова, которые перешли на сторону повстанцев под Черным Яром.

Причалила лодка к берегу, подошли к крепостной стене разинские гонцы, передали речи своего атамана. А речи были короткими: приказывал Степан Разин воеводе Прозоровскому не изменничать, кровь зря не проливать, сдать город. В этом случае обещал Разин воеводе и всем служилым людям жизнь, если же начнет воевода кроворазлитье, то обещал ему Разин смерть.

Внимательно выслушал Прозоровский речи, что кричали около стены разинские гонцы, а потом выслал по них московских стрельцов. Бросились бежать гонцы к лодке, но не успели, около самой воды схватили их стрельцы, притащили в город, поставили против воеводы. Стал их воевода спрашивать, сколько людей у воров, сколько пушек, что чают делать они и куда идти, и много ли своих людей есть у них в Астрахани, и кто именем. Стояли перед ним поп и холоп князя Львова, молчали. Тогда приказал воевода бросить попа в острог, а холопа допросить с пристрастием здесь же, на площади. Стали ломать холопу руки,

жечь огнем, но холоп молчал, не сказал даже своего имени. Стояли молча угрюмые толпы астраханских жителей вокруг площади, смотрели, как били и жгли разинского гонца. Потом стрельцы потащили холопа к Никольским воротам, подвесили там петлю, просунули в нее холопа.

После казни велел воевода разогнать людей, чтобы не глазели зря на Стенькино войско. Расходились астраханцы так же молча и угрюмо, как стояли, уползали в свои окраинные углы и там уже кляли воеводу всласть. Доносили Прозоровскому тайные его люди, что «астраханцы, служилые и жилецкие люди меж себя говаривали, хотели боярина и воевод и начальных людей побить».

Как только схватили гонцов, снялись с песков казаки и пошли протоками вокруг Астрахани, обошли город со всех сторон, обложили, подошли с южной стороны к самым садам; там, на Жареных Буграх, разбил Разин свой стан. Еще высаживались повстанцы на берег, а Разин уже расставлял вокруг города заставы. Протоками же ушли вдоль садов струги, пешие отряды растекались вдоль стен, охватывая их плотным кольцом. «А в Астрахань и из Астрахани Волгою и береговою посыльных людей никаких не пропускает, поставлены у него везде заставы», — доносили воеводам по городам верные люди. Попытался воевода тут же послать гонцов берегом в Саратов, хотел сообщить, что начала Астрахань от воров сидеть, попросить помощи, но переняли их казацкие заставы, привели к Разину.

Атаман допросил их на ходу, стоя, без креслица, быстро спросил, куда шли они и с чем, пробежал глазами отнятые у гонцов грамоты, сказал окружившим его казакам: «Видно, плохи дела у князя Ивана, если помощи просит, говорил я ему добром, чтобы не сидел, сдал город, теперь сам себе дурно сделал». Воеводских гонцов приказал отвести к берегу и посадить за караулом на насад, потом тут же направился к садам, спускавшимся зелеными языками от городских стен к берегам протока. Казаки уже шныряли меж деревьев, грызли незрелые еще яблоки, персики, ломали сапожищами виноградные лозы. Степан подошел к одному, взял у него из рук зеленое яблоко, повертел в руках, усмехнулся: «Чье это ты ешь-то? Своих же товарищев, голутву, обкрадываешь, — обернулся к есаулам: — Скажите, чтоб берегли сады, не пустошили, и плодов бы не рвали, и деревья не ломали, это все добро

здешних простых людей. Возьмем город, они же нас поить-кормить будут».

Побежали сотники и десятники по садам вынимать оттуда своих людей. Разин прошел через сады, осмотрел стены, вгляделся в маячивших наверху караульных, отдал новый приказ: «Делать лестницы, на чем бы к городу можно было приступать».

Весь день и еще полдня вязали казаки лестницы. Ночью к ним через бахчи, огороды и сады потянулись астраханцы. Перелезали они по веревкам через городские стены, бежали, пригнувшись, в сторону разинского стана, шли потайными тропинками. Всех их тут же вели к атаману. Разин не спал, не разбивал шатра и не разводил огней. Темен, но возбужден и говорлив был повстанческий стан, казаки тащили готовые лестницы ближе к стенам, вязали новые, перетягивали с насадов на землю пушки и везли их вокруг стен — туда, где собирались пойти на приступ, тащили вслед за пушками ядра.

Проходили астраханцы через военную суету казацкого стана, дивились на великое множество ратных людей, а потом еще больше дивились на самого атамана. Принимал их Разин как своих близких друзей, угощал из стоявшего рядом бочонка вином — сам же не брал в рот ни капли, — просил рассказать про все астраханские беды, и, когда говорили астраханцы, как мучает боярин жителей, как насильничает над ними и позорит их, в ярости принимался топать ногой, кричал: «Ах, мясники! Ах, мясники этакие!»

Астраханцы рассказали Степану, что уже в день прихода Разина приказал боярин завалить камнями все городские ворота изнутри, а сделал это для того, чтобы не могли открыть жители ворота им, казакам; на всех стенах расставил воевода сильные караулы из верных ему стрельцов и иноземцев, шныряют его лазутчики по городским улицам и площадям, подслушивают, вынюхивают, что замышляют они, астраханцы, хватают неосторожных людей, тащат в приказную избу, допрашивают с пристрастием — с дыбой, батогами и огнем, казнят всех его, атамана, друзей и приятелей, навешали их по всем стенам.

Слушал Разин, выходил из себя так, что страшились стоявшие рядом есаулы, топал ногой, сжимал кулаки, грозил: «Ах, кровопийцы, ну, разделаюсь я с ними!» Ярость и ненависть душили Степана, хотелось сейчас же, немед-

ля броситься в город, достать гордого, надменного воеводу, который давно уже встал ему поперек дороги.

Шла ночь, и новые люди бежали к Разину, говорили, что меньше всего охраны у воеводы на южной стороне, как раз там, где сейчас укрылись казаки. Сады и бахчи повсюду подходят здесь к самым стенам, и казаки могут тайно подойти к самому городу; беглецы из Слободки нищих Тимошка Безногий с товарищами обещали поджечь Белый город в тот же час, как пойдут казаки на приступ. А лучше всего брать город, говорили астраханцы, через солончаки. Стены там самые низкие, народ живет кругом свой, там же будут ждать казаков верные люди.

На следующую ночь прибежали другие люди и сказали, что обещали помочь стрельцы и астраханские татары и что двух жителей Слободки, которые собирались поджечь Астрахань, служилые иноземцы полковника Бейли переняли на обратном пути в ту же ночь; повинились жители под пыткой — тут же их и повесили.

22 июня Прозоровский произвел последние приготовления к обороне города; обошел еще раз все стены, осмотрел крепостные пушки, сам расставил по бойницам стрельцов и пушкарей.

По приказу воеводы на стены взгромоздили кучи камней, чтобы обрушить их во время приступа на головы казаков, сюда же поднесли огромные чаны с кипятком и кипящей смолой. Кипяток и смолу надлежало лить тогда, когда полезут казаки по лестницам вверх на стены. В тот же день по указу митрополита Иосифа вода из митрополичьих прудов, где разводили служки рыбу карпа, была спущена на солончаки, которые подходили вплотную к самым низким стенам земляного города на южной стороне.

Воевода еще не кончил свой обход, а со стороны собора подходил крестный ход во главе с митрополитом Иосифом. С церковными хоругвями и образами святителей и защитников Христовой веры, с пением шли митрополит, архиереи и протопопы, и попы, дьяконы и протодьяконы, блистали на солнце парчовые ризы, светились золотые и серебряные оклады стародавних икон, запах ладана шел волнами вдоль узких астраханских улиц.

Около каждых ворот крестный ход останавливался, митрополит служил молебен, кропил стены святой водой, потом хоругви и образа плыли дальше, растворялись в жарком полуденном мареве.

В это же время на реке Бутлер разнес в щепы рыбацкие лодки, сжег свой корабль, чтобы не использовали их воры для приступа, а Бейли спалил бунтарскую татарскую слободу. Потом на дворе у воеводы собрались все лучшие люди — дворяне, приказные, стрелецкие головы и пятидесятники, говорили, как лучше оборонять город.

Готовился и Степан. Он покинул свой стан на Жареных Буграх, посадил свое войско снова на суда и колесил вокруг Астрахани. Прошел по Болдинскому протоку, обошел город с восточной стороны, оттуда двинулся в проток Черепаху и очутился в речке Кривуше. Вот они и солончаки, о которых столько говорили ему астраханские беглецы. Но что это? На месте солончаков стоит вода, она подходит к самым стенам крепости, кое-где по рытвинам и ямам еще бурлят водовороты, стоят совсем рядом низкие стены земляного города, но теперь их уже не достать. Это было неожиданным. Повернул Разин свое войско назад и в тот же вечер устроил совет с есаулами и беглыми астраханцами: все замыслы пришлось менять на ходу. Решили главный удар нанести через виноградники и сады, подойти под покровом темноты основными силами к южной стене, тихо, без шума поставить лестницы и при поддержке верных стрельцов тайно войти в город, а потом уже ударить вдоль улиц. В это же время часть повстанцев должна была шуметь около центральных Вознесенских ворот, отвлекать силы Прозоровского.

День 24 июня уже подходил к концу, как вдруг разом зазвонили боевые колокола на крепостных башнях. Это казаки со штурмовыми лестницами наперевес бросились к Вознесенским воротам. Разинские пушки ударили по стенам, следом началась ружейная пальба. Прозоровский выбежал из своих хором одетый в панцирь, с обнаженной саблей в руке, вскочил на боевого коня и в сопровождении толпы дворян, приказных людей, стрелецких начальников, родственников поскакал к стенам.

Трубили боевые трубы, били барабаны, духовные пастыри звали народ постоять за великого государя и пресвятую богородицу. Около ворот Прозоровский встретил уже прибежавших сюда Бейли и Бутлера, а также отряды иноземцев и кызылбашей во главе со своим послом. На стенах в порядке и готовности стояли стрельцы и пушкари. Воевода взобрался вверх и увидел, как суетились, сгущались внизу казаки, ставили лестницы, кричали стрельцам, чтобы сдавались, не проливали зря кровь; осо-

бенно усердствовали беглые астраханцы и черноярские стрельцы.

— Смотрите на нас, братья! — кричали они. — Были и мы под сапогом у бояр и воевод, а теперь — вольные люди! Бейте боярина, идите к нам, братья!

— Стреляйте же по ворам и богоотступникам! — закричал Прозоровский.

Иноземцы проворно подняли мушкеты, прицелились, дали залп, клубы порохового дыма поплыли вдоль стен.

— Стреляйте же! — кричал воевода стрельцам и пушкарям.

Те нехотя взяли ружья на руку, вразнобой пальнули кто куда, ухнула ближняя к воеводе пушка, дворяне и приказные потащили к бойницам котлы с водой и смолой. На город спускалась быстрая южная ночь.

А в это время, прячась в густых зарослях винограда, через яблоневые и грушевые сады шли повстанцы на приступ южной стены. С этой частью казаков шли Степан, Федор Шелудяк, Ус и другие атаманы и есаулы. Вот они уже подошли к самым стенам земляного города, приставили лестницы, торопятся, лезут вверх. На крепостных стенах появляются фигуры караульных стрельцов. Разин смотрит на них, и сердце его вдруг сжимается — а что, если обманули астраханцы, поднимут сейчас стрельцы шум, обрушат на головы казаков камни, кипяток, смолу, перебьют всех из пищалей и пушек? Нет, не возьмет он тогда Астрахань, и прощай поход вверх по Волге. А стрельцы уже машут платками, подают знаки из-за бойниц, протягивают руки казакам, помогают взобраться на стены. Вот уже первый десяток повстанцев спрыгнул со стен внутрь земляного города. Вот уже и сам Разин взобрался на стену, встал в рост. Теперь некогда разбирать, кто протянул ему руку, кто поддержал его, кто помог спуститься вниз. Вперед, пока стреляют там, у Вознесенских ворот... обрушиться внезапно на Прозоровского сзади, рассеять его силы, загнать их по разным углам, не дать запереться в кремле.

Вот она, астраханская земля. Здесь уже Разину знакома каждая улица, каждый дом, каждая церковь. Он коротко отдает приказание: открыть все городские ворота, захватить пушки, повернуть их вдоль улиц, занять все подступы к кремлю, овладеть соборной площадью с собором. Быстрыми бесшумными тенями мчатся в ночи повстанцы по темной безмолвной Астрахани, а на перекрест-

ках поджидают казаков небольшие группы местных жителей. Они говорят негромко: «Сюда! Сюда!» И повертывают казаки в улицы и переулки, растекаются ручейками по всему городу.

Скоро повстанцы захватили уже все основные улицы земляного города, прошли в Белый город и вышли к кремлю. Здесь их тоже ждали свои люди. Казаки приставили лестницы, полезли вверх, ударили в казаков несколько раз из пушки, да персидские купцы пальнули из ружей, но успели казаки перелезть через стену, отворить ворота кремля. Воевода еще держался около Вознесенских ворот, а город уже был в руках Разина. Со всех сторон подбегали к Степану казаки с добрыми вестями: захвачены крепостные пушки, взяты пороховые погреба и склады с ружьями.

Разин остановился, перевел дух, вытер платком разгоряченное от быстрого бега лицо:

— Стреляй из пушки пять раз, как условились. Город взят!

И тут же над ночной Астраханью прозвучали пять пушечных выстрелов, и неожиданно ожил весь город. Открывались ворота во дворах, в домах распахивались двери и окна. С дубинками и кольем в руках мчались с окраинных улиц к собору холопы и ярыжки, ремесленная беднота и всякая голь. Бежали они вслед за казаками туда, где еще кипел бой, к Вознесенским воротам.

Услышал звуки пушечных выстрелов и Прозоровский и тут же увидел, как бегут с той стороны площади к нему некие люди, отступают перед ними дворяне, отстреливаются, отбиваются саблями, гремит бой все ближе. А разинцы уже лезут по лестницам к самым бойницам. Кричит воевода, чтобы били их стрельцы бердышами, лили в лицо кипяток и смолу, но лишь смеются стрельцы, поносят воеводу.

Непроглядная ночь еще висела над городом, а в Астрахани все уже переменилось: голутва стала хозяином астраханских улиц и площадей. Посадские люди, ярыжки и холопы вместе с казаками бросились на воеводский двор, другие побежали по дворам богатых торговцев, иноземцев, дворян и приказных. Повстанцы врывались в дома, волокли оттуда укрывшихся врагов своих, били их по дороге и кололи. Большая толпа стрельцов и посадских окружила отбивавшегося Прозоровского.

Воевода отступал к собору, стремясь достичь его рань-

ше, чем туда подойдут казаки. Там за стенами собора он надеялся отсидеться и отдышаться. Не верил воевода, что взят уже город. Не может быть, чтобы так быстро пала лучшая российская крепость на нижней Волге. Должны же подойти Бейли и Бутлер... Где московские стрельцы, охранявшие восточную и южную сторону... Где пушки... Но Бутлер исчез. Кто-то сказал воеводе, что видел Бейли с проткнутой щекой, в крови, а говорили, что проткнули щеку полковнику свои же стрельцы. От пищального выстрела пал рядом брат Михаил, и не успел воевода поднять брата, как кто-то из нападавших нанес ему удар копьем в живот. Боярина подхватили под локти, потащили по соборной площади. Вот и собор. Прозоровского втащили под его своды, закрыли высокие, в железных решетках ворота, завалили их бревнами. Горели лампады и свечи перед ликами святых, жалобно причитал в молитве соборный протодьякон.

Кончалась ночь, повстанцы бушевали по городу, и Разин не останавливал их. Да и разве можно было остановить их в эту первую ночь их вольности? И разве сам он не готовил их к этой ночи, не подговаривал их против бояр и воевод, разве не рассказывал, как дуванят казаки захваченные животы?

Под ударами бердышей пал полковник Бейли; восставшие астраханцы оттеснили к крепостной стене отряд немецких наемных солдат во главе с Видеросом и там перебили их. Видероса же, известного своей жестокостью и ненавистью к простым людям и стрельцам, изрубили в куски. Голландцы засели в одной из крепостных башен и долго отстреливались из ружей, пока у них не кончились заряды. После этого башня была взята приступом, а все ее защитники перебиты. В другой башне засели персидские люди. Астраханцы осадили и эту башню, но пришел приказ Разина: персов не трогать, будут их обменивать на пленных казаков, которые попали к шаховым воеводам во время персидского похода в прошлые годы.

Около пяти часов утра Разин явился на соборную площадь. Почерневший, осунувшийся после нескольких бессонных ночей, он был весел и возбужден, не скрывал своей радости, смеялся, шутил. Веселой и шумной ватагой шли за ним казаки и астраханские жители. Они громко переговаривались, звенели оружием. Город был взят. Правда, кое-где еще слышались выстрелы, топот бегущих людей, но постепенно звуки боя и погони стихали по-

всюду. Лишь слышалась еще возня на улицах, трещали высаживаемые ворота. Это астраханская голутва продолжала громить дворы воевод и приказных: на улицах и вдоль крепостных стен валялись трупы именитых людей города, одно имя которых еще вчера ввергало в трепет посадских и холопов. И хотя сидели еще персы в башне и заперся в соборе воевода, полным хозяином Астрахани стал Степан Разин.

Он подается к собору. Плотно закрыты огромные, кованные железом двери; из глубины храма слышится тихое песнопение.

— Там укрылись враги ваши, — указывает Разин на собор, — изменники и насильники, бей их, братцы!

Толпа казаков и астраханцев бросилась к собору, откуда-то появилась против дверей пушка, ахнул выстрел, раздалась пищальная пальба, рухнула дверь, и через клубы пыли, через падающие обломки известки и кирпичей рванулись повстанцы внутрь храма.

Первые же защитники были сметены этой несущейся грозной лавиной. А вот и воевода — лежит на ковре, в крови, около самого алтаря, прикрывают его со всех сторон ближние люди.

Расшвыряли казаки дворян, схватили ковер, так и вытащили на нем Прозоровского прямо на соборную площадь, других же всех повстанцы повязали и посадили рядком возле воеводы.

А в это время на соборную площадь тянулись со всех концов Астрахани казаки и астраханские жители. И уже бежали по улицам города разинские глашатаи, собирали людей на круг.

Зашумела, заволновалась соборная площадь. Тысячи людей стояли, сидели, лежали на ней, а народ все прибывал. Казалось, вся Астрахань шла в это утро к собору.

Всех пленных поставили под раскатом — высокой крепостной башней с плоской крышей. Расправой над ними Степан руководил сам. Давно уже ждал он этого случая, мечтал о нем в Паншине и Кагальнике, в Царицыне и Черном Яре. Ничего не забыл он — ни охоты за ним по степи и протокам стрельцов Прозоровского, ни своего унижения перед Львовым, ни страшных обид, которые чинил ему князь Иван Семенович здесь же, в Астрахани, ни шубы, которую тот сорвал с плеча атамана при всем честном народе. И вот Прозоровский лежит бледен и немощен, а рядом с ним трясутся от страха местные воево-

ды, дворяне и приказные. Теперь можно насладиться их мучениями, поглумиться над своими врагами. Разин смотрел на прижавшихся к стене пленников, и вдруг ему стало противно и скучно: не было ни грозного воеводы, ни тщеславных дворян, ни корыстолюбивых юрких приказных: перед ним стояли обезумевшие от страха, потерявшие человеческий облик люди. Лишь воевода крепился, прикрывал рану рукой, встал в ряд с другими, смотрел гордо и прямо.

В своем городе, в Астрахани, Разин сам судил врагов. По одному вводил Степан в круг пленников, спрашивал народ, хорош был к ним человек или плох.

Первым наступила очередь Прозоровского. Разин вытолкнул его вперед, и сразу же завопили в ярости тысячи людей: «Смерть злодею! На раскат его!» Кто-то бросил в воеводу гнилым яблоком, кто-то попытался ударить его палкой. Разин прикрыл собой воеводу, поднял руку, успокоил людей. Потом подтолкнул воеводу, показал ему вверх.

И вот они стоят на краю раската — предводитель повстанцев-казаков, холопов, крестьян, посадских, работных людей и пленный, поверженный государев воевода, гроза южной российской окраины, вымогатель и тиран.

Степан что-то говорит воеводе. Тот качает головой. Рассказывали потом разинские товарищи, что то ли сжалился Разин над воеводой, то ли хотел, как и Львова, таскать за собой в обозе, — только предложил он боярину перейти на сторону казаков. Но отказался Прозоровский. Совсем легонько подтолкнул Степан воеводу, и тот полетел с огромной высоты головой вниз. И сразу стихла толпа на площади. Смотрела астраханская голь на своего бывшего повелителя в великом смятении. Наделали они неведомо что. Разрушили в неистовстве своем все, чему покорялись и поклонялись веками, всю свою привычную жизнь. Смотрели «голые» люди на лежащего недвижно воеводу, на струйку крови, выползающую из его раскрытого рта, и страшно им становилось. Куда идут они, где предел этого неистовства и что их ждет впереди?

А Разин уже спустился вниз, посмотрел на притихших было казаков своих, на астраханцев, оглядел остальных пленников, сказал деловито: «А этих порубить! Нечего их на раскат таскать!» Словно очнулись люди от Степановых слов, бросились на пленных с бердышами, копьями, дубинами, ножами,

Через несколько минут все было кончено. Расходились, не смотря друг другу в глаза, непривычные к таким расправам астраханцы, а казаки взяли трупы за ноги, за руки, бросили на телеги, повезли в Троицкий монастырь. Там и похоронили в общей могиле. Один оставался лежать на земле воевода.

— А с князь Иваном что делать, где хоронить его? — спросили казаки у Разина.

Степан уже уходил с площади.

— Как где? Вместе со всеми, разве он не такой же человек?

А через час сдались сидевшие в башне кызылбаши вместе со своим послом. Открыли двери башни, вышли на площадь сто человек. И посла привели к раскату же, но никакого дурна ему не сделали, платья с него не снимали, а забрали лишь саблю.

Всех персов взяли за караул, а животы их посольские и торговые и лошадей дорогих, аргамаков взяли на дуван и письма все посольские вычли и передрали.

В тот же час сказал Степан послу, «чтоб он писал от себя к шахову величеству и послал человека нарочно, чтоб шах казаков ево, которых он к нему послал и которые пойманы на боех, велел отпустить всех в Астрахань. А как тех казаков ево отпустит, и он посла ево и купчину, который ныне в Астрахани, всех отпустит же». Гонцу изготовили бусу и отправили его за море.

В этот же день навестил Степан приказную избу, где два года назад сложил свой бунчук перед воеводскими людьми. Он приказал вытащить из ларей царские грамоты, долговые книги, кабальные записи. Все бумаги сложили на площади в огромную кучу и подожгли под радостные крики холопов и посадских людей.

— Вот так же я сожгу и издеру все дела наверху у государя, — сказал тогда Степан. — Отныне всем вам воля, — говорил он астраханцам, — не будете больше ни налогов платить, ни долгов, живите как хочется, идите куда хочете.

После этого Разин отпустил из Астрахани всех аманатов-заложников из татарских и калмыцких улусов. Держал этих аманатов Прозоровский в своих руках, не давал шелохнуться улусным людям, знали улусы — если не подчинятся они воеводской власти, так пойдут аманаты на мучение и смерть.

Мы не враги калмыкам и татарам, говорил Разин, нам

с ними делить нечего. Будем жить в мире. И тут же аманаты из города вышли, и калмыцкие и татарские улусы от Астрахани откочевали.

Весь этот и следующий день Астрахань еще бурлила. Астраханская голутва рыскала по богатым домам. А тащили все животы на дуван, который должен быть вскоре, вытаскивали из хором ухоронившихся там дворян, приказных, стрелецких начальников, купцов, и если недобры были они к народу и к холопам своим, то убивали без пощады.

Разыскали казаки и воеводских детей, приволокли к Разину. Старший — княжич Борис волком смотрел на Степана, отвечал гордо и запальчиво. Слушал его Степан, наливался яростью, а потом прищурился, сказал тихо, но так, что вздрогнул княжич: «Повесить их обоих за ноги, пусть повисят, одумаются».

Вздернули воеводских сыновей за ноги на воротах, там, где висели долгими днями разинские приспешники, приходили люди к воротам, смотрели, дивились на Степанову злобу и неистовство к боярам и воеводам.

Лишь на следующий день повелел снять Степан обоих Прозоровских. Старшего скинули с раската, а младшего отдали матери и обоих заперли в остроге вместе с князем Львовым. А снял воеводских сыновей Разин по просьбе святейшего Иосифа — митрополита Астраханского и Терского. Приходил Иосиф к атаману, смирив свою гордыню, просил за воеводских сыновей.

Говорили затем в московских приказах пленные стрельцы и казаки в своих расспросных речах: «А что было иноземцев, немец и жидов, и тех порубили и побили». И всего казнили смертью казаки и астраханские жители шестьдесят шесть человек, и на приступе погибло от пуль, сабель и колья четыреста сорок один человек.

...Дуван, дуван! Снова волнуется соборная площадь, а среди площади грудой навалено все, что снесено из боярских и воеводских хором, отнято у богатых купцов и ростовщиков, у дворян и приказных, которые выступили против казаков. Дуван! Выходят в круг по очереди казаки и астраханские жители все до единого и получают свою долю добычи. Вот подходит к есаулам черкасский казак Нестерко Самбуленко.

Работал Нестерко по скудости своей сначала по городам на Харькове и Змиеве, потом пристал к казакам, которые шли на Дон в Паншин городок, и стал Нестерко ра-

зинским казаком. Прошел с атаманом Царицын, Черный Яр и Астрахань, а теперь вышел Нестерко получить свою долю дувана. Досталось ему два куска киндяка, три куска кумача, десять ансырей * шелку, три сафьяновые кожи, одни дороги **, восемь аршин полотна. А следом за ним шли другие рядовые казаки и получали то же: киндяки, шелк, сафьяны, кумач. Иным доставались кафтаны и порты, сапоги и всякое другое. Есаулы же и сотники брали себе платье соболье и лисье, сосуды серебряные и сукна. Степан Разин на дуване не был: принесли ему казаки все, что атаману приглянулось.

Потом выходили в круг астраханцы, и всех до единого оделяли казаки, даже тех, кто не хотел дуванить астраханские животы. Привели и митрополита Иосифа, вручили ему его долю: оделили также князя Львова, племянника Тимофея Тургенева. Разин приказал быть на дуване всем: если уж вольность, то для всех людей, для всех же должен быть и раздел животов. Мы не грабители и не воры, как называют нас, твердил Разин, а вольные люди, и не грабим мы, а делим то, что нам причитается по праву, возвращаем себе то, что отняли у нас всякими неправдами воеводы и судьи, и берем мы не у простых людей, а у богачей, у врагов наших: кто же идет с нами или добр к простым людям — те пускай живут сами по себе, тех мы не трогаем.

На том и кончился дуван. Похватали казаки и астраханцы животы по верхам — одежонку, посуду, товары персов и иноземцев, рухлядишку всякую. Все же иное оставалось как и было.

В неприкосновенности оставил Разин земельные владения дворян, митрополита, монастырей и церквей, оставил за промышленниками все учуги и соляные варницы, все дома, амбары и лавки; не покусился Разин на богатства тех, кто не выступил против него, принял его власть. Напротив, этих людей он всячески привечал, звал к себе, обещал сделать есаулами. Строго-настрого приказал Разин всячески беречь и духовных пастырей, не делать лиха митрополиту Иосифу и всем духовным людям, не покушаться на церковные богатства.

Но и то, что разделили повстанцы все захваченное имущество между всеми же, дивило простых астраханцев.

---

* Ансырь равен $1^1/_3$ фунта.

** Шелковая одежда.

Впервые обрели они полное право в своем городе, впервые заговорили в полный голос на кругу, стали ровней любому другому жителю — дворянину ли, приказному. Потому и ходили астраханцы первые дни как в угаре, не понимали, кто они такие и что с ними делается, потому, завидя Степана, бросались к нему, становились на колени, благословляли, славили всячески.

А жизнь в Астрахани шла своим чередом. Отдал Разин город астраханцам — пусть управляются, вершат свои дела на кругу, а сам вышел из Астрахани на Терек. Давно уже злобствовал против него терский воевода; к тому же известили Степана казаки, что собрался воевода против него со многими силами и решил сидеть, и стоят возле города Терки двадцать пять бус, а взять их никак нельзя.

Несколько дней побыл Разин под Терками, но не взял город: крепость была новая, сильная, людей здешних «голых» в городе было мало — все больше московские стрельцы и служилый народ, некому в городе вестей подать, не с кем снестись, а без этого стены с пушками не возьмешь.

Вернулся Разин обратно в Астрахань, послал на Дон к брату своему Фролу грамоту. И писал в ней, что жизнь его — походная и будет он зимовать где бог велит, потому шел бы Фрол в Царицын и побрал бы на Царицыне его, Стенькину, рухлядь. И с Дона писали ему казаки в Астрахань о донских делах, как живут они в низовых и верховых городках и что тревожат их крымцы и ногайцы, а сил у них больше нет — все ушли с ним, Степаном, на Волгу. Писал Разин снова на Дон со своими гонцами, чтобы жили донские казаки с большим береженьем, и городки свои берегли, и он шлет им для этого береженья пятьсот верных ему улусных татар. В тот же день вышли на Дон татары пятьсот человек конных и тридцать казачьих лодок.

Степан не только оборонял захваченные города, но и строго следил, чтобы соблюдался там казацкий вольный порядок, чтобы не тиранил никто никого, не грабил и не насильствовал. Уже на другой день после прихода в Астрахань стал устанавливать он строгость и стройство. Запретил Степан говорить матерные слова на улицах и площадях, заказал блуд и кражу. Все жалобы Разин судил сам. Однажды к нему приволокли молодого казака, который где-то притиснул мужнюю женку-астраханку. Степан долго не разбирался, а приказал повесить казака за но-

ги близ городских ворот и объявить, что так будет со всяким, кто будет обижать простой народ — мужиков, женок, девиц. В другой раз пожаловались еще астраханцы, что его войсковой казак, будучи в гостях и повздорив с хозяевами, покрал у них насильством кубки и ткани. Приказал Разин найти вора, завязать ему рубаху над головой, набить в нее камней и бросить казака, как какого-нибудь стрелецкого начальника, в воду. По всей Астрахани наказал Степан разнести об этом весть, чтобы неповадно было впредь никому насильничать и красть, позорить честное казацкое имя.

Но не все доносили Разину. Сколько к нему пришло из разных мест людей темных и диких, сколько к нему бежали из тюрем и острогов, а за что они сидели там — это один бог знал: творили они всякое по городам тайком от атамана, творили такое и в Астрахани. Попадались под атаманову руку — садились в воду, а нет — так и злодействовали дальше. Но с каждым днем все строже следил Степан за порядком, устраивал свои сотни, полусотни и десятки, смотрел, чтобы все люди были при деле, никто бы зря не шатался и людей не пугал. И сам старался он обуздывать свой нрав, смирять злобу и неистовство сердца своего. Но не всегда умел он это сделать и потом корил себя долго, растравлял думами. Так, не давали ему покоя двое младших Прозоровских: за что повесил их за ноги, сам он не мог точно сказать. Старший, шестнадцатилетний Борис, хоть надерзил ему, смотрел без страха, а младший, восьмилеток, совсем был несмышленыш. Нет, не надо было делать этого. Да и потом не раз терял он голову, впадал в неистовство, если узнавал, что много зла наделал человек простому народу. В этих случаях Степан сам, не дожидаясь круга, хватался за саблю, рубил с размаху приказного или дворянина, бил чеканом. Он хотел установить порядок, а сам частенько срывался дико и необузданно; хотел, чтобы правили справедливо и по совести городские круги, а сам нередко решал дела по своей воле и не терпел прекословия. Запрещал пьянство и разгул, а сам зачастую баловался вином и водкой, устраивал кутежи, пьяный творил неведомое, а потом наутро, проспавшись, стыдился дел своих, не смотрел людям в глаза.

Но все прощали повстанцы своему атаману. И с каждым днем росла слава Степанова. Едва показывался он на глазах у астраханцев, как бежали они к нему, протя-

гивали руки как к великому заступнику, просили слово сказать. Говорил Степан ласковые слова, утешал людей, учил, как жить в вольности и справедливости. А по правде сказать, и сам-то он толком этого не ведал; знал лишь одно: не может один человек гнуть спину на другого, и не должны люди ходить в кабалах, крепостной неволе и нищете. Когда же говорили ему, что по-прежнему злодействуют ростовщики и купцы, Разин отвечал: «А вы договоритесь на кругу, подите и отнимите у них все деньги, изорвите все долговые бумаги». И шли люди, и делали.

Ни крутые расправы, ни вспышки необузданного гнева, ни пьянки, ни греховодство не роняли разинскую славу в глазах людей. Да разве не был он их родным человеком! И они так же, как он, взрывались и мстили, радовались и горевали, и пили ренское и романею, а чаще пиво, и брагу, и всякое другое дешевое зелье.

Народ делал свое дело: Степан уже стал привыкать к почитанию, к тому, что все его приказы исполнялись мгновенно. И когда не понимали его или противились его воле, впадал он в ярость. Писал позднее тот же голландец Фабрициус: «Стенька свирепел и впадал в такую ярость, что, казалось, он одержим. Он срывал шапку с головы, бросал ее оземь и топтал ногами, выхватывал из-за пояса саблю, швырял ее к ногам окружающих и вопил во все горло: «Не буду я больше вашим атаманом, ищите себе другого», после чего все падали ему в ноги и все в один голос просили, чтобы он снова взял саблю и был им не только атаманом, но и отцом, а они будут послушны ему и в жизни, и в смерти».

...Шла уже третья неделя пребывания Разина в Астрахани. День он проводил в городе, разбирал астраханские дела, помогал проводить круг, прибирал к себе новых людей, следил за починкой насадов и стругов, а к вечеру уходил ночевать на струги. Там держал он совет со своими есаулами Василием Усом, Федором Шелудяком, Лазаркой, Мишей, Чертенком, Иваном Ляхом и другими.

На исходе третьей недели, как поустроилась и поутихла Астрахань, решил Разин с есаулами идти вверх по Волге до Царицына, а там как бог поможет.

В один из дней Степан со ста людьми — есаулами и простыми казаками — пришел на двор к митрополиту Иосифу. В этот день были именины благоверного государя царевича Федора Алексеевича.

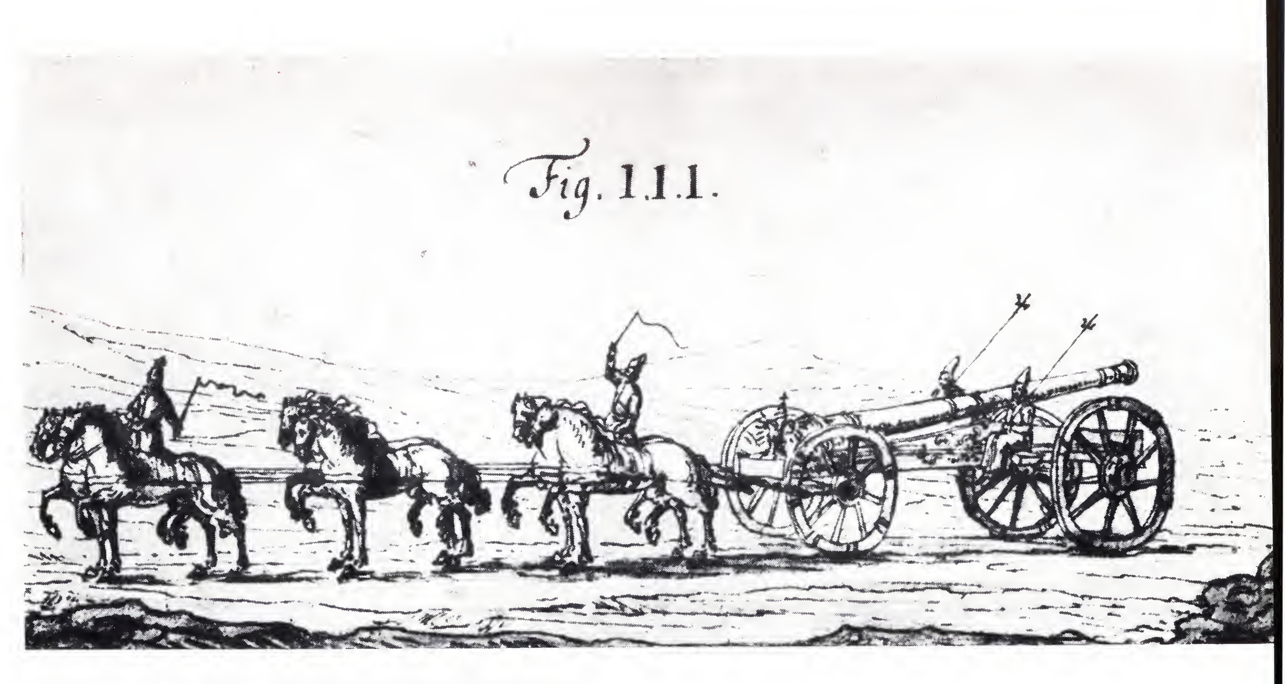
Прелестная грамота С. Разина.

Симбирск. Гравюра XVIII в.

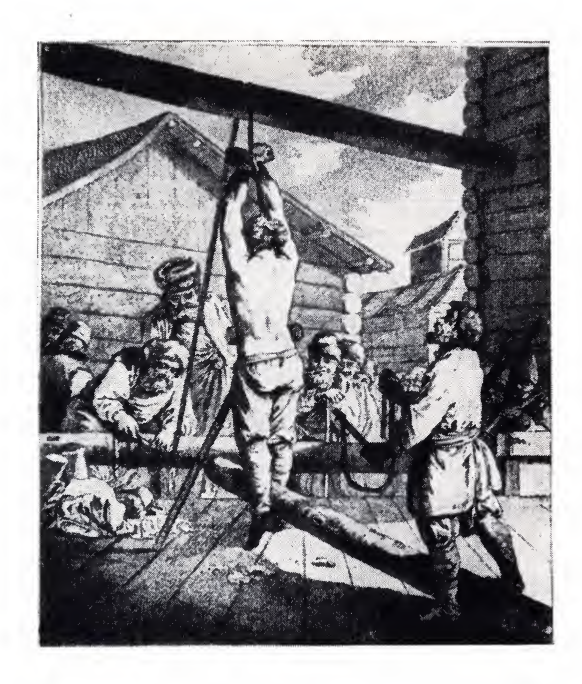
Отправление царских войск против С. Разина. Рисунок XVII в.

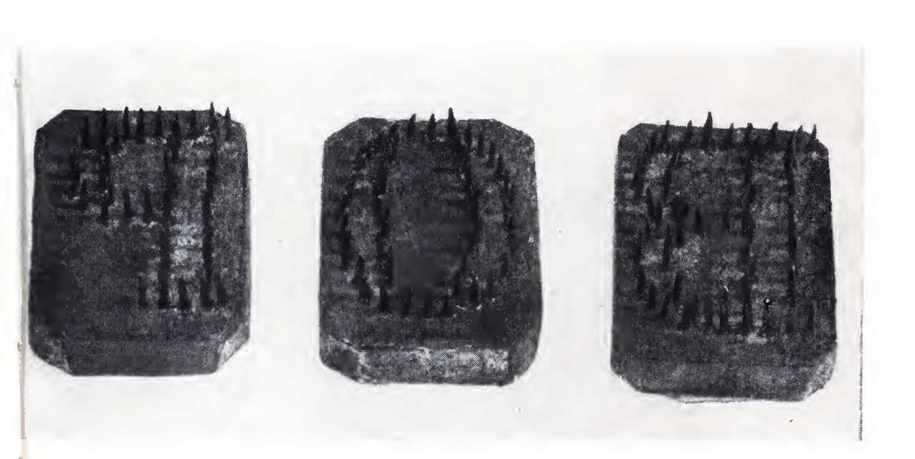
Артиллерия в походе. Иностранный рисунок XVII в

Наказание батогами в XVII в.
Иностранный рисунок.

Прелестная грамота разинского атамана Лески Черкашенина.

Наказание кнутом. Иностранный рисунок XVII в.

Клеймо «вор».

Колода с цепью.

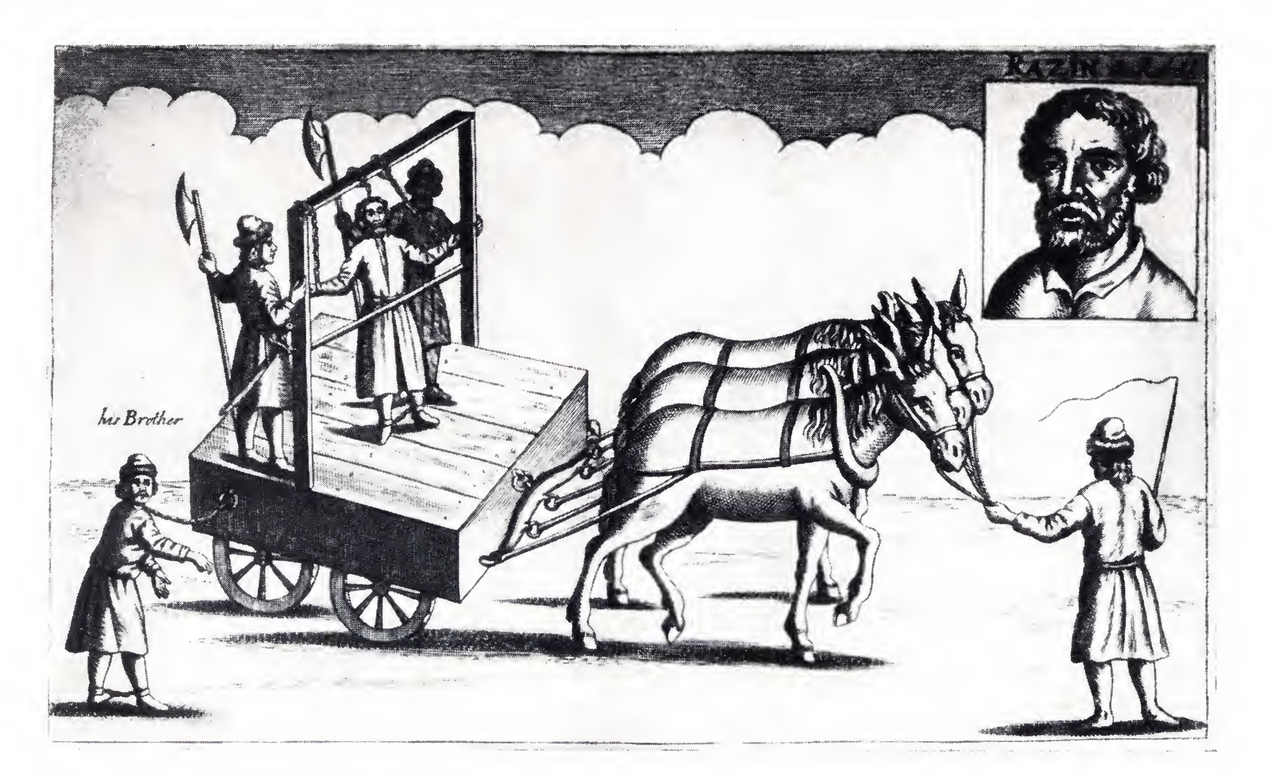
Железный ошейник.

Подвешивание за ребро, зарывание в землю. Иностранный рисунок.

Колесование. Иностранный рисунок.

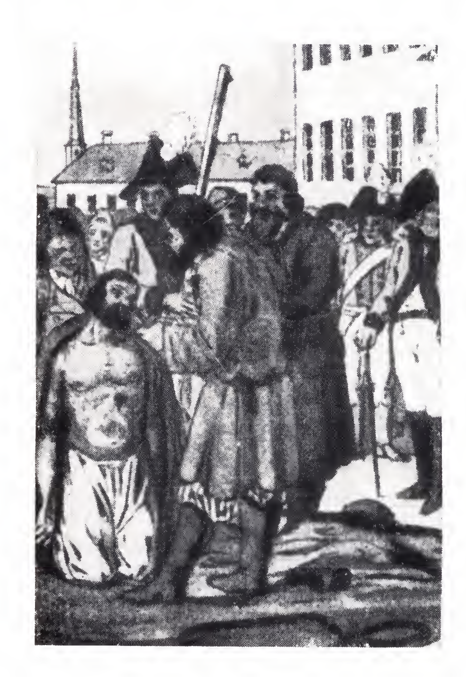

Ввоз Степана и Фрола Разиных в Москву. Рисунок XVII в.

Приговор, объявленный С. Разину перед казнью в июне 1671 г.

Портрет царя Алексея Михайловича.

Публичное наказание. Рисунок XVIII в.

«Статьи» допроса С. Разина, составленные царем Алексеем Михайловичем.

Въезд С. Разина в Симбирск. Фрагмент картины художника С. И. Иванова.

С. Разин. Скульптура Е. В. Вучетича.

С. Разин. Дерево. Работа С. Т. Коненкова.

Митрополиту донесли о приходе Разина заранее. Святитель вышел встретить атамана на крыльцо. Проводил его в дом, звал к столу, потчевал, поил.

Пил Разин первый кубок за здоровье великого государя Алексея Михайловича, второй — за царевича Федора Алексеевича, третий — за святейшего митрополита Астраханского и Терского Иосифа. А потом уже поднимал кубок за войско казацкое, чтобы идти ему без страха под волжские государевы города измену выводить и простых людей освобождать. Сидели митрополичьи дети боярские за столом, дивились на Степановы речи — как это можно славить государя, а заодно избивать его подданных, брать с бою государевы города, обещаться дойти до Москвы. А для казаков, которые пришли с Разиным, все в речах атамана было правильно, — так и воевали они не против царя, а против плохих бояр и воевод, за народную вольность. А с царем будет как бог положит.

Ненавистен был Степан митрополиту, но терпел старик, не спорил, не цеплялся к атамановым словам, употреблял все силы, чтобы остановить кроворазлитье в Астрахани, просил у Разина то за одного, то за другого. Легко соглашался атаман, дарил митрополиту людские жизни, не хотел ссориться со святителем.

Однажды утром на исходе июня потянулись астраханские жители за городскую стену. Там, на берегу Волги, на лугу, приводил Степан всю Астрахань к кресту. Стоял на пригорке атаман, стояли есаулы, стояли попы с крестами, овевал легкий речной ветер атаманский бунчук, подходили один за другим астраханцы к попам, прикладывались к крестам, присягали в том, что «им за великого государя стоять и ему... Стеньке, и всему войску служить, а изменников выводить». Брал Степан с астраханцев клятву, потому что опасался за город. Много здесь еще оставалось его недругов, таились по углам оставшиеся в живых после приступа дворяне и дети боярские, купцы, монахи, кишмя кишел ими митрополичий двор, многие спаслись по церквам и в Троицком монастыре. Мутили они воду, ждали его ухода, посылали тайных гонцов в верховые города. Иных ловили, допрашивали и кидали в воду, а иные проходили через казацкие заставы, несли вести в Саратов и Казань, в Терки и Тамбов.

Не проходило дня, чтобы не прибегали к Степану астраханцы с наветами то на одного, то на другого. Сначала слушал их Степан, вершил их дела. Так, приказал

он повесить за ребро местного подьячего Алексея Алексеева, который, говорили, выслеживал и высчитывал казаков; так же расправился он и с хановым сыном Шабалдой, который никак не хотел признавать власть астраханского круга. А потом пришли к нему многие астраханцы бить челом, чтобы он сам снова всех людишек перебрал и изменников вывел, что «многие... дворяне и приказные люди перехоронились и чтоб он позволил им, сыскав, их побить для того, как... от великого государя будет в Астрахань какая присылка, и они... им будут первые неприятели». Но в те дни уже собирался Разин в поход, не стал входить заново в астраханские дела, только сказал челобитчикам, что, как он из Астрахани пойдет, и они б чинили так, как хотят, а для расправы оставляет он им в атаманы своего есаула Василия Уса.

Вместе с Усом оставил Степан в Астрахани и второго своего близкого товарища Федора Шелудяка: нужна была ему Астрахань очень, мог он здесь в случае беды отсидеться за ее стенами.

Накануне ухода Степан долго беседовал в своем струге с Усом и Шелудяком, наказывал им держать в городе строгий повстанческий порядок, вершить дела по справедливости и по разуму, простых людей защищать, измену выводить и с ним, Разиным, во все дни грамотами ссылаться.

Наступила последняя ночь Степана в Астрахани.

17. ВСЕМ ВОЛЯ!

Погожим июльским днем уходил Разин из Астрахани, уходил не так, как из Яицкого городка или из персидских земель, и даже не так, как из Царицына. То были временные его пристанища, оставляя их, он и не знал, вернется сюда, или понесет его вольная казацкая доля дальше по жизни, или еще раз выплеснет на знакомый берег. Теперь многое определилось. Уходил он из родного и близкого города, оставлял здесь своих верных людей, многих куренных казаков.

Сначала ушли струги и насады. Двести больших судов на веслах и под парусами двинулись вверх по Волге, а за ними — великое множество стружков и лодок. И всего ушло водой десять тысяч человек казаков, царицынцев, черноярцев, астраханцев, московских и понизовых

стрельцов, работных, посадских людей. Провожала их вся Астрахань. В тот день, казалось, вовсе не осталось людей в домах. Все от мала до велика были на берегу. Каждый что-нибудь тащил от себя товарищам своим — кто плоды из садов, кто рыбу вяленую, кто вино и калачи. Тяжелели струги от ествы, и питья, и всяких корабельных и оружейных запасов. Приказал взять Разин на суда и астраханские пушки, не все, а лишь некоторые, чтобы было с чем идти дальше в Русь. В дорогу прихватили казаки виноградный струг, который был приготовлен для великого государя, и еще рыбный струг с двойным дном, а второе дно решетчатое. В таком струге под верхним дном живет всю дорогу рыба всякая — осетры, лещи, окуни. Так свежая и плавает там во все дни.

Сам Разин уходил берегом с конницей. Шли с ним старинные куренные казаки — две тысячи человек. Прикрывал Разин струги с берега против кочевых улусных татар и калмыцкого тайши Мончака, который встал между Волгой и Доном, перекрывал пути.

В последний раз оглянулся Степан с далеких бугров на Астрахань, и вот уже нет ничего вокруг — ни города, ни астраханских толп, только пылится дорога под копытами коней, да кричат около воды голодные чайки.

29 июля Разин появился в Царицыне. Он прошел сюда из Астрахани по своей казацкой земле. Ему устроили торжественную встречу в Черном Яре, поднесли хлеб-соль, на пути казацкие заставы и сторожи оберегали все дороги. Колокольным звоном встретил Разина и Царицын. Радовалось сердце Разина. Все было хорошо в городе. Атаманы поддерживали в Царицыне порядок, созывали по всем важнейшим делам городской круг, на нем же судили изменников. Жизнь царицынская продолжалась попрежнему: служили все церкви, торговали все базары, ремесленничали всяких дел мастера, рыбные ловцы выносили на берег свой товар; много стругов и насадов стояло у царицынских причалов, тянулись с Дона и на Дон подводы станичников. Но и совсем другая жизнь все же текла в Царицыне: не было здесь больше ни воевод, ни приказных, не собирались тяжкие налоги и единовременные поборы, не гнали посадских в шею на разные работы, не было больше в городе мздоимства и взяток. По справедливости и правде судил народный круг. И если шел кто-либо против народа, начинал разное подстрекательство, того тянули на круг, судили, бросали в воду, чтобы другим бы-

ло неповадно менять справедливую жизнь на неправедную.

Прибыв в город, спросил Степан про своего братана Фролку, был ли, выполнил ли его наказ и где он сейчас. Отвечали ему царицынские жители, что Фролка был с его, Степановой, грамотой, нанял за полную цену у местных возчиков пятнадцать одноконных подвод, поклал на них всю его, Степанову, рухлядь, что досталась ему на дуванах в Царицыне, на Волге, в Черном Яру, и свез ее на Дон, и что, чают они, сейчас Фролка собирается с казаками под слободские города, к Коротояку.

Пожалел Степан, что не застал брата, но и порадовался: идет в силу Фрол, кончил, видно, заглядывать в рот к войсковым властям, сам атаманом становится, выполняет их уговор насчет Слободской Украины.

Прошло несколько дней, а Степан не двигался из Царицына. Вначале отдыхал после долгого перехода, а потом вдруг заколебался, куда идти, что делать дальше. Вроде все уже было решено, переговорено, и все же страшно было отрываться от родных, проверенных мест, идти в неизвестность, замахиваться на все государство Российское. Но и стоять без дела не дали бы ему те, с кем он поднимался против бояр и воевод.

Шумел переполненный повстанцами Царицын, кричали они, что пора уже и на Русь идти, а потом вдруг поползли по городу слухи, что собирается Степан Тимофеевич зимовать на Дону, а уж потом на будущий год ударить по верховым городам и по слободским землям. Потом слухи стали вроде бы подтверждаться: послал Разин гонцов на Дон и велел казакам отстраивать нижний Черкасский городок вместо сгоревшего старого Черкасска. И вдруг кончились досужие домыслы: собрал Разин все свое войско на новый круг. И хотя давно уже решили казаки идти на Волгу, а потом на Русь, говорили об этом многие речи в Черкасске, Паншине, Царицыне и Астрахани, — все снова начинал Степан: надо еще раз проверить себя, проверить людей, не бросаться в омут очертя голову.

За первым кругом был второй, потом третий. Шел уже август, а повстанцы все говорили на кругах многие речи, а главное, о том, «куда им в Русь идти лучше, Волгою или рекою Доном», ударить ли на Саратов, Самару, Симбирск и выйти на города симбирской черты или пройти через верховья Дона, выйти на Слободскую Украину, поднять за собой помещиковых крестьян в междуречье До-

на и Оки. Сколько об этом было переговорено, и решено было идти Волгою, и снова говорили о том же повстанцы. Верные люди доносили Степану, что ждут его и в Саратове, и в Самаре, и в Симбирске, и в иных городах. А что делать дальше, так и идти пустынной Волгою до Нижнего? Выход же через Слободскую Украину сулил приход в его войско тысяч помещиковых крестьян. Этих только помани волей — горло перережут помещикам и боярам. Опираясь на такую силу, можно было бы идти против любого царского воеводы. А там недалеко и до Москвы, до боярского осиного гнезда. Ударить многими людьми на Москву, взять ее, как взял уже Царицын и Астрахань — не с боем, а изнутри, своими людьми, утвердить по всей Руси вместо боярского казацкое правление, уничтожить все крепости, отменить все тяготы и налоги, разве не об этом думал он все чаще и чаще, когда говорил с простыми людьми — беглыми, «голыми», обиженными. Тогда можно под корень извести насильников, добраться и до Долгорукого. Об этом кричали на кругах посадская голь, беглые крестьяне, ярыжки.

А донские казаки вопили о другом, не хотели идти через донские земли, воевать на Слободской Украине, под Воронежем и Коротояком, разорять близкие к Дону пределы. «Им хорошо, — кричали казаки, указывая на «голых» и беглых, — им терять нечего, а у нас на Дону дворы стоят, торговля идет, женки и детишки проживают; свое место блюсти надо, а не идти по нему войском». Говорили казаки и о том, что путь через Слободскую Украину на Москву труден и опасен; в городах засечной черты — Тамбове, Козлове — и иных стоят многие государевы полки, крепости устроены заново, а «голых» людей в городах засечной черты поменьше, чем в поволжских городах. На черте все больше людей служилых, московских... Трудно будет взять эти города казакам.

Кто-то прокричал, что мочно будет идти на Москву степью без захода на слободские поселения, но казаки посмеялись над тем человеком: для такого выхода в войске не было ни ествы для людей, ни корма для коней. Да и самих коней было мало, потому что начался на них в Царицыне мор.

Решили на кругах идти, как и раньше, по Волге, там и кормиться, там и дуван брать. Разин не перечил: по Волге так по Волге, тоже неплохо; конечно, дальше это, да и народу здесь можно прибрать меньше, чем на засеч-

ной черте, зато простор-то какой. Снова пойдут они стругами и конницей, города стоят слабые — еле дышат, стрельцов в них мало, а купцов много, богатый дуван будет. К тому же ждут его по городам посадские люди и ярыжки, надеются, обещают открыть ворота, а по черте можно будет послать с Волги своих верных людей и под Коротояк, и под Воронеж и Тамбов, пусть шумят, пусть крестьянишек поднимают, пока будет Разин брать с ходу государевы поволжские крепости.

Пока же послал Степан гонцов к брату Фролу и наказывал тревожить слободские поселения, двигаться и дальше к Коротояку как бог поможет. На Дон же отправил Разин тысячу человек казаков и дал с ними восемь больших и малых пушек. Туда же приказал везти и царскую казну, захваченную в Астрахани, — 40 000 рублей. В атаманы дал Степан казакам своих же есаулов Якова Гаврилова и Фрола Минаева. Наказал им Разин охранять с великим тщанием Дон, блюсти от крымских татар и от Мончаковых калмыцких людей, а даст бог — и подаваться вслед за Фролом Разиным к Коротояку и к Воронежу, прибирая к себе многих людишек и крестьянишек.

Встал день 7 августа, и ушли казацкие сотни на Дон, поволокли по степи пушки, а за пушками струги. Вышел Степан вместе с казаками за город, шел с ними шесть верст пешим, а на шестой версте остановились казаки, выбрали себе вновь атаманом Якушку Гаврилова. Обнялся Разин с походным атаманом, пожелал доброго пути и, поворотясь, пошел обратно в Царицын.

И пошли Якушкины казаки на Паншин городок, а оттуда на Черкасский городок с грамотами и наказами от Степана Разина к войсковым атаманам держать и беречь Дон — коренную казацкую землю. В тот же день двинулся Степан на Саратов, вел он с собой в стругах более десяти тысяч человек, а все шли водой, и конных никого не было, потому что попадали на Царицыне все лошади.

Подходил Разин к Саратову с великой опаской — а вдруг успели подойти государевы рати?

И шли впереди войска по берегу заставы на оставшихся конях, и крались вдоль берега небольшие струги. И на всем пути встречали заставы саратовцев, которые бежали к Разину с городскими вестями, и тех людей заставы пропускали. Говорили беглые люди Степану, что ждут его жители на Саратове и к бунту против воеводы Лутохина и московских стрельцов готовы, а запасов всяких в городе

много, и хлеба, и вина, и купецких товаров, а взять их будет легко, потому что малолюден Саратов и не успели подойти к городу ратные люди полка воеводы Урусова, застряли в пути под Казанью.

...22 августа в Симбирск к воеводе Ивану Богдановичу Милославскому прибежал из Саратова стрелецкий голова Тимофей Давыдов. Был Тимофей истерзан и избит разинскими казаками, и как он утек от них, толком не мог объяснить. Рассказал Давыдов, что на Успеньев день пресвятой богородицы * пришел Степан Разин под Саратов со всем своим войском, а саратовские жители накануне его прихода подняли бунт против воеводы Козмы Лутохина, великому государю изменили и к ворам прислонились, к воеводе приставили караул — двадцать человек. В тот же час ушли из Саратова триста человек казанских стрельцов и двести человек самарцев, чтобы в плен к казакам не попасть, а он, Тимофей, с сотниками на Саратове был стрельцами брошен. И поутру рано, доносил Тимофей, «вор-изменник Стенька Разин с казаками пришел на Саратов. И город... Саратов саратовские жители здали, и его... вора, Богородицкого монастыря игумен и саратовские все жители встретили с хлебом. А он... Тимофей, утек в ночи, а бежал он в лотке с сотниками и пятидесятниками до переволоки к Самаре».

И в Саратове Степан дал всем людям волю, собрал круг, раздуванил животы воевод, дворян, приказных людей, забрал казну царскую. Воеводу Лутохина на кругу приговорили бросить в воду, потому что недобр он был к простым людям, и всем городом потащили Козму к воде.

А передовые разинские дозоры уже подходили к Самаре, встречали бегущих к Степану самарцев, вели их в Саратов к атаману. Допрашивал их Разин: много ли стрельцов на Самаре и как к нему самарцы — волят или нет. Говорили самарцы, что и Самара готова открыть казакам ворота и принять их у себя.

В Саратове Степан задержался недолго, приближался сентябрь, наступила осень, а сделано было еще мало — пройдена едва ли половина пути.

В Самаре было все так, как обещали беглые люди. При подходе Разина к городу черные люди начали бунтовать, бросились ко дворам воеводы и приказных, похватали некоторых стрелецких начальников. Но дело

---

* 15 августа.

оказалось не таким легким, как в Саратове: большие люди, дворяне и приказные, а также часть стрельцов не захотели сдаться добровольно. Они окружили воеводский двор, отбивались насмерть и даже кое-где потеснили посадских. Воевода дрался в первых рядах и все обнадеживал своих людей, что вот-вот подойдет князь Урусов из-под Казани. Но так и не дождались самарские большие люди урусовского полка, сломили их горожане, повязали всех, посадили в острог за строгий караул. И когда приблизился Степан к Самаре, то ворота города были распахнуты и народ стоял в стройстве на улицах, встречал своего освободителя.

На Самаре Степан тоже дал всем волю, созвал круг, роздал всем жителям дуван, отменил налоги и поборы, сжег приказные дела; всех, кто схватился за оружие и хотел защищать город, Степан приказал перебить, а нашлось таких людей немного — несколько десятков человек. На Самаре Разин оставил, как и в Саратове, городского атамана, а уже на другой день повстанческое войско двинулось дальше. Шли теперь за Разиным и саратовцы, и самарцы, и разных здешних городков и деревень люди.

Теперь за Разиным оказались не только все понизовые города, но и Средняя Волга, ждали его прихода во всех верховых городах и на Симбирской черте. В Симбирск, Тамбов и Воронеж пришли вести, что идет Разин на Казань.

Воеводы беспокоились не зря. Урусов еще толокся около Казани, Борятинский наконец-то оторвался от Саранска, так и не дождавшись новых пополнений, а все междуречье Волги, Оки, Дона, Суры уже загоралось медленным, но верным пламенем. Кончились для Разина долгие переходы, когда казаки днями не видели живой души — лишь воду да пустынные волжские берега от города до города. Саратов, Самара и особенно Симбирск подходили к густонаселенным землям. Здесь, на Симбирской черте, шли многие большие и малые города и городки, стояли села и деревни, и все они были кто за кем — кто за вотчинниками, кто за помещиками, кто за патриархом и монастырями. Далеко еще до них было, густели они вокруг городов Тамбова, Шацка, Козлова, Темникова, Кадома, Пензы, Керенска, Нижнего и Верхнего Ломова и дальше к Арзамасу, Алатырю, Курмышу, Нижнему Новгороду, прятались по рос-

пашам среди густых лесов, по вспольям, тянулись вдоль больших рек и малых речек. Лишь краем задевал их Разин со стороны Симбирска, и, конечно же, куда удобней выйти было на черту сразу через верховья Хопра и Коротояк, но и здесь сразу же почувствовал Степан горячее бунташное дыхание крестьянства. И раньше беспокойно было вокруг городов Симбирской черты, близ Тамбова и в иных местах; что ни год — объявлялись в лесах на засеках неведомые люди, нападали на вотчинные и поместные усадьбы, творили всякое лихо на дорогах. Отсюда же приходили многие беглые люди на Дон, тянули казаков потом в свои прежние места. Теперь же смешалось все на сотни верст кругом, шумели крестьяне по селам и деревням и дружно уходили в леса, волновались посадские люди по городам; поднимались за свои потерянные земли мордва, черемисы, чуваши, беспокоились казанские татары. Вспомнили вдруг, что были земли по Волге, Оке, Суре когда-то их, коренные, а теперь стали вотчинные, патриаршие, монастырские, поднимались мордва, черемисы и чуваши за своих не забытых еще старых лесных богов, рушили христианские церкви, гнали прочь попов и монахов.

Наступала осень, кончалась жатва, подстриженные косами и серпами стояли вдоль дорог пожелтевшие поля, освобождались крестьяне от полевых работ — в самый раз пришел Разин в эти беспокойные места. Вот и наступило время, о котором говорили казаки на кругу в Паншине и Царицыне. Пришла пора поднимать мужиков, полниться их силами.

Шел Степан на Симбирск, а люди его уже не по одному, а десятками расходились в сторону от Волги поднимать окрестные места. С Саратова, с Самары и прямо с дороги, а потом уже из-под Симбирска уходили они в лесные дебри, в степи, плыли на небольших лодках по малым речкам. С каждым из них перед уходом говорил Степан самолично, учил, как приходить в деревни, как не орать попусту, а тайным подговором поднимать мужиков, а там уже бить помещиков и вотчинников, дуванить животы, устраивать круг, собираться большим скопом и идти под города и обо всем ему, Степану, доносить постоянно и непременно ссылаться грамотами и людьми по все дни.

Позабыл совсем в эти дни Степан старые забавы, перестал прикладываться к чарке, не пировали с ним

больше в атаманском струге есаулы и ближние казаки, позабросил он красивых татарок, которых возил с собой обозом, наступило для него главное и незнакомое время, шел он теперь напролом в центр государства Российского; яростно и жутко было у него на душе. Еще вчера все это было так далеко, стояли среди пустынной Волги большие города, и полно в них было его, разинских, товарищей. И вдруг совсем рядом оказалась вся Россия с бунташными крестьянами, с поместными землями, с боевыми воеводами, спешившими со всех сторон к нему навстречу.

Наступала осень с дождями, распутицей, гнилыми болотными топями. Где зимовать, где держаться дальше?..

Ушли по уездам первые разинские гонцы, а войско Степана уже подходило к Симбирску.

Было 4 сентября 1671 года. Стоял тихий день над Волгой. Неторопко несла река свои серые воды, в синеющем высоком небе неподвижно были расставлены белые груды облаков. Одиноко стояли по берегам кривобокие ветлы, тихо и пусто было на песчаных отмелях, не шевелясь стоял низкий ивняк на прибрежных островах и косах. Сонно плыл в этой осенней дреме и тишине Симбирский кремль.

Едва на передних стругах увидели симбирские стены, как разом смолкли разговоры, шутки и смех. Повстанцы вглядывались в высившиеся на вершине горы укрепления. А там, вдалеке, на стенах уже задвигались маленькие фигурки людей, появились в разрезах бойниц, завозились около пушек. И вот уже хлопнул над городом первый выстрел, поплыло негромкое эхо над Волгой, поднялся над крепостными стенами легкий белый дымок. И тут же Степан дал приказ повернуть струги к берегу — ему вовсе не хотелось попадать под мощный огонь симбирских пушек, которых немало стояло на крепостных стенах города. Не доходя трех верст до города, струги один за другим стали утыкаться в берег, и сразу же вдруг загалдела вся Волга, лопнула тишина на много верст кругом. Повстанцы подтягивали с криками лодки на прибрежный песок, выгружали пушки, боевой запас, тащили мешки с мукой, сухарями, крупами, связки сушеной и вяленой астраханской рыбы, разбирались по сотням и десяткам, ставили караульных, выслали в обход города дозорных.

И тут же прибежали дозорщики, принесли первую нехорошую весть: совсем ненамного опоздал Разин — за три дня перед ним впопыхах подошел к городу Юрий Борятинский и 31 августа встал лагерем под городом с другой стороны Симбирска. Правда, доносили люди, что неустроен лагерь князя Юрия и людей с ним мало, но стоит прочно, загородился телегами и валы земляные набросал кругом.

Около Разина уже юлили симбиряне, беглые люди, рассказывали, где стены высоки, а где низки, показывали, как лучше подойти к городу, а дозорщики уже тащили к Степану новых беглецов, которые неизвестно как вывалились из города и тоже тщились рассказать Разину, что ждут его симбиряне и готовы открыть город.

Слушал Разин симбирян деловито, ласково и спокойно: пал Царицын, пала Астрахань, а за нею Саратов и Самара, падет и Симбирск. Привел он под город такую силу, какой никогда еще не было с ним, — около двадцати тысяч человек. Послал в уезды людей поднимать смуту, мешать государевым ратным людям идти на выручку городу. Спокоен был и потому Разин, что знал о Симбирске почти все. На вершине горы, в самом центре города, находился мощный кремль. Толстенные рубленые стены с башнями по углам, на стенах пушки, а внутри кремля палаты воевод, приказных людей, духовных, там же и собор. А ниже по склону — посад, торговые ряды. Этот второй город окружен земляным валом, рвом, а на валу стоит бревенчатая стена. Со стороны же Волги, на низком месте выстроил симбирский воевода острог, торчало плотными рядами острое кольé, а за кольём пушки же, стрельцы с пищалями. Знал Степан, что хорошо подготовился воевода Иван Богданович Милославский к обороне Симбирска. Перед приходом Разина он только что закончил подновление крепостных стен, а для вящей прочности заложил их сверху еще мешками с землей, мукой и солью. Собрал воевода в кремле большие запасы ествы и воды и приготовился сидеть. Очень надеялся Милославский на пришедшие в город три приказа московских стрельцов и на местных симбирян — добрых и прожиточных людей. Кроме того, за последние дни население Симбирска пополнилось бежавшими с черты помещиками и вотчинниками. Симбирск не Астрахань — лежит он

поближе к Москве, и добраться до него полегче и по воде и посуху. И хотя тревожился воевода и писал в страхе великом, что не бывали к городу ни Урусов, ни Юрий Борятинский, а все же ждал их с часу на час и дождался: князь Юрий подошел к городу.

Подтягивался и Урусов. Из Москвы его торопили — воевода должен подойти к Симбирску раньше Разина, перекрыть Волгу, загородить войсками черту, отрезать Степана от забунтовавших уездных людей, охранить Москву от мордвы, черемисов, чувашей, татар. Ох, страшное дело будет, если опоздают воеводы к Симбирску, рухнет черта, пойдет Разин прямым ходом на Москву.

Обо всем этом знал Разин от перебежчиков, потому и спешил к городу раньше Борятинского. Теперь думать, хитрить, выжидать было некогда. Симбирск нужен сегодня, сейчас же, пока не подошел князь Юрий. Степан торопил своих людей, здесь решалась судьба его дальнейшего похода: или вперед на Москву при поддержке тысяч новых повстанцев, или... Об этом он не хотел даже и думать. Да и не привык он помышлять о плохом. Избалованный победами, славой, всеобщим поклонением простых людей, их безграничной верой в него, атамана-батюшку, он думал только о победе. Он надеялся на симбирскую голытьбу, на пожар восстания, который уже охватывал приволжские уезды, да и потом, чем князь Борятинский лучше его названого отца князя Львова, а ведь того он, Степан, взял голыми руками, почти без единого выстрела.

И вот первая нехорошая весть — стоит князь Юрий неподалеку от города, и в город не входит, и на него Степана идти не спешит. А в Симбирском кремле притих Иван Богданович Милославский, воевода отчаянный, бесстрашный.

31 августа радость великая настала в Симбирске: войско Борятинского спешным ходом подходило к городу. Но радость вскоре же поубавилась: с князем Юрием не пришла и половина тех, кто был приписан в его полк. Писал он уже из-под Симбирска в Москву, что не пришли к нему в срок начальные люди полков Зыкова и Чубарова, что ратные люди живут в деревнях своих и в полки по сей день не бывали, что мало пехоты с ним, а без пехоты стоять против вора плохо, а что есть с ним татарские мурзы, и те стоят без телег, и та-

бор против казаков устроить нечем. Молил Борятинский о скорой помощи.

В ночь с 4 на 5 сентября под покровом темноты Разин погрузил свое войско в струги, обошел Симбирск с севера, вышел к острогу в том месте, где указывали беглые симбиряне. Казаки высадились и с ходу пошли на приступ. Яростен и быстр был их натиск, Степан шел вместе с казаками, лавиной охватывали они острог со всех сторон, лезли напролом, несмотря на ружейную и пищальную пальбу. В это время и двинулся на повстанцев Борятинский. Сделал князь Юрий все как обещал: с небольшими силами, но решительно ударил он на казаков с тыла. Сошлись ратные люди Борятинского на десять сажен с казаками, учинили великую пальбу из пищалей, и поворотил Степан своих людей против нового врага. Писал на другой день Борятинский в Москву: «И они, государь, поворотясь всеми своими силами от города, нас многих переранили... И тот, государь, день бились мы, холопы твои, с утра и до вечера и приступать им к городу не дали. И ничего нам не учинили, и стоял я, холоп твой, полком всем на одном поле с ним сутки, и на меня, холопа твоего, не смел приходить. И того же, государь, дни в вечеру приходили на меня, холопа твоего, часу в 3-м ночи *. А я, холоп твой, стоял в поле, ополчась, и бой у нас ночью был великай».

Любил приукрашать свою доблесть и нерадивость других слуг великого государя князь Юрий Никитич, но на этот раз и он не смог скрыть правду: в тяжелом двухдневном бою Разин сумел опрокинуть отборные государевы полки и отбросить их от Симбирска.

Хотел было и здесь Степан обратиться к борятинским стрельцам, чтобы шли к нему, добывали волю, но на этот раз все обернулось по-другому: московские полки сражались отчаянно, и было в них больше служилых дворян, жилецких людей, помещиков, и шли с ними солдаты иноземного строя. И хотя был у повстанцев большой перевес в силах, но с трудом сбил Степан князя, потому что много в повстанческом войске было людей новых, с ратным делом незнакомых. Подошедшие к Симбирску крестьянские отряды были вооружены чем по-

---

* По современному счету времени в 7 часов вечера.

пало, а мордва и черемисы — те вовсе многие и оружия в руках никогда не держали. Да, совсем это было другое дело, чем под иными городами. Пожалуй, впервые за три года, как вышел Разин на волжский простор, пришлось вступить его товарищам в беспощадный и кровопролитный бой. Много из друзей полегло под пищальными ядрами и под ружейными пулями, многие были зарублены саблями и бердышами, но все же добыли победу. Разбитые, порубленные и пострелянные, укрываясь за телегами, вразброд, потеряв часть пушек и обоза, уходили ратные люди Борятинского к Тетюшам. Татарские мурзы сгинули еще в начале боя, ушли невесть куда. Но полк князя Юрия не исчез: удалось Борятинскому сохранить большую часть людей, пушки и оружие и остановить утеклецов недалеко от Симбирска.

Тут же после боя подозвал Степан есаулов, спросил, сколько сдалось им людей государевых. Молчали есаулы, боялись сказать батьке, что плохо сдавались московские ратные люди, многие дрались до последнего — все дворяне да дети боярские, помещиково племя.

Потом привели к Степану перебежавшего к казакам татарского мурзу. Был он еще молод, высок ростом, тонок в перехвате, смугл, с черным волосом, со смоляной бородой и с глубоким сабельным рубцом на правой щеке. Сказался казанским татарином Асаном Карачуриным, служилым мурзой. Была за ним в поместье деревня Лундан в Керенском уезде, были и деревеньки в Кадомском уезде, но давно уже прослышал Асан про справедливые дела Степана Разина, искал с ним встречи, потому что ненавидел воеводскую и приказную власть, хотел воли для своего народа. Рассказывал Асан, что разделились татарские мурзы: одни встали на защиту государевых, боярских порядков, другие же забунтовали вместе со всеми татарами. Стоял Асан перед Степаном, блестел черными глазами, говорил ему: «Приходи, атаман, под Казань, обещаюсь — хорошо тебя там примут наши уездные люди, помогут тебе, коней и еству дадут».

Обычно долго приглядывался, приноравливался Степан к пришлым людям, к перебежчикам, многим не доверял, определял сначала либо гребцами, либо в обоз под строгий казацкий присмотр, а тут вдруг сразу понравился ему Асан. А может, увидел, как смело пере-

шел к нему мурза прямо в бою, не боясь выстрела в спину. Сказал Асану:

— Спасибо тебе, мурза, под Казань приду и людей твоих уездных приму к себе, но пока надо нам свидеться тут с Иваном Милославским. Борятинского вон звали в гости, утек, не пожелал с нами разговаривать.— И Разин подмигнул Асану, потом сказал есаулам: — Дайте ему татар, пусть мурза воюет.— И обнял Карачурина за плечи.

Наступила ночь, поутих немного бой, уполз в сторону Борятинский, затихли городские сидельцы, присели и прилегли ненадолго где кто был казаки. В другое время Разин дал бы отдохнуть товарищам, перевязать раны, разобраться по сотням, поесть, попить. Раздуванил бы захваченные у Борятинского животы, выпил бы на радостях после первой победы...В другое время все это сделал бы Степан, но только не сегодня. Не до отдыха было, не до зипунов и дувана. Сам валился с ног от усталости, почернел, одни глаза горели на скуластом лице, волосы спутаны, борода нечесана, шапка сбита в бою, и все же собирал людей для нового приступа, звал есаулов, давал им в вожи бежавших симбирян, чтобы вели на острог верным путем и вывели бы в надежные места.

С Симбирском нужно было кончать этой же ночью. Показывали уже знаки из-за острога свои, верные люди, жгли просмоленную паклю, слышалась возня за острогом, перемахивали через колье́ симбиряне, кричали Степану, чтобы шел скорей, не то будет поздно, перебьют их в городе люди Милославского.

В кромешной сентябрьской тьме, за полчаса до света, повел Степан свои сотни на приступ. Вывели разинцев симбиряне как раз на те прясла, где стояли их товарищи. Поставили казаки лесенки, перекинули к острогу доски, хворостье, полезли вверх, а симбиряне ударили по ним ружейным огнем. Только лезут вперед казаки, и никто из них не падает ниц от пуль. Палят симбиряне одними пыжами, шума много, а урона казакам никакого.

Поняли стрелецкие головы обман, бросились сечь симбирян, но поздно уже было, перемахнули казаки через острог, ворвались в посад. С горящей паклей в руках неслись впереди казаков симбирские голутвенные люди, показывали, где стоят на остроге стрельцы, где

дети боярские и дворяне. А всех, кто в остроге был, посекли казаки, порубили здесь же и пищальников Борятинского, которых дал он в помощь Милославскому — сам расставил вдоль острога еще до разинского прихода под город по восьми человек на сажень.

Вставал над Симбирском тусклый осенний рассвет, охватывали повстанцы со всех сторон посад, все ближе подходили к Малому деревянному городу, где засел Милославский, отчаянно бились боярские люди, долго еще держались вблизи кремля, укрывались за телегами, но постепенно и их сбили повстанцы, подступили вплотную к Малому городу. И опять приказал Разин не бегать по богатым посадским дворам, не тащить на дуван купецкие товары, а теперь же с ходу брать кремль. Скоро и сам он появился под деревянной стеной с саблей в одной руке, с пистолетом в другой, без кафтана, в расстегнутой рубахе, потный, горячий.

Однако едва пошли казаки на приступ Симбирского кремля, как донесли Степану дозорщики, что вновь выполз из-за своих телег, из-за города, Борятинский с последними силами, кладя людей под казацкие выстрелы, повел свой полк отбивать обратно острог. Но не пустили повстанцы Борятинского в посад, засели вместе с симбирянами за кольем, били в дворян из пищалей, ружей, повернули против них захваченные в остроге пушки, и хотя и отбили снова ратных людей князя Юрия, но отвлеклись силы Разина от Малого города. Да и Милославский приободрился, приказал бить в казаков из пушек.

Отбил Степан Борятинского, погнал прочь от Симбирска, вконец растрепанный уходил князь Юрий навстречу к Урусову. Наступал день. Не взял Разин Малый симбирский город.

Можно было бы, конечно, вновь приступить к кремлю, но двое суток уже дрались казаки не отдыхая, валились с ног от усталости, многие были поранены, а взять кремль было не просто. Стояли на взгорье могучие рубленые стены, сидело за ними пять тысяч отборных ратных людей — дворяне симбирские, головы стрелецкие с московскими полками, солдаты иноземного строя полка Агея Шепелева. И пушки, и боевой запас в Малом городе были, и ества; только безводен был кремль, колодцев не было, но затащил туда воды Милославский достаточно, на долгую осаду.

Не захотел в этот раз Степан зазря класть под стенами кремля своих людей, дал знак к отступлению.

Несколько дней было тихо в Симбирске — ни приступов, ни пальбы, отдыхали казаки, лечили раны. Все это время Разин потратил на приведение в порядок своего войска. Он уже и сам не знал, сколько у него было людей. Со всех сторон подходили к Симбирску все новые отряды — шли и русские крестьяне, и черемисы, и мордва, и чуваши, большинство было безоружных, иные же держали в руках копья, вилы, топоры. И всех нужно было принять, расспросить, определить.

...Который день превратились уже повстанцы из лихих казаков в земляных червей, рыли землю вокруг Малого города, делали шанцы под присмотром бывалых на больших приступах стрельцов. Из шанцев постреливали по городу, а в это время другие окружали кремль валом, прятались за ним, подходили все ближе и ближе. Днем и ночью беспрестанно стучали здесь молоты: кузнецы и другие ремесленники со всего войска делали бердыши и копья и тут же раздавали их по сотням, а за оружием подходили все новые и новые люди, полнилось каждый день разинское войско за счет уездных пришельцев.

Через несколько дней Степан решил повторить приступ. Прячась по прорытым шанцам, укрываясь за валом, двинулись повстанцы к Малому городу, но так и не дошли до стен, едва вышли они под стены, как ударили по ним из дробовых пушек, начали стрелять из мелкого ружья. Казаки еще шли вперед, а вновь пришлые люди не выдержали огня, метнулись назад за вал, спутали приступ. В другое время уже заорал бы Степан, затопал ногами, бросил бы оземь шапку или взял бы за грудки провинившихся, а теперь нельзя было — другая пошла жизнь: надо было снова собирать людей, снова копать землю и обкладывать город со всех сторон, а заодно выставлять большие сторо́жи к Тетюшам, куда ушел Юрий Борятинский. Оттуда каждый день могли нагрянуть государевы ратные люди.

Каждый новый день приносил теперь заботы: то приходили верные люди с севера и приносили вести о том, что идут от Москвы и Нижнего Новгорода несметные силы к Симбирску с самим главным воеводой князем и боярином Юрием Алексеевичем Долгоруким. И нужно было слать гонцов, узнавать, откуда идут го-

сударевы полки, каким числом, когда чают быть под Симбирском; то вдруг узнавалось утром, что в ночь снялись из-под Симбирска крестьянские отряды и ушли бить по уезду своих помещиков, а стояли те отряды на посаде за острогом в своем месте, несли свою службу, и теперь надо было посылать на их место иных воинских людей; то вдруг приходили вести из Астрахани и Царицына, что начиналась там свара среди горожан — хоть сам плыви на низ в милые сердцу города, наводи там порядок, требуй, чтобы по правде жили и правили Прокофий Шумливый, Василий Ус, Федор Шелудяк.

Отбил Милославский и второй приступ, и третий, проходила неделя за неделей, а Разин не продвинулся вперед ни на шаг. Погожие сентябрьские дни стали все чаще сменяться дождями, холодала вода в Волге, порыжели ее берега, дело шло к тяжелой скользкой осени.

Устраивая свое войско, держа по-прежнему за собой понизовые города и Дон-реку, Степан все больше и больше надеялся на уездных людей. Пусть и плохо вооружены они и несручны к ратному делу, зато такой неистовой злобы к боярам, помещикам, воеводам, как у крестьян, давно уже не видал Разин в своем войске. Эти готовы были зубами горло грызть своим обидчикам и притеснителям.

Еще с Саратова отправил по уездам Степан своих первых загонщиков, и скоро они дали знать о себе: по всему Симбирскому уезду объявились большие крестьянские отряды, и называли они себя казаками, и стояли во главе их его, Разина, люди. И всюду множились бунты, и уже тысячами стояли бунташные крестьяне по лесам и засекам, выходили под города симбирской черты.

Первым делом направил Степан своих посыльщиков в Корсунь; и взяли они город с первого же приступа, и на приступе побили казаки воеводу, пушкарей, затинщиков, и тут же построили с городовыми людьми круг, раздуванили воеводские, дворянские и купецкие животы, и все корсунские жилецкие и уездных всяких чинов люди Разину крест поцеловали. И затрещала по всем швам симбирская черта. Скоро весь уезд был уже в руках повстанцев. И всего-то уходили от Разина по двое, по трое, и тут же вырастали отряды до пяти-шести сот,

ездили по уезду, и рубили, и разоряли всяких поместных людей, дворян, и детей боярских, и мурз и татар, за которыми были крестьяне.

Своих людей к татарам рассылал Асан Карачурин. И каждый посыльщик, кроме устного разинского наказа, вез с собой, либо за пазухой, либо в подкладке армяка, либо в сапоге Степаново прелестное письмо.

Встал Разин постоем на посаде в большом рубленом доме, а в другом, соседнем, разместил свою походную приказную избу. Притащили туда казаки чернил, доброй немецкой бумаги, гусиных перьев, отобрали из войска самых смышленых и грамотных людей; там-то и писались прелестные грамоты.

За столом приказной избы сидел поп Андрей, бежавший к Разину под Симбирск из Алаторского уезда. Давно сбросил поп свою рясу, надел полукафтан, перепоясался саблей. Не раз ходил он с казаками на приступы в Малый город, отличался большой смелостью, шел впереди всех, ерничал, смешил казаков, а потом сел за приказное дело. Писал поп не скоро, но грамотно. А рядом стоял Степан и говорил попу слово за словом:

— Пиши, Андрюшка: «Грамота от Степана Тимофеевича от Разина. Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни. Хто хочет богу да государю послужить, да и Великому войску, да и Степану Тимофеевичу, и я выслал казаков и вам бы заодно изменников выводить. А мои казаки како промысла станут чинить, и вам бы итить к ним в совет.— Степан подумал, прищурил глаз и закончил решительно, рубанул воздух рукой: — И кабальные и опальные шли бы в полк к моим казакам».

Потея, старательно писал поп Андрюшка, закончил, поставил последнюю загогулинку.

Разин протянул руку к грамоте:

— Дай взглянуть, что ты там понаписал. — Пробежал глазами грамотку, прищурился на попа: — А говорили, грамотный ты, Андрюшка, гляди-ка: вместо слова «полк» «пок» написал, буквицу пропустил. Да и где ты видел, чтобы слово было такое «промысь», не «промысь», а «промысл», ну да пусть так останется, верные люди и так поймут. Валяй пиши еще таких грамоток, и поболее, сколько осилишь.

Наступил вечер, зажглись в приказной избе свечи,

а поп Андрюшка все скрипел и скрипел пером по бумаге, клал в стопочку прелестные грамотки.

Наутро ускакали с этими грамотками люди по уезду и дальше, под другие города, и на север, и за Волгу. Потом рядом с попом появились и другие писцы. К мордве писали по-мордовски, к черемисам — по-черемисски, к татарам — по-татарски. Хорошо помогал Карачурин: сам и слова подобрал, сам и написал прелестную грамоту муллам, мурзам и всем ясачным татарам Казанского и иных уездов: «От великого войска от Степана Тимофеевича. Будет вам ведома, казанским посадцким бусурманам и абазом начальным, которые мечеть держат, бусурманским веродержцам и которые над бедными сиротами и над вдовами милосердствуют — Иктене мулле да Мамаю мулле да Ханышу мурзе да Москову мурзе и всем абызом и всем слободцким и уездным бусурманам от Степана Тимофеевича в сем свете и в будущем челобитье. А после челобитья, буде про нас спросите, мы здоровы, и вам бы здравствовать. Слово наше то — для бога и пророка и для государя и для войска, быть вам заодно; а буде заодно не будете, и вам бы не пенять после. Бог тому свидетель — ничего вам худова не будет, и мы за вас радеем. Да вам бы было ведомо: Я, Асан Айбулатов сын*,— при Степане Тимофеевиче, и вам бы надо в том поверить, я, Асан, в том вас наговариваю, и буде мне поверите, и вам худобы не будет. Да всех вас прощаю — за нас богу помолитесь, а от нас вам челобитье. К сей грамоте печать свою приложил».

Все чаще и чаще указывал Степан вписывать в грамотки имена царевича Алексея Алексеевича и патриарха Никона. Не упоминал он уже, как когда-то в Паншине, что извели бояре-изменники царевича до смерти. Жив царевич, идет с ними, с войском, за правду и светлую веру, а чтобы не было никаких сомнений, наказал Степан быть царевичем пленному черкесскому князьку. Совсем мальчик был князек, шестнадцатилетний отрок. Обрядил его Степан в богатые одежды, приказал подавать ему ествy в золотых и серебряных судках, а как отплыли от Царицына, усадил князька в выстеганную красным бархатом лодку, занавесил со всех сторон от всяких досужих ротозеев, приставил туда вроде рынд

---

* Асан Карачурин.

казаков с серебряными топориками. Едет в лодке благоверный царевич — и все тут. А другую лодку снарядили для патриарха. Устлали ее черным бархатом — по чину святейшему, усадили туда неведомого мужика. И сидел мужик в лодке, молчал всю дорогу, ел и спал, и стерегли же его казаки тоже прилежно.

День и ночь работали писцы в приказной разинской избе, уморился поп Андрюшка, уже валился от усталости из-за стола. Ему на смену пришли и сели другие грамотеи, росли стопы прелестных грамот на лавках приказной избы. Заходили в избу разинские посыльщики, забирали с собой грамотки, расходились по уездам. Писано было в них, что идет Степан Тимофеевич за благоверного царевича Алексея Алексеевича, и ему крест целовали все казаки, и идет же с ними батюшка их, простого народа, а назывался в грамотке батюшкой бывший патриарх Никон.

Пришла грамота и в город Цывильск, и именовалась она «От донских и от яицких атаманов молотцов, от Стефана Тимофеевича и ото всего великого Войска Донского». А направлена была грамота «Цывильского уезду розных сел и деревень черней русским людем и татарам и чюваше и мордве».

Но не только к черни обращался Степан; крепко надеялся он и на таких людей, как Асан Карачурин, и тех дворян, и детей боярских, которые захотят идти с ним за веру и государя. И к ним нашлись слова в прелестной грамоте: «А которые цывиляня дворяне и дети боярские и мурзы и татаровя, похотев заодно тоже стоять за дом пресвятые богородицы и за всех святых и за великого государя... и вам бы, чернь, тех дворян и детей боярских и мурз и татар ничем не тронуть и домов их не разорять».

Появились разинские посыльщики под Казанью и Алатырем, Шацком и Тамбовом, Темниковом и Кадомом, расходились прелестные грамоты по всей России, поднимали всех черных людей за веру, государя и Степана Тимофеевича Разина.

Где могли хватали прелестников воеводы, казнили их смертью, а вместо них приходили новые люди, передавали грамоты из рук в руки, чли их в тайных местах. Доносил казанский воевода князь Алексей Голицын, что объявились Стенькины прелестные грамоты под Ка-

занью и Свияжском, были написаны грамоты на русском и татарском языках, и поднимаются по этим грамотам за вора луговой стороны татары и чуваши и нагорной стороны татары и чуваши. Перенимали государевы люди прелестные грамоты где могли, зашивали их в мешки, отправляли в приказ Казанского дворца, в Разрядный приказ, а многие воровские письма жгли по городам.

Повсюду приказные чины и стрелецкие головы обличали разинские прелестные грамоты, а люди несли и несли их по Российскому государству, добираясь до самых дальних углов. И всюду верила чернь и голутва разинским грамоткам. И верно, умел Разин объяснить народные нужды — крестьянам обещал волю и животы помещиков и вотчинников, татарам волю же и земли исконные. И во всем свободу давал Разин: и в крепостях, и в кабалах, и в налогах, и в вере любой — живи по собственному выбору, как хочется, а главное, звал простых людей выступать за правое дело — выводить изменников-бояр, честно служить великому государю, благоверным царевичам и святой вере. И видели люди царевича и видели патриарха, и весь честной народ видел, и посыльщики лицезрели перед уходом по уездам. Шла широко молва по Руси о царском сыне, примкнувшем к повстанцам, и стояли люди на том до последней крайности, до топора.

Поймали одного такого посыльщика в Смоленске: раздавал он прелестные грамоты, рассказывал о Разине и его войске, о благоверном царевиче. Схватили его стрельцы, приволокли в приказную избу, учинили посыльщику допрос с пристрастием, но и с первой и со второй пыток стоял посыльщик на своем: идет-де с разинским войском самолично государев сын, и видел он его, посыльщик, собственными глазами. Повесили разинского прелестника на торговой площади, а он и перед виселицей плакал, обращался к честному народу, твердил одно: видел-де он молодого царевича, идет с ним, с батюшкой Степаном Тимофеевичем.

Объявились Степановы листы в Карельской и Ижорской земле, близ самой свейской границы, и много дивились свейские ратманы * и всякие чиновные люди, что такая смута учинилась в Российском государстве. А ка-

* Городские власти.

рела и ижоряне читали листы тайно, посылали тайно же своих людей на юг для ведома, сносились с соловецкими и кирилло-белозерскими крестьянами, ждали Степанова прихода и сюда, на север, уже после того, как возьмет Разин все поволжские города и изведет бояр на Москве.

Каждый день приносил Разину новые добрые вести. Можно было считать, что стал уже весь Симбирский уезд его, Разина, казацкий. По всему уезду разъехались его разъездщики, прибрали к себе всяких чинов людей, призывали к себе крестьян и стрельцов из городков и острожков.

Появились разинские люди и на Слободской Украине. Там рассылал их по городам и деревням Степанов старинный друг и названый брат Леско Черкашенин. Еще из-под Царицына отослал Степан Леску на Дон и велел ему вместе с Фролом идти в Русь через окраинные земли. Теперь Леско прибирал там людей, а пока же посылал своих рассыльщиков, писал всюду грамоты.

Добирались разинские рассыльщики и еще дальше. Четверо их объявилось в малороссийских же городах Конотопе и Седневе, и все везли с собой прелестные письма. От Фрола Разина появились люди на Полтаве. Бросился их искать белгородский воевода боярин Григорий Ромодановский, но сгинули рассыльщики, как сквозь землю провалились, а грамотки разинские нашли и по малороссийским городам.

Никак не мог отказаться Степан от мысли, что не поддержит его гетман Петр Дорошенко. В который уж раз отправил к гетману гонца Степан. На этот раз послал сотника Мишу Карачевского из Кременчуга. Дошел Миша до гетмана, вручил ему Степанов лист и от Дорошенки повез ответный лист к Разину. Но на пути попался Карачевский в руки левобережных казаков гетмана Демьяна Многогрешного — верного государева слуги. Пытан был Миша и отдал лист гетману.

Но не только по городам и селам множились разинские гонцы с грамотами и речами. Объявлялись его люди и в самой Москве. Однажды стрельцы выследили неведомого человека. Ходил тот человек по слободам и посаду, собирал вокруг себя горожан, рассказывал о делах Войска Донского, о победах Разина над воеводами и

учил, что если придет Степан Тимофеевич к Москве, то дóлжно поступить им, горожанам, так же, как сделали люди в иных городах, — воздать ему, заступнику, честь, встретить хлебом-солью. Прелестника схватили и четвертовали, а вскоре объявился еще один. И его разбили на колье́. Смутно было на Москве.

Вслед за посыльщиками, а иногда и вместе с ними продолжал Разин высылать по уездам и своих есаулов и атаманов. Отрывал от сердца из-под Симбирска, отсылал не каких-нибудь завалящих и неумелых, а самых лучших, самых стоящих. Мишу Харитонова, близкого товарища и атамана, он послал на Саранск и Пензу, дал ему с собой немного людей, а дальше уже должен был Миша сам поднимать города по черте, склонять их под его, Разина, руку. Наказывал Степан Харитонову держаться рядом с ратными людьми Леонида Федорова, которого он заслал в те же уезды еще от Саратова и который, как доходили вести, поднимал всюду за собой уездных людей. Под Керенском тысячи крестьян поднял атаман Семенов. Обрастал людьми в Алатырском и Нижегородском уездах Максим Осипов. На Козьмодемьянск отослал Степан другого своего ближнего человека — донского казака Прокофия Иванова, а под Саранск — казака Василия Серебрякова. Леско Черкашенин выступил с Дона на Северный Донец, Фрол Разин вел людей на Коротояк и Воронеж.

Фрол вышел из Паншина городка с тысячей человек, часть плыла в стругах, конница же шла берегом. Собирался Фрол выполнить Степанов наказ идти на Москву через окраинные города.

Сентябрь уже был на исходе, а Степан все стоял под Симбирском. Все чаще над Волгой проплывали тяжелые, свинцовые тучи, тогда вода в реке становилась совсем черной, временами налетал холодный северо-восточный ветер, и Волга покрывалась мелкими барашками, принимался идти холодный нудный дождь. Приближались настоящие большие холода, пройдет месяц-другой, и Волга встанет. И зачем тогда нужны будут все эти десятки стругов, которые с таким старанием берег Разин на берегу реки? Вмерзнут они в прибрежный лед, засыплет их снегом, и тогда иди по Руси пешим ходом куда хочешь.

Бодрился Степан, но на душе его становилось все тревожней. Что делать? Куда идти дальше? Миновать

Симбирск и оставить у себя позади пять тысяч отборных ратных людей Милославского и грозившего из-под Тетюшей Борятинского? Уйти вслед за Осиповым, Харитоновым, Федоровым, Серебряковым по уездам и городам Симбирской черты? Но это значит оторваться от Волги, от стругов, и кто знает, как повернется его судьба в тамбовской или шацкой глухомани и много ли поведет он там за собой народу. Приходили к Степану добрые вести, что поднимали повсюду его атаманы и прелестники мужиков, но каждый из них воевал лишь в своем уезде.

Степан хорошо понимал, что мужик не казак и никуда он не пойдет с ним дальше уездного города, а если и пойдет, то вернется с полдороги в свои села и деревни готовиться к возке навоза на поля, к весенним полевым работам. Силен мужик своим миром, но прижмешь его, и миром же добьет челом, принесет свои вины, подставит спину под батоги и вновь будет гнуть шею на вотчинника, помещика, монастырь. Вот и здесь, под Симбирском, многие, постояв-постояв, расходились по родным углам или шли воевать поближе к своим селениям, шарпать своих хозяев, а что до Симбирска, то бог с ним, с Симбирском, установят они порядки в родном уезде, а другие крестьяне в своем — вот и хорошо будет, и спасибо Степану Тимофеевичу, что помог им совладать с притеснителями и кровопивцами.

Скоро вал, который возводили казаки вокруг кремля, совсем сровнялся с ним по высоте. С насыпи можно было видеть, как жил Малый город, а жил он строго и стройно. Повсюду у Милославского стояли караулы, и всегда ратные люди были наготове для обороны стены, стояли рядом котлы с кипящей смолой, лежали кучками камни, стояли шесты, чтобы отталкивать казацкие лестницы.

Приказал Разин взгромоздить пушки на вал и оттуда стрелять по кремлю, и еще приказал метать в город горящие дрова, дранку, солому, сено, хворост, чтобы спалить деревянные стены кремля, поджечь дома в городе, выкурить оттуда Милославского. Но воевода стоял насмерть, стрельцы тушили пожары, сами стреляли по валу, сбивая разинских людей, завешивали стены кремля мокрой парусиной, чтобы не горели они, сами поджигали всякими способами дрова, сложенные для заброса в крепость. Устроил Степан еще один решительный

приступ Малого города. Но и его отбил Милославский.

Сидели теперь казаки по избам, грелись возле печек и вновь выходили к Малому городу. А тот скрипел, гнулся, но все еще стоял. Все чаще и чаще спрашивали казаки Степана о том, что будут они делать дальше — в Русь ли пойдут, за море ли снова, или вернутся на Дон? Степан отвечал лишь одно: дайте срок, возьмем все города по черте, возьмем и Милославского и двинем всем войском под Казань, а оттуда прямым путем к Москве.

IV

Во главе крестьянской войны

18. БИТЬ БОЯР И ВОЕВОД

Еще стоял Разин под Симбирском, а вести стали приходить с разных сторон, что один город сдается разинским посыльщикам за другим.

Максим Осипов прибирал к себе всю чернь Алатырского уезда. Было сначала с Максимом всего тридцать человек, а через несколько дней шли за ним сотни, а потом и тысячи здешних уездных людей. 16 сентября с тысячами крестьян подошел Осипов к Алатырю, с ходу взял острог и осадил воеводу Акинфея Бутурлина в рубленом городе, потом поджег и рубленый город. Погиб в огне воевода, все приказные дела были повстанцами порваны и сожжены, все долговые кабалы уничтожены, освободил всех Максим Осипов от налогов и поборов и в каждом селе, в каждой деревне и по городам Алатырского уезда ввел казацкий круг; выбрали крестьяне своих атаманов, раздуванили животы вотчинников, помещиков, приказных людей.

А потом шел Максим Осипов на Курмыш, Ядрин, Василь-город на Суре; встречали его луговая и нагорная черемиса и мордва и чуваши, открывали ему ворота курмышане и ядринцы. Бежали в Арзамас в великом страхе здешние помещики.

А в другие стороны по городам шли с победой иные разинские атаманы и есаулы. Василий Сибиряков взял Атемар и Саранск, и уже писал нижнеломовский воевода Андрей Пекин в Тамбовскую крепость воеводе Хитрово: «Поминай меня, убогого, и великому государю извести, чтоб указал в синодик написать. С женою и детьми».

Все смешалось на Симбирской черте. Повсюду шли по дорогам крестьянско-казацкие отряды, города сидели в осаде, многие сдавались разинским людям. Воеводы пятились к Арзамасу, к Казани, утекали под мощные крепостные стены Тамбова.

Рушились помещиковы и вотчинниковы порядки во всем междуречье Оки и Волги, устанавливалась новая жизнь.

На Пензу, Шацк и Тамбов ушел Степанов приятель Миша Харитонов, и поднимались за ним по черте все уездные люди. Вскоре же Матвей Семенов взял Керенск, а Леонид Федоров — Кадом.

Собрал Федоров на соборной площади жителей города, прочитал память к ним, кадомцам, Степана Тимофеевича Разина. Тихо было на площади, и звучали небывалые слова, что велят им, кадомцам, служить царевичу Алексею Алексеевичу, патриарху Никону да ему, Степану Тимофеевичу, и за них, за всех, биться, не щадя своего живота. И говорил им всем Федоров волю, и отменял всякие крепости и тягости. И сколько собралось на площади черных людей, и все они вопили за батюшку Степана Тимофеевича. И началась в Кадоме новая жизнь.

А под Козьмодемьянск пришел разинский атаман Прокофий Иванов, и вел он за собой крестьян Алатырского, Ядринского, Курмышского, Нижегородского, Цывильского, Чебоксарского, Арзамасского и Козьмодемьянского уездов. И прибралось с ними тысяча человек русских и двенадцать тысяч тех же уездов черемисов и чувашей.

Город Козьмодемьянск взяли повстанцы приступом. Пошли с криком на город, окружили его со всех сторон, и городские жители сами открыли им ворота. Рванулись повстанцы вдоль улиц, побежали к воеводскому двору и в дома местных богатеев, а вели их местные жители — козьмодемьянцы. Воеводу Ивана Побединского и подьячего Василия Богданова прибили на месте, остальные разбежались кто куда, и их искали, и животы их дуванили. Они же, козьмодемьянцы, навели Прокофия Иванова с товарищами на городскую тюрьму. А вел их местный пристав — черемисин родом Мирон Мумарин. Сбили повстанцы замки с ворот, выпустили тюремных сидельцев на волю, и был среди них Илюшка Иванов сын Долгополов.

Был Илюшка дворовым человеком боярина князя Юрия Буйносова-Ростовского, бежал от него, скитался по весям и градам, дошел до Разина, потом уже с Волги ушел от него по городам поднимать людей, бунтовал Илюшка в Козьмодемьянском уезде против властей, говорил дерзкие речи, ждал прихода батюшки Степана Тимофеевича Разина. Не миновать было Илюшке пытки и колеса, но вовремя подоспели уездные люди. Теперь же на кругу вновь говорил речи Илюшка — о воле и о праведном времени, звал избить всех мучителей и кровопийц народных; слушали его козьмодемьянцы, дивились на Илюшкину живучесть и злобу к врагам своим, кричали в его поддержку. Выбрали Илюшку атаманом. Но не остался он в городе, пожил несколько дней, а потом объявил козьмодемьянцам, что скучно ему здесь, тесно, а пойдет он дальше бить бояр, воевод и приказных людей на Ветлугу и на Галич.

Взял с собой Илюшка семьдесят охочих людей и ушел из города. А в городе остались посадский черный человек Иван Шуст и ямской охотник Замятенка Лаптев.

Пришел Илюшка на Ветлугу, разослал там свои прелестные письма и стал собирать людей. Шли к нему и русские, и мордва, и черемисы. Подошел со своими людьми и Мирон Мумарин. Поднял Мирон за собой всю луговую черемису. И двинулись вдоль по Ветлуге разинские атаманы Иванов и Мумарин, русский и черемисин, приходили в села и деревни и слушали сказки местных черных людей; по этим сказкам либо побивали, либо оставляли в живых помещиков, боярских приказных людей, давали всем простым людям волю, дуванили господское добро, распускали тюремных сидельцев.

А Максим Осипов подходил уже к Нижнему Новгороду. Шло за ним в те дни пятнадцать тысяч человек.

Все ближе подкатывал повстанческий вал к Арзамасу, где собирались государевы полки, направленные против бунтовщиков. Горели господские дворы по селам вокруг Арзамаса, пустые стояли помещичьи усадьбы, бежали из них даже приказчики. Полковые воеводы писали в Москву в своих отписках: «В Арзамасском уезде во многих местах, которые места подались к Алаторскому уезду, в селах и в деревнях крестьяне забунтовали и помещиков и вотчинников побивают. А которые... поместья и вотчины московских людей и их в тех по-

местьях и в вотчинах нет... и поместья и вотчины их разоряют».

Но наибольшие силы собрали разинские атаманы под Тамбовом и Шацком. Очень им наказывал Степан взять эти города и особенно сильную крепость Тамбов, которая прикрывала путь к Москве с юго-востока и которую поклялся защищать до смерти воевода Яков Хитрово.

Но трудно было защищать город: бродил весь черный и посадский Тамбов, бунтовали крестьяне по всей Тамбовской черте. Писал в Воронеж городовой воевода Еремей Пашков: «И я, господине, в Тонбове сижу в осаде, пришло под Тонбов Тонбовского уезду всяких чинов воровских людей тысячи с 3 и больше».

Яков Хитрово в это время бился неподалеку в Шацком уезде под селом Алгасовом, куда пришли тысячи взбунтовавшихся тамбовских и шацких крестьян. И вел их за собой разинский товарищ атаман Тимофей Мещеряков. А между Хитрово и Тамбовом встали теперь ратные бунташные люди. Не просил, а уже молил Пашков козловского воеводу Степана Хрущева: «Умилосер, отец мой Степан Иванович, подай мне, мертвому, помощь».

Все шло так, как и хотел Разин, — за ним была теперь вся Симбирско-Корсунская черта, вся Тамбовская черта, встали за него вся черемиса, и мордва, и чуваша горная и луговая, сдавались его присыльщикам уездные города, а воеводы или бежали розно, или были побиты. Повсюду вместо воевод выбирали люди атаманов и старши́ну, вершили круги, управляли городами, уездами, селами, дуванили добро, выводили помещиков, вотчинников, приказных, теснили отовсюду государевых ратных людей. Все дороги были переняты, повсюду стояли повстанческие сторо́жи, лесные засеки остерегали подходы к селам и городам, а по городам, селам, засекам стояли тысячи людей. Одни говорили, что шло в это время за Разиным шестьдесят тысяч человек, другие насчитывали сто тысяч, а были и такие, которые точно говорили, что стоял в сентябре — октябре 1670 года Степан Разин во главе двухсот тысяч повстанцев.

Сидел Разин на симбирском посаде, за крепким острогом и готовил новый решительный приступ Малого города. Каждый день к нему в избу приходили гонцы из разных мест. Казацкая охрана сначала допрашивала

посланца — кто таков, откуда, кем прислан, а потом уж допускала к атаману. Развертывал Степан грамотки: эта от дорогого друга Миши Харитонова, эта от Максима Осипова, эта от Прокофия Иванова. Писали атаманы, что божьим промыслом побрали они города и идут вдоль по Симбирской и Тамбовской чертам, воюют на Волге, Оке, Суре, Ветлуге. И идут с ними многие русские пашенные мужики, посадские бедные люди, черемисы, мордва, чуваши. А стоит вся чернь за него, Степана Тимофеевича. Просили они подавать и о себе вести.

А что мог написать им Разин? Что толчется он все еще около Симбирского кремля и не знает, возьмет Милославского или нет. Писал им Разин — велел укрепляться по городам, селам и засекам, ждать его и готовиться к походу на Москву. Прислал он в Керенск грамоту Матвею Семенову и велел ему, Матвею, идти в Шацкий уезд, в село Конобеево, и ждали бы его, Разина, в Конобееве со всеми шацкими и тамбовскими людьми и атаманами дней пять или шесть, и мыслит он от Конобеева идти со всем собраньем под Москву. А выбрал он, Степан, село Конобеево потому, что людей под Шацком и Тамбовом было многие тысячи и те люди были ему дороги. А если не придет он к сроку, то шли бы атаманы по городам поднимать людей своим путем.

Не пришел Степан к селу Конобееву в срок, продолжал сидеть под Симбирским кремлем. И писал он Мише Харитонову, что вот-вот придет к нему поближе сначала на Пензу, а потом с Пензы туда, где стоял Харитонов со своим войском — пятью тысячами людей в Шацком уезде — в село Зарубкино. Но и в Зарубкине напрасно прождали Разина.

Много тысяч шло за Степаном Разиным, и много атаманов у него было, а сидел он в своей избе в Симбирске, слушал ночью, как воет осенний ветер над Волгой, и казалось ему, что уходят у него все эти тысячи, десятки тысяч людей, как вода сквозь сито. Сидели и брели они по городам и селам, стояли на далеких дорогах и засеках; весь юг государства Российского, все понизовые города были его, разинские.

Но воевать так, как хотел он, их атаман, их батюшка, они не хотели, да и не умели. Приходили они попрежнему скопом под Симбирск и скопом же уходили в

леса по черте. И терялись их следы в Кадоме и Темникове, под Шацком и Тамбовом.

И не было больше вестей ни от Миши Харитонова, ни от Прокофия Иванова. Послал Степан грамоту Максиму Осипову под Нижний Новгород, чтобы шел Максим со своими многими тысячами назад в Симбирск для общего с ним, Степаном, приступа. Но даже не ответил Осипов. То ли его, Степанов, гонец не дошел до курмышского и алатырского атамана, то ли сам Максим увяз где-то в нижегородских лесах, а может, уже стоит под пыткой или сидит на колу...

Потом приходили окольными путями вести: воюют атаманы, берут города. И спокойней становилось на душе у Разина. Прибегали к нему люди, рассказывали, что небывалое дело творится на всей Руси, что начинает бунтовать чернь даже там, где он, Степан, вовсе и не рассчитывал. Вставали вдруг повстанцы под Тулой и Суздалем, близ Ефремова и Старого Оскола, около Коломны и Ярославля.

Добрые вести шли к Разину со Слободской Украины: по разным дорогам шли на Воронеж и Коротояк донцы: одни двинулись с Вешек, другие — из Паншина и Кагальникова городков. Уже 10 сентября отряд казаков дошел до Острогожска и ночью при поддержке здешних казаков и посадских людей вошел в город. А стоял во главе донских казаков разинский атаман Фрол Минаев.

В тот же час схватили в хоромах воеводу Василия Мезенцова и подьячего Ивана Горелкина и покидали в реку, взяли город в свои руки, выпустили всех тюремных сидельцев. В те же дни взяли казаки Ольшанск, и писал коротоякский воевода Ознобишин в Москву: «Ольшанцы... с ними не бились, а воеводские животы разграбили». Ольшанский воевода Семен Беклемешев тоже был взят прямо в хоромах и брошен с раската.

Фрол Разин с тремя тысячами казаков в больших и малых стругах объявился уже неподалеку от Коротояка, прошел он Доном вверх, миновал устье речки Икорца. Леско же Черкашенин продолжал продвигаться Северским Донцом с конницей и судами с тремястами людьми, рассылая по-прежнему грамоты по всей Слободской Украине. 1 октября, к вечеру, взял Леско город Царев-Борисов. Ввели там казаки круг, разорили воеводу и воеводских людей и оставили город за собой. А оттуда по-

шел Леско на Маяцк, Чугуев, поднимая всюду людей именем Разина и своим собственным.

К началу октября 1670 года Степан Разин твердо уже мог сказать, что там, где шли с боями его люди, устанавливались новые порядки, воля приходила на место притеснениям и тяготам простого народа, выводились все изменники-бояре, и воеводы, и дьяки, и подьячие, и новая свободная жизнь без крепостей и налогов, без воеводского кнута и приказного надзора строилась по городам и селам. И не беда, что шарпали где-нибудь крестьяне лишнего или кидали в воду, не разобравшись, какого-нибудь боярского человека, хотя и не было от него большого вреда. Новая, справедливая народная жизнь шла вместе с именем Степана Разина по Руси. И за эту жизнь стояли насмерть мужики по лесным засекам, лезли по приступным лестницам на крепостные стены уездных городов, ложились под пули и ядра в полевых боях с государевыми ратными людьми. И все ширилось и ширилось восстание, множились собрания бунташных людей, неистовствовали русские мужики, посадские люди, холопы, вырвавшиеся на свободу, неистовствовала и черемиса, чуваша, мордва, татары, ухватившие с приходом разинских людей волю.

Не останавливал Разин это неистовство, не останавливали его ни Михаил Харитонов, ни Максим Осипов, ни Прокофий Иванов, ни Фрол Минаев, ни Асан Карачурин, ни Мирон Мумарин, ни иные атаманы. Пусть трепет войдет в кости московских столпов и самого государя и великого князя Алексея Михайловича. Видно, недолго осталось им править на Руси, если так дружно и неистово вставала чернь под разинский бунчук.

Когда рушится неправда и ложь, насилие и обман, нечего считать загубленные вражеские жизни. И Степан не считал их. Не считали их и атаманы и мужики, а делали они все по всей правде и справедливости. Была это народная правда и народная война всех крестьян, посадских, холопов, всей черни против неправедных порядков. И верила вся чернь, вся голутва, что пришел срок вывести врагов своих. Но многие думали, что сделали свое дело — убили помещика, спалили его двор, разделили добро, помогли казакам взять уездный город, прогнать воеводу — и все, теперь можно и по домам, а остальная чернь пусть делает то же в своих селах и уездах. И никак не мог ни Степан, ни атаманы удержать

повсюду волну народного гнева. Да и быстро остывал народ, играл своей силой, замахивался увесисто, а казнил-то всего воеводу, подьячего, да двух-трех их прихлебателей по городам, да нехороших людей по уездам, а больше пугал, тешился. Государевых же ратных людей совсем не трогали — брали лишь у них ружья да запас и отпускали на все четыре стороны. И бежали ратные люди в Нижний и Тамбов и рассказывали, где стоят повстанцы и много ли их по смете. И готовились воеводы к решительной и последней войне своей не на живот, а на смерть, за вотчины и поместья, за кабалы и крепости, за весь российский порядок, который вдруг зашатался в эти осенние месяцы 1670 года.

19. «ЗАВОДЧИКОВ ВОРОВСКИХ ВСЕХ ВЫВЕСТЬ»

1 сентября, когда разинские струги подходили к Симбирску, в Москве была великая деловая суматоха. Из кремлевских Спасских ворот в дальний путь к Арзамасу выходило войско князя и боярина Юрия Алексеевича Долгорукого. Шли с ним тысячи ратников дворянского ополчения и солдатские полки нового строя, и копейщики, и рейтары. Была здесь вся порода дворянская из городов Москвы, Владимира, Суздаля, Луха, Юрьева-Польского, Переяславля-Залесского, Ростова, Ярославля, Костромы, Галича, Романова, Пошехонья, Дмитрова, Углича, Вологды, Бежецкого верха, Белоозера, Можайска, Вязьмы, Кашина, Волока Ламского, Звенигорода, Рузы, Вереи, Боровска, Ярославца Малого, Клина, Тулы, Каширы, Алексина, Серпухова, Одоева, Крапивны, Переяславля-Рязанского, Коломны, Калуги, Лихвина, Мещерска, Серпейска, Мосальска, Козельска.

Ехал впереди осанистый, грузный князь Юрий Алексеевич, а за ним везли знамена и шли трубачи и барабанщики, а следом дворяне — все конно и оружно, а потом вытягивались следом пешие стрелецкие полки с головами и сотниками. А рядом с князем Юрием и чуть сзади ехали его товарищи стольник и воевода князь Константин Щербатов, дьяк Иван Михайлов и другие воеводы. А между ратными людьми везли лошади пушки: и тяжелые литые единороги, и поменьше — железные и медные пушечки. И шел с войском обоз со всем воинским припасом: свинцом и всяким зельем, и ядра-

ми, и пулями, и порохом, и всем остальным, что было надобно для полкового строения: богослужебными книгами для молебнов, ризами для попов, воском, фитилями, шатром для князя, сундучком с лекарствами, сукном на стол, ручными кандалами для воров, замками, ножными железами для воров же, хомутами, шлеями, бумагой, чернилами и прочим хозяйством. Шли в обозе кашевары, лекари, костоправы, подьячие, сторожа, харчевники и квасники. Собрался князь Долгорукий в поход как против Речи Посполитой, и провожала его вся боярская, дворянская и купеческая Москва. Выходили за ворота люди и поплоше, но и смотрели они поугрюмее, шептались меж собой, говорили, что послан князь Юрий великим государем для утишения самого Степана Разина, который побрал уже все понизовые государевы города и обещался скоро быть на Москве.

Длинной вереницей тянулось войско по московским улицам, расходились люди по своим домам, крестились, вздыхали: что-то будет, и каждый думал свою думу.

Целый месяц готовился Долгорукий к походу. Еще 1 августа при большом стечении народу зачитал дьяк с Постельного крыльца в Кремле государев указ о посылке против Степана Разина главным воеводой Юрия Долгорукого и о посылке к нему в полк всех московских служилых людей. Стояли московские дворяне, собранные к чтению указа, и слушали про все воровские злодейства Стеньки на Дону, Волге и в иных местах. Обращался государь к своему воинству с решительным наказом: «И вы б, стольники и стряпчие и дворяне московские и жильцы, памятуя господа бога и надежды христианские, пречистые богородицы, помощь и заступление, и святую и апостольскую церковь, и наше великаго государя крестное целованье, и свою породу и службы и кровь, и за те свои службы нашу великаго государя к себе милость и жалованье, и свои прародительские чести,— нам, великаму государю, за наше великаго государя здоровье и за все Московское государство и за свои домы служили со всяким усердием, и со всею службою ехали к Москве все тотчас безсрочно, не мешкав в домех своих, безо всякой лености».

Стояла порода и честь, и лучшая кровь государства Российского, слушала царский призыв к ним, дворянам, защитить и государство и домы свои от воров и изменников, наливалась яростью и возгоралась мщением на

холопов. Сегодня они тешутся над ними, дворянами, хватают их животы в понизовых городах, а завтра доберутся и до Москвы. Так не бывать же этому!

А во второй день августа был зачитан указ о сборе в полк воеводы Долгорукого замосковских и заокских, украйных и рязанских городов дворян, детей боярских, мурз и всех татар. А наказ был им дан, чтобы шли они скорым ходом навстречу князю Юрию Алексеевичу.

Весь август месяц собирался Долгорукий, смотрел людей, смотрел боевой припас, вникал во все мелочи, искал нетчиков, ходил в Разрядный приказ, чтобы направляли оттуда грамоты со строгим наказом городовым воеводам высылать людей не мешкая в полк к нему на Алатырь, в Арзамас и в Ряжск. Почасту смотрел князь Юрий и прибылых людей, могут ли стрелять, колоть, рубить, сидеть в седле. И по наказу из Разряда велел князь рейтарского строю полковникам «своих рейтар по тому же смотреть почасту и полковому строю учить, и которые рейтарской службе и полковому строю не навычны, и тех велеть учить почасту, чтоб однаконечно те рейтары к рейтарской службе и полковому строю были навычны».

Так же проверял князь и стрелецкие полки, наказывал «головам стрелецким стрельцов по тому ж велеть смотреть и ружья у них досматривать почасту ж, и чтоб они, стрельцы, к стрельбе и всякому ратному строю были навычны и к походу и к бою всегда были наготове».

Говорил Долгорукий помногу со своими людьми, учил, как воевать с ворами и как брать их. Главное, говорил Долгорукий,— это держать крепкие ночные сторожи и проезжие станицы и промышлять кругом войска денно и нощно, разведывать допряма, где идут или стоят бунтовщики, с ружьями они или без ружей, идут водой или сухим путем, и куда чают идти. Наказывал особо князь брать побольше языков и допрашивать их с великим пристрастием, «велеть пытать накрепко и огнем жечь, чтоб воровских их замыслов доведатца всякие правды».

Посылали войско Долгорукого под Алатырь и Арзамас, с тем чтобы заступить путь Разину к Москве. А если вздумает он идти к Тамбову и иным украинным городам, и на этот случай приготовлено было решение: надлежало князю выйти из городов и, «устроясь

обозом, на тех воровских казаков итить бережно и осторожливо. А на станех ставится в крепких местех, розъездя и розсмотря и укрепясь обозом накрепко, а перед собою подъезды и проезжие станицы посылать почасту».

Объявлялся Долгорукий главным полковым воеводой в войне с Разиным, а все остальные: и Юрий Борятинский, и Григорий Ромодановский, и Яков Хитрово, и Петр Урусов — должны были слушать его старшинство.

Отпускал великий государь со слезой князя Долгорукого, любил своего верного слугу. Помогал князь царю проводить посадскую реформу в 1649—1651 годах, водил царские полки во многие походы во время польской войны. В свои шестьдесят лет был князь хотя и грузен, но подвижен и решителен, а о его преданности государю и говорить не приходилось. Этот умрет, а воров выведет: при одном упоминании о Разине наливался кровью, багровел Долгорукий.

За два дня до ухода из Москвы принял царь Долгорукого и все его воинство в кремлевских палатах. Князь был у руки, а поодаль стояли шедшие с ним стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и всяких чинов люди в ратном платье.

Ушли войска из Москвы, и повисло над столицей тяжелое ожидание. Никто ничего не знал толком, где Разин, какие города взял он, а какие еще держатся, что делают Урусов и Борятинский и что ждать к осени.

А тем временем медленно, но верно разворачивалась на всю Россию приказная и военная мощь. Работали не покладая рук чины в Разрядном и Стрелецком приказах, в приказе Казанского дворца и Посольском. Шли указы по городам, собирались новые ратные люди, выявлялись нетчики, отсылалось на юг оружие и боевой припас, укреплялась оборона южных городов.

В Тамбов были переведены от Григория Ромодановского из Белгородского полка козловцы — дворяне и дети боярские, а также копейщики, рейтары и солдаты — всего 1555 человек. В Нижнем Новгороде изготовили для отсылки ратных людей на низ сто больших морских стругов с якорями, со всей снастью и стружным припасом и сорок пять стругов речных, и пошли на тех стругах к Казани ратные люди полков Шепелева, Кравкова и иных полковников. Вскоре вслед за Долгоруким на подводах отпустили из Пушкарского приказа пушечного свинца и зелья 1700 пудов. А брал подводы Стре-

лецкий приказ с крестьян Московского уезда и у монастырей.

Стонали крестьяне, стонали и посадские. На посадах, которые были ведомы Земскому приказу, начали лютовать его приставы: объявлен был государев указ об обложении черных сотен денежными сборами, назначенными для жалованья ратным людям, которых послал государь против Разина. Собирали деньги, как и водится, с кнутом и правежом. С натугой и злобой великой платили черные люди деньги в казну.

Шел Долгорукий походом, а следом за ним тянулись к Алатырю и Арзамасу дворяне, дети боярские, даточные люди, но тянулись с неохотой. Зачем им, замосковных городов жильцам и рязанцам, воевать на Волге, пусть воюют симбиряне и помещики по Тамбовской черте. Укрывались от службы; медленно пополнялся полк Долгорукого, сыскивали дворян в их винах и нетях, отнимали у них для начала крестьян по два-три человека, а меньшей статьи служилым людям учиняли другое наказанье — били батогами у приказных изб.

Уже из Арзамаса писал Долгорукий в Москву, что в полк к нему люди из городов пришли немногие и «на вора и изменника и богоотступника» Стеньку Разина идти не с кем.

В отчаяние приходили сыщики, посланные за даточными людьми по уездам, кругом бунтовали черные люди, стояли по всем дорогам, и ни пройти ни проехать было нельзя.

Пытался в Арзамасе поднять здешних людей на сыск сыщик Аксентий Пискарев. Но сказали ему арзамасцы: «Не до сыску... нам, пришло до своих голов. А в Орзамаском уезде многие люди изменили, а в Олаторе... и в Саранске, и в Троецкой и в Красной Слободах все градцкие и уездные люди изменили, а в городах воевод и приказных людей казнили». Поволокся Пискарев из Арзамаса по другим городам со своими людьми для сыска. И укрывались от него стрельцы и даточные люди. Сообщал Долгорукий, что не идут к нему, боятся сгинуть в пути нижегородские и муромские дворяне, разбежалось врозь дворянство Курмышского уезда.

Дивились и опасались в Москве, беспокойно было в приказах. Вести приходили одна другой хуже. Вот тебе и надежда государства Российского! Уж если князь

Юрий не может совладать с ворами и сидит в Арзамасе осадой — значит, плохи дела.

Но шли дни, уходил сентябрь. Великими трудами прибирал к себе в полк людей князь Юрий. Пополнился даточными, стрельцами, рейтарами и полк Юрия Борятинского, подошел к нему, наконец, долгожданный и пропавший ранее где-то полк Чубарова. Подтянулись ратные люди Григория Ромодановского к Тамбову. К Арзамасу подвезли новые пушки и боевой припас. Начали наступление на взбунтовавшихся крестьян в Шацком уезде воеводы Иван Бутурлин и Алексей Еропкин с жилецкими сотнями, дворянами, рейтарами и солдатами. Григорию же Ромодановскому самому с Белгородским и Севским полками наказано было идти наспех к Острогожску и Коротояку навстречу казакам.

В эти дни сентября и октября 1670 года шли указы воеводам не только жесточайше карать повстанцев, но и обещать им всяческую милость от великого государя, если отстанут они от воровства. Из Разрядного приказа были посланы памяти в Шацкий, Тамбовский и иные уезды, где множились бунты, и в тех памятях говорилось: «А буде воры изменники, послыша на себя приход... воевод з государевыми ратными людьми, к ним пришлют, или из них которые и сами придут и учнут великому государю бити челом и вины свои принесут... и тех людей побивать и разоренья им никакова чинить не велеть!»

И еще наказывал царь, чтобы те прощеные люди сами выдавали заводчиков воровского дела, а уж тех воров пытать и огнем жечь.

По всем по городам и селам ловили царские стрельцы и приказные люди, верные волостные старосты и сотские разинские прелестные письма, а взамен них читали на городских площадях, на сельских сходах, с амвонов церквей увещевательные грамоты великого государя, в которых наказывалось воровским прелестям не верить и подробно перечислялось все Стенькино злодейство и богоотступничество. С большим вымыслом и большой слезой живописали приказные преступления Разина; слушали порой православные и ужасались: как может еще носить земля такого злодея? Объяснял царь всю ложь и весь соблазн Стенькиных прелестей, рассказывал правду о царевиче Алексее и Никоне, перечислял все тяжкие измены Разина против государства и церкви, показывал его, на-

сильника и разорителя, богомерзкие дела. Призывал царь: «И как к вам наша великого государя грамота придет, и вы б, наши государевы ратные и всякого чину жилецкие и уездные люди и наших государевых дворцовых сел старосты и целовальники и крестьяне, памятуя господа бога и святую соборную и апостольскую церковь и наше великого государя крестное целованье, а татаровя и мордва и черемиса, памятуя на чем нам, великому государю, по своей вере шертовали, — нам, великому государю, служили и радели так же, как и наперед сего служили».

А если и будут у кого сомнения, увещевал в конце великий государь, то пусть выберут своих лучших или средних добрых и разумных людей и пришлют к нему в Москву. И даст он видеть свои, государевы, светлые очи, во всем пожалует и все разъяснит.

Наказывалось читать царские грамоты вслух в городах и пригородах, селах и деревнях, острогах и в иных местах. И повсюду рассылались списки с этих грамот.

Царским грамотам вторили грамоты, которые посылал во все уезды, по монастырям и церквам, всему причту церковному и всем православным святейший патриарх Иоасаф. Писал патриарх, что Стенька Разин не кто иной, как «аспид, испущающ яд свой, уязвляющ телеса невинных... яко змий, из ложа своего, поглощаяй верные християны и низводяй с собой в ров погибели, яко лев плотоядец хищаяй». Призывал патриарх ни в чем не верить прелестным воровским письмам и твердо стоять за великого государя и святую церковь, особо надеялся святейший на духовный чин иноческий и мирской и обещал всем верным людям патриарх великую государеву милость и свое патриаршее благословение и молитву.

И предан был Степан Разин анафеме. По всем церквам российским указано было всему духовному чину читать анафемствование Стеньке на первой неделе великого поста. Обличался Степан как крестопреступник и душегубец, «народ христиано-российский возмутивший, и многие невежи обольстивший, и лестно рать воздвигший, отцы на сыны и сыны на отцы, браты на браты возмутивший, души купно с телесы безчисленнаго множества христианского народа погубивший, и премногому невинному кровопролитию вине бывший». Предавались анафеме вместе с ним и Прокофий Шумливый, и Яков Гаврилов, и Василий Ус, и Илья Иванов, и все иные его атаманы и товарищи.

По всей Руси рассылались царские и патриаршие грамоты, а местные воеводы, приказной и духовный чин рассылали еще свои собственные письма по городам, селам, деревням и острогам. Скрипели приказные перья, изводилась на великое и богоугодное дело дорогая немецкая бумага, скакали гонцы с государевыми, патриаршими и воеводскими грамотами, а там, где нельзя было пройти и проехать из-за бунташных людей, там несли они эти грамоты тайно или передавали с проходцами, которые знали пути по селам и деревням.

Читали люди и прелестные письма Разина и верили им, и читали они государевы и патриаршие грамоты и тоже верили им. Писал Разин, что бояре и дворяне кровопийцы и изменники, и правда эта была великая. Писали царь и патриарх, что учинил Разин кроворазлитье в государстве, говорил хульные слова против господа бога Иисуса Христа, поносил великого государя и святую церковь. Об этом же кричали приказные и духовные люди, и беглецы от Стеньки — и все то казалось истинной правдой. И все смешалось на Руси, и смутились многие люди, и разделились на две половины, шатались и не знали, куда же им приклониться. Когда приходили повстанцы в города и села — встречали их хлебом-солью, а брали вверх царские воеводы, выводили к пытке и плахе воровских людей, читали государевы и патриаршие грамоты, и многие приносили свои вины. Страшила людей анафема, страшила кара и земная и небесная. А другие, подняв руку на бояр, дворян, воевод, шли до конца, стояли на своем на дыбе и под топором и вселяли в людей великую веру в разинскую правду.

Но не только ратными людьми, не только страшными обличениями воровских злодеев крепили государевы люди российский порядок. Внимательно следили они и за тем, чтобы не вошел Степан в союз со старинными врагами Российского государства — Крымом и Речью Посполитой. Работал Посольский приказ против Разина не покладая рук, встречался начальник Посольского приказа Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин с татарскими послами Сефер-агой и Мустафой-агой в октябре 1670 года почасту, а речь шла все об одном и том же: приставали татары, напрашивались помочь русскому царю унять забунтовавших казаков, послать своих конных людей против Разина или хоть выслать встречу на Северский Донец, чтобы проводить в Крым русскую казну, ко-

торую задолжила Москва Крыму за окуп пленных. Хитрили татары, предлагали поддержать мир и дружбу. А что значило пустить их в русские пределы? Наделают беды, возьмут города, и не с Разина начнут, а с государевых земель.

Достойно и твердо отвечал Ордин-Нащокин: «А как время будет, а помочь будет надобна, и великий государь, его царское величество, с хановым величеством обошлется теми своими... грамотами. А ныне для усмирения на них донских воровских казаков посланы его, царского величества, бояре и воеводы и ратные люди». И тут же намекнул начальник Посольского приказа послам: у Крыма свои трудности — наступает на них ногайская орда. Когда же снова послы заговорили о казаках и спросили, как им, Крымскому ханству, поступать, если начнут казаки ссору чинить между Крымом и Россией и пойдут воевать крымские места и город Азов, — в Посольском приказе им снова твердо ответили, что как только принесут казаки свои вины, им тут же будет указано с Крымом ссор не чинить.

Уклонялся Ордин-Нащокин от прямого ответа, но давал понять послам, чтобы не лезли не в свои дела. Ох, трудные настали времена для Посольского приказа, следят из-за рубежа за войной с Разиным, суются державы в каждую щелочку. Вот и польский король тоже предлагает помощь, а что значит пустить поляков в русские пределы... Прощай тогда Андрусовское перемирие.

Всем русским послам, посланникам и гонцам, отъезжавшим за рубеж, наказывалось говорить, что никакой опасности для Российского государства от воров нет и скоро с ними царские воеводы покончат, изведут всех до конца.

Шли одна за другой грамоты из Посольского приказа к гетману войска запорожского Михаилу Ханенко и гетману Левобережной Украины Демьяну Многогрешному о том, чтобы держали своих людей крепко и к Разину не пускали, ни в какие ссылки с ворами не вступали, а слали бы своих верных казаков в помощь Григорию Ромодановскому под Острогожск, Маяцк, Царев-Борисов и другие города и промышляли бы государевыми ратными людьми над ворами Леской Черкашениным, Фролом Минаевым, Фролом Разиным и другими.

Все старались предвидеть в Москве государевы люди, начальники приказов, воеводы, дьяки. Работали хоть и по

старинке, неторопливо, но основательно, старались подрубить Разина где только было можно, а где нельзя, выжидали и снова медленно, но верно подвигались вперед.

И хотя сидел еще в арзамасской осаде Долгорукий, хотя не опамятовался еще от нанесенных ударов Юрий Борятинский, и взяты были разинцами многие города в междуречье Волги и Оки, кроме Тамбова и Шацка, а также на Слободской Украине, и появлялись повстанцы уже неподалеку от Москвы, но постепенно перевес сил все больше и больше начинал склоняться на сторону государевых полков.

С каждым днем полнилось войско Долгорукого, отовсюду прибывала к нему дворянская порода, подтянулись к Борятинскому под Тетюши полки иноземного строя, подошла дворянская конница. Перешли в наступление на Слободской Украине полки Ромодановского, в том числе передовой полк Косагова.

20. НОЧНОЕ СРАЖЕНИЕ

Наступило 1 октября 1670 года. Настрой разинского войска под Симбирском был боевым. Говорили на посаде, в обозе, на стане под городом, у стругов, что не сегодня-завтра возьмет Степан Тимофеевич Малый город. Все ждали последнего, решающего приступа, готовились к нему.

Пожары в кремле почти не прекращались, разинские пушки, поставленные на вновь выстроенном валу, били по кремлю почти в упор. Готовы были и приступные лестницы, и многое другое. Кое-кто в войске уже укладывал свои пожитки, собирался в дальний поход к Москве. Похода этого желали все и не боялись. А чего бояться, когда все города, чуть не до самой Москвы, взяты их людьми и везде устроены круги: и по селам, деревням, острогам — везде все товарищи.

А Степан все медлил. Четырежды отбил его натиск воевода Милославский; если отобьет в пятый раз, то начнет рассыпаться его, Разина, войско. И сейчас-то многие не могли продержаться под городом месяц. Одни приходили, другие уходили. И было с ним постоянно лишь старое повстанческое ядро из казаков и стрельцов. А при первых же неудачах не выдержат плохо обученные ратному делу и плохо вооруженные крестьянские отряды.

В этом Разин не сомневался. Потому и осторожничал. И еще. Юрий Борятинский был не добит, крутился с войском неподалеку от Симбирска; доносили разинские сторóжи, что усиливается князь Юрий с каждым днем, идут к нему люди, и все плотнее и плотнее подходит он к городу. Высылал навстречу воеводе Степан своих людей, шли те в бой вместе с окрестными крестьянами, мордвой, черемисой и чувашей, но не выдерживали ударов Борятинского, откатывались назад, разбегались по окрестным лесам. А князь Юрий останавливался, окапывался, огораживался телегами, отбивался, разметывал врозь многочисленные, но нестройные отряды повстанцев, потом снова снимался с места, двигался вперед. 1 октября с великой осторожностью и тщанием подошел упорный князь к Симбирску.

В этот день с утра продолжал Разин осаду кремля. Шла по шанцам к городу пехота, вновь били с вала пушки, пробовали повстанцы лезть вверх по лестницам, рубились с людьми Милославского.

С утра Степан был уже около крепости, направлял своих людей, подсказывал. Несколько раз, видя, как отбивают стрельцы казацкий натиск, кидался сам в бой, но хватали его есаулы, уговаривали: не дай бог что случится с атаманом — сгинет без него войско, пусть потерпит, управятся они с Милославским сами. Месяц стояли и еще постоят, но возьмут-таки Малый город. Разин уходил на посад, садился в горнице, беспрестанно прибегали к нему казаки, докладывали, как идет приступ, говорили, что еле держится уже Милославский.

Степан сидел на лавке, накинув на плечи чей-то овчинный полушубок, в горнице было холодно — двери от входивших и выходивших казаков почти не затворялись. Нет, не правы есаулы, нельзя дольше толочься под стенами Симбирска. Многие из них уже пообвыклись воевать — не все равно, здесь ли стоять, идти ли под Казань, или еще куда; не понимали, что уходят драгоценные дни. Пройдет еще две недели, и люди начнут расходиться на зиму по домам, и где самому зимовать — не здесь же в остроге под пушками Милославского и в ожидании Урусова, Долгорукого и Борятинского. Люди хотели приступа, и надо было брать кремль.

В это время прибежал один из караульщиков и сказал, что донесли сторóжи: подходит Борятинский к Симбирску и вскоре будет под городом в нескольких верстах.

Вскочил Разин, сбросил на пол полушубок, схватил с лавки саблю, выскочил как был в одном кафтане, крикнул есаулов, попросил коня, и не прошло и получаса, как помчался он прочь из острога навстречу Борятинскому. Эх, князь Юрий, били, били, да не добили тебя. Так сейчас добьем! Здесь нельзя было медлить: не покончишь с Борятинским — зажмут воеводы, с двух сторон давить начнут. Никак не мог добраться он до Борятинского, все ускользал тот в сторону, а сейчас сам к нему в руки идет. Оставил Степан в шанцах пехоту да на валу пушкарей, чтобы попугивали Милославского, а с собой взял семь сотен конных казаков да на подмогу стрельцов астраханских, царицынских, саратовских, самарских, пеших татар, мордву и чувашей, которые хорошо знали здешние места. И нашел Степан Разин Борятинского на берегу реки Свияги, около Симбирска, в двух верстах. Обратился Разин к своим людям, крикнул им, чтобы не робели молодцы, вспомнили о прошлых победах, постояли бы за волю народную, против изменников и душегубцев.

А в это же время истово молились Юрий Борятинский и его товарищи воеводы, взывали они к господу богу и пресвятой богородице, и особенно просили заступничества и помощи у дивных в чудесах чудотворцев Николая Мирликийского и Сергия Радонежского. После молитвы объехал князь Юрий войска, просил дворян, жилецких людей, стрельцов московских, солдат постоять за великого государя и святую церковь, против изменников и богоотступников.

И сошлись войска близко. Сначала дрались конные против конных. Лихо, с гиком ударили казаки, стали теснить дворян Борятинского, отчаянно рубился в первых рядах сам атаман, зажегся, вертел над головой саблей, успевал и отбиваться и врагов доставать. Дрогнула дворянская конница, обратилась вспять, повернула к своему обозу. Возликовали казаки, рванулся вперед Степан: только теперь и можно было достать Борятинского, ворваться на плечах дворян в обоз, смешать все, опрокинуть и пустить следом лесных жителей — мордву, татар, чувашей, пусть в свалке вырежут врагов своих кривыми ножами, добьют княжеское войско. И вдруг случилось неожиданное. Пропала куда-то дворянская конница, расступилась на обе стороны, и полетели с размаху конные казаки на пешие ряды пищальников, на расставленные прямо против них пушки. Первым же залпом из

пушек, пищалей и мушкетов скосили государевы люди изрядное число казаков, замешкались наступавшие, смешались, а солдаты ударили по ним еще и еще раз. Хотел было достать Степан вражескую пехоту, но не смог, стройно и твердо стояли люди Борятинского, не подпускали к себе. А тут из-за пехоты снова выскочила конница князя, набросилась на казаков. Пищальным выстрелом убило под Разиным коня, еле успел Степан выскочить из седла, подхватили атамана казаки, дали ему нового коня. Крикнул Разин, чтобы отступали казаки к Свияге, и сам повернул назад. Отошли разинцы от войска Борятинского в порядке и стройно. Вместе с ними отошла их пехота, которая так и не вступила еще в бой. И не преследовал казаков князь, побоялся смешать, раскрыть свои ряды.

А Разин уже слал гонцов в симбирский острог, просил есаулов привести помощь. Подходили со стороны Симбирска новые разинские отряды, а Борятинский медленно, но упрямо стал подвигаться к берегу Свияги, где остановился Разин. К вечеру снова сошлись войска. Впервые пришлось Степану целый день биться не с отдельными воеводскими отрядами в далеких степях, не со стрельцами, готовыми сдаться казакам по первому его, Разина, слову, а с врагом отчаянным, смертельным, дворянской породой, преданными слугами государевыми, хорошо вооруженными, соблюдающими великое стройство.

И хотя подвезли к Разину пушки и подошли к нему новые конные и пешие отряды, однако не выдержали повстанцы удара дворянских и солдатских полков. Казаки дрались храбро и теснили врагов, а крестьянские отряды робели в этом аду кромешном.

Наступил вечер. Который уже час бились люди. И нельзя было стрелять из пушек друг в друга — негде было развернуться пушкарям: могли они поранить своих людей. На всем берегу кипела рукопашная схватка. Первыми дрогнули отряды мордвы и чувашей, бросились в сторону от боя, посыпались в лес, стали рассыпаться и русские крестьянские отряды; не выдержали крестьяне ружейной и пистолетной пальбы, да и что могли сделать многие из них со своими вилами, косами, кольями, рогатинами: так и не успел Разин вооружить всех своих воинских людей под Симбирском. Держались еще казаки, но и они отступали, теснимые со всех сторон врагами.

Степан был в самой гуще боя. Здесь уже негде было развернуться на лошади, дрались в пешем строю саблей и пистолетом. Все забывал Степан в эти минуты, горячился и видел перед собой лишь стрелецкие кафтаны, сытые дворянские лица и стрелял в них и рубил по ним молча и зверски. И везде дрались люди отчаянно и молча же, лишь иногда раздавался вдруг надрывающий душу крик раненого, а потом снова был слышен лишь храп дерущихся, да стучали друг о друга сабли, бердыши, колья.

В разгар боя Степан вдруг почувствовал острую боль в левой ноге, захромал, но даже взглянуть вниз было некогда: со всех сторон наседали яростно дворяне и дети боярские. Не успел он обернуться вовремя, рубанули его наотмашь саблей по голове, разрубили шапку, стесали кожу, кровь залила глаза, потекла по лицу, а Степан все продолжал рубиться, кричал своим, чтобы не уступали дворянским собакам, мясникам, держались кучнее.

Но все меньше оставалось вокруг него товарищей, а Борятинский издали следил за Разиным, посылал против него то одного, то другого, видел, что уже ранен Стенька и можно взять его живым. Но все посланные князя гибли от руки Степана — кого доставал саблей, кого пулей. Стал пробиваться к Степану алатырский дворянин Семен Степанов. Пробился, кинулся на Степана сзади, свалил, подмял под себя и уже хотел было вязать его ременным гужом, как кинулись на выручку казаки, здесь же, над Степаном изрубили алатырского дворянина. А Разина оттащили в сторону от свалки, но он все порывался назад, утирал рукавом кафтана кровь с лица, потом увидел, что окружают казаков, отрезают их от города, загоняют на берег Свияги, и сразу остыл атаман, весь воинский угар как рукой сняло, уже не рвался с саблей в кучу, расставил людей, где было надобно, прикрыл края своего отряда, дал приказ медленно и спокойно отходить всем к острогу, а в острог послал гонца, чтобы при подходе Борятинского к городу вслед за казаками били бы по князю из острожных пушек и пищалей и не подпускали бы к воротам.

Но не спешил Борятинский к острогу, дал отойти Разину и запереться, а потом уже стал подтягивать своих людей и тут же устраиваться обозом, окружать стан телегами на случай, если вдруг захотят казаки совершить вылазку.

Трудный это был день для Разина. Хотя и увел он свое войско назад в порядке, но многих потерял в бою. Рассыпались по окрестным лесам симбирские уездные люди, побежали по своим деревням, больше ста человек захватили государевы ратные люди здесь же на месте и почти всех закололи на глазах у разинцев, которые смотрели на эту расправу из-за острога. Отбил Борятинский у казаков четыре пушки, четырнадцать знамен, литавры. Сам Разин лежал в избе на посаде, под тулупом, с простреленной ногой и порубленной головой. Пока был в бою, не замечал, а сейчас нога сильно болела, а из-под повязки на голове все сочилась кровь, смачивала подушку.

Следующий день прошел спокойно. Разин приводил свое войско в порядок, считал людей, смотрел пушки, обходил, опираясь на палку, своих товарищей, приободривал их, присаживался к кострам, шутил. И что за беда, что побил его Борятинский. Судьба переменчива. С ним сидит в остроге почти двадцать тысяч человек, а по всей Волге стоят за ним его, казацкие, города, и атаманы сидят по всей черте в городах и селах.

В тот же день послал Степан людей к Харитонову, Осипову, Иванову, чтобы подвигались к Симбирску, помогли ему совладать с Борятинским. Не особенно тревожился Степан и об ушедших и разбежавшихся крестьянских отрядах. Эти могут вернуться быстро, придут в себя по чащобам и снова пойдут бить своих вотчинников и помещиков. Раз уж почувствовал мужик волю, так назад в ярмо его уже так легко не загонишь.

Слушали повстанцы Разина, дивились на силу духа его, на храбрость и мужество, а Степан ковылял от одной кучки к другой, и крепла вера в казацком лагере, и готовы были повстанцы наутро вновь идти против московских воевод, если скажет батька Степан Тимофеевич.

Одно беспокоило Разина, но не говорил он об этом своим товарищам. Борятинский, наведя мосты через Свиягу, подошел вплотную к городу с южной стороны. Там он разметал небольшие заслоны повстанцев и пробился наконец к Милославскому. Теперь город был как бы разделен на две части. Вся северная часть с выходом на Волгу, к стругам, с посадом и острогом была в руках Разина, южная же с Малым городом — в руках Милославского и Борятинского. Но князь Юрий не входил в кремль, остановился возле города. Видно, хотели воеводы с разных

сторон ударить на повстанцев. А к вечеру прибежал переметчик из Малого города и сказал, что был у воевод совет и решили они первым делом отбить у Разина струги, чтобы тем вконец сгубить и разметать все казацкое войско и не дать уйти ему на низ.

Разин усилил охрану стругов и решил во что бы то ни стало овладеть кремлем, благо все было готово к последнему приступу.

Но воеводы первыми перешли в наступление.

К вечеру 3 октября вдруг открылись ворота Малого города, и ратные люди Милославского ударили по засевшим в шанцах казакам, прошли их и обрушились на разинский обоз, стоявший около города. Степан не стал отбивать обоз, а бросил все свои силы на кремль. Метая за стену зажженные дрова, стреляя из ружей, лезли по приступным лестницам казаки, татары, мордва, черемисы. Три тысячи человек вел за собой Разин на приступ. Сам он, хромая, с обвязанной головой шел в первых рядах.

— Ну же, робята, вперед! — весело кричал Степан. — Устроим баню мясникам!

Казаки рвались за своим батькой; татары и мордва хоть и не понимали, что кричал им Разин, но тоже веселели, не отставали. Накатывалась повстанческая волна на стены Малого города со всех сторон.

Над Симбирском опустилась ночь. В темноте четко были видны летящие по воздуху огненные поленья; горел кремль, отовсюду тянуло гарью. В страхе метались на стене поредевшие защитники Малого города; кое-где казаки дрались уже на самом верху, снизу подлезали с ножами в руках мордва и татары. Все складывалось хорошо, Милославский завяз в обозе, Борятинский, видно, не поспевал подойти с южной стороны. Только бы перевалить за стены, перетащить пушки на южную стену, встретить там князя Юрия.

В это время со стороны Свияги раздался вдруг страшный крик. Кричали тысячи людей. В обход острога, в тыл к разинцам, заходил рейтарский полк Андрея Чубарова. Так уж задумал Борятинский, чтобы не просто вышел его полк со Свияги, а именно с шумом. И тут же побежали к Разину люди, закричали, что обошел их с тылу Борятинский, отрезает от стругов, что уже хватают люди князя Юрия струги и лодки и топят их. Похолодели казаки. Сразу же остановились. А полк Чубарова шел на них сзади, слышалась стрельба в обозе, внизу под горо-

дом. И тут же встрепенулись защитники Малого города, ударили по разинцам из пушек и пищалей. И вдруг смешалось все кругом. Не видно было, где свои, а где чужие, и уже катились вниз со стен казаки, а следом за ними татары и мордва. Степан пробовал остановить людей, собрать их, а казаки бежали мимо, кричали ему:

— Спасайся, батька, сгинем без стругов!

В ярости ударил Степан нескольких человек, пробегавших мимо, но те только метнулись в сторону и, словно не заметив, продолжали свой бег.

Он стоял один и старался удержать этих людей, а со Свияги все нарастал и нарастал вой чубаровского полка. Крутился в бешенстве Степан, скрипел зубами, набухла от крови тряпка на голове, нестерпимо ломило ногу, кровоточило правое плечо — видно, задело пулей. Эх, можно же было еще уйти в острог, отсидеться там, а к стругам выслать верных людей сотни две-три, отогнать лодки подальше вниз. Но метались вокруг обезумевшие от страха люди, гибли в кромешной ночной мгле.

К Разину подскочили его ближние казаки, схватили под руки, поволокли, говорили ему: «Идем, батька, идем к стругам, промедлим — повяжут нас всех, выдадут воеводам!» — а сами крикнули в темноту, чтобы держались люди в остроге, что пошел Степан Тимофеевич за помощью и вскоре будет...

А Степан уже не мог идти, валился с ног от ран, от великой боли душевной, от того, что бросал он свое войско, оставлял его на поток и разгром князя Борятинского, уходил тайно, обманом.

Остановились повстанцы, прикрыли атамана. Казаки подхватили его, понесли к Волге, а там уже творилось неладное, брали повстанцы струги с бою, спасали себя кто как мог. Ближние люди нашли атаманский струг, отвязали его от кола, стащили в воду, спихнули вслед еще несколько лодок. Положили Степана на слани, набросили сверху зипун, оттолкнулись от берега и ударили веслами по воде. В кромешной тьме полетели один за другим казацкие струги на низ, оставляя вдалеке гремящий пылающий город...

Наступил рассвет. И оказалось, что не все еще потеряно. Оставшиеся казаки, крестьянские отряды, блюдя разинский наказ, засели в остроге, укрепились под городом в обозе и приготовились сидеть.

Теперь уже все переменилось: подходила с поля конница Борятинского против обоза повстанцев, а пешие шли приступом на острог; с другой же стороны подступал к острогу Иван Милославский.

Серый и холодный выдался день 4 октября. Шел снег вперемешку с дождем. Черная Волга вся покрылась белыми барашками. Неуютно и холодно чувствовали себя повстанцы в остроге. Изменились к ним и посадские люди: позапирались все по своим дворам, а кто громче всех кричал раньше против воевод, те как-то особенно притихли.

С первого же приступа Борятинский и Милославский ворвались в острог, сбросили восставших с вала, погнали их по улицам, дворянская же конница овладела обозом, отрезала повстанцам путь к берегу. Там еще стояли десятки больших и малых стругов и лодок, лежали многие войсковые запасы, но пробиться к ним было уже нельзя. Некоторые крестьянские отряды бросились из острога прямо в лес, а за ними гнались стрельцы с бердышами, рубили по спинам. Другие же побежали к стругам, и здесь рубили их дворяне Борятинского и Милославского. От двадцатитысячного войска в живых осталось несколько сот — тех, что успели дойти до лесов или уйти на пустых бочках, на бревнах через Волгу, остальных государевы люди порешили всех на месте: где заставали, там и кололи, топили. Пятьсот человек взяли в плен, и теперь они сидели связанные рядами в остроге, ожидали своей участи.

А Борятинский в тот же день послал от Симбирска по черте своих людей наводить порядок по селам и острожкам, а сам стал обозом в остроге.

21. МНОГИЕ И ЖЕСТОКИЕ БОИ

Стоял уже Юрий Борятинский в Симбирске, а Иван Милославский начинал свой воеводский сыск над симбирянами, искал, кто предался ворам, кто прельстился их ложными речами.

В приказной избе скрипели перьями подьячие, сочиняя грамоты великому государю в Москву, князю Петру Урусову в Казань, князю Григорию Ромодановскому в Белгород и в иные верные царю города и полковым воеводам о великой победе над Стенькой Разиным. И писали

подьячие, что был на тех боях Разин поранен и ушел едва жив с немногими людьми в небольших лодках и побежали казаки Волгою на низ.

Поскакали гонцы из Симбирска в Москву и ближние города, а из Москвы уже в октябре и ноябре месяце пошли из разных приказов Разрядного, Казанского дворца, Посольского и иных грамоты от имени великого государя по всему Российскому государству о победе под Симбирском.

Но шли эти вести лишь по государевым городам да по приказным избам, скользили по верхам. Кончился октябрь месяц, наступал ноябрь, а в лесном Заволжье, по лесным засекам, по захваченным уездными людьми городам не было о них ни слуху ни духу, да и не могли гонцы пройти там. Пятнадцать больших уездных городов еще держали в своих руках повстанцы, и среди них Алатырь, Саранск, Пензу, Курмыш, Темников, Кадом, Верхний и Нижний Ломовы, Корсунь и другие. С трудом пробивались по Симбирскому уезду ратные люди Юрия Борятинского, не отходил далеко от Арзамаса Юрий Долгорукий, высылал лишь из города полк Федора Леонтьева то в одну, то в другую сторону, и везде Леонтьеву приходилось туго. Повстанцы перерезали все пути между полковыми воеводами, и каждый из них воевал в одиночку. Были дни, когда Долгорукий не мог послать даже гонцов в Москву без того, чтобы не попали они в руки восставших крестьян, обложивших всюду Арзамас.

Кружили разинские атаманы в междуречье Оки и Волги, крепко стояли в своих уездах и городах, и не знали они, что нет уже Разина под Симбирском и нет там их казацко-крестьянского войска. А если и доходили до них смутные вести о победах государевых ратных людей, так многие и не верили этому, знали, что приврать могут приказные души. Главное, что были в их руках города и села и все больше и больше людей шло к ним из уездов. И все бунташные города были в ссылке друг с другом: писали письма козьмодемьянцы ядринцам и курмышанам, а те цывилянам и алатырцам и договаривались меж собой, чтобы «им, соединясь... дворян и начальных людей и подьячих побивать... а как... придут великого государя ратные люди, и им битца всем и в городе в осаде сидеть и помереть всем заодно».

Подбадривали друг друга атаманы, ссылались грамотками, распространяли всюду прелестные письма, и мно-

жились бунташные люди, выводили бояр, дворян и приказных людей именем батюшки Степана Тимофеевича. И всюду ждали его: и в Тамбовском уезде под селом Конобеевом, и под Арзамасом, и на Алатыре, и под Нижним Новгородом. А если не приходил он, значит срок еще не наступил, значит воюет где-то Степан Тимофеевич за всю чернь, а наступит срок, и придет он к ним на помощь. И смело шли повстанцы в бой за пресвятую церковь, великого государя и Степана Тимофеевича Разина. Кипели бои под Алатырем, Темниковом, Арзамасом, Шацком, Нижним Новгородом. Мордовский мурза Акай Боляев вел бунташную мордву по Цывильскому уезду. В лесном Заволжье село за селом брал Илья Иванов.

К этому времени не раз и не два вспыхивали новые бунты и в понизовых городах, уже захваченных Разиным. Поднимался народ против недобитков, против тех, кто сумел залечь в первой суматохе, а потом повыползал из своих углов. Мутили воду боярские, воеводские приспешники в Астрахани, Царицыне, Саратове и на Самаре. В одних городах удавалось им запугать черных людей неминуемыми государевыми карами и великой опалой, и собирались уже самарцы и саратовцы принести свои вины, впали в большое сомнение. А в других городах дали боярским приспешникам отпор. Так узнали астраханцы, весь круг о том, что получает митрополит Иосиф царские грамоты, изменничает, вступает в ссылки с воеводами. Поднялись астраханцы, разгромили митрополичий дом и многих оставшихся в городе больших людей, дворян и купцов и целовальников, а митрополита приговорили на кругу скинуть с раската вслед за воеводой Прозоровским. Несколько дней бушевала Астрахань, добила чернь в те дни не только митрополита, но и многих изменников — старцев Троицкого монастыря, купцов, добрались наконец и до князя Семена Львова, на этот раз не пощадили его астраханцы, скинули с раската.

Расправились заново со своими врагами и жители Царицына. Говорили в те дни черные люди: ведомо-де им стало, что идут против них бояре со многим войском, а как уцелеть, если сидят изменники по городам, и во всем боярам потакают, и с ними письмами ссылаются.

Именно в то время, как ушел Степан Разин на низ, и считали за ним царские воеводы многие десятки тысяч человек, стояли под его именем вся Волга и Заволжье, пятнадцать больших городов в междуречье и часть Сло-

бодской Украины, называли себя разинскими детушками десятки многотысячных отрядов с известными народу атаманами. И все же малоподвижен был весь этот крестьянско-посадский океан. Его волны били лишь в ближние берега, хотя и сносились между собой атаманы, но не было у них крепкой связи, действовали в основном отряды каждый за себя и часто не ведали, что делается в других уездах. Бежал Степан на низ, и невдомек это было многим его друзьям и товарищам. Да если бы и знали они о его разгроме, что могло бы изменить его? Все так же сидели бы они по своим городам и селам, по острожкам и лесным засекам.

Со второй половины октября стали смелеть воеводы. Нескончаемым потоком шли в полки из всех уездов и городов государевы ратные люди — дворяне и дети боярские, даточные люди, рейтары, подтягивались пушки и всякий запас, полнились полки Долгорукого, князей Юрия и Данилы Борятинских, Урусова, Ромодановского.

Наступление воеводы начали сразу со всех сторон. Двинул свои полки из-под Арзамаса Долгорукий, шли его ратные люди в уезды Нижегородский, Курмышский, Алатырский; Юрий Борятинский пошел по Симбирско-Корсунской черте, брат же Данила от Казани двинулся к Козьмодемьянску; Яков Хитрово от Шацка пошел к Керенску. Опирались воеводы на преданные государю города — Казань, Симбирск, Арзамас, Шацк, Тамбов, а повстанцы надеялись на свои города: Козьмодемьянск, Алатырь, Ядрин, Курмыш, Саранск, Пензу, Темников, Кадом и другие.

Не знал поначалу, куда и посылать своих людей князь Долгорукий. Едва отбился он от нападения на обоз под Арзамасом, как сказали дозорщики, что идут от Симбирска на Арзамас новые бунташные отряды в три тысячи. Срочно послал князь против них Федора Леонтьева. Встретил их Леонтьев около села Панова, и был там жестокий бой. Шли крестьяне против царского воеводы со знаменами и литаврами, конные и пешие, и бились с ними государевы ратные люди отчаянно и оттеснили их от села. Тогда отошли крестьяне в лес и сели там в осаду, осеклись в крепких местах засеками. Брал их приступом воевода Леонтьев, а в это же время к селу Панову вышли из соседнего села Чернавского новые конные и пешие бунташные крестьяне. С трудом отбился от них воевода. Много побито было на тех боях государевых ратных людей, мно-

го полегло и крестьян, а многих воевода пленил. Остальные же до времени ушли по лесам. И там же на месте по приказу Долгорукого порешил всех пленных Федор Леонтьев, велел отсечь головы. Попал здесь в плен поп Андрюшка, который был под Симбирском, писал там Степановы прелестные грамоты, а потом ушел воевать на Арзамас. Пытали попа Андрюшку, винился он, что грамоты прелестные писал, и отсекли ему голову здесь же со всеми, а иных повесили по приметным местам.

В первых числах октября укрепился Юрий Долгорукий и послал воеводу Щербатова под села Мурашкино и Лысково. В бою 6 октября сбил он здешних людей, захватил у них пушки и знамена. И всех, кого взяли живым под Лысковом и Мурашкином, велел воевода Юрий Долгорукий карать отсечением головы.

Но держались еще мурашкинцы и лысковцы, подходили к ним люди с Алатыря и Курмыша, и снова укреплялись они. Кружили около сел воеводы Федор Леонтьев и Константин Щербатов, а подступиться никак не могли из-за множества восставших крестьян. Лишь 22 октября потеснили воеводы повстанцев, отняли у них 21 пушку, 880 ядер, пушечную дробь, мушкеты, пушечное зелье. И вошли воеводы, наконец, в село Мурашкино и всех, кого на бою взяли, тем велели отсечь головы и повесить. Всех же мурашкинских жителей привели к вере по церковной книге в присутствии попов и всего причта.

Многих захваченных людей велел Долгорукий привезти в свой обоз под Арзамас, и там пытали их крепко и жгли огнем, записывали их пыточные речи, а потом казнили: вешали и головы рубили.

А на следующий день двинулись Щербатов и Леонтьев к Лыскову и взяли село легко, потому что добили им челом сами лысковцы, а во всем все валили на мурашкинцев и их обвинили во всех воровских прелестях. Выбили воеводы повстанцев из Макарьевского монастыря. Разметал Долгорукий отряды Максима Осипова, и хотя кипели еще бои в лесах, но поочистили воеводы села под Нижним Новгородом.

С каждым днем свирепел князь Долгорукий, не слушал даже советов тех государевых людей, которые говорили ему повременить с казнями, чтобы не поднять тем крестьян заново, но беспощаден был Долгорукий, и беспощадны были дворяне и дети боярские, которые шли в бой против крестьян. Пленных не брали, кололи на месте,

а которые нужны были для проведывания разных сведений, тех сначала пытали страшными пытками, а потом уже казнили смертью. Писал 28 октября в своей отписке в Москву князь Юрий: захватили его воеводы в Лыскове бунташных мурашкинцев. А посадили их лысковцы в тюрьму, устрашась прихода государевых людей, «и они... государь, товарыщи мои, выняв ис тюрьмы тех воров, за их воровство велели казнить смертью: отсечь головы, а иных повесить, а иным отсечь руки и ноги, а туловища повесить, а 3-х человек посадить на колье, а 14 человек бити кнутом и отсечено им по пальцу».

А тут объявилось новое дело: перекопали восставшие нижегородские крестьяне большую Курмышскую дорогу, чтобы не было по ней проходу государевым ратным людям, вырыли великий ров, и рядом сделали насыпь высокую, и поделали по обе стороны насыпи крепкие шанцы, укрепили подступы к валу кольем, надолбами и честиком *. Брал с бою и эту крепость Леонтьев, клал здесь государевых людей.

В отместку казнил смертью Леонтьев всех взятых в плен и сжег дотла село Мигино, куда скрылись крестьяне после боя. А 25 ноября, через десять дней после победы под Мигином, поднялись вновь крестьяне сел Гагина и Маресева, устроили свой ратный стан и завладели всем. Выбивал их из сел стольник и воевода Василий Панин; и всех, кого взял, велел казнить смертью, а иных бить кнутом. С расспросных же пыточных речей говорили крестьяне, что все они люди Степана Разина и ждали его скоро в Нижегородском уезде.

В Свияжском уезде и потом на Цывильск, Чебоксары и Козьмодемьянск шел с полком воевода князь Данила Борятинский. Больше месяца потребовалось князю, чтобы пройти от Свияжска до Козьмодемьянска. Встречали с боем Борятинского каждый день и русские крестьяне, и черемисы, и чуваши. 19 октября был бой у князя в двадцати верстах от Свияжска на речке Белой Волошке, и вышло против него пятьсот человек крестьян. Разбил их князь, а пленных велел повесить и бить кнутом. 20 октября напали на княжеский полк под Цывильском три тысячи повстанцев. Целый день шел бой под Цывильском, и оттеснил, наконец, князь повстанцев, но не успел встать обозом, как яростно напал на него вновь вы-

* Мелким частоколом.

шедший из лесов отряд в пятьсот человек. Через три дня, 22 октября, под деревней Шотней выдержал князь нападение двух тысяч повстанцев, и сумел Борятинский разметать их, а пленных всех повесил.

Едва устроился князь обозом в семи верстах от Цывильска, как пришли к городу повстанцы числом в десять тысяч человек — русские люди и чуваши, а пятьсот человек стояли еще под самыми стенами города, чтобы не подпустить воеводу к Цывильску. Но не устояли крестьяне перед отборными государевыми войсками, вооруженными пушками и мушкетами. Целый день 23 октября шел бой, а к вечеру отступили повстанцы в леса, отдали Цывильск князю.

С боями пробивался Борятинский и к Козьмодемьянску, а в двадцати пяти верстах от города вышел ему навстречу 28 октября атаман Прокофий Иванов с тремя тысячами своих товарищей. Не зря, видно, просил Прокофий помощи у Ильи Иванова, ждал прихода государевых людей под город. Отчаянно дрались повстанцы против выборного солдатского полка Шепелева и конных эскадронов майора Аничкова, но не выдержали натиска регулярных войск, отступили к Козьмодемьянску и увезли туда же на санях свои две пушки.

3 ноября взял Борятинский Козьмодемьянск приступом. Но не застал там Прокофия Иванова, ушел он ночью со своими товарищами в леса.

Сразу же после взятия Козьмодемьянска устроил Борятинский в городе сыск. И сыскал он несколько сот, а четыреста человек бил нещадно кнутом, 60 человек казнил отсечением головы, а ста человекам сек князь руки и персты.

Но не успел еще до конца провести сыска Борятинский, как вышло безвестно из лесов от Ядрина двенадцатитысячное войско, и шли в нем скрывшиеся в леса козьмодемьянцы, ядринцы, русские уездные люди с Алатыря, Курмыша, Цывильска, Чебоксар, черемисы и чуваши. Вел их отбивать обратно Козьмодемьянск Прокофий Иванов с другими разинскими товарищами. Говорил Прокофий своим людям, что наказал ему Степан Тимофеевич держать за собой Козьмодемьянск всеми силами и ждать его, атаманова, приказа. И снова был великий бой, и снова взял верх Данила Борятинский, похватал на боях многих крестьян и всех казнил здесь же на месте смертной казнью — отсечением головы. Гибли крестьяне

под топором и поминали перед смертью близких своих и защитника и радетеля своего Степана Тимофеевича.

А на Алатырь шел по Симбирской черте брат Данилы Юрий Борятинский со своим полком, со стрельцами, рейтарами, даточными людьми, с дворянской конницей, а от Арзамаса к Алатырю же продвигался по приказу Юрия Долгорукого стольник и воевода Василий Панин.

Не хотели сдаваться разинские товарищи в Алатырском уезде. Встретили Борятинского атаманы, а с ними предводитель мордвы мурза Акай Боляев (или Мурзакайка, как называли его все: и свои и чужие) неподалеку от Уреня на реке Барыше близ речки Кондратки. И шло с ними 15 тысяч. Мурзакайка был ранен во время боя за Усть-Уренскую слободу, но держался молодцом, сидел на коне, объезжал своих товарищей, подбадривал их, блестел белыми зубами. Пришел Акай к Разину, как и Карачурин, бросил свое поместье, распустил крестьян и пошел со своим народом против угнетателей и насильников. Был он сначала около Степана, а потом подался в леса собирать своих людей. Говорил Разин Мурзакайке перед уходом, что любит его и очень надеется на него и на всю мордву. А теперь стояли войска друг против друга по обе стороны речки Кондратки — разинские товарищи и отборные воеводские войска. Мужественно держались в этом бою крестьяне, ложились под пушечными и мушкетными выстрелами, отбивали все приступы Борятинского, но все же не выдержали натиска хорошо обученных и вооруженных государевых людей. И когда писал князь о том бое, что «пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи протекли», то не преувеличивал.

Здесь, на Кондратке, и решилась судьба Алатыря: откатились в леса повстанцы, оставили неприкрытым город. И били челом Борятинскому алатырские жители, вышли к нему навстречу с образами и крестами, и вины свои принесли.

Вошел в Алатырь Борятинский 23 ноября.

Ушли в леса разинские атаманы вместе с Мурзакайкой и стали собираться с новыми силами. Сидели они по лесным деревням, прятались на заимках и починках, везли к ним крестьяне по сырому бурелому и бездорожью еству и питье. Потом подморозило, оделись бунташные люди в овчинные тулупы и армяки, поставили пушки на сани, колесили по уезду, сбивались снова в большую кучу, разбредались, и снова собирались, и сходились друг к

другу разинские атаманы, звали именем батюшки Степана Тимофеевича постоять за черных людей. И имя это поддерживало в людях веру и надежду, помогало терпеть и ждать.

Наступила зима. И гремело имя Разина по всему уезду по-прежнему, будто и не было боя под Симбирском, будто не бежал Степан раненый и разбитый невесть куда. И обнадеживались крестьяне, и ждали нового выхода казаков с Дона к себе на помощь. И жестокие бои шли по всему уезду.

Взяли в конце концов Мурзакайку в мордовской деревне Костяшеве. Нагрянули конные дворяне в деревню внезапно, наездом. Пошли по домам... Мурзакайка не запирался, гордо сказал, что есть он мордовский атаман и товарищ Степана Разина и идут все они — мордва за вольность и правое дело. Не дрогнул Акай Боляев и перед казнью, не отрекся от Разина. Писал в середине декабря Юрий Долгорукий в Москву письмо: «А вора и изменника и бунтовщика Мурзакайка велел я, холоп твой, за многое его воровство... казнить смертью, четвертовать».

Погиб мурза Акай Боляев, а мордовские деревни долго еще бурлили, приносили вины и опять поднимались против государевых воевод, и казнили они крестьян великое множество, и виселицы стояли по селам, деревням и дорогам, и качались на них застывшие от лютых морозов трупы, и были то товарищи Осипова, Боляева, Иванова...

Брали воеводы город за городом, село за селом, овладевали дорогами, сбивали бунташные крестьянские лесные засеки, и снова собирались крестьяне, стояли насмерть, не боялись ни пушек, ни рейтар, ни лютых морозов, которые ударили уже в конце ноября. Дрались крестьяне за волю, которую принес им Разин с товарищами, и стоила теперь им эта воля большой крови. Но уж раз почуяв ее, трудно было им вернуться в прежнее ярмо, и шли они против мушкетов и пушек с рогатинами, и гибли на виселицах и на колах, клали головы на плахи, умывалось крестьянской кровью все междуречье Оки и Волги. И с каждым днем все больше стервенели воеводы; требовал князь и боярин Юрий Алексеевич Долгорукий не давать пощады, карать воров смертной казнью, и сечь головы, и четвертовать, и вешать, и сажать на кол. А вскоре пали разинские города Кадом и Темников.

Еще 4 декабря Долгорукий находился в двух верстах

от Темникова. А навстречу ему уже вышли лучшие городские люди с иконами и крестами, винились, обещали указать на всех оставшихся в городе воров.

И начал сразу же сыск воевода. Одного за другим приводили к приказной избе разинских товарищей, и всех после короткого расспроса вершил смертью Долгорукий. Захватили в Темникове одного из главных заводчиков бунта в Темниковском уезде, а был тот заводчик, на удивление всех, монастырская старица Алена. Стояла она в Темникове вместе с Федором Сидоровым и атаманствовала. Писал о сем небывалом случае в Москву Долгорукий: «А вор старица в роспросе и с пытки сказалась. Аленою зовут, родиною де, государь, она города Арзамаса. Выездные слободы крестьянская дочь, и была замужем тое ж слободы за крестьянином; и как де муж ее умер, и она постриглась. И была во многих местах на воровстве... А в нынешнем де, государь, во 179-м году, пришед она из Арзамаса в Темников, и збирала с собою на воровство многих людей и с ними воровала, и стояла в Темникове на воевоцком дворе с атаманом с Федькою Сидоровым...»

Всех пленных приказал Долгорукий казнить отсечением головы, а старицу велел сжечь в срубе как ведунью.

Сошлись все воеводы вместе с Долгоруким смотреть, как будет гореть ведунья

Перед тем как взойти на сруб, обернулась она к Долгорукому и сказала спокойно, что если бы побольше ее товарищей бились так же, как она, то спасался бы давно уже князь Юрий из этих мест. Потом осенила себя крестом, легла на сруб. Горела Алена молча.

14 декабря после жестокого боя, который длился с 10 часов утра до 6 часов вечера, взял полковой воевода Яков Хитрово Керенск.

Из Керенска написал воевода увещевательные грамоты в Нижний и Верхний Ломовы, предлагал и им добить челом, но молчали бунташные города. В это время шли на Нижний и Верхний Ломовы ратные люди воеводы Константина Щербатова, и, разметав крестьянские отряды, взял воевода оба Ломова 18 декабря, привел жителей к кресту, а заводчиков пытал накрепко и казнил.

Рассыпáлись теперь крестьянские отряды все чаще и чаще, выбили у них из-под ног воеводы прочную опору — побрали главные разинские города, и уж потом продвигались дальше по уездам.

Цеплялись крестьяне еще за крупные села и деревни, за засеки, но много ли высидишь в засеках в декабрьские морозы, а села и деревни стоят без острогов — все открыты для пушечного боя, и воевать обозом хорошо еще не научились крестьяне, да и оружия не хватало. После того как в главных боях похватали у них государевы люди пушки и пищали, оставались они с мелким ружьем и с рогатинами.

30 декабря пал последний из крупных восставших городов — Пенза.

Но не кончилась война. Лишь стихло немного в южных городах. Отчаянно еще дрались крестьяне в Тамбовском и Шацком уездах — там, где стояли с ними Михаил Харитонов, Тимофей Мещеряков. Они еще надеялись отсидеться осень и зиму в лесах и встретить будущей весной Степана Тимофеевича, который совсем недавно обещал быть у них под Конобеевом, другие же, зная, что стал весь край их бунташный, яростно лезли на Шацк и Тамбов и не верили, что стоят еще эти два воеводских города среди безбрежного моря их вольных сел, деревень, городков и острожков. Медленно доходили вести до лесных засек, и кто знал там, где Долгорукий, где Борятинский, а знали крестьяне одно — идет с ними разинский товарищ Миша Харитонов и шлет везде свои прелестные грамоты, и сидят дрожат в Шацке и Тамбове государевы ратные люди.

Месяц пробился в Тамбовском уезде Бутурлин, но так и не освободил Тамбов от осады. Доставал он крестьян, а они переходили на другое место и вновь из лесов упорно и яростно шли на Тамбов, выполняли наказ Степана Разина — взять город и ударить оттуда на Москву.

Только в декабре разгромил крестьян под Тамбовом Бутурлин и вызволил город из сидения. В Лысогорском остроге настигли конные дворяне Тимофея Мещерякова, схватили его и тут же начали пытать накрепко, с огнем.

Разбежались по всему уезду люди Мещерякова, пробивались к Михаилу Харитонову в тамбовский лес и выходили оттуда весь декабрь, и много шкоды учинили еще Бутурлину и товарищу его воеводе Алексею Еропкину.

Гнались воеводы в ноябре по пятам и за Ильей Ивановым. Послан был на Ветлугу и в Галич стольник и

воевода Иван Вельяминов. Петлял Иванов по Ветлуге, писал письма ко всем черным людям Галичского уезда, поднял за собой на Унже всех земских старост и посадских людей, призывал встать против бояр и воевод за батюшку Степана Тимофеевича Разина. И забунтовали галичане. Многих государевых людей на Унже посажали в тюрьму вместо выпущенных тюремных сидельцев. И как приезжал Илья в село, так встречали его все крестьяне с попами, иконами и крестами, и провозглашал всюду Илюшка волю от Степана Тимофеевича, и сам называл себя его товарищем и атаманом. За время, что шел Иванов по Ветлуге, убили его люди десять человек в разных вотчинах и поместьях.

До декабря еще не пришел Вельяминов в Галичский уезд, и взяли защиту своих жизней и животов сами дворяне, богатые крестьяне и приказные люди. Сначала застали они врасплох на одной из заимок загонщиков Ильи Иванова, которые ездили с его прелестными грамотами по селам и призывали бояр, приказчиков их и всех богатых мужиков вырубать. Схватили загонщиков и с пытки узнали у них, что идет следом за ними и сам атаман Иванов. А сказали схваченные люди Иванова, что хотел Илья укрыться до весны либо на Тотьме, либо на Устюге, либо у Соли Камской, а потом по весне пробиться опять на Волгу к Разину.

Гнались за Ивановым дворяне, а по всему уезду разносили волостные люди грамотки с описанием примет Ильи: «Ростом средней человек, волосом светло-рус, в лице продолговат, нос прям, продолговат, борода невелика, з брувьями небольшими почернее волос». Были разосланы приметы и других Илюшкиных товарищей, которые шли с ним на Тотьму: «Федька Носок низмен, волосами рыж, борода сива, невелика, лицом островат, сухощав. А Куперка плоск, волосом рус, борода мала, только ус вырезался. А Сенька Полицын островат, ростом невелик, Федьки Носа ниже, волосом рыж, борода режетца. А Ондрюшка Пермяк волосом черн, кудреват, сутул, на правой щеке знамя невелико богряно. А Федька Северига — борода маленька, сива, ус режетца, ростом середней, тонок, речь писклява».

11 декабря прибежал к тотемскому воеводе Максиму Ртищеву работный человек из Усолья и сказал, что видел он в пяти верстах от Тотьмы пятеро саней с незнакомыми людьми и сидят в санях по двое, и на во-

прос, кто такие, назвали себя казанцами. А по всем приметам выходит это воровской атаман Илюшка Иванов со своими людьми. Тут же послал Ртищев на дорогу сотню тотемских жилецких людей, и настигли они те сани за Сухою речкой на болоте, недалеко от Тотьмы...

Илья Иванов признался сразу, рассказал, не тая и не боясь, как побивал он на Ветлуге и в Галичском уезде помещиков, как распускал тюремных сидельцев, как поднимали они с Мироном Мумариным людей за Степана Тимофеевича Разина. А потом допрашивали Илью и его товарищей по второму разу с пристрастием и с огнем. А 12 декабря Илья Иванов со своими товарищами был вершен — повешен на площади в Тотьме.

Но не кончились еще на этом злоключения Ильи Иванова. И мертвый был он страшен дворянам. Приводили к его телу пойманных в Галичском уезде и на Тотьме, и у Соли Камской его товарищей, чтобы опознали они своего атамана; и показывали бывшие его товарищи, что мертвый и есть Илья Иванов. А потом повезли тело Иванова в Галич и там повесили его вторично на торговой площади, и объявляли приказные люди всему народу, что висит здесь вор и государев изменник Илюшка Иванов, и нет больше его в живых, и впредь бы смятение в народе его именем не вызывали. И все вины Илюшкины выписали приказные люди в грамоте, а грамоту прибили под Илюшкиным телом к столбу.

На Слободской Украине обошлось для царских воевод легче. Двинул против повстанцев князь Григорий Ромодановский отборных людей своего Белгородского полка, шли первыми выборные люди Косагова. Прислал на помощь князю отряд запорожских казаков гетман Демьян Многогрешный. Выслал он из Батурина в помощь Ромодановскому тысячу запорожских казаков под Острогожск. Клялся Многогрешный в верности его государскому величеству и обещался всякими мерами Стенькиных товарищей в Малой России, его, государя, вотчине сыскивать, а найдя, карать нещадно горлом — заливать в глотку расплавленный свинец.

Быстро взял Ромодановский Острогожск и Ольшанск и начал сыск.

В начале ноября полковник Косагов добрался до Маяцка, где засел со своими людьми названый брат Степана, друг его и товарищ Леско Черкашенин. Не стал Леско искушать судьбу и связываться с выборным пол-

ком и бежал из Маяцка. Вместе с ним отступили бунташные казаки из Царева-Борисова, Змиева, Чугуева, ушли вниз по Донцу в судах и на конях по берегу. Леско же с немногими людьми стал пробиваться лесами на Волгу к Самаре.

Отогнали от Коротояка и Фрола Разина. Ушел Фрол по Дону в судах назад в Кагальников городок.

Отовсюду теперь писали городовые и полковые воеводы, что понемногу стихать стало — и на Волге, и в заволжских лесах, и по Симбирско-Корсунской, и Тамбовской черте, и под Алатырем, Ядрином, Курмышом, Пензой и на Слободской Украине. Понемногу мельчали бои; к январю 1671 года все меньше и меньше оставалось разинских товарищей-атаманов, поубавилось и бунташных крестьян. Правда, отчаянно еще дрались они под Тамбовом и Шацком, не жалели ни себя, ни государевых ратных людей, тяжело расставались с волей.

Теперь же во всех городах начали воеводы вершить свой сыск и расправу. Схватил все междуречье Волги, Оки, Дона, Суры в свои железные руки главный воевода Юрий Долгорукий и всюду вытравлял государевых изменников.

Уже в боях зверствовали люди Долгорукого, Борятинского, Бутурлина, Хрущева, Хитрово, Ромодановского и иных воевод — рубили пленных и безоружных топили, жгли огнем заживо, и не одного, не двух, а сотнями, тысячами. Была война, а теперь наступила расправа, которой до этого ни на одной войне не бывало.

На Слободской Украине сыск вел Григорий Ромодановский. Люди Ромодановского вешали своих врагов в Новом Осколе, Богодухове, Харькове, Маяцке, Змиеве, Чугуеве. А о раненых, захваченных в последнем бою на речке Махмуте, докладывал Ромодановский: «Да раненых взятых воров 52 человека, которым было нельзя быть живым, повешены на устье речки Махмута, в разных местах над Донцом и по дорогам». Про многих же писал князь коротко: «Руки и ноги обсечены, а тулово за голову повешено».

И висели вдоль дорог на торговых площадях по городам, селам и местечкам люди, которые рвались к разинской воле; висели и с руками и ногами, и одни культяпки, обсеченные. Дорогую цену платила Слободская Украина за несколько дней разинской воли, что принесли с собой Леско Черкашенин, Фрол Минаев, Фрол Разин,

На Ветлуге вел сыск стрелецкий голова Карандеев. Семьдесят девять человек привел он к наказанию из сел и деревень: и все почти были помещичьи крестьяне и бобыли — одни беглые, другие здешние приводные, вешал их воевода, бил кнутом на козле, сек пальцы на руках, резал напрочь правое и левое ухо, вырезал язык.

А в Галичском уезде вел сыск и расправу воевода Семен Нестеров. Казнил всех, кто был с Ильей Ивановым, а если и не был, то казнили за то, что не донес о нем. Докладывал воевода в Москву, что «по роспросным и пыточным их речам казнены они розными смертьми, чтобы в Галицком уезде всему народу воровство и смерти их были ведомы». И все расспрошенные и пытаные были повешены, а иным для устрашения поначалу обсекли руки и ноги, а туловища вешали за голову и за ребро. И висели так на Галиче они по площадям, вдоль улиц, и за городом, и на дорогах многие сутки.

В Нижегородском уезде свирепствовал воевода Бухвостов. Со всего уезда везли в Нижний Новгород бунташных крестьян и посадских людей, расспрашивали, пытали, чинили им наказанье. 29 человек приказал воевода казнить смертью, а 57 человек били кнутом и секли им руки по запястье, обрубали пальцы на руках и ногах, а потом отдавали тех наказанных людей помещикам и вотчинникам, кто чей был.

Прислал отписку в Москву и новый кадомский воевода Иван Головкин и писал о вершенных уездных людях: «повешен» (многажды), «бит кнутом нещадно, да у левой руки мизиной палец отрублен», «бит кнутом в провотку», «у левой руки отрублены два перста».

Особенно нещадно карал повстанцев князь Юрий Долгорукий. Начал он еще с Арзамаса. «Страшно было смотреть на Арзамас,— писал позднее один из иноземцев,— его предместья казались совершенным адом, повсюду стояли виселицы, и на каждой висело по сорока и по пятидесяти трупов; там валялись разбросанные головы и дымились свежею кровью, здесь торчали колья, на которых мучились преступники и часто были живы по три дня, испытывая неописуемые страдания». В одном Арзамасе с октября по январь казнили до 11 тысяч человек.

Страшная судьба ожидала и жителей Царицына и Астрахани. Позднее, когда взяли царские войска Астрахань, новый воевода Яков Одоевский своими казнями

устрашил даже видавших виды офицеров. Бывший еще в то время в городе Людвиг Фабрициус так описывал действия Одоевского в Астрахани: «Он был сильно ожесточен против бунтовщиков... Одоевский велел взять под арест всех астраханских жителей... Свирепствовал он до ужаса: многих повелел заживо четвертовать, кого заживо сжечь, кому вырезать из глотки язык, кого заживо зарыть в землю. И так поступали как с виновными, так и с невиновными. Под конец, когда народу уже осталось мало, он приказал срыть весь город».

Говорили, что по всей Руси от пыток и казней погибло тогда в осенние и зимние месяцы 1670—1671 годов около семидесяти тысяч человек. По всем дорогам качались под холодным ветром повешенные, брели из деревни в деревню обрубленные, безухие, безъязыкие, бесперстые калеки, устрашали православных, и долго еще на торговых площадях четвертовали пойманных и пытаных воров, били кнутом на козле и тянули в проводку.

Люто началась война крестьян против бояр, дворян и приказных людей. Но агнцами божьими глядели теперь разинские атаманы и сам Степан Разин. Страшно кончалась война дворян против бунташных крестьян. За каждого убитого дворянина ложились на плаху десятки и сотни, за каждую выжженную усадьбу жгли государевы люди целые уезды, многие села и деревни, за каждую похищенную киндяшную шубку или суконный кафтан вешали без пощады, рубили руки и ноги, за каждое дерзкое слово против воеводы или боярина вешали же, вырывали язык, карали горлом *.

Но нельзя было вывести всех бунтовщиков, потому что бунтовала каждая деревня, каждое село, и сечь всех подряд накладно было для самих вотчинников и помещиков, не хотели они лишаться своих подневольных крепостных крестьян — работников барщинно-обязанных и оброчных. Поэтому не всех вешали и четвертовали воеводы, многих же приводили к кресту, заставляли бить челом государю, приносить свои вины, просить милости, клясться, что не повторят они больше во веки веков такого воровства и будут впредь послушны и преданны. Черемисов, мордву, чувашей, татар приводили заново к шерти — брали с них клятвы на верность.

* Заливали в горло расплавленный свинец.

Но шла неделя за неделей, а все никак не могли успокоиться уездные люди. Ни пытки, ни казни не брали их, ни увещевания, ни клятва на кресте. Едва уходили воеводы из сел и деревень, так сразу же во многих местах начиналась новая смута.

Держались еще поволжские города, крепок был Царицын, своевольно и свободно жила Астрахань, и долго ей было еще до прихода Якова Одоевского. А пока покончив с митрополитом и прочими заговорщиками, клялись астраханцы: «Атаманы и все казаки, и пушкари, и затинщики, и посадские люди, и гостиного двора торговые люди написали меж собою письма, что жить здесь в Астрахани в любви и в совете, и никого в Астрахани не побивать и стоять друг за друга единодушно и идти... им вверх побивать и выводить изменников бояр».

Не было Разина уже на Волге, а мысли его жили, вновь собиралась бунташная рать идти вверх по Волге и далее, как бог поможет. Не завяла разинская мысль прийти наконец под Москву и предъявить суровый счет боярам и воеводам.

Не было уже в Астрахани разинского товарища атамана Василия Уса, умер он от неведомой болезни. Встал во главе Астрахани другой товарищ Разина — Федор Шелудяк. Он-то и водил астраханцев и всех, кого прибрал в пути по разинскому пути через Царицын, Саратов, Самару на Симбирск. И снова шли под Симбирск многие государевы ратные люди и с большим трудом отогнали Шелудяка на низ.

Лишь к 1672 году окончательно замирили воеводы волжские города. Кончалась война, начатая Разиным, сила гнула силу, кровью заливали воеводы покоренные города и уезды.

Первые недели, как вышел в поход князь Юрий Долгорукий, тревожно было в Кремле. Слал с дороги грамоты князь в Москву, рассказывал, что с трудом продвигается к Алатырю и Арзамасу, а потом писал, как отсиживался в Арзамасе, поджидая подхода ратных людей. В Москве жизнь вроде шла прежняя, но тревога висела в воздухе, мало радостных вестей шло с юга, сдавался разинцам город за городом, ширился бунт по всему Российскому государству. Пасмурный ходил великий государь Алексей Михайлович: не оправдывал Долгорукий его надежд, не смог быстро замирить восставшие

уезды. Молились в домовой государевой церкви беспрестанно за успех воевод и ждали, ждали вестей с юга.

Первым откликнулся Ромодановский, сообщил, что отбили его люди вместе с запорожскими казаками у воров Острогожск, Ольшанск, отогнали их от других городов Слободской Украины, что начал он сыск по городам; писал князь, что еще до его прихода справились с воровскими людьми сами жители Острогожска. 22 сентября царь указал наградить верных слуг своих острогожцев: послать протопопу пять аршин доброго сукна и пару соболей ценой в шесть рублей, а попам по пяти аршину полукармазину * и по паре соболей ценой в три рубля и другим людям тоже посланы были полукармазин и соболя. А потом радостей в Московском кремле стало прибывать. Сообщал Ромодановский, что разогнал он всех воровских казаков и многих переимал и перевешал и схваченных пытает и карает смертью...

Едва известил Долгорукий, что вышли из Арзамаса первые его воинские посылки и разметали воров в Арзамасском и Нижегородском уездах, побили под селами Вад, Мурашкино и Лысково, как тут же откликнулся царь похвальной грамотой в Арзамас, жаловал царь воеводу и наказывал ему передать ратным людям, чтобы всячески он обнадеживал их новыми царскими милостями.

С каждой новой отпиской воевод с юга веселели люди в Кремле, а потом пришло великое известие от Петра Урусова из Казани, что побил Юрий Борятинский Стеньку и побежал он с немногими людьми на низ. С тех пор не знала Москва покоя: шумно и суетно праздновали бояре, дворяне, приказные люди победу. Отслужили молебны во всех церквах. Поскакали гонцы во все преданные великому государю города вплоть до Сибири с грамотами, что сбит Стенька и ранен, и едва живу ушел и что промысел над ним чинят государевы воеводы. И читали эти грамоты повсюду, и радовались все лучшие и прожиточные городские и уездные люди. Был дан наказ всем русским послам, посланникам и гонцам в иноземные державы извещать о великой победе.

А 25 октября приказал царь устроить смотр своим войскам в селе Семеновском. Вышли полки в Семеновское за час до рассвета и строились, а к девяти часам утра прибыл в карете на поле к своему государеву месту

---

* Тонкое ярко-алое сукно.

сам царь Алексей Михайлович, а за ним ехали бояре, окольничие, думные и ближние чиновные люди в цветном ратном платье и на добрых лошадях. Стояли полки и пушки, и реяли на ветру знамена, и застыли барабанщики наготове. И подъезжали полки один за другим, били челом великому государю и возвращались на свое место. Пригласили на смотр в тот день всех иноземных послов, посланников, гонцов, торговых людей и прочих, чтобы видели и знали мощь и славу российского воинства. Прошло перед царем 60 тысяч человек. И в тот же день писали жившие в Москве иноземцы об этом удивительном смотре в свои страны и восторгались стройством и силой государевых ратных людей.

А потом с каждой неделей умножалась радость в Кремлевском дворце и в патриарших палатах, в боярских домах и на дворянских подворьях, потому что одолевали царские воеводы государевых изменников всюду. Ничего уж тут не жалел умилившийся Алексей Михайлович — ни похвального слова, ни обещанья, ни золотых монет, ни соболей в награду слугам своим.

2 декабря послал царь сказать милостивое слово за великие победы князю Юрию Борятинскому и всем его ратным людям, спросить их о здоровье. Наказано было сказать посланному стольнику, чтобы «они б и впредь, видя к себе государскую милость, ему, великому государю, служили и с ворами бились мужественно со всякой храбростию, а служба их у великого государя забвенна не будет».

А через четыре дня отправил царь стольника Владимира Волконского к Юрию Долгорукому, с тем чтобы передать ему похвалу и высказать милости за победы над воровскими людьми в Курмышском, Кадомском и Темниковском уездах. Снова обнадеживал царь воевод и всех ратных людей великими милостями и призывал против изменников и воров стоять храбро и мужественно. Похвальные статьи были посланы и другим государевым воеводам — Ивану Милославскому, Ивану Бутурлину, Степану Хрущеву. Всех их царь спрашивал о здоровье, за службу хвалил и всячески обнадеживал на великие милости.

Не прошло и месяца, как все, чем обнадеживал царь, стало сбываться. 2 января из Москвы посланы были награды полковым воеводам и ратным людям. И все в указе было расписано, кому и сколько чего полагалось:

«Бояриму и воеводе князю Юрию Алексеевичу золотой в 7 золотых. Окольничим и воеводам князю Юрию Никитичу Борятинскому, князю Костентину Осиповичу Щербатово по золотому ж по 4 золотых. Думным дворянам 2-м, да 3-м воеводам по золотому по 3 золотых. Дьяку золотой в полдва золотых. Другому золотой одинокий». А далее шли стольники и стряпчие, дворяне и иноземцы, головы стрелецкие и сотники, жильцы и всякий мелкий чин. И каждому было воздано по чину: платили и по золотому, и полузолотому, и четверти золотому; всем же простым ратным людям приказал царь выдать по золотой деньге человеку.

В феврале месяце новые милости пролил великий государь на своих верных слуг: князь Юрий Борятинский был пожалован из окольничих в бояре, а сын дорогого друга и спасителя отечества Юрия Долгорукого Михаил Юрьевич и брат князя Дмитрий Алексеевич тоже возвышены были в бояре из комнатных стольников и окольничих.

Воевали еще Бутурлин под Тамбовом, расчищали пути по Волге Юрий и Данила Борятинские, стоял наизготове против новых возможных выходов с Дона Григорий Ромодановский, а князя Юрия Долгорукого со всем его полком отозвал царь в Москву, потому что в междуречье все стихло. Шел уже март 1671 года.

Торжественно, под колокольный звон, при большом стечении народа вступил в Москву князь Юрий. И снова везли за ним знамена и пушки, ехали конные дворяне и шли пешие ратники. А 19-го числа принял весь полк на радостях сам царь и пожаловал всех великой честью — своим столом.

Сидели за государевой трапезой сам князь Юрий, воеводы Щербатов, Хитрово, Леонтьев и другие воеводы помельче — Дмитриев, Мышецкий, Лихарев, Панин, а также стольники, стряпчие, дворяне, стрелецкие головы и полуголовы. Сидели за большим столом выше всех воеводы, а дальше — московских чинов люди, а остальных потчевали за малым столом. Ратных же людей и городовых кормили в Золотой и Меньшой палатах. Горели во дворце многие свечи, ломились столы от котвы и питья, поднимались кубки за здоровье государя, царицы, благоверных царевичей, за славное российское воинство, одолевшее злейшего врага. Царю наливал вино стольник Борис Бутурлин, а за другими столами смотрели стольни-

ки Петр Шереметьев и Алексей Головин. А после стола пожаловал великий государь боярина и воеводу князя Долгорукого и его товарищей денежными придачами, шубами и кубками, а ратных людей — дворян новыми поместьями и денежными окладами. Получил князь Юрий соболью шубу под золотым бархатом, серебряный золоченый кубок, 140 рублей деньгами, а село Шкин в Коломенском уезде со 145 крестьянскими и бобыльскими дворами было пожаловано князю в вотчину.

Щербатов получил шубу же соболью под атласом, кубок и 60 рублей денег, Леонтьев — шубу ценою подешевле, кубок поменьше и 50 рублей. И всех других воевод жаловал великий государь, смотря по чину.

Всех нетчиков и тех, кто сбежал из полков и укрывался по домам своим, когда проливали верные слуги кровь за государя, жестоко покарал царь, велел половину их поместий и вотчин отписать на себя, а малопоместных и пустопоместных нетчиков приказал бить кнутом.

Праздновала, пила, звонила в колокола боярская, дворянская и купеческая Москва, кончилась великая война, пришла великая победа. А на Болотную площадь все привозили и привозили захваченных, допрошенных и пытаных Стенькиных товарищей и клали их на плаху, и четвертовали, и втыкали головы на высокие спицы, и смотрели они мертвыми глазами на радостную победившую столицу.

22. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Холодна и неприветлива Волга в октябре. Тяжелые, в сизых лохмотьях тучи низко идут над самой землей. Угрюмо чернеют отжившие за лето, иссеченные холодом берега. А ночью жгучая темень, свист ветра, всхлипы волн около прибившихся к берегам бревен, коряг...

Гребли, не останавливаясь ни на час. Менялись на веслах. Атамана положили на ковер, брошенный поверх сланей, другой ковер набросили сверху, укрыли Степана от дождя. Молча бросали весла в воду. Шли на Самару.

Разин лежал, прикрыв глаза, стиснув зубы. Вдруг заболели сильно все раны: горела нога, ныло плечо, кровь не переставала сочиться из раны на голове. Но хуже телесной была боль другая — душевная, оттого, что побили, прогнали его, как последнего пса, мясники, с которыми так лихо он управлялся ранее. Обида поднималась

в сердце на этих суетных крестьян, на черемису, чувашу, мордву. Вырвались они на волю, и не было на них никакого удержу. Что хотели, то и делали: то рвались на приступы, то уходили шарпать своих вотчинников и помещиков, то приходили обратно. Плохо слушались приказов, а только смотрели на него преданными глазами и, как чуть серчал он, валились на колени: «Батюшка, не гневись».

«Эх, горемыки!» В который уже раз говорил Разин про себя эти слова. Дать бы им в руки ружья, да научить ружейному и пушечному бою, да стройству; при их-то злобе против помещиков, при их-то силе, ловкости, сметке великие ратные дела можно было делать! Нет, не смог, да и не успел он совершить всего этого. Бунтовали они лихо, с удалью, размахом, но больно уж переменчивы были, непостоянны, как дети малые. И не привыкли еще пользоваться своей силой. Где-то они сейчас, секут их теперь, наверное, дворяне, топят в Волге, рассчитываются за все свои страхи и невзгоды. Жалел уже их Степан, свое огромное неудачливое воинство. Казаки — это другое. Эти видели виды, и ничем-то их не удивишь. Вот и сейчас: действовали быстро и четко, и ни слова упрека не услыхал от них Степан. Главное, уйти, увести с собой атамана, а там видно будет. Да и что за беда, что побили их. Под Рештом или под первой Астраханью еще хуже было — чуть в плен все войско не похватали, да выкрутились. Выкрутимся и сейчас.

Ко второму дню пути отошел Степан от горестных дум, заговорил с казаками: «Ничего, робята, нам бы только перезимовать где, а весной снова придем к боярам в гости». Казаки думали так же. А Разин уже веселел снова, посматривал на своих товарищей.

Здесь же, на струге, решили, куда идти дальше. Хотели закрепить за собой поволжские города, снестись с Царицыном и Астраханью и пойти на Дон за подмогой, а по весне снова выйти на Волгу у Царицына. Надеялся Степан, что не хватит воеводам зимы, чтобы разметать все крестьянские отряды, разбить и Харитонова, и Осипова, и Мещерякова, и Ивановых Прокофия и Илью, Федора Сидорова и иных. А там поддержат со Слободской Украины. Нет, не просто еще взять всех его товарищей, еще не раз ожгутся на них воеводы, еще доберется он до главного мясника — Юрия Долгорукого.

Летели струги к Самаре, и были уже в них прежние

разинские товарищи — дерзкие, удачливые. И плыл с ними прежний Степан Разин хоть и израненный, но смелый и злой против государева воинства, их казацкий народный батька — с повелительным словом, дерзкой усмешкой, грозным взглядом, а то с ласковой шуткой, ободрением — их добрый товарищ и заступник.

Смутно приняла Разина Самара. Не ждала здешняя голутва увидеть своего батьку в таком обличии. Он вышел из струга, сильно хромая, с палкой в руке, с перевязанной головой. Не было уже с ним огромного шумящего войска, а сидело в немногих стругах лишь несколько десятков человек, и были с ними всего две небольшие медные пушечки. И сразу воспрянули лучшие и прожиточные самарские жители, боярские последыши, стали увещевать горожан, чтобы заперли они Самару, распустили круг, добили челом государю, принесли свои вины. Стращали они чернь Разиным, говорили, что нет-де с ним теперь войска, разбит он и изранен, и бежит, словно пес. И зашатались в ту пору многие самарцы. Виделся им приход вслед за Разиным государевых ратных людей, сыск, пытка, кнут, виселицы. И каждый начинал считать свои грехи, вспоминать свои вины. Но были и другие — дерзкие и речистые. Говорили, что все равно: пропадут, но не поклонятся они воеводам, а будут сидеть в городе до последнего, а Разин есть их прирожденный заступник и отец, и с ним умрут они против государевых изменников. Раскололась Самара.

В другое бы время созвал Степан в городе круг, вывел бы на него боярских приспешников, показал, кто есть истинные народные враги, довел бы их до раската или до воды, всколыхнул бы всю чернь. Но это все оставлял Степан на потом, а теперь нужно было полниться заново людьми и уходить, уходить на зимовку ближе к Дону; в Самаре не отсидишься и новых людей не наберешь.

Поковылял Степан по берегу, мигнул казакам, и те прошли по посаду, пошарпали богатеев, взяли в струги ествы, вина. Но не удержался все-таки Разин, напоследок пристращал самарцев, крикнул, что воротится весной, и если не будут они жить в мире и справедливости и станут боярам потрафлять, то пусть пеняют на себя, пощады от него не будет.

Сели казаки в струги и отчалили от берега, оставив Самару в страхе и удивлении.

Невдалеке от Самары, близ Соснового острова в Ти-

хих водах, остановился Разин. Здесь неподалеку, по сказкам перешедших к нему самарцев, кочевали калмыки. Может, остановиться здесь, позвать их с собой, уйти с ними степью под города Симбирской черты и там собрать снова вокруг себя все прежнее распавшееся по лесам войско?

Несколько дней ждал Разин в Тихих водах своих гонцов. Те вернулись и подтвердили: калмыки недалеко; его, Разина, они помнят и любят, но вверх с ним не пойдут, потому что близится зима и не прокормят они в зимнем походе своих коней.

Не задержался Разин и в Саратове. Лишь передохнул немного, взял отсюда новые запасы, увел с собой на низ больше сотни саратовцев. К Царицыну подошел он уже на нескольких десятках стругов и лодок, и вел он с собой не одну сотню людей.

Вот, наконец, и Царицын, его кровный город. Здесь не было никакой шатости. И хоть ушли прежние люди и атаманы оттуда, но много оставалось и его товарищей. Пришел сюда посидеть его старый товарищ Федя Шелудяк. Как и прежде, стояли вокруг города сторо́жи, и никто — ни пеший, ни конный человек, ни струг, ни насад — не мог пройти незамеченным мимо Царицына. А между городом и Доном, Пятиизбенным городком и дальше — Кагальником стояли его, разинские, заставы и пропускали в Царицын и на Дон лишь донских казаков или торговцев с разными товарами и припасами, которые были надобны казакам.

Несколько недель прожил Разин в Царицыне. Обмогся. Залечил раны. Отъелся. Не спешил он уходить из города. Хорошо здесь было. На сотни верст кругом не виделось и не слышалось царских воевод, никто не грозил Царицыну.

Тепло было в доме, от янтарных рубленых стен пахло смоляным духом, в углу мирно горела перед образами лампада, а за окном колыхался ветер, дрожали мелкой дрожью костлявые черные деревья, мельтешил снег.

Степан сидел в расстегнутой рубахе, говорил дьячку, что писать и куда. Скрипело гусиное перо по бумаге, весело гудел огонь в печке, постреливали горящие дрова, старался дьячок, потел от усилий. Писал письма Разин в Астрахань своему товарищу, живому тогда Василию Усу, просил прислать в Царицын татар и ратных людей астраханцев. Обещал татарам пойти к Острогожску, взять го-

род опять за себя. Писал письма и на север, в леса к своим атаманам, просил, кто может идти к нему на Царицын или на Дон в верховые городки для новой весны.

Проходили дни, крепчала зима, но не было вестей с севера. Изредка доходили до Царицына с Дона слухи, что рубят повсюду воеводы крестьян. А потом узнали в городе точно, что сбил всех казаков Ромодановский и со Слободской Украины и бегут они в разные стороны разными дорогами. Фрол ушел в Паншин городок, Леско Черкашенин бежал на Самару. Не было писем ни от Харитонова, ни от Осипова, ни от других атаманов. Из Астрахани ответили жидко: прислали в присылку полусотню казаков, а татары в снег идти на Дон отказались. Писал Ус, что в Астрахани неспокойно, ждут они государевых ратных людей, готовятся к сидению, а если доживут до весны, то тогда уже сами пойдут к Разину на Царицын.

Шли дни, и нечего было делать Разину более в Царицыне, только время тянуть. В конце ноября поднялся Степан в путь. В городе он оставил для укрепленья пятьсот человек, что пришли с ним от Симбирска, Самары и Саратова, а с собой увел всего сотню, да и зачем ему были нужны на Дону люди — Дон сам полон людьми, шел Степан в Кагальников городок, где жила его жена, были товарищи, куда перешел Фрол. А царицынцам Степан наказал беречь город и никого к Царицыну не подпускать, кроме донских казаков, а около Царицына и близ Пятиизбенного городка на Дону поставил Разин новые крепкие караулы для береженья путей между Царицыном и Доном и приказал: «С Царицына на Дон, опричь донских казаков, никаких людей не пропущать, а как пойдут и их... побивать до смерти».

Брался снова за дело Разин крепко и основательно с самой зимы. Поднимет он опять свой Тихий Дон, соберет казачье войско, приберет к себе царицынцев, астраханцев и вновь выйдет весной на Волгу, полетят вдоль зеленых и веселых волжских берегов его легкие быстрые струги, пойдет по берегу казацкая конница, двинется он в незамиренные поволжские уезды, ударит по Симбирской черте.

Еще утопал в снегах Кагальницкий городок, а все мысли Степана уже рвались к далекой весне, к походу, к будущим боям.

В родном доме он провел каких-нибудь несколько дней, даже не взглянул на свою долю дувана, что переправили

казаки из Царицына в городок, сразу же завертелся в хлопотах. Встретился с Фролом, наскоро обнялся, расспросил о делах, посетовал, что вяло воевал Фрол под Коротояком, но и согласился, что с несколькими сотнями нельзя было пройти Белгородскую черту, где стоял полк Ромодановского.

И сразу же послал Фрола с полусотней в Царицын, пусть сидит там, блюдет город, чтобы не разбрелись царицынцы на зиму кто куда.

Но уже к исходу первой недели понял Степан, что не тот стал Дон за последние два года. Много еще было здесь голодной голутвы, беглых крестьян, но народ все был свежий, глупый, неопытный. Все лучшие люди, знающие ратное дело, ушли с ним, сгибли в боях: кто в Персии, кто на Волге, кто по Симбирской черте. Не было с ним и атаманов. Ус сидит далеко в Астрахани, Харитонов зарылся в тамбовских лесах, Осипова, говорят, застрелили домовитые казаки, когда он, разгромленный Долгоруким, пробирался тайно под Царицын. Леско толчется где-то на Самаре. Да и другие — одни повешены, иные посажены на кол, четвертованы или бредут культяпые по дорогам, просят христа ради.

За это время укрепился в Черкасске Корнило Яковлев с домовитыми казаками. Узнал Разин, что всю осень сносился Корнило грамотами с Москвой, получал оттуда письма великого государя с увещеваниями и прощением всех вин: рассказывали казаки, что собирал Корнило в Черкасске круг, читал на нем царские грамоты и говорил казакам, что все казаки — люди веры христианской, а ныне-де они от соборной и апостольской церкви отступили, и пора им всем покаяться, дурость свою отложить и служить великому государю по-прежнему. На каждом кругу говорил об этом Корнило со слезами и увещевал и просил отпустить станицу в Москву бить челом государю. Но крепки были еще и разинские товарищи, выступали в круг, грозили посадить в воду изменников их казацкому делу и сделали бы так, если бы домовитые не поднялись и не взяли под защиту Корнилу. Посылал Корнило тайно своих людей на север, извещал, что ведет на Дону за собой разинских товарищей старый Стенькин друг Якушка Гаврилов, что идут казаки Леско Черкашенин, Фролка Минаев и Фролка Разин под Царев-Борисов, Коротояк, Маяцк и чтобы жили воеводы с береженьем.

К декабрю, когда сгинули казаки под Острогожском и

Маяцком, совсем осмелел Корнило. К тому же донесли ему, что пришел Стенька на Дон всего лишь с сотней казаков и только-только начинает прибирать людей на новый бунт.

В это время и явился с своими друзьями Разин в Черкасск. Был он в собольей шубе, в золотом и серебряном оружии и вез с собой многие пожитки. И все его товарищи одеты были богато и везли с собой всякую взятую на дуванах рухлядь. Вошел в городок Степан, и все было вроде как и прежде: встретили его как атамана, только, может быть, без прежнего шума. Вышел к нему навстречу и Корнило Яковлев, звал в дом, угощал, кормил, поил. И Степан шел к нему и ел, и пил, и прохлаждались Корнило со Степаном, и дарились, и разговаривали как товарищи.

Подарил Степан Корниле Яковлеву рысью шубу, а потом навестил Разин Корнилова товарища — атамана Родиона Калуженина, и с ним пил и дарился, отдал ему серебряный котел.

Сидел Степан у Калуженина и Яковлева, говорил ни о чем, и те говорили ни о чем же, и много пили, и сидели все трезвые, и следили друг за другом и за сказанными речами.

От них пошел Разин к своему товарищу атаману Якову Гаврилову. Здесь-то и рассказал Яков Разину о том, что подняли голову домовитые казаки, все больше власти забирают в руки, собрали в городе своих товарищей и все вооружены, и следят за ними, разинскими товарищами, ссылаются тайно с Москвой, получают от воевод оружие и деньги, передают воеводским лазутчикам о каждом его, Степана, шаге. Вот и теперь стоит в Черкасском городке казак Васька Шепелев, который нес Яковлеву государеву грамоту и все о нем, Разине, расспрашивает.

Наутро Разин приказал Яковлеву собрать круг. Корнило не перечил. И скоро уже потянулись со всех концов городка казаки на войсковую площадь. Но шли нехотя, боялись Разина, боялись войсковой старшины; да и разинские товарищи уже не выглядели такими дерзкими, как прежде, видели, что пришел Разин с немногими людьми, хоть и в собольей шубе, а шубой казака не удивишь.

Кричал Степан на круге, что изменничают войсковой атаман и старшина, что доберется он до них. Корнило молчал, стоял под охраной своих товарищей. В ответ Разину кричали другие, Корниловы товарищи, что довели

уже Войско Донское он, Стенька, с товарищами до гибели, что идут на Дон воеводы, и они, казаки, не хотят вконец сгинуть. Стояли друг против друга казаки, смотрели с ненавистью на врагов своих. Смутно было на круге. И не было сил ни у тех, ни у других повязать своих противников и потащить к воде. Видел Степан, что уже вышел из-под его власти Черкасск, но еще боятся его домовитые казаки, страшатся его ярости.

В тот день не решился Степан открыто напасть на своих врагов, лишь велел отыскать лазутчика Ваську Шепелева, ругал его матерно, бил на виду у казаков, а потом сказал своим товарищам, чтобы бросили лазутчика в Дон.

И на этот раз смолчал Корнило; да и что за потеря была для него Васька Шепелев, пусть Разин потешится, покажет свою власть.

Всю ночь говорил Степан о чем-то с Яковом Гавриловым; горели свечи в горнице у Якова, стояли на дворе вооруженные разинские товарищи, охраняли покой своих атаманов.

Тревожная ночь висела над Черкасском, на улицах было тихо, а задами пробирались к домам Яковлева и Калуженина их верные люди, собирались по дворам, ждали, что нападет на них ночью Стенька. Но спокойно кончилась эта ночь. А поутру Степан ушел обратно в Кагальник.

Несколько дней было спокойно в Черкасске, а 1 декабря, к вечеру, вдруг раздался страшный стук в окно Корниловой горницы; кричал со двора неведомый казак, чтобы хоронился Корнило: идут к нему на двор атаман Якушка Гаврилов с товарищами, и все вздели на себя панцири и идут с кинжалами, хотят убить Корнилу тихо, без шума.

Заперся Яковлев, зарядил все пистолеты и ружья и решил защищаться до последнего. И тут же разинские товарищи вломились во двор, застучали в окна и двери.

В тот же час прибежал человек и к атаману Родиону Калуженину и крикнул ему, что пошел Якушка Гаврилов с казаками убивать войскового атамана, а потом уже придут кончать с ним, Родионом.

Мигом сорвался Калуженин со двора, повел за собой тридцать казаков, что были вместе с ним, подошли еще ближние казаки, и всего набралось человек сто. Прибежа-

ли они к дому Яковлева в тот час, когда казаки Гаврилова уже выламывали сенные двери. Караульные, выставленные в проулок первыми, услышали топот подбегавшей толпы, и тут же резкий свист пронзил воздух. Услышали знак разинцы и бросились со двора прочь, заперлись кто вместе с Гавриловым, кто по своим дворам. Но уже поднимался весь домовитый Черкасск, со всех сторон мчались казаки к дому Яковлева, а оттуда на войсковую площадь. В ту же ночь начался в столице Войска Донского новый круг, но не было на нем товарищей Разина: после неудачного нападения отсиживались они по своим дворам, иные в ту же ночь бежали в Кагальник.

А на кругу шумели Корнило Яковлев, и Родион Калуженин, и другие атаманы, и есаулы.

— Хватит, — кричал Яковлев, — терпели мы долго Стенькино воровство! Дотерпелись, пришли вырезать нас как курей! Если промедлим, казаки, не быть нам никому живу. Брать надо воров всем скопом.

Вопил круг против Разина и послал есаулов с людьми немедля привести Якушку на круг на допрос и расправу.

Притащили Якушку, не дали ему говорить, бросились на него, сбили с ног, кололи и рубили его, а когда уже был он мертв, оттащили к реке и метнули в Дон.

В ту же ночь побежали домовитые казаки по дворам своих врагов, вытаскивали ухоронившихся разинских товарищей, рубили их на месте, топили в Дону; многих тогда сыскали и побили.

На другой день снова собрался Войсковой круг. Теперь уже кончились все шатания, кричали домовитые казаки, что надо им всем укрепиться крестным целованьем против воров и верой и правдой послужить великому государю. Вывели в круг священников с образами, целовали животворящий крест, евангелие и образ пречистой богородицы, что им всем, Войску Донскому, служить великому государю его царскому величеству по-прежнему, и ни на какие воровские прелести не прельщаться, и к вору Стеньке Разину не приставать. Отныне объявил Корнило Яковлев и весь Войсковой круг открытую войну Степану Разину и всем его товарищам.

Хорошо знал Корнило своего крестника и понимал, что ждать Разин не будет, нападет первым, едва соберет силы. Потому решил войсковой атаман собрать верных казаков и взять Кагальницкий городок приступом.

Пять тысяч казаков выступили в поход против Разина,

и в тот же день поскакали войсковые гонцы во все городки и станицы с известием о крестном целованье. Приказывал круг целовать всем казакам крест великому государю и бить воров повсюду так же, как сделал это круг в Черкасске.

Тревожные дни наступили и в Кагальнике. Разин сидел на месте, ждал вестей от Якова Гаврилова.

Степан ходил угрюмый, неразговорчивый, забросил все встречи и разговоры с новоприбылыми людьми, часто сидел один в горнице до сумерек, задумывался; иногда выходил на крыльцо, спрашивал у караульных — не было ли вестей из Черкасска, наказывал тут же вести к нему гонцов, если придут в Кагальник от Войскового круга. Одна радость прибыла за эти дни: вернулся с Самары названый брат Леско Черкашенин, но пришел один, без людей, однако живой, здоровый, готовый к новым делам. Но сейчас и Леску не хотелось видеть.

На исходе недели, перед самым Николиным днем, вот так же сидел Степан в горнице. На дворе уже темнело. Нет, видно, и сегодня не придут люди от Якушки. И в тот же час послышался вдруг на улице шум, поднялась суета перед воротами. В радостном ожидании вскочил Степан. Забилось вдруг сердце. Никогда он раньше так не ждал ни от кого вестей, как ныне от своего старого друга.

Послышались торопливые шаги в сенях, отворилась дверь, и в горницу ввалился незнакомый казак. Но каков он был! В разодранном кафтане, весь в крови, лицо мятое, темное. Не ожидая знака, бухнулся на лавку, заговорил задыхаясь:

— Беда, атаман, не взяли мы Корнилу. Янку убили на кругу, и нас всех били и топили. Ухоронились немногие. И нынче в Черкасске их власть, домовитых, и собираются идти они всем войском на Кагальник...

Разин не стал медлить. Сейчас же нужно собрать своих людей. А сколько их у него было здесь? Сотни две-три. Надо вести народ с Царицына, собирать по верховым городкам, слать за калмыками, писать снова в Астрахань. Оставил Степан Леску в Кагальнике, взял с собой тридцать человек конных, ушел в ту же ночь в степь.

А через несколько дней подошло к Кагальникову городку пятитысячное войско из Черкасска. Оборонять Кагальник против такой силы было нечем...

А Степан метался вокруг Царицына, помирился с калмыцким Аюкой-тайшой, звал его идти с ним под го-

сударевы города, а пока просил несколько сот конных для промысла под Черкасском, слал гонцов к улусным едисанским татарам, которых воевал прежде, обещал им мир, звал с собой же и обещал отдать им весь захваченный полон, ушли его люди снова на Запороги и к гетману Дорошенко — врагу Москвы, все еще надеялся Степан, что подмогут украинские казаки и запорожцы. Скакал Федор Шелудяк с несколькими провожатыми в Астрахань; вез строгий наказ Разина Усу идти вверх немедля, если не хотят астраханцы все пропасть от воевод.

Вернулся Разин в Кагальник сразу после крещенья. Привел с собой несколько сот казаков, привез тридцать пушек, но опоздал. Страшную картину увидел он. Городок был сожжен, со всех сторон еще тянуло гарью, немногие оставшиеся жители тяпали топорами, строили новые срубы, другие, как и прежде, рыли землянки. Никого из своих товарищей не нашел Разин, все, кто остался, были перебиты или свезены в Черкасск.

Не нашел Степан ни своего дома, ни жены, ни пасынка Афоньки, который жил с ним в последние дни.

Только немного постоял он над пепелищем, оставил всех своих людей поднимать Кагальник, а сам в тот же день ушел по верховым городкам поднимать голутву против Черкасска.

Не дошли еще до многих здешних городков и станиц гонцы Корнилы Яковлева, а куда и дошли, то неприветливо встречала их голутва, не хотела целовать крест царю. Зато когда сам Разин пожаловал к ним, то приняли его верховые казаки как своего законного атамана и поднялись за него, как и в прошлые годы. Новых многих пришлых людей прибрал Степан, привел с собой в Кагальник...

Появился Разин под Черкасском безвестно и неожиданно. Вел он с собой три тысячи конных и пеших людей с пушками, ружьями, всем запасом. Ехал Разин впереди своего войска, нетерпеливо теребил поводья, спешил. На этот раз Степан решил рассчитаться сполна с домовитыми казаками. За все: за измену, за ссылки с Москвой, за разоренный Кагальник, за себя самого. Злоба душила его, туманила голову.

Едва успел затвориться Корнило Яковлев со своими товарищами, не смог даже послать гонцов в окрестные городки за помощью: быстро, со всех сторон обложил Разин Черкасск, перепял все пути.

В тот же день пошли разинцы на приступ, но не сумели взять Черкасск. Стояли на стенах домовитые казаки, отбивались отчаянно, знали, что если возьмет Степан город, то ни один из них не уцелеет, всех порешит на месте.

Дружно отбивался Черкасск — пушечной стрельбой, ружейным и пищальным огнем, рубились домовитые на стенах, тыкали вниз копьями, сбивали со стен приступавших. И приказал Разин своим товарищам не лезть больше на город. Не то было время, чтобы губить только что собранное молодое войско под стенами сильной казацкой крепости. Так просто город не взять, и много нужно будет положить людей прежде, чем достанет он Корнилу Яковлева.

Оставил Разин под городом всех людей, а сам с небольшим отрядом прошел по ближним городкам, которые уже целовали крест великому государю.

Все было как в старые добрые дни: въезжал Разин в городок, сбегались к нему жители, говорил к ним Степан речь, звал к вольной жизни, к новым походам во славу казацкого войска, обещал богатую добычу. И слушали его казаки, видели перед собой прежнего удачливого атамана, заглядывались на его соболью боярскую шубу, на дорогое оружие и тут же начинали виниться, что изменили ему, уговорились со старшиной.

— А кто уговаривал вас, кто ходил на Кагальник, где изменники?

Бежали радостно люди по дворам, наводили его на домовитых прожиточных казаков. В другое бы время Степан послал своих товарищей, чтобы покололи врагов. Теперь же рвался сам на расправу, входил в дом, молча с выдохом рубил саблей, переходил в другой дом, а следом за ним несся надрывный крик женки, орущей над зарубленным мужем. В другом месте хватал изменника за бороду, валил на пол, бил сапогом в сумасшедшие от страха глаза, приказывал тащить к Дону, топить в проруби. Вопил изменник, молил о милости. Но ни одного не помиловал в те дни Степан, смотрел со злой усмешкой на муки врагов своих, мстил, тешился.

Прошел он за неделю по городкам от Черкасска до Есаулова городка и всюду выводил яковлевских приспешников; потом вернулся к Черкасску, постоял еще под городом и ушел назад в Кагальник. На радостях пальнули ему вслед со стены из пушек и пищалей, но не стал возвращаться Степан, лишь пригрозил, что приберет по-

больше людей и тогда уж возьмет город, и разорит, и сровняет с землей, а пока же поставит он новый городок в устье Северского Донца в Роздорах, чтобы «никаких людей з запасом и з дровами сверху не пропустить и Черкасской бы городок выморить».

Вернулся Разин в Кагальник, и снова завертелась в городке обычная за эти годы предпоходная жизнь, уходили люди, приходили люди, свозили в городок запасы, переправляли их в Царицын, готовили к весне новые речные струги, ковали оружие. И все, что нарастало к новому походу, не держал Разин в Кагальнике, переправлял на Царицын. Ушли туда с Фролом несколько сотен казаков, увезли пушки. А в Кагальник шли новые люди, принимал их Степан, вооружал, потом одних оставлял в Кагальнике, других отсылал в свою волжскую крепость. И Фрол мотался между Царицыном и Кагальником — то здесь, на Дону, жил, то на Волге.

Шел уже февраль. И начались у казаков первые сговоры о том, куда идти им весной. Кругов не было, а собирались пока собраньями, спорили, выбирали пути, снова кричали одни за Волгу, другие за Коротояк и Воронеж. А Разин опять молчал, слушал, что скажет голутва.

Приходили к нему в те дни посланники от астраханских калмыков, старых его друзей, обещали привести к весне на Дон улусных людей и идти вместе с Разиным, когда пойдет он в Русь.

Потом откуда-то вдруг появлялись старые разинские есаулы и атаманы, сваливались в Кагальник то с Царицына, то выходили от Воронежа и от других городов. Приходили в одиночку, без людей, без пожитков, в порванном платье. Так, вышел из-под Тамбова Микифор Чертенок, который воевал с Разиным еще в Персидском походе, а потом был с ним на Волге. Пошел Чертенок из-под Симбирска добывать Тамбов и Шацк вместе с Харитоновым и завяз там на полгода. Теперь сидели два старых товарища в землянке, как четыре года назад, вспоминали былые дни. Степан угощал Чертенка вином, сам пил мало, слушал. Микифор после первой же чарки захмелел, заговорил быстро, захлебываясь:

— Нас бьют воеводы, а мы снова лезем да мерзнем по лесам, прячемся по засекам. Тамбов-то был совсем рядом. Мишка еще воюет. Замерз я, Степан, устал, отойти, отогреться надо. А народ злой на бояр, только свистни, опять побегут к тебе, верь.

К началу марта десять больших стругов перетащили казаки к берегу поближе к Дону.

Едва Разин отошел от Черкасска, как тут же послали войсковые атаманы станицу в Москву, просили слезно прислать на Дон государевы войска, писали, что «им... за малолюдством не токмо над ним, вором, и над ево единомышленники промыслу учинить, — и себя уберечь не кем».

Ждали в Черкасске Косагова, а пока готовились сами к новому походу на Кагальник. Расставил Яковлев сторо́жи чуть не до самого Кагальника, следил за каждым шагом Разина; доносили ему, что главные силы стоят теперь у Степана на Царицыне, подальше от Дона, и что можно взять Стеньку внезапным налетом. Готовил Корнило казаков против Кагальника по указу великого государя: пришел к марту из Москвы в Черкасск Родион Калуженин, принес список с речей, которые были ему сказаны в приказе Казанского дворца. И в тех речах говорилось, что все кроворазлитье учинилось их войсковым нерадением, и если бы они вовремя не дали множиться Стенькиному воровству, а служили бы верно и воров унимали, то никакой беды бы государству не было. Выговаривались в речах все их вины, а потом объявлялось прощение от великого государя, но наказывалось: «И вам бы... служить верно, так как до нынешняго лукавого Стенькина воровства служили...» И далее: «...поимав тех воров, Стеньку и Фролка, прислать к Москве, и иным бы пущим завотчикам учинить указ по войсковому праву».

Со всех сторон обкладывали враги Разина. Подвигались воеводы вдоль Волги к Царицыну, шли от Воронежа на Хопер, от Белгорода в низовье Дона. И хотя крепко еще было на Царицыне, и стоял Микифор Чертенок с казаками на Хопре, и сам Разин сидел в Кагальнике и Царицыне, собирая силы, но худо уже шли дела. Смута начиналась среди царицынцев: когда приходил туда Разин, то сразу же стихали его враги, а уходил в Кагальник, и снова подымали голову. К весне стояли вокруг верховых городков плотные заставы, и никто уже не мог ни пройти, ни проехать в Кагальник, ни провезти припасов. То, чего не сумели воеводы сделать четыре и даже два года назад, сделали они теперь — окружили своими силами Дон со всех сторон.

Если бы уйти сейчас же в марте — сначала на Царицын, а потом дальше в Астрахань, на Яик, то можно бы-

ло бы прорваться и людей увести. Но стояли струги, вмерзшие в снег, и дремал Дон подо льдом и снегом.

В первые дни апреля прибежали к Разину верные люди из Царицына и сказали, что взяли царицынцы брата его Фрола за караул и послали людей в Москву с повинной, а многие ратные люди его ушли от беды кто куда, а иные побрели замаливать грехи в Черкасск, к Корниле.

Вскинулся было Степан, рванулся, хотел тут же скакать в Царицын вернуть город к себе, но потом задумался, зашатался. Если взяли Фрола, то и его так же могут взять; выслуживаются теперь царицынцы, в самый раз будет им выдать его царским воеводам, сразу искупят все вины. Да и не с кем на Царицын идти — было у него под рукой в Кагальнике едва ли пятьсот конных казаков. Надо было слать людей на Хопер, чтобы шли стоявшие там казаки немедля к Кагальнику. Потом пришли новые вести из Царицына, будто восстал опять город против царя, а Фрола там уже нет, везут-де его изменники в Черкасский городок. И не стало вдруг ниоткуда верных вестей, и рассыпаться стали его разинские сторо́жи между Царицыном и Доном, побрели люди с них кто куда мог.

Но не хотел еще сдаваться Степан: был за ним Кагальников городок с пушками и людьми, с вновь построенной деревянной крепостью, заново поставленными рублеными избами, и было за ним приближавшееся лето, Волга, города на ней.

Ходил Степан по городку по-прежнему споро и деловито, но был уже в этой спорости какой-то повтор, потому что впервые за те последние годы не знал Степан точно, что же должен он делать, куда идти и с кем, и то ли сидеть в Кагальнике и ждать подмоги, то ли бросить все и податься на Астрахань со своими бывшими с ним людьми. А казаки смотрели на него, ждали, что скажет атаман. Но молчал Разин о главном, говорил лишь о разных мелких делах.

Он сидел, как часто бывало с ним в последние дни, один в своей горнице, положив руки на стол, думал о чем-то, что-то вспоминал, и казалось, вовсе не удивился, когда прибежали к нему караульные, крикнули, что идет со стороны Черкасска большое казацкое войско.

Разин спокойно вышел из избы, прошел к крепостным стенам, стоял смотрел из-за острога, как окружал со всех сторон Корнило Яковлев Кагальник. Привел на этот раз войсковой атаман поболее пяти тысяч — собрал, навер-

ное, всех воинских людей, что были у него в Черкасске и в ближних городках.

Не стал медлить Корнило, тут же пошли казаки на приступ, закидали крепостную стену дровяным и камышиным сухим переметом, подожгли обогретые апрельским солнцем деревянные стены.

Горели крепостные стены, метались за ними в дыму и огне разинские товарищи, а сзади них загорались вновь поставленные дома. И не знали казаки, что делать — то ли тушить огонь, то ли отбиваться от наседавшего врага. Мало их было, и не хватало рук, чтобы совершить и то и другое. Приступавшие били по стенам из пушек и пищалей, ждали, когда сгорят стены и откроется сам собой проход в город.

Поначалу Степан еще верил, что можно будет отбиться, отсидеться: не такую уж плохую крепостицу построил он за весеннее время. А там подойдет с Хопра Микиша Чертенок, придут люди из верховых городков, выручат.

Так и начал Степан: спокойно направлял своих казаков, поспевал во все концы, расставлял стрельцов вдоль стен, подбадривал пушкарей. А потом, когда начали бросать враги на стены горящий камыш и дрова, сразу же понял он, что если не потушит пожар, то потеряет город. Сам с багром в руках, под пищальным и пушечным огнем стоял Разин на стене, спихивал вниз горящие переметы, но уже задымились стены, поползли вдоль них подхваченные ветром быстрые струйки огня, а рядом падали под пулями и ядрами его товарищи, и немного их виделось сквозь наползавший отовсюду дым.

Бушевал огонь над Кагальником, как хорошие дрова в печке, весело потрескивали горящие стены, с шумом, в снопах искр падали вниз подгоревшие бревна, горели дома и дворы, клубы дыма плотно прикрыли городок. Молча стояли вокруг горящей крепостицы корниловские казаки, теперь они перестали стрелять, отодвинулись от нестерпимого жара подалее. Ждали.

И вот отворились ворота городка. Степан вышел из них первый — обгоревший, черный от дыма, но грозный, с пистолетом в руках и саблей, а следом за ним вышли немногие защитники Кагальника — обожженные и израненные.

Было это 13 апреля 1671 года.

В тот же день, едва догорел городок, вошло в него Войско Донское. Без сыска и расспроса бросились домо-

витые казаки на разинских товарищей, охотились за ними по всем закоулкам, резали молча, тихо, тащили к Дону, топили. В тот же день отослал Корнило тайный приказ в Черкасск, чтобы казнили тихо же и без шума всех близких Степана и Фрола.

К вечеру совсем стих после расправы Кагальницкий городок. А Разина не трогали. Стояло в городке и возле него Войско Донское, и было войско само по себе, а Степан сам по себе. Словно оцепенели домовитые казаки перед Степаном, боялись приступиться к нему. Вспомнились вдруг все рассказы о нем, что может он превращаться в разных зверей, и летать под облаками, и проходить сквозь стены, и делать иные таинственные и неведомые вещи. И не знали казаки, что ждать можно от Стеньки — может первого подошедшего к нему убить и себя застрелить. Больно уж смел и дерзок он был, и никто из них не решался подойти к нему.

А Степан вернулся к себе в дом — из последних сил отстояли казаки от огня жилище своего батьки. Сидел молча один в горнице. Здесь-то и пришел к нему Корнило Яковлев. Уговаривал крестный отец Степана повиниться, добить челом великому государю; говорил тихо, ласково.

— Ты ведь свой нам, Степан, не то что эта голь перекатная, — и Корнило кивнул в окно. — И я за тебя просить великого государя буду, авось помилует. Только и сам ты должен просить милости, повиниться в своем воровстве. Я и грамоту из Москвы получил, отпускает тебе великий государь твои вины и желает видеть на Москве.

Слушал Степан Яковлева и верил и не верил ему; знал он, что давно уже изолгался Корнило, что ради атаманства своего, покойной жизни, денег, льгот разных, государевой милости продаст кого угодно, не побрезгует. И нет уже для него ничего святого, и давно уже продал он душу казацкую за сладкий кусок хлеба. Ласково говорил Яковлев, залезал в самую душу, просился на доверие.

Смутно было на душе у Разина. Кагальник взят домовитыми, все товарищи его перебиты, и ждать вроде больше нечего. Но почему не берут его? Может, не врет Корнило, может, пройдет беда мимо него и на этот раз? Ведь великую же шкоду учинил он всему государству Российскому четыре года назад, но отпустили же ему ви-

ны, побоялись тронуть. Может, и сейчас побоятся: ведь стоят еще за ним люди и по Волге, и по русским лесам.

Наступил новый день. Разин еще был на свободе. Он вышел из дома, прошел по сожженному городку, спустился к Дону, посмотрел на порубленные в щепы струги — его последнюю надежду, вернулся обратно. Издали следили за ним яковлевские приспешники, но подходить опасались.

И снова Разин сидел в своей горнице, а рядом лежали сабля и пистолет: не хотел Степан живым отдаваться в руки врагов своих, знал, что будут они жестоко пытать его и казнить страшной смертью. А дом тайно окружали домовитые казаки, подвигались со всех сторон, а потом разом кинулись в двери, ударили в окна, успел только Степан выстрелить раз, рубануть саблей по чьему-то телу, как навалились на него со всех сторон, стали хватать за руки. Но еще много силы было в Разине, двинул он плечами, посыпались от него казаки и тут же молча бросились снова на него, упали под ноги, сбили на пол. Крутился Степан между ними, кого кулаком доставал, кого ногой, но уже придавили его к полу, насели сверху и тут же резанули руки железным ужом, закрутили, связали...

Разина привезли в Черкасск, заковали в тяжелые ручные и ножные кандалы и держали его под крепким караулом. Но уже больше не порывался Степан к драке, бегству или подговору людей, сидел смирно, собирался с силами. Наступал для него самый главный час в жизни: должен он встретиться теперь с врагами своими один против великого их множества, и должен он устоять, не сломиться, иначе что же он тогда был за атаман, что за заступник для черных людей? Думал Разин, собирался с духом.

А по всей России шли вести из города в город и до самой Москвы о пленении Разина. Писал об этом Корнило Яковлев к Григорию Ромодановскому и в приказ Казанского дворца, а Ромодановский рассылал уже гонцов по городам, и шли грамоты об этом из приказа Казанского дворца полковым и городовым воеводам. Слал великий государь грамоты Ромодановскому и Яковлеву, чтобы держали они Стеньку крепко и везли к Москве с великим бережением и опаской.

В тот же день, как получил царь Алексей Михайлович вести о захвате Разина, в первый раз за долгие месяцы вздохнул свободно. И тогда же приказал отслужить бла-

годарственный молебен во всех московских церквах, и сам был царь у молебна в домовой кремлевской церкви и говорил со слезой речь к чадам и слугам своим о том, как помиловал их всех господь и смирил воров. И весь день ходил Алексей Михайлович просветленный и радостный.

Десять дней просидел Разин под стражей в Черкасске, а 24 апреля вывели его из тюрьмы, посадили на телегу. Сюда же привели и Фрола, посадили рядом с братом. Фрол был бледен и напуган, отворачивал глаза в сторону, не смотрел ни на врагов своих, ни на брата. А Степан спокойно посматривал кругом, и не выдерживали домовитые его пристального, насмешливого взгляда. С ворчанием отводили глаза от Степанова лица.

24 апреля повезли Степана и Фрола в Москву. Несколько сот казаков взял с собой Корнило для охраны, опасался, что будут освобождать в пути Разина его товарищи из верховых городков или с Хопра.

Но все обошлось. Спокойно дошли до Курска, а там встретили полковника Косагова с рейтарами и драгунами, посланными наскоро Ромодановским навстречу.

Везли братьев Разиных, и чуть не каждый день ссылались грамотами воеводы с Москвой: где идет Корнило, сколько с ним людей и как везти вора лучше. Как только ушел Яковлев из Курска, пришла к нему грамота от царя, присланная с сотником московских стрельцов, и говорилось в грамоте, чтобы вез Корнило братьев Разиных на Серпухов, а в Серпухове надлежало ждать его, великого государя, указа.

А навстречу Яковлеву в Серпухов для береженья послана была сотня московских стрельцов, а в прибавку к ней поставлены по станам от Серпухова к Москве стрелецкие заставы. И еще строго наказывалось в грамоте: «Однолично б у тех воров сторо́жа была самая крепкая, чтоб те воры в дороге и на станах сами они над собою какова дурна не учинили и до Москвы б довесть их вцеле, и никого к ним припускать не велел...»

23. НАЧАЛО

Погиб Разин. Кончалась великая Крестьянская война в России. Еще держались Самара, Саратов, Царицын, Астрахань, но ползли уже вдоль Волги государевы полки, шел на Астрахань лютый воевода Одоевский; еще от-

бивались в тамбовских и шацких лесах от Бутурлина местные крестьяне, но уже со всех сторон окружали их стрельцы; еще стояли разинские сотни на Хопре и Северском Донце, но уже шли на них, с одной стороны, домовитые казаки, с другой — полк Григория Косагова. Приносили присягу на верность великому государю черкасские казаки, добивали челом мятежные города. И утишалась вся русская земля.

Но недолгим оказалось это замирение. Проходили дни, и новые бунты начинали множиться на Руси.

И уже угрожает через год на Дону новым восстанием казак Иван Карамышев. И объявился через два года в разных местах неведомый человек, называющий себя царевичем Семеном Алексеевичем. Звал царевич простых людей подниматься против бояр и воевод. И в 1675 году хотели донские казаки по слову разинских товарищей идти снова на Волгу.

Казнили Карамышева, четвертовали самозванного царевича Семена, били дубьем люди Корнилы Яковлева воровских заводчиков на Дону, а мятеж не утихал, и не смирялись бунташные люди. Били крестьяне сыскные отряды, отказывались платить подати и налоги, поднимались против приказчиков, бунтовали против барщины, портили господское добро; самые же дерзкие уходили в леса и оттуда нападали на своих врагов.

Не утихала и голутва на Дону, слушала рассказы разинских друзей о вольных и свободных днях, загоралась. То здесь, то там вдруг находились казаки, которые звали голутву отлить домовитым всю кровь Степана Разина.

Проходили годы, но не забывалась война. Слух о ней передавался от человека к человеку, будил думы людей, и снова они радостно переживали славу Степана Разина, горевали из-за его поражений и неудач. И никто не хотел верить, что нет уже в живых самого Степана. Шел в народе слух, что ушел он в последний час от руки палача, что подменили его, казнили другого человека, а сам Степан Тимофеевич скрывается до времени, а настанет срок и подаст он знамение, и вновь пойдут против бояр и воевод все черные, нищие и убогие люди добывать волю. И теплилась в этих слухах сладкая мечта, и тешили себя люди, верили и не верили в свое возможное счастье. И уже кто-то видел Степана, разговаривал с ним. Кидались на рассказчика царские соглядатаи, хватали, тащили на расспрос и расправу, но не утихала славная молва о Ра-

зине, лишь множилась. И уже слагали в народе песни о Степане и его товарищах, и был в этих песнях Степан как живой — грозный и ласковый, упрямый и своевольный, веселый и хмурый. А главное — жил он в них народным заступником, каким и остался на долгие годы в мыслях всех черных людей. Стоял перед глазами всей черни Степан Тимофеевич Разин живой, вспоминались его дела и каждое слово, сказанное в защиту простого человека. И всюду виделись людям места, по которым шел Степан со своими товарищами. По всему Поволжью, по глухим лесным местам и надречным ярам, по городам и селам находились следы народного атамана: здесь он стоял табором, а здесь рубил воеводу, здесь бросил в ярости свою шапку оземь, а здесь привечал бедных и убогих, одаривал их деньгами и рухлядью. И не беда, что никогда сам Разин не доходил до этих мест, главное, что был он рядом, бился неподалеку с насильниками и кровопийцами, а где точно стоял его стан, это один бог знает: раз говорят люди, значит, так и было.

Забывались годы, и забывались люди. И много проходило перед глазами народа атаманов и заступников, но ни о ком так долго и прочно не помнил народ, как о Степане Разине. Уж не потому ли, что сам он был близок простым людям, как никто другой, и воевал, и куражился, и горевал, и веселился точно так же, как они, и хоть стоял он над ними, но был их плотью и кровью, и предстал перед сирыми и убогими родным, грозным и справедливым правителем, о каком они мечтали долгими веками. Потому и любили, потому и прощали многое, потому и запомнили на последующие века.

И был конец для Разина и великой войны. И было то начало для новой его жизни среди народа, и несли люди на крыльях мечты своей слово и дело его.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. РАЗИНА

Ок. 1630 — Родился.
1667—1671 — Крестьянская война под предводительством С. Разина.
1652 — Первое упоминание в источниках о С. Разине.
1663 — Битва при Молочных Водах, в которой С. Разин впервые руководил казаками как атаман.
1667, май — Начало восстания С. Разина.
1667—1669 — Волжско-Каспийский (Персидский) поход.
1670, май — Начало второго похода С. Разина.
1670, 24 июня — Взятие Астрахани.
1670, 4 сентября — 4 октября — Осада Симбирска.
1671, 14 апреля — Пленение С. Разина в Кагальницком городке.
1671, 6 июня — Казнь С. Разина в Москве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 52, 208.

Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7.

К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, гл. VII, стр. 203—217.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Альянс и Международное товарищество рабочих. Альянс в России. Соч., т. 18, стр. 391—394.

К. Маркс, Стенька Разин. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 104—125.

В. И. Ленин, Речь с Лобного места на открытии памятника Степану Разину. ПСС, т. 38, стр. 32.

В. И. Ленин, К деревенской бедноте. ПСС, т. 7, стр. 193—200.

В. И. Лебедев, Крестьянская война под предводительством С. Разина. М., 1955.

А. Г. Маньков, Крестьянская война 1667—1671 гг. Сборник «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.». М.—Л., 1966.

И. В. Степанов, Крестьянская война 1670—1671 гг. Восстание Степана Разина, т. 1. Л., 1966.

В. И. Буганов, Степан Тимофеевич Разин. Журнал «История СССР», 1971, № 2.

Сборник документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I. М., 1954; т. II чч. I, II. М., 1957—1959; т. III. М., 1962.

«Записки иностранцев о восстании Степана Разина». Л., 1968.

Н. Костомаров, Бунт Стеньки Разина. СПб, 1859.

«Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской губернии о Стеньке Разине». Саратов, 1902.

СОДЕРЖАНИЕ

Сахаров А. Н.

С22 Степан Разин (Хроника XVII века). М., «Молодая гвардия», 1973.

320 с., с илл. («Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Вып. 1 (522). 150 000 экз.

Личность Степана Разина всегда привлекала внимание многих художников, писателей, музыкантов. О Степане Разине сложены легенды, написаны романы и повести, поставлены кинофильмы.

Книга историка и публициста Андрея Сахарова воссоздает атмосферу того времени, когда жил и действовал Степан Разин, повествует о первых шагах на дипломатическом и военном поприще, которые были сделаны Разиным. Основываясь на новейших документальных материалах, используя сохранившиеся народные песни и рассказы о Степане Разине, автор показывает незаурядный характер крестьянского вожака, его организаторский талант, мужество и отвагу, ненависть к угнетателям — те качества, которые способствовали выдвижению Разина в руководители широкого крестьянского восстания

7—2
357—72 9(С)13

Сахаров Андрей Николаевич
СТЕПАН РАЗИН

Редактор *С. Семанов*
Мл. редактор *И. Филиппова*
Серийная обложка художника *Ю. Арндта*
Рисунки *И. Ушакова*
Художественный редактор *А. Степанова*
Технический редактор *Н. Михайловская*
Корректоры *З. Федорова, А. Долидзе*

Сдано в набор 11/VII 1972 г. Подписано к печати 17/I 1973 г. А00620. Формат 84×108 1/32. Бумага № 2. Печ. л. 10 (усл. 16,8) + 17 вкл. Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 150 000 экз. Цена 84 коп. Т. П. 1972 г. № 357. Заказ 1158.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сущевская, 21.

)ло-

ей».

ногих
ы ле-

атмо-
ствует
торые
льных
сказы
стьян-
нена-
выдви-
ия

9(С)13

Формат
л. 19,4.

дательст-

84 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЖЗЛ
СТЕПАН РАЗИН
А. Сахаров